

2078-8975 (PRINT)
2078-8983 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State
University

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta

ТОМ 24 № 1
2022

Вестник Кемеровского государственного университета = The Bulletin of Kemerovo State University

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.

Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История»
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History
vasutin2012@list.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология»
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary Studies
tatianakuznetsova86@mail.ru

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Andrey V. Seryu, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey A. Vasyutin, Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Alexander E. Anikin, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladimir V. Bobrov, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).
Galina A. Zhilicheva, Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Vasily P. Zinoviev, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).
Yuriy V. Kobenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).
Vladimir N. Kolotov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера (Эксетер, Великобритания).
Ekaterina Kolpinskaya, PhD in Politics, Cand.Sci. (Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Ilya V. Kuznetsov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Oleg V. Lukyanov, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Galina I. Lushnikova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalia V. Melnik, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Natalya V. Nalegach, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sci.(Hist.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Пелех Юрий Владимирович

dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University
(Czestochowa, Poland).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Институт иностранных
языков (Санкт-Петербург, Россия).
Marina V. Pimenova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Institute
of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Sergey G. Proskurin, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Zoya I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).
Svetlana V. Rudakova, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).
Vladimir P. Serkin, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher
School of Economics (Moscow, Russia).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Oleg E. Terekhov, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Valeriy I. Tyupa, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State
University for the Humanities (Moscow, Russia).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Elena V. Khakhalkina, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof.
of Department for Continuing Education, University
of Oxford (Oxford, GB).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).
Alexander V. Shunkov, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo,
Russia).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D.(Hist.), Prof.,
Mongolian University of Science and Technology
(Ulan Bator, Mongolia).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).
Andrey V. Yurevich, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Corresponding Member of the RAS, Institute
of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sci.(Psychol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и Археология

Противодействие СССР британской экспансии в Сибиряке в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг.
Бармин В. А. 1
 Брекзит в оценках Джона Мейджора: перспективы для Великобритании
Менщикова Ю. В. 10
 Повестка ЕС в области миграции и развития в отношении стран АКТ: вызовы пандемии
Погорельская А. М. 18
 Политика Европейского союза на Южном Кавказе после карабахской войны 2020 г.
Юматов К. В. 26

Литературоведение

Шутка и ужас в самоидентификации лирического героя произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженые»
Аксенова А. А., Синегубова К. В. 35
 Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна
Кузнецов И. В. 42
 Семиотика поезда в русской литературе: интермедийный и метапоэтический аспекты
Муратова Н. А., Жиличева Г. А. 50
 Вагнерианский слой в поэзии И. Анненского
Налегач Н. В. 60
 Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект
Поселенова Е. Ю. 66
 Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека)
Рудакова С. В., Петров А. В. 73

Психология

Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения
Иванов М. С. 83
 К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений
Романова Е. А., Брель Е. Ю. 92
 Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи
Федотова В. А. 99
 Динамика баланса стресс-восстановления спортсменок-фигуристок в условиях реализации индивидуальных программ психологического сопровождения
Цехмейструк Е. А., Шалина Н. К., Козлова Н. В., Левицкая Т. Е. 106
 Психологические характеристики пациентов с инфарктом миокарда: от группы риска до реабилитации
Эльзессер А. С., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. 113

Языкознание

Дополнительные смыслы в значениях идиом с компонентом *тело человека*: контекст, семантика
Закирова А. А., Андреева М. И. 121
 Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе
Тихонова И. Б. 129
 О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка
Токмашев Д. М. 138

History & Archeology

Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934

Barmin V. A. 1

John Major's Assessments of Brexit: Prospects for the UK

Menshchikova Yu. V. 10

The EU Agenda on Migration and Development towards ACP countries: Challenges of the Pandemic

Pogorelskaya A. M. 18

European Union Policy in the South Caucasus after the Karabakh War of 2020

Yumatov K. V. 26

Literary Studies

Joke and Horror in the Self-Identity of the Lyrical Hero in *The Mummers*

by V. F. Khodasevich

Aksenova A. A., Sinegubova K. V. 35

Mythology of Myth as the Foundation of Postmodern Culture

Kuznetsov I. V. 42

Semiotics of the Train in Russian Literature: Intermedial and Metapoetical Aspects

Muratova N. A., Zhilicheva G. A. 50

The Wagnerian Layer in I. Annensky's Poetry

Nalegach N. V. 60

The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's *Poor Lisa*

Poselenova E. Yu. 66

Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man

Rudakova S. V., Petrov A. V. 73

Psychology

Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students

Ivanov M. S. 83

Socialization of Students and Teachers in the Digital Educational Environment in the Context of the Theory of Generations

Romanova E. A., Brel E. Yu. 92

Values as a Predictor of Political Trust and Readiness for Political Behavior among Russian Youth

Fedotova V. A. 99

Dynamics of the Stress-Recovery Balance of Figure Skaters in the Context of Individual Psychological Support Programmes

Tsehmeistruk E. A., Shalina N. K., Kozlova N. V., Levickaya T. E. 106

Psychological Profile of Patients with Myocardial Infarction: from Risk Group to Rehabilitation

Elzesser A. S., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. 113

Linguistics

Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics

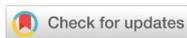
Zakirova A. A., Andreeva M. I. 121

Green Technology: Color Metaphor in Professional Discourse

Tikhonova I. B. 129

Status of Intervocalic [k:] and [t:] in the Phonological System of the Teleut Language

Tokmashev D. M. 138

оригинальная статья

Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг.

Бармин Валерий Анатольевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, г. Барнаул

valbarmin@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2022. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 21.02.2022.

Аннотация: Рассмотрены проблемы, связанные с развитием международных отношений в Центральной Азии в 1930-е гг. Предмет – взаимоотношения Англии и Советского Союза в период восстания коренных народов Синьцзяна против китайской администрации в 1931–1934 гг. Проведен анализ исследований, опубликованных в последние годы, и архивных источников, вновь выявленных и введенных в научный оборот. Сделан ряд выводов и заключений, которые дополняют и уточняют событийную картину противостояния Великобритании и России (Советского Союза) в регионе Центральной Азии. Отмечено, что Лондон предпринимал весьма серьезные и настойчивые попытки установления своего контроля над повстанческим движением, чтобы с его помощью вернуть в провинции утраченное в 1920-х гг. экономическое и отчасти политическое влияние. Однако встречные действия советского правительства в развернувшейся борьбе оказались не только более эффективными, но и окончательно лишили Англию сколько-нибудь серьезных перспектив деятельности в этом регионе. Подчеркивается, что противоборство Англии и СССР, развернувшееся в ходе восстания, его формы, методы и итоги отразились на всем комплексе международных отношений в Центральной Азии. Сама схватка стала, по сути, финальным эпизодом «Большой игры», который определил в дальнейшем преимущественное положение Советского Союза в этом регионе. При этом руководство СССР, вопреки мнению многих западных исследователей, никогда не ставило своей целью аннексию территории Синьцзяна. Материалы исследования могут быть использованы в обобщающих работах по истории международных отношений в Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Тюрко-Исламская Республика Восточного Туркестана, Синьцзян, повстанческое движение, уйгуры, дунгане, Великобритания, Советский Союз, соперничество

Цитирование: Бармин В. А. Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 1–9. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-1-9>

original article

Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934

Valery A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

valbarmin@mail.ru

Received 17 Jan 2022. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 21 Feb 2022.

Abstract: The article deals with the development of international relations in Central Asia in the 1930s. The research featured the relationship between England and the Soviet Union during the uprising of the indigenous peoples of Xinjiang against the Chinese administration in 1931–1934. The analysis involved recent publications and archival sources. The research clarifies the historical picture of the confrontation between Great Britain and the Soviet Union in Central Asia. London made persistent attempts to establish its control over the rebel movement in order to gain economic and political influence in the province, which it had lost in the 1920s. However, the reciprocal actions of the Soviet government proved effective and completely deprived Britain of any serious prospects in that region. The confrontation, its forms, methods, and results affected the entire complex of international relations in Central Asia. The conflict became the final episode of the Great Game, which later determined the predominant position of the Soviet Union in Central Asia. Contrary to the opinion of many western researchers, the USSR never intended to annex the territory of Xinjiang. The research summarizes the history of international relations in Central Asia.

Keywords: China, the Turkic-Islamic Republic of East Turkestan, Xinjiang, rebel movement, the Uighurs, the Dungans, Great Britain, the Soviet Union, rivalry

Citation: Barmin V. A. Soviet Opposition to British Expansion in Xinjiang Province during the Period of National Movement of Indigenous Peoples in 1931–1934. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 1–9. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-1-9>

Введение

Во второй половине XIX в. в результате встречного экспансионистского движения Англии и царской России их интересы столкнулись в Центральной Азии. История противостояния в этом регионе двух крупнейших империй мира (в период от середины XIX в. и до начала Первой мировой войны) изучена и в отечественной, и в зарубежной историографии сравнительно полно. Среди значительных исследований последних десятилетий, посвященных этому вопросу, можно назвать фундаментальную работу профессора Российского государственного гуманитарного университета Е. Ю. Сергеева «Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии» [1]; весьма содержательное исследование профессора Ташкентского государственного университета Г. А. Хидоятова «Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.)» [2]; публикацию известного британского историка Питера Хопкирка: «Большая игра: борьба за империю в Центральной Азии» [3] и ряд других.

Смещение интересов Британии в Азию было во многом определено потерей владений в Северной Америке. Именно после вынужденного ухода из Америки Лондон с нарастающей активностью начал осуществлять колонизацию «бриллианта в английской короне» – Индии. Этот процесс завершился к началу XIX в. захватом северных районов этой страны и выходом на границу с китайским Синьцзяном. Англичан не мог не заинтересовать рынок сопредельной густонаселенной и географически выгодно расположенной Кашгарии. «В свою очередь Россия установила торговые и дипломатические контакты с этим регионом еще в период существования Джунгарского ханства. После его превращения сначала в наместничество, а затем в провинцию Китая торговые связи между Россией и населявшими ее народами продолжали развиваться. Достаточно сказать, что уже к концу XIX века на долю России приходилось более 75 % внешнеторгового оборота провинции» [4, с. 346]. Таким образом, Синьцзян в сложившейся ситуации стал одним из плацдармов противостояния Англии и России в Центральной Азии.

Противоборство двух государств, получившее в истории название «Большая игра», имело продолжение и после завершения Первой мировой войны. Претерпев определенные изменения в связи с радикальными трансформациями, произошедшими в результате Октябрьской революции и смены общественно-политического строя в России, противоборство вышло на новый этап в 1920–1930-е гг. При этом значительную роль в «Большой игре» теперь стал играть именно Синьцзян. Например, в Лондоне достаточно серьезно прорабатывался план распространения влияния Британии на всю Центральную Азию «с намерением

создать марионеточную "Великую Тибетскую империю" в составе Тибета, Синьцзяна и Ганьсу во главе с индийским принцем» [5, с. 184].

В борьбе за установление контроля над этим важным в геостратегическом и экономическом отношении регионом и Англия, и Советский Союз стали активно использовать национальные движения коренных народов, борющихся против колониального режима гоминдановского Китая за создание собственной государственности. Одновременно обеими сторонами применялись энергичные меры, направленные на усиление своего влияния на китайскую администрацию провинции.

Одним из наиболее значимых этапов в реализации этой тактики стала деятельность сторон в ходе мощного повстанческого движения мусульманских народов провинции в 1931–1934 гг. Следует отметить, что события, связанные с противостоянием Англии и СССР в ходе этого восстания, в отличие от активной фазы «Большой игры» XIX – начала XX в., имеют довольно скромную историографию и изучены, на наш взгляд, неудовлетворительно. В основном они нашли отражение в виде отдельных сюжетов и эпизодов, включенных в работы, посвященные сопредельным проблемам или более масштабным темам. Так, отдельные разделы, касающиеся этих вопросов, присутствуют в работе автора настоящей статьи «Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза)» [6]; монографии профессора Института Востоковедения РАН Е. Н. Наземцевой «Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.)» [7]; исследовании профессора К. Л. Сыроежкина «Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана» [8]; в шеститомном академическом издании авторского коллектива «Очерки истории российской внешней разведки» [9] и некоторых других. Однако многие важные факты, свидетельствующие о влиянии противоборства Англии и СССР в ходе восстания 1931–1934 гг. на весь ход исторического развития региона Центральной Азии, до настоящего времени остаются за рамками интереса и работ историков. Данное обстоятельство, а также то, что в последние годы для исследователей стали доступны ранее закрытые источники, определяют необходимость нового обращения к заявленной теме.

Противостояние Великобритании и России (Советского Союза) в Синьцзяне

Соперничество двух империй в этом регионе охватывало все форматы дипломатического, экономического и геополитического характера и было достаточно жестким. Однако противоборствующие стороны сумели избе-

жать прямого военного столкновения, поскольку «творцы колониальной политики были вынуждены мириться с реальностями, полагая, что война ослабит державы, что повлечет катастрофические последствия для их господства в этом политически нестабильном районе Азии» [10, с. 101].

В то же время вопрос установления и сохранения политической и экономической доминанты в Синьцзяне для обеих сторон усложнялся крайне напряженной внутривосточной ситуацией в провинции. Территория Синьцзяна была захвачена цинским Китаем во второй половине XVIII в. в ходе разгрома Джунгарского ханства и кровавого покорения входивших в его состав народов. Более 100 лет захваченная территория носила статус наместничества и была преобразована в провинцию только в 1884 г. При этом колонизация региона сопровождалась исключительным насилием и огромным количеством жертв среди коренного населения. Разрушительные военные действия сменились установлением чрезвычайных налоговых тягот, оскорбительным отношением китайской администрации к обычаям, традициям и духовной жизни народов, в основной массе исповедовавших ислам. Эти обстоятельства вызывали постоянные протесты, часто переходившие в масштабные восстания доведенных до отчаяния людей. Результатом некоторых таких восстаний являлось изгнание китайцев из отдельных областей провинции и даже создание повстанцами непризнанных государственных образований. Так, например, произошло в период восстания неханьских народов Синьцзяна против китайской колониальной администрации в 1864–1877 гг., когда повстанцы создали уйгурское государство Йэйтишар (Семиградье), просуществовавшее несколько лет [11; 12].

Вполне понятно, что и Англия, и Россия пытались использовать внутривосточные проблемы провинции в своих интересах. Англичане, например, предпринимали очень активные попытки установления своего контроля над деятельностью лидера повстанческого движения и правителя Йэйтишара, кокандского узбека Якуб-бека. Они ревниво следили за действиями России и «ни в коем случае не хотели допустить усиления влияния последней на Якуб-бека» [11, с. 34]. Но в 1877 г. государство Якуб-бека было разгромлено экспедиционным корпусом китайской армии под руководством известного политического и военного деятеля Китая Цзо Цзунтана. Это обстоятельство разрушило планы англичан, направленные на усиление влияния в провинции. Интересно то, что Цзо Цзунтан в ходе развернувшейся накануне «западного похода» дискуссии относительно целесообразности войсковой операции против Йэйтишара настаивал именно на военных действиях. Он был убежден, что отказ от военного похода «явится первым шагом к преобладанию иностранных держав в Центральной Азии» [цит. по: 13, с. 126]. Нет сомнения, что Цзо Цзунтан имел в виду Англию и Россию.

В это же время целый ряд объективных обстоятельств способствовал более успешной деятельности российской

стороны. Они определялись прежде всего тем, что на территории среднеазиатских окраин Российской империи, граничивших с провинцией, проживали этнически родственные коренному населению Синьцзяна народы. Единая культура, обычаи, традиции, вероисповедание, родственные связи значительно облегчали развитие торгово-экономических отношений и, как следствие, рост политического влияния России в сопредельном регионе. Рост этого влияния использовался «против английского проникновения в Центральную Азию. В конечном счете, Россия оказалась в выигрыше от гибели государства Якуб-бека» [14, с. 162].

Первая мировая война, события революций 1917 г. и последовавшая затем разрушительная Гражданская война привели к практическому уходу российского капитала из Синьцзяна. До начала 1920-х гг. торгово-экономические операции сторон носили эпизодический характер и представляли собой разовые закупки товаров, осуществлявшиеся отдельными синьцзянскими купцами в России. В это же время с российской стороны в провинции работали эмиссары армий белого движения и представители большевистских властей.

Сложившейся ситуацией в полной мере воспользовались торговые компании ряда европейских стран и, разумеется, Англии. Последняя, «по существу захватившая в рассматриваемый период Кашгарский рынок и усилившая влияние на местного даоиня (гражданского губернатора округа)» [15, с. 74], активно использовала, помимо прочего, для укрепления своих позиций в Синьцзяне басмаческое движение, развернувшееся в сопредельном советском Туркестане. Помощь басмачам оказывалась оружием, деньгами и засылкой в их отряды инструкторов. Так, только в феврале 1919 г. английский консул в Кашгаре, полковник Эссергон, «передал через бывшего царского консула А. И. Успенского для басмаческих курбаши 100 тысяч рублей» [16, с. 283]. Всесторонняя поддержка англичанами этого мощного антисоветского движения очень серьезно мешала нормализации торгово-экономических связей молодого советского государства с провинцией. В результате значительная часть товарного рынка провинции, особенно в ее южных округах, вплоть до начала 1920-х гг. была заполнена именно английскими промышленными товарами и продуктами. Однако уже к середине 1920-х гг. ситуация на рынках провинции стала быстро меняться в пользу товаров и фабрикатов, поступающих из СССР. Вслед за этим начал меняться и вектор политических ориентиров правящих кругов провинции.

Завершение гражданского противостояния в России, укрепление советской власти, восстановление экономики и взвешенные дипломатические шаги советского руководства позволили уже в мае 1924 г. восстановить дипломатические отношения между Советским Союзом и Китайской Республикой, прерванные в 1918 г. Нормализация дипломатических отношений двух государств оказала в свою очередь весьма позитивное влияние на быстрое восстановление всесторонних связей Москвы и Синьцзяна. Уже в октябре 1924 г. СССР открыл свои консульства в Урумчи, Кашгаре,

Кульдже, Чугучаке и на Алтае. В это же время Китай учредил консульства в Ташкенте, Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане и Андижане¹. Необходимо подчеркнуть, что Англия имела в Синьцзяне только одно консульство, открытое в 1890 г. в Кашгаре. И несмотря на настойчивые просьбы Лондона учредить свое консульство в столице Синьцзяна – Урумчи, китайская сторона в этой просьбе постоянно отказывалась.

К концу 1920-х гг. Советский Союз вытеснил с товарного рынка провинции всех иностранных конкурентов, в том числе и англичан, которые доминировали в Кашгаре. Советское консульство в Кашгаре сообщало по этому поводу: «все попытки иностранного капитала "захватить" кашгарский рынок, даже при прямом содействии китайских властей, окончились чрезвычайно неудачно. Стоило только в 1925 году появиться в Кашгаре представителям наших хозяйственных организаций, как фирма "Фауст" приступила к ликвидации своего дела, другая фирма "Бр.[атъя] Бренер" – также накануне ликвидации своего дела в Кашгаре»². В это же время советское консульство в Чугучаке информировало Москву, что «доставленная Внешторгом и акционерным обществом "Шерсть" мануфактура идет во всех районах нарасхват, и все английское, американское и японское остается лежать на полках. Наши товары идут за сырьем как валюта»³. Отвоєванные у иностранных фирм позиции заняли советские торговые организации: Шерсть, Всесоюзный текстильный синдикат, Нефтесиндикат, Сахаротрест и др. Газета «Казахстанская Правда», отмечая успехи СССР в области экономического сотрудничества с Синьцзяном, писала, что здесь «достаточно твердо развивается спрос на советские товары, даже со стороны китайских фирм в Урумчи, которые являются представителями торговых домов Восточного Китая»⁴.

Повстанческое движение коренных народов провинции

Активное торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом способствовало позитивным переменам в экономике самой провинции. Но наиболее болезненная область внутривластного климата в провинции становилась все более напряженной. Противостояние коренного населения провинции и китайской колониальной администрации к началу 1930-х гг. в очередной раз достигло критической точки. Деятельность администрации по отношению к коренным народам буквально провоцировала последних на вооруженное сопротивление. Давая оценку сложившейся в провинции ситуации, ученые и партийные работники, входившие в Группу по изучению национального вопроса

в Китае, работавшую при Коммунистической Академии, сообщали в 1931 г. в своей записке: «Вполне обычны случаи прямого истребления населения инонационалов даже тогда, когда их поведение не давало к этому никаких поводов». Такое отношение к местному населению китайцы объясняли тем, что «они по натуре буйны и несговорчивы... Они подобны собакам и кошкам и стоят вне пределов цивилизации. <...> ... переход к состоянию цивилизации в представлении китайского крепостника связывался, прежде всего, с полной выдачей себя в его руки и лишением земельной собственности. В итоге... значительная часть инонационалов истреблялась»⁵. Растущее напряжение разразилось мощным повстанческим движением коренных народов провинции в апреле 1931 г.

Основной движущей силой восстания на первом этапе являлись отряды, сформированные уйгурами. Однако вскоре к движению примкнули казахи, узбеки, монголы, киргизы и другие народы Синьцзяна. В результате оно приобрело всенародный характер. Вместе с тем после первых кратковременных успехов отряды повстанцев, плохо вооруженные и слабо организованные, стали терпеть поражения от дислоцированных в провинции регулярных частей китайской армии.

В сложившейся ситуации руководители повстанческого движения обратились за помощью и поддержкой к своим единоверцам – дунганам, большая часть которых проживала в соседней провинции – Ганьсу. На этот призыв откликнулся молодой и весьма амбициозный генерал Ма Чжуньин. В начале июня 1931 г. в провинцию прибыла возглавляемая им обученная и хорошо вооруженная бригада, укомплектованная дунганскими. Прибытие этой бригады послужило своеобразным сигналом к активному вливанию в отряды повстанцев дунган, проживающих в Синьцзяне. В результате Ма Чжуньин в сложившихся обстоятельствах оказался в роли лидера всего движения [17, с. 115].

Появление в рядах повстанцев имеющего боевой опыт командующего и его подразделения серьезно изменили ситуацию на фронтах и помогли избежать надвигавшегося поражения. Важным обстоятельством во вновь сложившейся ситуации явилось то, что Ма Чжуньин получил устное обещание Чан Кайши передать ему должность губернатора в Синьцзяне в том случае, если он сумеет установить над ней контроль [18, с. 130]. Тем не менее в течение 1931–1932 гг. ни одна из противоборствующих сторон не смогла добиться в боевых действиях серьезного успеха. Изменения в сложившейся ситуации произошли только зимой 1932/1933, когда на помощь повстанцам из Ганьсу прибыло еще одно хорошо

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100-в. Оп. 4. П. 1. Д. 4. Л. 59.

² АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 162.

³ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 7. П. 107. Д. 4. Л. 157.

⁴ Казахстанская Правда. 23.05.1932. № 116 (2284).

⁵ От группы по изучению национального вопроса в Китае. *Проблемы Китая. (Записки института) Научно-исследовательский институт по Китаю при Коммунистической Академии.* 1931. № 8-9(3-4). С. 231.

вооруженное и укомплектованное обученными солдатами-дунганцами подразделение – полк Цзаолу. После его прибытия повстанцам удалось осадить столицу провинции – город Урумчи. В результате положение китайской администрации стало настолько угрожающим, что было принято решение призвать на службу проживающих в провинции бывших белогвардейцев. Они оказались здесь после отступления на китайскую территорию разбитых колчаковских армий под командованием атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова, Семиреченского казачьего войска атамана Б. В. Анненкова и командира корпуса генерала А. С. Бакича⁶. Однако еще до этого весьма неординарного шага, летом 1931 г., руководство провинции обратилось к советскому правительству с просьбой оказать ему помощь в борьбе с повстанческим движением оружием и авиацией.

В Москве внимательно следили за развитием ситуации в провинции с момента начала восстания, и просьба китайцев не была для И. В. Сталина и его окружения неожиданной. В то же время сама постановка вопроса о возможной помощи в подавлении национально-освободительного движения, которое большевиками всегда рассматривалось как часть мирового революционного движения, вызвала у многих деятелей в партийном руководстве, и прежде всего в Коминтерне, неприятие и острую дискуссию. Так, Восточный комитет Коминтерна направил в Политбюро ЦК ВКП(б) специальное письмо, в котором подчеркивалось, что «подавление национально-освободительного движения уйгур с помощью нашего оружия с последующим кровавым террором не может не нанести ущерб национально-освободительному движению в целом и способствовать еще большей консолидации контрреволюционных сил и расширению антисоветской базы в Синьцзяне»⁷. В это же время представитель Коминтерна в Ташкенте телеграфировал своему руководству, что «тов. Бауман [*прим. автора* – секретарь Среднеазиатского бюро ВКП(б)] считает, что движение носит характер национально-освободительный, поэтому мы должны помочь движению»⁸.

Однако доводы противников об оказании помощи китайской администрации столкнулись с весьма прагматической и жесткой позицией И. В. Сталина и правительства. Руководитель СССР и его окружение исходили в своих решениях и действиях из того, что «Синьцзян является одним из важнейших сырьевых рынков для нашей промышленности» и потеря этого рынка в условиях затянувшегося хаоса в провинции самым негативным образом отразится на ситуации в экономике СССР. Поэтому советское государство заинтересовано в «сохранении "статус-кво"

в Синьцзяне»⁹. В отличие от партийных теоретиков люди, сидевшие в это время в правительственных кабинетах Кремля, строили свою позицию в отношении событий, разворачивавшихся в провинции, на понимании того, что «естественные богатства Синьцзяна настолько велики и грандиозны, что необходимо предпринять ряд специальных мер для эксплуатации этих богатств»¹⁰. Эта позиция во многом определила то, что уже с середины 1931 г. «Советский Союз начал осуществлять поставки оружия, военной техники и отправлять в Синьцзян своих инструкторов» [19, с. 252].

Вместе с тем решение советского руководства оказать китайской администрации помощь в подавлении повстанческого движения определялось и еще одним весьма важным фактором. Синьцзян по-прежнему оставался районом, где «помимо отношений между двумя государствами – СССР и Китаем – в политике в этом регионе приходилось учитывать деятельность целого ряда третьих стран, которые стремились проникнуть сюда и играть здесь свою возрастающую роль» [20, с. 107]. Начавшееся восстание во многом активизировало процесс этого проникновения. Ведущую роль в нем по-прежнему играла Англия, однако, нарастающую активность в провинции стала проявлять и милитаристская Япония, захватившая к этому времени Маньчжурию. Японский исследователь, профессор университета Тохоку К. Тэраяма откровенно пишет, что «Маньчжурский инцидент 1931 г. заставил советское руководство особо говорить о Японии как об активной политической силе в Центральной Азии» [21, с. 227].

Следует отметить, что сотрудники советских дипломатических представительств и спецорганы постоянно информировали Москву о нарастающей активности Англии, Японии и других стран в провинции. В частности, в одном из таких документов отмечалось, что «Синьцзян был и остается важным звеном в политике Англии в Центральной Азии, политике, направленной на то, чтобы соединить Индию с долиной Янцзы – сферой наибольших интересов Англии в Китае. <... > Хамийские события в Синьцзяне, показавшие возможность использовать массы, идущие за реакционным руководством в своих империалистических целях, все это активизировало английскую политику в Синьцзяне»¹¹. Даже представитель Коминтерна в Ташкенте, Дорф, в приведенном выше письме, ратуя в целом за поддержку повстанческого движения, посчитал необходимым указать на «значительное усиление и активизацию деятельности англичан в Синьцзяне, носящую исключительно антисоветский характер». Он подчеркивал,

⁶ Более подробно см. [7].

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 30.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 27–28.

⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2209. Л. 1–10.

¹⁰ АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 259.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 328. Л. 217.

что англичане поддерживают в провинции национальные контрреволюционные организации, имеющие «обширную базу в Синьцзяне среди местных феодальных слоев и чиновничества». Кроме того, автор указывал в своем письме, что «англофильские элементы в правительстве в последнее время укрепили свое влияние и систематически толкают правительство провинции на антисоветские действия»¹².

Действия Англии в Синьцзяне носили столь откровенный характер, что это находило отражение даже в буржуазной прессе. Французская «Эр Нувель» в номере от 8 апреля 1934 г. в статье «О положении в Синьцзяне» указывала на «закулисные пружины» событий в Китайском Туркестане (Синьцзяне) и поясняла, что «Синьцзян находится в непосредственной близости от Тибета и Афганистана, которые Англия рассматривает как заповедные зоны для своей экспансии». Далее газета напоминала, что «события в Маньчжурии начались таким же образом», проводя очевидную параллель между «движением независимости» в Маньчжурии и в Синьцзяне, «инспирированным заинтересованными державами»¹³. В это же время корреспондент турецкой газеты «Вақыт» сообщал с места событий, что «интриги Японии и Англии в Синьцзяне направлены против СССР» и что «Англия для осуществления своих планов в Синьцзяне израсходовала полмиллиона рупий»¹⁴.

Вполне понятно, что руководство Советского Союза в сложившейся ситуации не могло оставаться равнодушным к действиям Англии. В провинцию были увеличены поставки оружия, а на повестку дня встал вопрос о скорейшем прекращении боевых действий противоборствующих сторон. В частности, специально созданная решением Политбюро ЦК ВКП(б) межведомственная комиссия, которой было поручено выработать «Общие принципы политики СССР в отношении Синьцзяна», в третьем пункте своих рекомендаций советовала «В первую очередь считать необходимым оказать урумчинскому правительству активную поддержку для разгрома Ма Чжунъина и др. дунганских отрядов, представляющих собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской деятельности» [цит по: 22, с. 31–32].

Очевидная неспособность справиться с повстанческим движением действующего правительства провинции и ее губернатора Цзинь Шуженя привела к правительственному перевороту, основной силой которого выступили руководители подразделений, сформированных из бывших белогвардейцев. 12 апреля 1933 г. Цзинь Шужень был устранил от власти и бежал из провинции, а «к власти в крае пришел командующий правительственными войсками генерал Шен Шицай» [22, с. 27]. Новый губернатор позиционировал себя как приверженца марксизма и сторонника теснейшего

союза с СССР. Однако на деле он «не имел сколько-нибудь твердых политических убеждений, хотя и утверждал, что уже в 20-х годах "верил в марксизм"» [23, с. 362]. Тем не менее генерал хорошо осознавал, что попытки решить проблему протестного движения коренных народов провинции только военными методами обречены на провал. Поэтому он охотно принял рекомендации сотрудников советского консульства о формировании программы реформ, которые снимали бы наиболее болезненные вопросы общественно-политического и социально-экономического положения народов провинции. В результате при активном содействии советников из числа консульских работников были сформулированы и провозглашены «Шесть основных принципов политики» нового правительства Синьцзяна, которые носили программный характер. Они декларировали «борьбу с империализмом, дружбу с СССР, расовое и национальное равенство, борьбу со своеволием и взяточничеством, борьбу за мир и создание новой экономики»¹⁵ [24, р. 105].

Обнародование «шести принципов» и формирование на основе этого документа программы деятельности правительства весьма существенно повлияли на снижение напряженной обстановки в провинции. Причем эта декларация работала и на авторитет Шен Шицай, и на формирование позитивного отношения населения к советскому государству. Известный американский китаевед О. Латтимор писал по этому поводу: «Русские ... одобрительно относились к его [прим. автора – Шен Шицай] программе демократических преобразований, что поднимало его престиж среди некитайского населения провинции» [25, р. 80]. Однако при этом большинство западных исследователей, как и сам О. Латтимор, оценивали позицию СССР в борьбе с влиянием Англии и других государств в период восстания 1931–1934 гг. исключительно как империалистическую, ставящую своей целью захват и аннексию этого региона [26–28]. Интересно, что и Чан Кайши в своей работе мемуарного характера «Советская Россия в Китае», касаясь событий в Синьцзяне, пишет, что СССР «подготавливал захват Синьцзяна» [29, с. 125]. Однако генералиссимус предпочитает не говорить о позиции и устремлениях Англии.

Приход к власти в провинции генерала Шен Шицай и начало его практической деятельности по реализации заявленных реформ послужили снижению напряженности и примирению с правительством Синьцзяна части повстанцев во главе с одним из наиболее авторитетных лидеров – уйгуром Ходжа Ниязом. Однако отряды во главе с Ма Чжунъином продолжали вести активные боевые действия против правительственных войск. При этом Ма Чжунъин отказывался от поисков компромиссов и заключения перемирия.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 27

¹³ АВП РФ. Ф. II. Реферантура по Китаю. Оп. 18. П. 40. Д. 32. Л. 35.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 2-й ВО – Реферантура по Синьцзяну. Оп. 13. П. 24. Д. 39. Л. 2.

¹⁵ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Ситуация еще более обострилась после того, как в Хотане начала проявлять активность Тюрко-Исламская республика Восточного Туркестана (ТИРВТ), провозглашенная 12 ноября 1933 г. Уйгурским комитетом за национальную революцию. Премьером правительства ТИРВТ стал пантюркист Сабит Домулла. Руководитель самопровозглашенной республики не только не скрывал своего англофильства, но и призывал английское правительство взять ТИРВТ под свой протекторат. В письме, направленном правительством этой республики британскому консулу в Кашгаре, Томсон-Гловеру, заявлялось: «Мы всегда готовы наряду с другими находиться под тенью великого британского правительства и будем стремиться прервать связь с большевиками» [цит. по: 6]. Это письмо является наглядной картиной тех радужных перспектив, которые могли получить англичане в случае достижения своих целей, прежде всего решения задачи установления контроля над повстанческим движением.

Однако на деле попытки руководителей ТИРВТ заручиться поддержкой Англии, ставшие известными Москве, вызвали совершенно понятную ответную реакцию. Советское руководство в сложившихся условиях решило оказать китайской администрации прямую военную поддержку, которая позволила бы в кратчайшие сроки подавить все очаги продолжавшегося протестного движения. В Синьцзян 7 ноября 1933 г. была направлена т. н. Алтайская добровольческая армия, «сформированная из военнослужащих 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ, обмундированная в белогвардейскую форму, усиленная несколькими бронемашинами и авиацией» [22, с. 37]. В результате в ходе развернувшихся боев к апрелю 1934 г. основные очаги сопротивления повстанцев были подавлены. При этом войска Ма Чжуньина, отступавшие под ударами Алтайской добровольческой армии и оказавшиеся в начале 1934 г. в столице ТИРВТ, Кашгаре, просто разогнали правительство этой республики, после чего она прекратила свое существование [18, с. 38]. Крушение ТИРВТ знаменовало собой и крушение планов Англии по использованию сил повстанцев в достижении ее целей, а в более широком контексте – поражение в финале «Большой игры».

Литература / References

1. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
Sergeev E. Yu. *The Great Game, 1856–1907. Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia*. Moscow: T-vo nauch. izd. KMK, 2012, 454. (In Russ.)
2. Хидояттов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: Фан, 1981. 213 с.
Khidoyatov G. A. *British Expansion in Central Asia: (Pende, March 1885)*. Tashkent: Fan, 1981, 213. (In Russ.)
3. Нопкirk P. *The great game: the struggle for empire in Central Asia*. N. Y.: Kodansha International, 1990, 564.
4. Бармин В. А. Синьцзян как площадка продолжения «Большой игры»: противостояние Советского Союза и Англии в провинции во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX века. *Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность*: мат-лы II Междунар. алтаистического форума. (Барнаул-Горно-Алтайск, 30 сентября – 3 октября 2021 г.) Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 345–349.

В июле 1934 г. Ма Чжуньин после череды поражений своих войск, разуверившись в победном исходе повстанческого движения, перешел на территорию СССР и был интернирован советскими властями. Его отход от активной борьбы знаменовал завершение основной фазы национального движения коренных народов провинции против китайской колониальной администрации. К этому времени был завершен и вывод из провинции советских войск.

Заключение

Политика советского руководства в отношении повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. во многом противоречила теории марксизма и строилась исключительно на основе прагматизма и защиты национальных интересов советского государства. Важнейшим побудительным мотивом в принятии решения о помощи провинциальному правительству в подавлении движения являлось требование закрепления политического и экономического влияния в провинции, представлявшей для СССР геостратегический плацдарм и важную сырьевую базу. В то же время решение этой задачи не было возможным без устранения из провинции иностранных конкурентов, преследующих аналогичные цели. Наиболее сильным из них являлась Англия, попытавшаяся в борьбе с Советским Союзом использовать повстанческое движение и с его помощью не только вернуть в провинции утраченное в 1920-е гг. экономическое и отчасти политическое влияние, но и при благоприятном исходе вообще заставить Москву отказаться от своих целей в Синьцзяне. Однако политическая линия советского правительства в развернувшейся борьбе оказалась более эффективной и действенной, что предопределило исход схватки в пользу Советского Союза и лишило Англию сколько-нибудь серьезных перспектив реализации своих планов в этом регионе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Barmin V. A. Xinjiang as a platform for the continuation of the "Great Game": confrontation between the Soviet Union and England in the provinces in the late 1920s – early 1930s. *The Turkic-Mongolian world of the Great Altai: historical and cultural heritage and modernity*: Proc. II Intern. Altai Forum, Barnaul-Gorno-Altaysk, 30 Sep – 3 Oct 2021. Barnaul: ASU, 345–349. (In Russ.)
5. Обухов В. Г. Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.
Obukhov V. G. *Clash of six empires: battle for Xinjiang*. Moscow: Veche, 2007, 512. (In Russ.)
 6. Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: БГПУ, 1998. 191 с.
Barmin V. A. *The Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941. (The regional dimension of the foreign policy of the Soviet Union)*. Barnaul: BSPU, 1998, 191. (In Russ.)
 7. Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул: Алтай, 2010. 270 с.
Nazemtseva E. N. *Russian emigration in Xinjiang (1920–1930)*. Barnaul: Altai, 2010, 270. (In Russ.)
 8. Сыроежкин К. Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 336 с.
Syroezhkin K. L. *Xinjiang: a big question for China and Kazakhstan*. Astana-Almaty: IWEP, 2015, 336. (In Russ.)
 9. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 гг., ред. В. Б. Барковский. М.: Междунар. отношения, 1997. 272 с.
Essays on the history of Russian foreign intelligence service. Vol. 2: 1917–1933. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1997, 272. (In Russ.)
 10. Басханов М. К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. Из истории международных отношений в Центральной Азии: (Средние века и новое время), отв. ред. Г. М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 100–134.
Baskhanov M. K. The policy of England towards the state of Yakub-bek. *From the history of international relations in Central Asia: (Middle Ages and modern times)*, ed. Iskhakov G. M. Alma-Ata: Gylum, 1990, 100–134. (In Russ.)
 11. Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877). М.: Наука, 1981. 94 с.
Isiev D. A. *Uighur state of Yettishar (1864–1877)*. Moscow: Nauka, 1981, 94. (In Russ.)
 12. Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 200 с.
Moiseev S. V. *Relations between Russia and the Uighur State of Yettishar (1864–1877)*. Barnaul: Azbuka, 2006, 200. (In Russ.)
 13. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВ РАН, 1998. 202 с.
Dubrovskaya D. V. *The destiny of Xinjiang. China acquires the "New Frontier" at the end of the XIX century*. Moscow: IOS RAS, 1998, 202. (In Russ.)
 14. Анваров А. История изучения Восточного Туркестана английскими и индийскими путешественниками (1812–1900). Алматы: Мир, 2013. 200 с.
Anvarov A. *The history of the study of East Turkestan by English and Indian travelers (1812–1900)*. Almaty: Mir, 2013, 200. (In Russ.)
 15. Шеметова Т. А. Из истории деятельности английского консульства в китайской провинции Синьцзян в 1918–1919 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2. С. 74–76. <https://doi.org/10.17223/19988613/40/11>
Shemetova T. A. From the History of the British Consulate in the Chinese province of Xinjiang in 1918–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, (2): 74–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/40/11>
 16. Бармин В. А., Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В., Гончарова Н. П. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2018. 384 с.
Barmin V. A., Lysenko Yu. A., Anisimova I. V., Bochkareva I. B., Tarasova E. V., Goncharova N. P. *The civil war in the Steppe region and Turkestan (1918–1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia*. Barnaul: ASU, 2018, 384. (In Russ.)
 17. Хакимбаев А. А. К оценке деятельности Ма Чжунина (из истории национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна в 1931–1934 гг.). *Общество и государство в Китае*: тезисы и доклады XIV науч. конф. М.: ИВ АН СССР, 1983. Ч. III. С. 114–121.
Khakimbaev A. A. On the assessment of the activity of Ma Zhuning (from the history of the national liberation struggle of the peoples of Xinjiang in 1931–1934). *Society and the state in China*: Proc. XIV Sci. Conf. Moscow: IOS AS USSR, 1983, 114–121. (In Russ.)
 18. Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая. Ч. 3: 30-е годы XX в. – 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1996. 181 с.
Kuznetsov V. S. *Islam in the political history of China. Pt. 3: 1930s – 1949*. Moscow: IFES RAS, 1996, 296. (In Russ.)
 19. Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2016. 446 с.

- Nazemtseva E. N. *At the diplomatic level: problems of the legal status of Russian emigrants in China in Soviet-Chinese relations (1920–1940s)*. St. Petersburg: Aleteia, 2016, 446. (In Russ.)
20. Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. I: от октября 1917 г. до октября 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1992. 169 с.
Galénovich Yu. M. *"White spots" and "sore spots" in the history of Soviet-Chinese relations. Vol. I: from October 1917 to October 1949*. Moscow: IFES RAS, 1992, 169. (In Russ.)
21. Тэраяма К. Советская политика в отношении Синьцзяня в 1930-е годы и японский фактор. *Азиатская Россия и сопредельные государства*, ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 222–251.
Terayama K. Soviet policy towards Xinjiang in the 1930s and the Japanese factor. *Asian Russia and adjacent states*, ed. Papkov S., Terayama K. Novosibirsk: Parallel, 2013, 222–251. (In Russ.)
22. Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 360 с.
Gansanli J. P. *Xinjiang in the Orbit of Soviet Politics. Stalin and the Muslim Movement in East Turkestan (1931–1949)*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2015, 360. (In Russ.)
23. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2007. 454 с.
Usov V. N. *Soviet intelligence in China: 1930s*. Moscow: T-vo nauch. izd. KMK, 2007, 454. (In Russ.)
24. Whiting A. S., Shits'ai S. *Sinkiang: Pawn or Pivot?* East Lansing: Michigan State University Press, 1958, 314.
25. Lattimore O. *Pivot of Asia: Sinkiang and inner Asian frontiers of China and Russia*. Boston: Little, Brown, 1950, 288.
26. Clubb O. *China and Russia: the "Great Game"*. N. Y.-London: Columbia University Press, 1971, 578.
27. Forbes A. *War-lords and muslims in Chinese Central Asia. A political history of Republican Sinkiang 1911–1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 376.
28. Hasiotis A. *Soviet political, economic, and military involvement in Sinkiang from 1928–1949*. N. Y.-London: Garland Publishing Inc., 1987, 257.
29. Цзян Чжунчжан (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. 439 с.
Chiang Kai-shek. *Soviet Russia in China. Memories and Reflections at 70*. 2nd ed. Moscow: Posev, 2009, 439. (In Russ.)

оригинальная статья

Брекзит в оценках Джона Мейджора: перспективы для Великобритании

Менщикова Юлия Валерьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
menshchikova.yu@mail.ru

Поступила в редакцию 22.12.2021. Принята после рецензирования 24.01.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Представлено альтернативное мнению сторонников Брексита видение последствий выхода Великобритании из ЕС. Для этого были проанализированы выступления бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Дж. Мейджора, при котором государство вступило в ЕС. Основные аспекты, затронутые политиком: национальный суверенитет, идентичность британцев, миграция, экономика, политическое и дипломатическое влияние страны в мире, государственное единство. Сделан вывод, что негативные последствия Брексита, с точки зрения Дж. Мейджора, доминируют над потенциальными возможностями, а часть риторики сторонников выхода – проявление популизма. В частности, участие Великобритании в ЕС не являлось угрозой национальной идентичности британцев, считает политик. Указанный аспект был рассмотрен автором статьи в контексте представления об общеевропейском самосознании как о ресурсе для развития ЕС, разработанном И. С. Семененко. Брексит, как Ковид-19 и ряд других недавних вызовов, стал одной из причин ослабления европейской самоидентификации. Однако переосмысление и дальнейшее развитие политики идентичности со стороны объединения способно усилить чувство сопричастности к нему граждан стран-участниц союза и стать реальной угрозой для национального самосознания. Рассуждения Дж. Мейджора представляются обоснованными, но могут быть рассмотрены с позиции противоположных изложенным политиком последствий выхода Великобритании из ЕС.

Ключевые слова: ЕС, европейская идентичность, европейская интеграция, Соединенное Королевство, Дэвид Кэмерон, Консервативная партия

Цитирование: Менщикова Ю. В. Брексит в оценках Джона Мейджора: перспективы для Великобритании. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 10–17. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-10-17>

original article

John Major's Assessments of Brexit: Prospects for the UK

Yuliya V. Menshchikova

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk
menshchikova.yu@mail.ru

Received 22 Dec 2021. Accepted after peer review 24 Jan 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The article introduces an alternative opinion on Brexit voiced by John Major, who was the Prime Minister of the United Kingdom when it joined the European Union. In his public speeches, John Major touched upon such issues as national sovereignty, British identity, migration, economy, political and diplomatic influence, state unity, etc. John Major believes that Brexit will eventually do more harm than good and that the pro-Brexit rhetoric is a manifestation of populism. He does not consider the European Union as a threat to the British identity. The research was based on I. S. Semenenko's idea of the pan-European identity as a resource for the development of the European Union. Even though Brexit and Covid-19 weakened the European identity, the further development of identity policy is likely to strengthen the sense of belonging. Thus, John Major's reasonable rhetoric can be considered from the opposite standpoint.

Keywords: European Union, European identity, European integration, United Kingdom, David Cameron, Conservative Party

Citation: Menshchikova Yu. V. John Major's Assessments of Brexit: Prospects for the UK. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 10–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-10-17>

Введение

Член Консервативной партии Джон Мейджор возглавлял правительство Великобритании с 1990 по 1997 г. В конце 1980-х гг. вопрос о Европе имел уже большое значение

в парламентской партии и стал одним из ключевых факторов отставки М. Тэтчер [1, р. 482]. Главы европейских столиц встретили с облегчением смену премьер-министра

Соединенного Королевства в ноябре 1990 г., т. к. в последние годы правления М. Тэтчер отношения островного государства с партнерами по ЕС зашли в тупик. От Дж. Мейджора ожидали более гибкой политики. Одна из приоритетных задач нового кабинета состояла в корректировке подходов к европейской интеграции [2, с. 367]. Консерватор заявил об этом в своей первой речи в парламенте в качестве премьер-министра: он говорил о необходимости конструктивного подхода в области европейской политики [3, с. 186].

В 1992 г. Соединенное Королевство во главе с Дж. Мейджором подписало Маастрихтский договор и вступило в ЕС. Консерватор был сторонником расширения Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и активного участия островного государства в этом процессе. При этом еще в конце 1980-х гг. он считался склонным к евроскептическому крылу партии [1, р. 480]. В российской историографии также можно встретить характеристику политики Дж. Мейджора как прагматичного евроскептицизма, основанную на факте подписания при нем Договора о ЕС с условием не вводить единую валюту и особый статус в третьей опоре сообщества [4, с. 8]. Сам Дж. Мейджор не относит себя ни к евроскептикам, ни к еврооптимистам. В отношении участия Великобритании в ЕС он называет себя реалистом¹. В доказательство тори часто напоминает о том, что при нем страна отказалась от присоединения к зоне евро, от Шенгена, от более тесного союза². Действительно, бывший глава правительства был против развития сообщества в сторону федерализма. Однако европейская интеграция предполагает более тесное взаимодействие входящих в него государств, что негативно воспринималось частью британского общества.

Сегодня тори остается влиятельным британским политиком. Бывший премьер-министр является седьмым по популярности политическим деятелем Великобритании и третьим по популярности представителем Консервативной партии³. В феврале 2015 г. британцы отдали ему большинство голосов в вопросе о том, поддержка со стороны каких политиков будет преимуществом для сегодняшних кандидатов⁴.

В начале 2016 г., вплоть до дня голосования о Брекзите – 23 июня, Дж. Мейджор многократно выступал с речами, лекциями, интервью, писал статьи, где излагал свою точку зрения на предстоящее событие. Аудитории и площадки были разные: от крупных инвесторов в британскую

экономику в Китае до собравшихся в честь 900-летия Собора в Питерборо. Можно утверждать, что политик вел собственную кампанию в пользу дальнейшего участия Великобритании в ЕС. Тори прилагал значительные усилия, чтобы убедить британских граждан в неизбежности негативных последствий Брекзита для Великобритании, для Европы и для всего мира.

Инициативу организации кампании за выход из ЕС взяла на себя британская евроскептицистская Партия независимости Соединенного Королевства, победившая на британских выборах в Европейский парламент в 2014 г. [5, с. 131].

Дэвид Кэмерон, премьер-министр Великобритании в 2010–2016 гг., пообещав британцам референдум, ожидал победы сторонников сохранения членства Великобритании в ЕС. Он верил, что сможет пересмотреть условия участия страны в сообществе. Но усилия Д. Кэмерона не привели к значительным уступкам и не удовлетворили евроскептиков. Поставленный на референдуме вопрос – должно ли Соединенное Королевство оставаться членом ЕС или покинуть его – оказался (обманчиво) прост [6, с. 30]. Британцы решили покинуть объединение. Выход Великобритании из ЕС завершился 31 января 2020 г.

Национальный суверенитет

В период кампании сторонники выхода островного государства из ЕС говорили о необходимости сохранить национальный суверенитет. В ответ на призывы брекзитеров Дж. Мейджор утверждал, что в современном мире разделение суверенитета необходимо. Только так государство (а именно Великобритания) может быть более сильным, экономически благополучным и оказывать политическое и дипломатическое влияние в мире⁵. Незыблемый суверенитет, по мнению бывшего премьер-министра, в современную эпоху можно встретить, например, в Северной Корее⁶.

Дж. Мейджор не сомневался в силе национального суверенитета в Великобритании. Референдум о Брекзите – его проявление, считал бывший премьер-министр. При этом в области безопасности Соединенное Королевство уже на протяжении более чем 60 лет разделяет свой суверенитет с другими странами в рамках НАТО.

Однако небезосновательна точка зрения о том, что соперничество между США и Евросоюзом в сфере безопасности было и будет главным фактором, толкающим страны

¹ Sir John Major's Speech on Brexit – 28 February 2018. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2018/02/28/sir-john-majors-speech-on-brexit-28-february-2018/> (дата обращения: 06.11.2021).

² Article on the EU Referendum – 19 March 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/03/19/article-on-the-eu-referendum-19-march-2016/> (дата обращения: 28.10.2021).

³ The most popular politicians & political figures in the UK. Режим доступа: <https://yougov.co.uk/ratings/politics/popularity/politicians-political-figures/all> (дата обращения: 17.03.2020).

⁴ Shakespeare S. Blair an election liability and Major an asset, say voters. 15.02.2015. Режим доступа: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/02/18/blair-election-liability-and-major-asset-say-voter> (дата обращения: 25.08.2019).

⁵ Sir John Major's Interview on BBC Radio 4's Today Programme – 29 April 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/04/29/sir-john-majors-interview-on-bbc-radio-4s-today-programme-29-april-2016/> (дата обращения: 29.10.2021).

⁶ Там же.

Европы на путь укрепления национального суверенитета. Серия заявлений европейских лидеров осенью 2018 г., прежде всего Эммануэля Макрона и Ангелы Меркель, о необходимости самостоятельности Евросоюза в сфере безопасности, «европейской армии» и ненадежности США как «защитника» подтверждает эту тенденцию [7, с. 15–16].

Таким образом, Дж. Мейджор приравнивал национальный суверенитет, о котором говорили сторонники Брексита, к изоляционизму, что вступает в противоречие с тенденциями глобализации.

Идентичность

Дискуссии вокруг государственного суверенитета в различной степени связаны с вопросами о национальной и европейской идентичности (идентичности ЕС) граждан Великобритании. Европейская идентичность – формируемое ЕС чувство принадлежности жителей отдельных стран ЕС к объединению, которое является одним из ключевых условий его существования. Осознание себя гражданами Евросоюза как его неотъемлемой части важно в аспекте укрепления как внутреннего единства организации, так и внешнеполитической сплоченности [8, с. 32].

В 2019 г. британцы считали подрыв национальной идентичности одной из ключевых причин выхода государства из Европейского союза⁷. Действительно, Брексит поставил вопрос о сущности идентичности ЕС для граждан Великобритании. Очевидно, британцы ставят национальную идентичность значительно выше европейской в своем самосознании. Однако действительно ли ЕС был серьезной угрозой национальной идентичности граждан Великобритании? Дж. Мейджор имел четкий ответ на этот вопрос: потеря национальных традиций, британского наследия и индивидуальности по причине участия в ЕС – абсурд⁸.

В отечественных исследованиях можно встретить мнение о том, что идентичность способна выступать средством распространения *мягкой силы* – силы государства, основанной на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики [9, с. 476]. Мягкую силу можно представить как один из способов построения и расширения политических пространств. Например, политическое пространство Британской империи сегодня связано преимущественно мягкими формами взаимодействия: общностью языка, формами общественного устройства, институтом монархии и государственными символами, культурными и образовательными программами и т. д. [9, с. 477]. ЕС также использует мягкую силу для расширения зоны своего влияния. В частности, объединение делает это за счет государственной поддержки образовательных, научных и культурных обменов, программ содействию

международному развитию и информационной политики, распространения норм и правил, моделей общественного устройства и управления, идей и ценностей [9, с. 478].

ЕС идет преимущественно по пути конструирования гражданской идентичности, опираясь на проведение общей политики, гражданство ЕС (и вытекающие из него права, свободы и обязанности), наднациональные институты и руководящие органы ЕС. Для наднационального образования это наиболее приемлемый способ, поскольку гражданская идентичность формируется поверх групповых идентичностей и социокультурных размежеваний. Она вбирает и политическую, и этническую, и субъективно-эмоциональную составляющие [10, с. 355]. Формирование гражданской идентичности предполагает поиски адекватных ответов на риски доминирования этнического самосознания и групповых идентичностей с этническими корнями (этнонациональными, этносоциальными, этноконфессиональными) [10, с. 356]. С этой позиции национальная и европейская идентичности британцев на протяжении многих десятилетий находятся в конфронтации, на что значительное влияние оказали действия сообщества по концептуализации и закреплению в официальных документах идеи о европейской самоидентификации, например в Декларации о европейской идентичности 1973 г. В названном документе понятие *европейская идентичность* определялась скорее в политических, нежели культурных терминах. В качестве общих ценностей назывались представительная демократия, право закона, социальная справедливость и уважение прав человека [11].

В зарубежной литературе изложена точка зрения о том, что траектория развития европейской идентичности достигла вершины с одобрением Комиссией книги Жан-Батиста Дюрозеля «Европа: история ее народа», опубликованной в 1990 г. [12, р. 96]. При этом в Договоре о ЕС (в одном из основных документов сообщества), заключенном в Маастрихте 7 февраля 1992 г., термин *идентичность* отсутствует.

Сильное национальное самосознание (или национальное мышление [13, с. 15]) граждан Великобритании выступает одной из причин ослабления идентичности ЕС в Соединенном Королевстве как чувства сопричастности граждан к объединению. Причина заключается в самой сущности гражданской самоидентификации, которой может выступать идентичность ЕС – доминирование над остальными групповыми идентичностями. Брексит как один из наиболее сильных вызовов последних лет ярко продемонстрировал еще недостаточно сильный потенциал ЕС по проведению политики идентичности. Как отмечает И. С. Семененко, автор концепции о понимании идентичности ЕС как ресурса развития и двигателе европейского интеграционного

⁷ Joshi O., Evans J. British attitudes on national identity and religious minorities not unique in EU. *Pew Research Center*. 19.02.2019. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/19/british-attitudes-on-national-identity-and-religious-minorities-not-unique-in-eu/> (дата обращения: 16.03.2020).

⁸ Sir John Major's Speech at the Oxford Union on the UK's EU Membership – 13 May 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/05/13/sir-john-majors-speech-at-the-oxford-union-on-the-uks-eu-membership-13-may-2016/> (дата обращения: 29.10.2021).

проекта, введение института гражданства ЕС оказало пока ограниченное влияние на формирование общих ценностных оснований европейской идентичности. Наблюдаются глубокие разрывы между европейскими гражданскими ценностями и политическими интересами, между институтами и идентичностями на фоне системных препятствий в разработке общей политики приема беженцев и кризиса проекта евроинтеграции [10, с. 357]. В зарубежной науке можно встретить похожее мнение: на заре XXI в. национальная идентичность остается гораздо более сильной, чем все еще зарождающаяся неэмоциональная европейская [12, р. 93].

Разница между гражданской и национальной идентичностями состоит в том, что первая опирается на вовлеченность граждан в социальные взаимодействия и ее эмоциональное переживание, вторая – на чувство принадлежности человека к национально-государственному сообществу, усвоение значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти [10, с. 357–358]. Великобритания всегда занимала особую позицию в сообществе, обусловленную островным положением страны, традициями внешней политики, имперским прошлым в его экономическом, ментальном, культурном и миграционном проявлениях [14, с. 50]. Британский скептицизм по отношению к европейской интеграции стал еще одним из проявлений британской исключительности [15, р. 8]. В данном ракурсе Дж. Мейджор в определенной степени прав, и ЕС был еще не способен выступать угрозой национальной идентичности британцев.

Миграция

На первом месте в требованиях об изменении условий членства Великобритании в ЕС Д. Кэмерон ставил идею ограничения основополагающего принципа объединения – свободного передвижения людей [15, р. 14]. Это сближало позиции бывшего премьер-министра и лидеров кампании за Брекзит, которые использовали растущий поток мигрантов в качестве одного из ключевых аргументов. В основе сложившейся ситуации был и миграционный кризис 2014–2016 гг. Он показал не только отсутствие внятной стратегии на случай массовых перемещений выходцев из слабо-развитых стран и из зоны военных действий, но и выявил наличие глубокого кризиса в политике развития Евросоюза, нацеленной прежде всего на взаимодействие с бывшими колониальными странами в рамках т. н. АКТ-группы (страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана) [11].

По мнению Дж. Мейджора, неосторожные лозунги брекзитеров о миграции были способны разжечь межнациональные конфликты, а изложенные ими тезисы – преувеличение⁹. С ним можно согласиться, поскольку среда иммигрантов неоднородна. Это люди не только с низкой квалификацией и беженцы, но и студенты, и те, кто занят в инновационных секторах экономики [16, с. 50]. Согласно данным, используемым консерватором, более половины мигрантов прибыли из стран ЕС, из них 52 тыс. врачей и медсестер, 80 тыс. социальных работников, 43 тыс. преподавателей вузов; в общей сложности 240 тыс. человек заняты в государственных службах¹⁰. Прибывшие, о которых говорил политик, делают заметный вклад в национальное благосостояние страны и выполняют работу, обычно не привлекательную для британцев¹¹. Размер их льгот и пособий не превышает прибыль, которую они вносят в бюджет страны [16, с. 50].

Свободное передвижение отдельных граждан может давать огромные преимущества. Беспрепятственное перемещение рабочей силы предоставляет британским предприятиям обширный круг ресурсов для инноваций и роста, но только на основе принятия ограничений иммиграционной политики. Тактика Д. Кэмерона состояла в том, чтобы попытаться совместить оба этих направления в первую очередь путем пересмотра условий членства в ЕС [15, р. 14].

Риск массовой миграции из Турции, о которой говорили брекзитеры¹², Дж. Мейджор ставил под большое сомнение. Консерватор утверждал, во-первых, что эта страна вряд ли присоединится к ЕС в ближайшее время и, возможно, никогда этого не сделает¹³. «Турецкий фактор» не впервые возник при принятии решения в области европейской интеграции. Например, во Франции в период кампании за Лиссабонский договор возможное присоединение Турции рассматривалось в рамках миграционной проблемы [15, р. 12]. Во-вторых, Великобритания имела абсолютное право вето на вступление любой страны в ЕС. Следовательно, Соединенное Королевство имело прямое влияние на политику Евросоюза в области миграции. Стоит отметить, Великобритания никогда не входила в Шенгенскую зону (что Дж. Мейджор ставит себе заслугой), поэтому сохраняла полный контроль своих границ. В этой связи тезисы об угрозе роста миграции имели в большей степени популистский характер.

Экономика

В преддверии Брекзита Дж. Мейджор делал большой акцент на экономическом аспекте этого процесса. Как и его предшественница на посту премьер-министра М. Тэтчер,

⁹ Там же.

¹⁰ Sir John Major's Palliser Lecture Speech – 15 June 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/06/15/sir-john-majors-palliser-lecture-speech/> (дата обращения: 05.11.2021).

¹¹ Sir John Major's Article in the Sunday Mail on the EU – 29 May 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/05/29/sir-john-majors-article-in-the-sunday-mail-on-the-eu-29-may-2016/> (дата обращения: 31.10.2021).

¹² Stone J. Nigel Farage accuses Turkey of 'blackmailing' the EU over the refugee crisis. The Independent. 09.03.2016. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/nigel-farage-accuses-turkey-of-blackmailing-the-eu-over-the-refugee-crisis-a6921316.html> (дата обращения: 19.12.2021).

¹³ Sir John Major's Speech at the Oxford Union on the UK's EU Membership – 13 May 2016...

он активно поддерживал создание Европейского единого рынка, в рамках которого Великобритания обладала одной из самых эффективных экономик в Европе, не участвуя при этом в Евроне. Последнее стало возможным благодаря Протоколу 11 Мaaстрихтского договора, согласно которому островное государство было не обязано переходить на третий этап экономического и валютного союза без отдельного решения правительства или парламента [17, с. 102]. Сам Евросоюз долгое время занимал доминирующее положение в системе международной товарной торговли [18, с. 19].

По мнению Дж. Мейджора, не стоит рассчитывать на благоприятную торговую сделку Великобритании с ЕС после Брексита. Политик прогнозировал 10 % тарифный барьер после выхода из единого рынка¹⁴. В своей риторике политик даже ссылался на убежденного атлантиста М. Тэтчер, которая утверждала, что Европейскому единому рынку нет альтернативы¹⁵. Национальный институт экономических и социальных исследований (NIESR) предупреждал о падении стоимости фунта, Банк Англии – о повышении процентных ставок и росте стоимости ипотечных кредитов¹⁶.

Беспокойство в связи с референдумом выразили многие инвесторы в британскую экономику (Дж. Мейджор говорил про Китай, Японию, США, Новую Зеландию и Австралию), Группа двадцати, ведущие британские ученые, многие крупные и малые предприятия¹⁷. Можно согласиться с тем, что британцы хотели экономической интеграции и свободной торговли, но не были готовы к интеграции политической [19, с. 19].

Политическое и дипломатическое влияние

Великобритания или Маленькая Англия? Так Дж. Мейджор охарактеризовал выбор, который представлял собой Брексит. Значение Мaaстрихтского договора для Соединенного Королевства политик видел в более активном участии Лондона в процессе принятия решений в Европе [20, с. 155]. ЕС виделся наилучшим средством продвижения британских политических и коммерческих интересов на мировой арене¹⁸.

Стратегия Соединенного Королевства состояла в том, чтобы вступить в Евросоюз, а потом уже в качестве полноправного члена стремиться изменить объединение или условия своего членства. Имеющиеся у страны экономические и политические ресурсы действительно давали ей

возможность влиять на траекторию движения ЕС [19, с. 22]. Лондон последовательно делал все возможное, чтобы минимизировать элементы наднациональности, и предпочитал видеть в Европейском союзе систему в первую очередь межправительственного сотрудничества [19, с. 20].

Дж. Мейджор предупреждал о потере политического и дипломатического влияния страны после Брексита. Консерватор часто напоминал, что в одиночку Великобритания не смогла бы ввести санкции против Ирана или России. При этом в период своего премьерства Дж. Мейджор положительно относился к последней, придерживаясь мнения о необходимости содействовать ей и выстраивать прочные отношения между странами, что подтверждала проводимая им политика [21, с. 49].

Государственное единство

Дж. Мейджор видел в Брексите большую опасность государственному единству. Решение Ольстерской проблемы было в числе основных приоритетов политики консерватора, когда он стал премьер-министром. Свои задачи тори видел в прекращении насилия и сохранении Северной Ирландии в составе Великобритании¹⁹. Для этого правительство Дж. Мейджора предприняло ряд мер, способствовавших урегулированию конфликта [22, с. 125]. В этих условиях тори выступил в качестве миротворца, проявил большое терпение и умение вести переговоры. Новые лейбористы во главе с Т. Блэром продолжили работу в области урегулирования Североирландской проблемы, основу которой составляли результаты действий предыдущих правительств, в том числе Дж. Мейджора.

В преддверии Брексита консерватор полагал, что проевропейски настроенные Северная Ирландия и Шотландия могут выразить желание покинуть Соединенное Королевство после его выхода из ЕС²⁰. В частности, такое стремление было озвучено лидером Шотландской национальной партии (ШНП) Николой Стерджен после победы ШНП в 48 из 59 округов в регионе в 2019 г. Шотландские националисты связывают с пребыванием в ЕС независимость региона, хотя они неоднозначно относятся к евро и связанным с ним фискальным правилам [15, р. 17]. Следует напомнить, что во время референдума 2014 г. главным аргументом против выхода Шотландии из Великобритании стало то, что Шотландия, покинув королевство, осталась бы за пределами Евросоюза [23, с. 47].

¹⁴ Sir John Major's Interview on the Andrew Marr Show – 5 June 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/06/05/sir-john-majors-interview-on-the-andrew-marr-show-5-june-2016/> (дата обращения: 31.10.2021).

¹⁵ Sir John Major's Palliser Lecture Speech – 15 June 2016...

¹⁶ Sir John Major's Speech at the Oxford Union on the UK's EU Membership – 13 May 2016...

¹⁷ Sir John Major's Speech in Hong Kong on the UK's EU Membership – 7 April 2016. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2016/04/07/sir-john-majors-speech-in-hong-kong-on-the-uks-eu-membership-7-april-2016/> (дата обращения: 29.10.2021).

¹⁸ Mr Major's Article on the European Union – 25 September 1993. Режим доступа: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-article-on-the-european-union-25-september-1993/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁹ Major J. John Major: The Autobiography. HarperCollins Pub Ltd, 2000. 816 p.

²⁰ Article on the EU Referendum – 19 March 2016...

9 июня 2016 г. Дж. Мейджор выступил вместе с Т. Блэром в Северной Ирландии. Консерватор напомнил о плюсах единого рынка, гарантии безопасности и мощи в рамках ЕС, предостерег о том, что единство самого Соединенного Королевства будет в бюллетенях для голосования. Совместное выступление Дж. Мейджора с бывшим политическим соперником и одновременно коллегой по урегулированию Ольстерской проблемы продемонстрировало серьезность угрозы Брексита для Великобритании, на устранение которой консерватор сосредоточился перед голосованием.

Британское общественное мнение

Отсутствие четко сформулированной конечной точки европейской интеграции подпитывало опасения по поводу того, как далеко это может зайти, как политически, так и территориально, и давало основания для тех, кто выступал против дальнейшей интеграции [24, р. 267]. На протяжении всего времени существования ЕС британская общественность являлась одной из наименее восторженных групп населения ЕС, когда речь заходила о поддержке развития более глубокого взаимодействия между государствами объединения [25, р. 481]. Референдум о Брекзите продемонстрировал, что британское общество практически поровну разделено на сторонников и противников продолжения членства в ЕС: при явке 72 % против ЕС высказались 52 %, за – 48 % [4, с. 5].

20 октября 2018 г. в Лондоне прошла масштабная манифестация сторонников членства Британии в объединении (около 700 тыс. человек), которые требовали повторного референдума. Как отмечает Е. В. Ананьева, таких массовых демонстраций не было со времен протестов против войны в Ираке [26, с. 27].

В марте 2021 г. британская международная интернет-фирма по исследованию рынка и анализу данных YouGov опубликовала результаты опроса среди британцев, в рамках которого гражданам был задан вопрос: вы относитесь к ЕС положительно или отрицательно? Исследование зафиксировало 35 % положительных ответов, 50 % – отрицательных, 15 % опрошенных ответили «не знаю»²¹. При этом большая часть граждан считает, что Брекзит прошел очень плохо²².

Данные проведенных исследований подтверждают отрицательную тенденцию в отношении британцев к Евросоюзу. Граждане Соединенного Королевства продолжают негативно относиться к бывшему участию страны в объединении. Можно предположить, что в аналогичных условиях исход Брексита сегодня был бы таким же, как и в 2016 г.

Заключение

Выступления Дж. Мейджора позволили составить альтернативное мнению брекзитеров представление о выходе Великобритании из ЕС. Политик осудил референдум и продемонстрировал свое видение исключительно в негативном ключе, что в корне отличало его риторику от риторики брекзитеров. Дж. Мейджор активно использовал статистические данные. С одной стороны, это делало его выступления убедительными и обоснованными, с другой – обилие цифр могло усложнить восприятие риторики большинством населения страны и не принести ожидаемого результата.

В британском контексте глубоко расколотой Консервативной партии референдум о вступлении или выходе был крайне рискованной стратегией, если намерение действительно состояло в борьбе за то, чтобы остаться в Евросоюзе [15, р. 13]. Проблема заключалась в том, что между двумя фракциями было мало точек соприкосновения. Ситуация осложнялась тем, что оппозиция ЕС мобилизовалась в форме организованной и хорошо финансируемой политической партии евроскептиков (UKIP). Кроме того, сторонникам участия страны в объединении также пришлось бороться со СМИ, во многих из которых глубоко укоренился евроскептицизм.

Интересны перспективы решения выхода, о которых задумываются не только британцы, но и все мировое сообщество. Возможности, открывающиеся перед Великобританией в виде возвращения национального суверенитета или контроля над миграцией, Дж. Мейджор считает весьма условными. Актуален тезис, озвученный им в 1993 г., что изоляция от Европейского сообщества нанесет огромный ущерб британскому бизнесу, торговле, перспективам роста и трудоустройства²³. Однако в период своего премьерства Дж. Мейджору не удалось объяснить британцам важность Договора о ЕС и членства страны в ЕС в целом [27, с. 51]. Ситуация повторилась и в преддверии Брексита. В 2020 г. бывший премьер-министр отметил, что выход Великобритании из объединения – главный вызов для страны, который был скрыт пандемией, но никуда не исчез²⁴. Действительно, Соединенное Королевство и ЕС ждет новый формат отношений. Однако каким он станет, теперь будет определять преимущественно Брюссель.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

²¹ Do you have a favourable or unfavourable view of the European Union? 22.03.2021. Режим доступа: <https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2021/03/22/e0986/1> (дата обращения: 13.12.2021).

²² The EU transition period ended on Dec 31st 2020. Since then, do you think Brexit has gone well or badly? 26.11.2021. Режим доступа: <https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2021/11/26/af1f1/1> (дата обращения: 13.12.2021).

²³ Mr Major's Comments on Maastricht – 19 February 1993. Режим доступа: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-comments-on-maastricht-19-february-1993/> (дата обращения: 11.02.2020).

²⁴ Sir John Major's Speech – Middle Temple's Treasurer's Lecture: The State We're In – 9 November 2020. Режим доступа: <https://johnmajorarchive.org.uk/2020/11/09/sir-john-majors-speech-middle-temples-treasurers-lecture-the-state-were-in/> (дата обращения: 29.09.2021).

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00187 «"Неопределенность" как норма жизни: идентичность ЕС в условиях

глобальных трансформаций». <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00187 "Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations". <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Литература / References

1. Cowley P., Garry J. The British Conservative Party and Europe: the choosing of John Major. *British Journal of Political Science*, 1998, 28(3): 473–499.
2. Громыко А. А., Бабынина Л. О., Капитонова Н. К., Остапенко Г. С., Перегудов С. П., Степанова Н. М., Третьяков А. В., Хесин Е. С. Великобритания: эпоха реформ. М.: Весь Мир, 2007. 536 с.
Gromyko A. A., Babynina L. O., Kapitonova N. K., Ostapenko G. S., Peregudov S. P., Stepanova N. M., Tretyakov A. V., Khesin E. S. *The Great Britain. The epoch of the reforms*. Moscow: Ves Mir, 2007, 536. (In Russ.)
3. Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996. 301 с.
Peregudov S. P. *Thatcher and Thatcherism*. Moscow: Nauka, 1996, 301. (In Russ.)
4. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский Союз: долгая история развода. Статья 1. Европейский вопрос. *Современная Европа*. 2018. № 5. С. 5–16. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520180516>
Kaveshnikov N. Yu. United Kingdom and European Union: a long history of divorce. Article 1. European Issue. *Sovremennaya Evropa*, 2018, (5): 5–16. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520180516>
5. Лазарева Е. В., Берстенева А. А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, Брексит. *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 435. С. 127–134. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/16>
Lazareva E. V., Bersteneva A. A. Great Britain in the EU: entry, retreat, Brexit. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (435): 127–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/435/16>
6. Pilbeam V. The UK EU referendum: a revolt against the elites? *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса*, отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. Ч. II С. 28–43.
Pilbeam V. The UK EU referendum: a revolt against the elites? *Transformation of the party and political landscape in European Union countries in the period of crisis*, ed. Guseletov V. P. Moscow: IE RAS, 2017, pt. II, 28–43.
7. Журкин В. В. Безопасность Европы: европейская идентичность и национальный суверенитет. *Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран*, отв. ред. В. Б. Белов. М.: Весь Мир, 2018. С. 15–17.
Zhurkin V. V. Security of Europe: European identity and national sovereignty. *Protection of state sovereignty: the experience of the European Union and European countries*, ed. Belov V. B. Moscow: Ves Mir, 2018, 15–17. (In Russ.)
8. Хахалкина Е. В. Динамика общеевропейской идентичности Британии по материалам Евробарометра (1990–2000-е гг.). *Вестник Томского государственного университета. Историю*. 2014. № 6. С. 32–37.
Khakhalkina E. V. Dynamics of European identity in Britain based on the Eurobarometer (1990–2000s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, (6): 32–37. (In Russ.)
9. Харитонова Е. М. «Мягкая сила» и идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика*, отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 476–480.
Kharitonova E. M. "Soft power" and identity. *Identity: The personality, society, and politics*, ed. Semenenko I. S. Moscow: Ves Mir, 2017, 476–480. (In Russ.)
10. Семенов И. С. Гражданская идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика*, отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 354–358.
Semenenko I. S. Civil identity. *Identity: The personality, society, and politics*, ed. Semenenko I. S. Moscow: Ves Mir, 2017, 354–358. (In Russ.)
11. Лекаренко О. Г. Декларация о европейской идентичности 1973 г. и Европейское политическое сотрудничество: роль внешнего фактора. *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2021. № 37. С. 116–122.
Lekarenko O. G. Declaration on European identity of 1973 and European political cooperation: the role of the external factor. *Dnevnik Altayskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, 2021, (37): 116–122. (In Russ.)
12. Pryske S. National and European identity. *National Identities*, 2020, 22(1): 91–105. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1590808>
13. Алтухова С. А. Проблемы британской идентичности в современной российской историографии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5-1. С. 13–16.

- Altukhova S. A. Problems of the British identity in modern Russian historiography. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (5-1): 13–16. (In Russ.)
14. Хахалкина Е. В. Европейский союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности. *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 1. С. 49–58.
Khakhalkina E. V. The European Union, Great Britain and common European identity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, 2014, (1): 49–58. (In Russ.)
15. Glencross A. British euroscepticism as British exceptionalism: the forty-year "neverendum" on the relationship with Europe. *Studia Diplomatica*, 2014, 67(4): 7–20.
16. Хахалкина Е. В. Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.). *Современная Европа*. 2015. № 4. С. 47–58. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420154758>
Khakhalkina E. V. UK immigration policy (from 2010–2015). *Sovremennaya Evropa*, 2015, (4): 47–58. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420154758>
17. Порецкова Е. А. Великобритания и Маастрихтский договор 1992 года. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2012. Т. 12. № 2. С. 101–103.
Poretskova E. A. Great Britain and the Maastricht treaty on European Union (1992). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2012, 12(2): 101–103. (In Russ.)
18. Гладков И. С., Горбатенко Е. Ю. Внешняя торговля Европейского союза: особенности на современном этапе. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. 92 с.
Gladkov I. S., Gorbatenko E. Yu. *The foreign trade of the European Union: features at the present stage*. Moscow: IE RAS, 2018, 92. (In Russ.)
19. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский Союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер. *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 18–29. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620181829>
Kaveshnikov N. Yu. United Kingdom and European Union: a long history of divorce. Part 2. Awkward partner. *Sovremennaya Evropa*, 2018, (6): 18–29. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620181829>
20. Капитонова Н. К. Дж. Мейджор: последний британский премьер-консерватор в XX веке. По страницам его мемуаров. *Новая и новейшая история*. 2009. № 4. С. 150–162.
Kapitonova N. K. John Major: the last British prime minister-conservative in the XXth century. Based on its memoirs. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2009, (4): 150–162. (In Russ.)
21. Валеева Р. Р. Мейджор, Блэр, Браун: три премьера – три этапа в истории отношений Великобритании и России. Казань: Культура, 2017. 227 с.
Valeeva R. R. *Major, Blair, Brown: three premieres – three stages in the history of relations between Great Britain and Russia*. Kazan: Kultura, 2017, 227. (In Russ.)
22. Волков Т. А. Процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии и консервативная партия Великобритании (1988–1996 гг.). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 4-5. С. 123–127.
Volkov T. A. The peace process in Northern Ireland and the conservative party of Great Britain (1988–1996). *Vestnik Viat'skogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012, (4-5): 123–127. (In Russ.)
23. Браницкий А. Г. Взаимосвязь процессов интеграции и дезинтеграции в современном Евросоюзе. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*: сб. тр. конф. (Москва, 12–13 сентября 2018 г.) М.: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 1. Ч. 2. С. 46–48.
Branitskiy A. G. The Relationship between the processes of integration and disintegration in modern European Union. *Greater Eurasia: Development, security, and cooperation*: Proc. Conf., Moscow, 12–13 Sep 2018. Moscow: INION RAS, 2018, iss. 1, pt. 2, 46–48. (In Russ.)
24. Schmidt V. A. *Democracy in Europe: the EU and national politics*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 317. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199266975.001.0001>
25. Cinnirella M., Hamilton S. Are all Britons reluctant Europeans? Exploring European identity and attitudes to Europe among British citizens of South Asian ethnicity. *Ethnic and Racial Studies*, 2007, 30(3): 481–501. <https://doi.org/10.1080/01419870701217530>
26. Ананьева Е. В. Растерянная Британия. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 5. С. 27–32. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520182732>
Ananieva E. V. Britain at a loss. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2018, (5): 27–32. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520182732>
27. Валеева Р. Р. Общие черты в позициях Д. Мейджора и Г. Брауна в контексте внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации в Великобритании. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*, 2010. № 4. С. 50–53.
Valeeva R. R. Similar features in the position and policies of J. Major and G. Brown in the context of internal and foreign policy in Great Britain. *Kazan state institute of culture bulletin*, 2010, (4): 50–53. (In Russ.)

оригинальная статья

Повестка ЕС в области миграции и развития в отношении стран АКТ: вызовы пандемии

Погорельская Анастасия Михайловна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

<https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

pogorelskaya@mail.tsu.ru

Поступила в редакцию 11.01.2022. Принята после рецензирования 01.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Рассмотрена повестка Европейского союза в области миграции и развития на протяжении последних 30 лет. Цель – оценить степень ее преемственности, задачи: определить основные тренды политики Евросоюза в области миграции и развития; выявить вызовы, которые пандемия поставила перед сотрудничеством ЕС со странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ) по вопросам миграции и развития. Сделан вывод, что в повестке ЕС в области миграции и развития на протяжении последних десятилетий наблюдается преемственность. Однако если для Евросоюза мотивирование сотрудничества в сфере миграции путем предоставления помощи развитию становится нормой, то для стран АКТ такое видение сотрудничества не является очевидным и желательным. В этой связи в повестке отношений ЕС и Организации стран АКТ наметились противоречия, которые, несмотря на формальное продолжение сотрудничества после истечения срока действия договора Котону, пока не удалось преодолеть. Основными трендами политики ЕС стали принцип кондициональности и попытки ЕС отойти от универсального подхода к партнерам из числа стран АКТ. Пандемия обострила существующие противоречия между сторонами по вопросам миграции и развития и не дала возможности внести необходимые коррективы в политику развития ЕС. Последствия пандемии: рост секьюритизации иммиграции по всему миру; ужесточение правил въезда и иммиграционной политики многих стран в целом; необходимость расширения доступа к услугам системы здравоохранения собственных граждан, а также иммигрантов и беженцев – будут влиять на динамику отношений Евросоюза со странами АКТ.

Ключевые слова: содействие развитию, миграция, мотивы, координация политики, Европейский союз, страны Африки, страны Карибского бассейна, страны Тихоокеанского бассейна, пандемия

Цитирование: Погорельская А. М. Повестка ЕС в области миграции и развития в отношении стран АКТ: вызовы пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 18–25. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-18-25>

original article

The EU Agenda on Migration and Development towards ACP countries: Challenges of the Pandemic

Anastasia M. Pogorelskaya

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

pogorelskaya@mail.tsu.ru

Received 11 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The article covers 30 years of EU agenda on migration and development. The research objective was to assess its continuity, determine the main trends, and outline the challenges that the cooperation between the EU and the ACP has to face after the pandemic. The EU agenda on migration and development proved to be rather stable. However, the EU motivates migration cooperation by development aid while most ACP countries do not welcome this approach. As a result, the contradictions between the EU and the ACP still exist, despite their formal cooperation after the Cotonou agreement expired. The main trends in the EU policy were the principle of conditionality and the EU's attempts to abandon the universal approach to their ACP partners. The COVID-19 pandemic has aggravated the contradictions in migration and development issues, thus preventing the European Union from upgrading its development policy. The pandemic has the following consequences: global increase in securitization of immigration; strict entry rules and immigration policies; the prospect of expanding access to health care systems for citizens and immigrants. These consequences will inevitably affect the relations between the EU and the ACP.

Keywords: development assistance, migration, motives, policies coordination, the European Union, African states, Caribbean states, Pacific states, pandemic

Citation: Pogorelskaya A. M. The EU Agenda on Migration and Development towards ACP Countries: Challenges of the Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 18–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-18-25>

Введение

Сегодня актуальность изучения политики Евросоюза по содействию международному развитию может быть обоснована несколькими соображениями. Так, все очевиднее становится соперничество мировых центров силы за право лидерства в определении подходов и форматов содействия международному развитию. Важность такого статуса обосновывается как геополитическими интересами, так и возможностью транслировать свою трактовку развития вовне. Традиционные доноры помощи развитию в лице стран Западной Европы, Канады, США, Японии, ставшие первыми членами Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹, продолжают держаться за этот статус на мировой арене. Новые доноры, включая страны БРИКС, Ближнего Востока, отдельные страны Юга (Мексика, Колумбия, Вьетнам, Таиланд и т.д.), обосновывают помощь развитию принципиально иной логикой – не в качестве компенсации за колониальную эксплуатацию, а как безусловное, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество [1]. Однако новые доноры, как и Россия, относящаяся к ним, не демонстрируют единства подходов к содействию развитию.

Для России позиционирование на мировой арене в качестве государства, активно содействующего международному развитию, могло бы способствовать «укреплению позитивного восприятия Российской Федерации... в мире»². Однако пока деятельность России по содействию международному развитию не приносит желаемых дивидендов в связи со сложностью учета ее объемов и оценки степени эффективности, а также ввиду отсутствия грамотного позиционирования и освещения этой деятельности [2–3], хотя в последние два года предпринимаются шаги по активизации этих усилий.

Данные международных организаций³ и выводы аналитиков свидетельствуют, что пандемия коронавируса повлияла на все сферы жизни: здравоохранение, экономику, образование и т.д. [4–6]. В мировой экономике

и политике пандемия привела к фрагментации международного сотрудничества⁴. Тем не менее ЕС оставался мировым лидером по объемам предоставляемой помощи развитию. В частности, в 2020 г., несмотря на внутренние сложности, совокупная официальная помощь развитию от ЕС и его государств-членов составила 76,1 млрд долл., включая помощь от Европейских институтов в размере около 19,4 млрд долл.⁵

Пандемия, с одной стороны, актуализировала помощь развитию в связи с необходимостью обеспечения вакцинации населения слабо развитых государств, поддержки населения в условиях потери источников дохода в странах, где и ранее отмечалась широкая неформальная занятость и низкий уровень социальной поддержки⁶. С другой стороны, государства-доноры были вынуждены перенаправить свои ресурсы на укрепление собственных систем здравоохранения и социальной поддержки, ставшие приоритетом в условиях пандемии, в то время как цель содействия развитию других стран отчасти отошла на второй план.

Цель – оценить степень преемственности повестки ЕС в области миграции и развития. Задачи исследования включают определение трендов политики ЕС в области миграции и развития последних лет и выявление вызовов, которые поставила пандемия перед сотрудничеством Евросоюза со странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейна по вопросам миграции и развития. Исследование базируется на анализе официальных документов ЕС и на статистических данных Всемирного банка и ОЭСР.

Управление международной миграцией как мотив политики развития ЕС

Отношения между европейскими интеграционными проектами (ЕЭС / ЕС) и странами из числа бывших колоний европейских государств приобрели особый характер

¹ Первыми участниками Комитета содействия развитию ОЭСР в 1961 г. стали Бельгия, Великобритания, Италия, Канада, Нидерланды, Португалия, США, Франция, ФРГ, Япония и Европейская комиссия. Сегодня в Комитете состоят 30 членов.

² Концепция государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию. Утверждена Указом Президента РФ № 259 от 20.04.2014.

³ См., напр.: The World Bank Group's Response to the COVID-19 (coronavirus) Pandemic. 2021. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/topic> (дата обращения: 06.01.2022); COVID-19 could push the number of people living in extreme poverty to over 1 billion by 2030, says UNDP study. *The United Nations Development Programme*. 03.12.2020. Режим доступа: <https://www.undp.org/press-releases/covid-19-could-push-number-people-living-extreme-poverty-over-1-billion-2030-says> (дата обращения: 06.01.2022).

⁴ Трансформация торговли и развития в расколотом мире после пандемии. Доклад Генерального секретаря ЮНКТАД пятнадцатой сессии конференции. Женева: ООН, 2020. С. 18–22.

⁵ European Union institutions. *OECDiLibrary*. 2021. Режим доступа: <https://clck.ru/WKHqk> (дата обращения: 08.01.2022).

⁶ Трансформация торговли и развития в расколотом мире после пандемии... С. 17.

с подписанием в 1957 г. Римского договора. Основными задачами сотрудничества Европейского экономического сообщества и слабо развитых государств были заявлены содействие достижению экономического, социального и культурного развития последних⁷. С расширением круга стран, претендовавших на статус слабо развитых; с трансформацией политики содействия международному развитию ЕЭС; с пересмотром правовой основы сотрудничества (в рамках Юндских конвенций 1963 и 1969 гг. и Ломейских конвенций 1975, 1979, 1984 и 1989 гг.) европейская политика не только расширила круг реципиентов помощи (с 18 до 68 государств Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ) в 1989 г.), но и разнообразие инструментов, применяемых для содействия международному развитию: от финансовой / технической помощи до компенсации убытков слабо развитых стран от колебаний цен на основные статьи их экспорта, структурной перестройки экономик и т. д. В обозначенный период прослеживается эволюция подходов к выстраиванию взаимодействия со странами АКТ: от взаимной либерализации торговли до односторонних преференций, от безусловной помощи к принципу обусловленности. Однако события последнего десятилетия, включая рост популизма в европейских странах, Брекзит, трансформацию международной повестки развития, где стали доминировать цели устойчивого развития (ЦУР), а также рост миграционного давления на Европейский союз из других регионов, отразились на повестке и характере взаимодействия Европейского союза с реципиентами его помощи [7, р. 92].

Мотивы доноров помощи развитию множественны. Помощь развитию не всегда определялась исключительно гуманистическими соображениями, но для конкретных стран-доноров в свое время служила инструментом идеологической борьбы, обеспечения национальной безопасности, борьбы с терроризмом, сохранения и укрепления торгово-экономического сотрудничества, распространения ценностей, культуры и / или языка стран-доноров, обеспечения стабильности в географически близких регионах и т.д. [8–10].

Для Европейского союза одним из мотивов содействия международному развитию стала необходимость регулирования миграционного давления извне [11]. Считается,

что помощь развитию не способна снизить эмиграцию из страны в краткосрочной перспективе [12], но политика развития оказалась востребована и в период миграционного кризиса 2014–2016 гг., хотя дихотомия между краткосрочными мерами экстернализации миграционного контроля и долгосрочными соображениями содействия развитию в целях миграционного регулирования сохранилась [13].

О необходимости координации политики развития и миграционной политики ЕЭС / ЕС официально стали заявлять еще в 1990-х гг. В частности, подобная идея наметилась в заключениях Европейского совета в Эдинбурге 1992 г. (в частности, в Приложении 5)⁸ и в Тампере 1999 г. В последнем документе оговорено, что «Европейский союз нуждается в комплексном подходе к (регулированию) миграции, обращаемся к вопросам ... развития стран и регионов происхождения и транзита (мигрантов)»⁹. Хотя после событий 11 сентября 2001 г. вопросы безопасности в регулировании миграции вышли на первый план [12, р. 820], содействие развитию как инструмент управления международной миграцией осталось на повестке дня. Этому способствовала и позиция Европейской комиссии, поддерживавшей необходимость содействия развитию как долгосрочного инструмента управления международной миграцией путем «искоренения бедности, институционального строительства, укрепления потенциала государств (происхождения мигрантов) и предотвращения конфликтов»¹⁰. «Отрицательный или низкий экономический рост, неравномерное распределение доходов, перенаселенность и высокие темпы роста населения, высокий уровень безработицы, ... вооруженные конфликты, ... нарушения прав человека» и иные подобные обстоятельства были признаны выталкивающими факторами в странах происхождения мигрантов¹¹.

С 2002 г. миграционные вопросы стали внедряться в повестку отношений Евросоюза с отдельными пограничными с ЕС третьими странами и со странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ). Такой подход к взаимосвязи миграции и развития был закреплен в глобальном, или комплексном, подходе к управлению миграцией 2005 г.¹²

⁷ Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957). Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/ссаб6a28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e/publishable_en.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

⁸ European Council in Edinburgh 11–12 December, 1992. Conclusions of the Presidency. Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/media/20492/1992_december_-_edinburgh_eng_.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

⁹ Tampere European Council 15 and 16 October 1999. Presidency conclusions. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm#c (дата обращения: 05.01.2022). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

¹⁰ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament – Integrating migration issues in the European Union's relations with Third Countries – I. Migration and development – II. Report on the effectiveness of financial resources available at community level for repatriation of immigrants and rejected asylum seekers, for management of external borders and for asylum and migration projects in third countries. COM/2002/0703 final. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52002DC0703> (дата обращения: 08.01.2022).

¹¹ Там же.

¹² Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of The Regions "The Global Approach to Migration and Mobility". COM/2011/0743 final. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52011DC0743> (дата обращения: 08.01.2022).

Некоторые тренды последних лет в политике содействия развитию ЕС

Важным обстоятельством для понимания сегодняшней динамики отношений между странами ЕС и АКТ стало провозглашение в 1984 г. при подписании Третьей Ломейской конвенции принципа обусловленности помощи, выделяемой ЕЭС, результатами прогресса стран АКТ в реформировании экономики, а также политической и социальной сферах¹³. Обусловленность помощи, или принцип кондициональности, предполагает необходимость проведения государством-реципиентом помощи обозначенных европейской стороной реформ в обмен на продолжение такой помощи. Принцип обусловленности, таким образом, вынуждает третьи страны следовать видению развития, транслируемому единой Европой [14].

Применение принципа негативной кондициональности в сотрудничестве с третьими странами по вопросам миграции и развития, предполагающего прекращение или сокращение помощи развитию в ответ на отсутствие или низкую эффективность действий третьего государства по сокращению незаконной иммиграции в ЕС с его территории или через его территорию, отрицается Европейской комиссией¹⁴. Однако условия «сделки» 2016 г., с Турцией, например, свидетельствовали о том, что Евросоюз готов поощрять тех, кто станет сотрудничать в вопросах совместного управления миграцией, в том числе и финансово [15], тем самым реализуя принцип позитивной кондициональности. Последняя предпочтительна и с точки зрения государств-реципиентов помощи, и с точки зрения ЕС, которому ее применение дает возможности влияния на третьи государства с опорой на нормативную силу [16, с. 237].

Еще одним трендом в политике развития ЕС последних двух десятилетий стали попытки ЕС отойти от универсального подхода к партнерам из числа стран АКТ. Европейской стороной, в частности, было предложено разделить все страны АКТ на субрегионы с целью адаптации политики развития под их нужды. С точки зрения содействия развитию стран АКТ такой подход воспринимается неоднозначно [17]. В случае с повесткой в области миграции такой подход вполне логичен, поскольку объемы иммиграции в Европу из стран Африки уже на протяжении многих лет не идут в сравнение с иммиграцией из географически отдаленных от ЕС стран Карибского и Тихоокеанского бассейнов. Так, в 2017 г. уровень чистой эмиграции из малых стран Карибского бассейна составил 87 тыс. человек,

из островных государств Тихого океана – 63,4 тыс. человек, а из стран к югу от Сахары – 1,8 млн человек, из стран Ближнего Востока и Северной Африки (за исключением развитых по классификации ООН государств) – 3,2 млн человек¹⁵. Учитывая географическую близость, большинство мигрантов из Африки стремилось попасть именно в Европу.

С эволюцией Европейского экономического сообщества в ЕС и учреждением Общей внешней политики и политики безопасности стала яснее проступать акторность ЕС и в политике развития. Не последнюю роль в этом сыграли изменения, инициированные по Лиссабонскому договору: были расширены возможности Верховного Представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и была учреждена Европейская внешнеполитическая служба. И хотя возможность разработки и реализации политики развития ЕС через общеевропейские институты при опосредованном участии государств-членов не отменяет право последних предоставлять помощь развитию на двусторонней основе, такие изменения содействовали узнаваемости и признанию усилий ЕС и в политике развития, хотя не всегда способствовали повышению ее эффективности [18]. Аналогично страны АКТ объявили о преобразовании из группы стран в Организацию стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейна (ОАКТ) с 5 апреля 2020 г. Такой шаг должен был способствовать в том числе и перезапуску отношений с объединенной Европой¹⁶. Таким образом, обе стороны, хотя формально и провозглашали равноправие в рамках сотрудничества, тем не менее предприняли шаги по консолидации и усилению своей позиции в преддверии переговоров.

По мере закрепления миграционной составляющей в повестке политики развития ЕС понимание взаимосвязи между соответствующими явлениями трансформировалось. Видение развития как инструмента искоренения выталкивающих факторов в странах происхождения мигрантов дополнилось трактовкой миграции как инструмента содействия развитию стран происхождения мигрантов благодаря денежным переводам мигрантов, развитием человеческого капитала в ходе легальной трудовой миграции и мобильности и т. д.

Условия сотрудничества по вопросам миграции стали одними из самых проблематичных при обсуждении положений нового договора, приходящего на смену Соглашению Котону, как между европейской и африканской стороной¹⁷, так и среди государств-членов ЕС. Ключевыми проблемами в отношениях ЕС и АКТ к моменту окончания действия

¹³ Third ACP-EEC Convention signed at Lomé on 8 December 1984. *The Courier*. 1985. № 89. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/4492/1/4492.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).

¹⁴ Answer given by Mr Mimica on behalf of the European Commission. 29.06.2019. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-8-2019-001572-ASW_EN.html (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁵ Net migration. 2017. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?view=chart> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶ Opening remarks by Sir Shridath Ramphal on the process of unification for the African, Caribbean and Pacific Group of States at the Inter-Regional High-Level Consultation in Barbados on 26 February 2019. Режим доступа: <http://acp.int/content/visiting-georgetown-agreement> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁷ Strauss M. Post-Cotonou: EU reaches agreement with African, Caribbean and Pacific States. *Deutsche Welle*. 16.04.2021. Режим доступа: <https://www.dw.com/en/post-cotonou-eu-reaches-agreement-with-african-caribbean-and-pacific-states/a-57220259> (дата обращения: 08.01.2022).

Соглашения Котону европейские партнеры считали отсутствие широких обязательств по реадмиссии со стороны стран АКТ. В этой связи акцент в переговорах предполагалось сделать на вопросах укрепления пограничного контроля и расширения обязательств африканских государств по реадмиссии незаконных иммигрантов, высылаемых из ЕС. С точки зрения Организации стран АКТ, сложности во взаимодействии со странами ЕС вызывала обусловленность помощи развитию подписанием и выполнением соглашений о реадмиссии и усилении пограничного контроля, а также нехватка механизмов по содействию развитию через миграцию. Вместо реадмиссии страны АКТ настаивали на приеме только тех мигрантов, кто возвращается на добровольной основе¹⁸.

Вызовы пандемии в области миграции и развития

Пандемия способствовала затягиванию переговоров по обновлению Соглашения Котону. Переговоры начались еще в 2018 г., но в связи с переносом встреч официальных представителей сторон из-за эпидемиологической обстановки несколько затянулись¹⁹. Дновременно в связи с пандемией по всему миру стали отмечаться рост секьюритизации иммиграции и повышение роли охраны границ. В этой связи усилился дисбаланс между содействием легальной трудовой миграции и мобильности и борьбой с незаконной иммиграцией. Ограничения международной миграции и сокращение возможностей для легального трудоустройства в странах ЕС ставят под удар намерения ЕС содействовать развитию третьих стран с помощью международной миграции, что способно усилить недовольство государств-реципиентов помощи, уверяя их в лицемерии подобного предположения ЕС и подрывая его нормативную силу.

Замедление экономического роста, а во многих странах и экономический спад привели к росту безработицы, в том числе среди трудовых мигрантов, что нанесло удар по денежным переводам последних. Денежные переводы мигрантов служат основным источником дохода для многих африканских стран [19]. В 2020 г. объем денежных переводов мигрантов в страны к югу от Сахары составил 42,5 млрд долл., в островные государства Тихого океана – 886,5 млн долл., в малые государства Карибского бассейна – 4,2 млрд долл., в то время как до пандемии (2018 г.) переводы в соответствующие регионы составили 48,9 млрд долл., 762,5 млн долл. и 3,5 млрд долл.²⁰ Таким образом, беднейшие африканские страны, в отличие от многих

других, значительно пострадали от снижения денежных переводов мигрантов вследствие пандемии. Вдобавок они столкнулись со снижением спроса на отдельные виды экспортруемых ими видов сырья, на услуги туристического сектора и транспортные услуги [20].

Однако преступные сети, ранее осуществлявшие контрабанду людей в ЕС, постепенно адаптировались к новым условиям. Хотя возможности для незаконного пересечения границ стали сокращаться, спрос на услуги контрабандистов не снижается, поскольку многие мигранты готовы пойти на еще большие риски ради достижения намеченных целей – как въезда в другую страну, так и возвращения на родину [21, р. 11–15]. Несмотря на пандемию, продолжилась реадмиссия незаконных иммигрантов из ЕС: в 2019 г. Фронтекс выслал чуть менее 16 тыс. граждан третьих государств, в 2020 г. – около 12 тыс.²¹ В этой связи ужесточение правил въезда и акцент на реадмиссию со стороны ЕС, скорее всего, продолжат осложнять взаимоотношения ЕС с третьими странами, особенно со странами Африки [22].

Вдобавок в условиях пандемии и экономического кризиса в ЕС отмечалось складывание атмосферы повышенной настороженности и даже враждебности к иммигрантам и беженцам, которых могли обвинять в распространении инфекции. Инциденты в отношении мигрантов лишней раз напомнили принимающим странам, что они являются уязвимой группой населения, имеющей ограниченный доступ к услугам здравоохранения, особенно проживающие в лагерях [23, с. 95–96]. Пандемия вновь доказала, что несмотря на имеющуюся правовую базу для доступа мигрантов к услугам здравоохранения, они зачастую сталкиваются с дискриминацией, языковыми барьерами и т. п. препятствиями для получения таких услуг в реальности [24].

Новое соглашение между ЕС и АКТ по вопросам сотрудничества

Подготовка нового соглашения шла параллельно с разработкой отдельных стратегий для отдельных регионов мира. Следуя цели внедрения регионального подхода к партнерству по Соглашению Котону, Евросоюз учредил в 2000 г. отдельное партнерство со странами Африки. В рамках партнерства с 2007 г. принимаются планы действий, где одной из приоритетных сфер сотрудничества остается миграция и мобильность. В 2015 г. на саммите ЕС и лидеров Африканских государств был учрежден отдельный фонд для обеспечения стабильности и искоренения причин незаконной иммиграции и вынужденной миграции

¹⁸ Pichon E. After Cotonou: Towards a new agreement with the African, Caribbean and Pacific states. 2021. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/659453/EPRS_BRI\(2021\)659453_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/659453/EPRS_BRI(2021)659453_EN.pdf) (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁹ 2020 Annual Report OACPS 3.0: The power of change. 2021. P. 29. Режим доступа: http://www.acp.int/sites/acpsec.waw.be/files/user_files/user_15/ACP-Brochure%20OACPS%203.0-The%20Power%20of%20change-UK%20WEB.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

²⁰ Personal remittances, received (current US\$). 2020. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2020&start=1975&view=chart> (дата обращения: 08.01.2022).

²¹ EU readmission cooperation with third countries: relevant actions yielded limited results. Special report. European Court of Auditors, 2021. Режим доступа: https://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR21_17/SR_Readmission-cooperation_EN.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

в Африке (EU Emergency Trust Fund). Пятый саммит ЕС и Африканского союза в рамках указанного партнерства прошел в ноябре 2017 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар). На саммите при обсуждении вопросов миграции и мобильности было указано намерение «искоренять первопричины незаконной иммиграции и добиваться эффективного управления миграцией в духе подлинного партнерства, общей ответственности и уважения международного права и (своих) обязательств, а также соблюдения прав человека для максимизации потенциала развития как для Африки, так и для Европы»²².

В марте 2020 г. в разгар пандемии Евросоюзом была анонсирована новая стратегия в отношении Африки. И хотя в документе провозглашался «сбалансированный и комплексный подход в области миграции и мобильности, основанный на принципах солидарности, партнерства и разделения ответственности»²³, фокус в сотрудничестве по вопросам миграции и развития было предложено сделать на повышении регулируемости миграционных потоков и расширении возможностей стран-партнеров (из числа африканских стран) по обеспечению пограничного контроля на своих границах, а также на сотрудничестве в реадмиссии, борьбе с контрабандой людей в Европу и т. п. Предложение Европейской комиссии не нашло поддержки ни внутри ЕС, ни у стран Африки, а взамен было раскрытиковано за одностороннее продвижение исключительно европейских интересов²⁴.

В связи с истечением срока действия Соглашения Котону 29 февраля 2020 г. было решено подписать рамочный документ, который придет ему на смену. Политическое соглашение о содержании текста нового договора между ЕС и Организацией АКТ было достигнуто только в начале декабря 2020 г. Согласно предварительному тексту, одобренному переговорщиками от обеих сторон и обнародованному Евросоюзом в апреле 2021 г., приоритетными сферами сотрудничества были объявлены взаимодействия по вопросам:

- 1) защиты прав человека, демократии и надлежащего управления;
- 2) обеспечения мира и безопасности;

- 3) содействия развитию человека и общества;
- 4) инклюзивному экономическому росту и развитию;
- 5) устойчивой экологической повестке;
- 6) миграции и развития.

При этом для каждого из трех регионов предполагалось разработать отдельный протокол, где бы перечислялись только приоритетные для него сферы сотрудничества. В частности, условия взаимодействия по вопросам миграции и развития должны быть оговорены отдельно в протоколе для стран Африки²⁵. Статьи о миграции и развитии в новом соглашении касались общих утверждений о том, что стороны признают возможный позитивный эффект миграции и мобильности для устойчивого развития, если миграция надлежащим образом регулируется (ст. 62) или является возвратной (ст. 63). Стороны декларировали намерение облегчать условия отправки денежных переводов мигрантов на родину в целях развития стран их происхождения (ст. 67). В тексте Соглашения нашло отражение и характерная для ЕС секьюритизация иммиграции: стороны обещали бороться с первопричинами незаконной иммиграции и вынужденного перемещения людей (ст. 70) и подтверждали договоренности, касающиеся реадмиссии (ст. 74)²⁶. Таким образом, предварительный текст соглашения отражает по большей части установки ЕС в области миграции и развития.

В целом текст включает минимум изменений и явно не свидетельствует о реформировании отношений между ЕС и Организацией АКТ. С технической точки зрения ЕС несколько модифицировал механизм финансирования помощи развитию, однако принципиального изменения в отношениях ЕС с ОАКТ новое соглашение не принесло, хотя, по некоторым оценкам, обозначило ранее намечавшийся приоритет африканских стран в этом сотрудничестве [20].

Заключение

Пандемия не только нанесла серьезный урон экономике и системам здравоохранения абсолютного большинства государств мира, но и продолжает оказывать влияние на повестку международного сотрудничества. Политика развития ЕС, несмотря на объемы официальной помощи

²² Investing in Youth for Accelerated Inclusive Growth and Sustainable Development: African Union – European Union Summit 2017 Declaration. Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/media/31991/33454-pr-final_declaration_au_eu_summit.pdf (дата обращения: 09.01.2022).

²³ Towards a comprehensive Strategy with Africa: Joint Communication to the European Parliament and the Council. JOIN(2020) 4 final. Brussels, 09.03.2020. P. 14. Режим доступа: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/communication-eu-africa-strategy-join-2020-4-final_en.pdf (дата обращения: 09.01.2022).

²⁴ Pelz D. Africa-Europe relations: 2020 was a lost year. *Deutsche Welle*. 20.11.2020. Режим доступа: <https://www.dw.com/en/africa-europe-relations-2020-was-a-lost-year/a-55652720> (дата обращения: 09.01.2022).

²⁵ Proposal for a Council Decision on the signing, on behalf of the European Union, and provisional application of the Partnership Agreement between the European Union, of the one part, and the members of the Organisation of African, Caribbean and Pacific (OACPS) States, of the other part. COM(2021) 312 final 2021/0145(NLE). Brussels, 11.06.2021. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:S2021PC0312&from=EN> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁶ Partnership Agreement between [the European Union / the European Union and its Member States], of the one part, and Members of the Organisation of African, Caribbean and Pacific States, of the other part. Negotiated Agreement text initialled by the EU and OACPS chief negotiators on 15th April 2021. Режим доступа: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/negotiated-agreement-text-initialled-by-eu-oacps-chief-negotiators-20210415_en.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

развитию, тем не менее страдала от ограниченной эффективности, в том числе в вопросах снижения миграционного давления, уже на протяжении многих лет. Период пандемии стал особенно сложным для повышения результативности политики развития с точки зрения регулирования международной миграции, тем более реформирования политики развития. В этой связи можно отметить, что в повестке ЕС в области миграции и развития на протяжении уже почти 30 лет наблюдается относительная стабильность и преемственность. Однако если для ЕС мотивирование сотрудничества в сфере миграции путем предоставления помощи развитию становится нормой, то для третьих стран, в частности стран АКТ, такое видение сотрудничества не является очевидным и желательным. В этой связи в повестке отношений ЕС и ОАКТ наметились противоречия, которые пока не удалось преодолеть, несмотря на формальное продолжение сотрудничества.

Продолжение пандемии может обострить проблему поиска Европейскими институтами и отдельными государствами-членами возможностей и ресурсов для ведения политики развития, проблемы солидарности в ЕС по вопросам регулирования иммиграции и содействия развитию третьих стран. На динамику отношений Евросоюза со странами Африки, гораздо меньше – со странами Карибского и Тихоокеанского

бассейнов, в области миграции и развития в ближайшие годы с высокой долей вероятности будут влиять последствия пандемии, включая рост секьюритизации иммиграции по всему миру; ужесточение правил въезда и иммиграционной политики многих стран в целом; необходимость расширения доступа к услугам системы здравоохранения собственных граждан, а также иммигрантов и беженцев.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

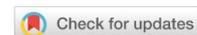
Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00187 «"Неопределенность" как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций». <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00187 "Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations". <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Литература / References

1. Бартев В. И. «Традиционные» доноры vs страны БРИКС: дивергенция моделей сотрудничества в целях развития. *Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике*, отв. ред. Ю. Д. Квашнин, Н. В. Тоганова, С. В. Уткин. М.: ИМЭМО РАН, 2013. Вып. 10. С. 78–86.
Bartenev V. I. Traditional donors vs BRICS countries: divergence of the development cooperation models. *Competition and conflicts in the world economy and politics*, eds. Kvashnin Yu. D., Toganova N. V., Utkin S. V. Moscow: IMEMO, 2013, iss. 10, 78–86. (In Russ.)
2. Ермолов М. Границы и масштабы российского содействия международному развитию. РСМД. 03.08.2021. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 04.01.2022)
Ermolov M. Boundaries and the scale of Russian development assistance. *Russian International Affairs Council*, 3 Aug 2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (accessed 4 Jan 2022). (In Russ.)
3. Зайцев Ю. К. Россия как международный донор: трудности в оценке помощи развитию. РСМД. 07.08.2020. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kak-mezhdunarodnyy-donor-trudnosti-v-otsenke-pomoshchi-razvitiyu/> (дата обращения: 04.01.2022)
Zaytsev Yu. K. Russia as international donor: difficulties in evaluating the development aid. *Russian International Affairs Council*, 7 Aug 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kak-mezhdunarodnyy-donor-trudnosti-v-otsenke-pomoshchi-razvitiyu/> (accessed 4 Jan 2022). (In Russ.)
4. Susskind D., Manyika J., Saldanha J., Burrow Sh., Rebelo S., Bremmer I. Life Post-COVID-19. *Finance & Development*, 2020, 57(2): 26–29.
5. Mofijur M., Rizwanul Fattaha I. M., Asrafal Alam Md., Saiful Islam A. B. M., Chyuan Ong H., Ashrafur Rahman S. M., Najafi G., Ahmed S. F., Alhaz Uddin Md., Mahlia T. M. I. Impact of COVID-19 on the social, economic, environmental and energy domains: lessons learnt from a global pandemic. *Sustainable Production and Consumption*, 2021, 26: 343–359. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.10.016>
6. Watermeyer R., Shankar K., Crick T., Knight C., McGaughey F., Hardman J., Suri V. R., Chung R., Phelan D. "Pandemia": a reckoning of UK universities' corporate response to COVID-19 and its academic fallout. *British Journal of Sociology of Education*, 2021, 42(5-6): 651–666. <https://doi.org/10.1080/01425692.2021.1937058>

7. Furness M., Ghica L.-A., Lightfoot S., Szent-Iványi B. EU development policy: evolving as an instrument of foreign policy and as an expression of solidarity. *Journal of Contemporary European Research*, 2020, 16(2): 89–100. <https://doi.org/10.30950/jcer.v16i2.1156>
8. Дегтерев Д. А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2. С. 47–58. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58>
Degterev D. A. Game-theory analysis of international development assistance regimes. *MGIMO Review of International Relations*, 2012, (2): 47–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58>
9. Olofsgård A., Perrotta Berlin M., Frot E. Aid motivation in early and mature partnerships: is there a difference? *Stockholm Institute of Transition Economics Working Paper*, 2012, (17): 1–38.
10. Lis P. The impact of armed conflict and terrorism on foreign aid: a sector-level analysis. *World Development*, 2018, 110: 283–294. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.06.009>
11. Погорельская А. М. Внешнеполитические инструменты регулирования иммиграции в ЕС: политика развития. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 383. С. 114–118.
Pogorelskaya A. M. Common foreign policy instruments used for migration regulation: the case of development policy. *Tomsk State University Journal*, 2014, (383): 114–118. (In Russ.)
12. De Haas H. Turning the tide? Why development will not stop migration. *Development and Change*, 2007, 38(5): 819–841. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2007.00435.x>
13. Szymańska J., Kugiel P. Development aid as a tool of the EU's migration policy. *Studia z Polityki Publicznej*, 2020, 7(4): 65–81. <https://doi.org/10.33119/KSzPP/2020.4.4>
14. Dimier V. Constructing conditionality: the bureaucratization of EC development aid. *European Foreign Affairs Review*, 2006, (11): 263–280.
15. De Marcilly Ch., Garde A. The EU-Turkey agreement and its implications: an unavoidable but conditional agreement. *Robert Schuman Foundation, European Issues*, 13.06.2016, (396). Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0396-the-eu-turkey-agreement-and-its-implications-an-unavoidable-but-conditional-agreement> (accessed 10 Jan 2022).
16. Игумнова Л. О. Европейские механизмы диффузии универсальных ценностей и международных норм. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. № 1. С. 233–239.
Igumnova L. O. European diffusion mechanisms of universal values and international norms. *iPolytech Journal*, 2012, (1): 233–239. (In Russ.)
17. Gavin B. The EU-ACP economic partnership agreements: what impact on development? *The Institute for International Integration Studies Discussion Paper Series*, 2007, (224). Available at: <https://www.tcd.ie/triss/assets/PDFs/iis/iisdp224.pdf> (accessed 10 Jan 2022).
18. Carbone M. Between EU actorness and aid effectiveness: the logics of EU aid to sub-Saharan Africa. *International Relations*, 2013, 27(3): 341–355. <https://doi.org/10.1177/0047117813497300>
19. Kalantaryan S., McMahon S. *Covid-19 and remittances in Africa*. JRC Technical Report. EUR 30262 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020. <https://doi.org/10.2760/86710>
20. Kateb A. EU-Africa relations in the light of the Covid-19 pandemic. State of play and prospects. *Robert Schuman Foundation, European Issues*, 16.02.2021, (584). Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0584-europe-africa-relations-in-the-light-of-the-covid-19-pandemic-state-of-play-and-prospects> (accessed 10 Jan 2022).
21. Bird L. *Smuggling in the time of COVID-19: The impact of the pandemic on human-smuggling dynamics and migrant-protection risks*. Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2020. 34 p.
22. Maunganidze O. A., Abebe T. T. Implications of the COVID-19 pandemic for the Africa–EU partnership agenda on migration and mobility: a continental perspective. *IAI Papers*, 2020. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2043.pdf> (accessed 10 Jan 2022).
23. Матюхова Е. И. Миграционный вызов ЕС в условиях пандемии COVID-19: проявление солидарности или угроза сплоченности? Анализ и прогноз. *Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 4. С. 94–107. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>
Matiukhova E. I. Migration challenges in the EU amid the COVID-19 pandemic: fostering solidarity or threatening the cohesion? Analysis and Forecasting. *IMEMO Journal*, 2020, (4): 94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>
24. Varga B. M. Access to healthcare services for the Roma and undocumented migrants in the EU in light of the COVID-19 pandemic. *International Journal of Roma Studies*, 2020, 2(2): 4–27. <https://doi.org/10.17583/ijrs.2020.5952>

оригинальная статья

Политика Европейского союза на Южном Кавказе после карабахской войны 2020 г.

Юматов Константин Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0597-4173>

yumatov@list.ru

Поступила в редакцию 25.01.2022. Принята после рецензирования 21.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Статья посвящена трансформации политики Европейского союза на Южном Кавказе после карабахской войны 2020 г. Военная победа Азербайджана, одержанная при турецкой поддержке, привела к тому, что линия общей внешней политики и политики безопасности в регионе (основанная на участии в Минской группе ОБСЕ по армяно-азербайджанскому конфликту, поддержке Грузии в российско-грузинском конфликте, программе «Восточного партнерства» для всех стран Южного Кавказа) оказалась малоэффективной. Не удалось выстроить модель сближения между странами Южного Кавказа, вытеснить из региона Российскую Федерацию, стать реальным посредником в конфликтных зонах. Даже процесс демократизации политических режимов в полной мере не получился ни в одной из стран региона, несмотря на однозначно проевропейскую позицию Грузии и «бархатную» революцию в Армении. Армяно-азербайджанская война 2020 г. привела к появлению российских и турецких войск на Южном Кавказе, миротворческому процессу, основанному на активном посредничестве России, Турции и Ирана. Попытки ЕС усилить роль Минской группы ОБСЕ и механизмов «Восточного партнерства» пока не дают никаких результатов, кроме дипломатических. Принципиальными проблемами для всего комплекса европейской политики с 2020 г. являются формирование общей политики в отношении всех этноконфессиональных конфликтов на постсоветском пространстве, конкуренция и партнерство в этих вопросах с Россией, усиление активности и самостоятельности в данных вопросах Турции. Таким образом, Европейскому союзу предстоит выработать новую модель влияния на Южном Кавказе и постсоветском пространстве в целом. В условиях складывающегося глобального противостояния очень важны те международные факторы, которые способны и готовы взаимодействовать со всеми сторонами. Европейский союз представляется именно таким фактором, что требует активного изучения его действий в решении региональных конфликтов.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, армяно-азербайджанский конфликт, международные отношения, внешняя политика, ЕС, Армения, Грузия, Азербайджан

Цитирование: Юматов К. В. Политика Европейского союза на Южном Кавказе после карабахской войны 2020 г. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 26–34. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-26-34>

original article

European Union Policy in the South Caucasus after the Karabakh War of 2020

Konstantin V. Yumatov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0597-4173>

yumatov@list.ru

Received 25 Jan 2022. Accepted after peer review 21 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: The article focuses on the transformation of the European Union's policy in the South Caucasus after the Nagorno-Karabakh war of 2020. Before the war, the foreign and security policy in the region had depended on the OSCE Minsk Group, Georgia's role in the Russian-Georgian confrontation, and the Eastern Partnership program for the South Caucasus. After Azerbaijan won the Nagorno-Karabakh war with Turkey's support, the previous line of policy stopped being effective. It failed to unite the countries of the South Caucasus, to remove the Russian Federation from the region, and to make the European Union a real mediator in the conflict zone. The democratization of the local political regimes also failed, despite the pro-European position of Georgia and the velvet revolution in Armenia. As a result of the Armenian-Azerbaijani war of 2020, Russian and Turkish troops entered the South Caucasus, and Russia, Turkey, and Iran started acting as peace mediators. The European Union failed to strengthen the role of the OSCE Minsk Group and the mechanisms of the Eastern Partnership in the region.

Ever since 2020, it has been trying to develop a common policy for all ethnic and inter-confessional conflicts in the post-Soviet space. The European Union keeps failing in its competition and partnership with Russia, while Turkey is getting more active and independent in the region. Thus, the European Union will have to develop a new model of influence in the South Caucasus and the whole post-Soviet space. In the current global confrontation, it is very important to find an international actor able and willing to interact with all parties. The European Union seems to be the one, and its actions in resolving regional conflicts require a detailed research.

Keywords: Nagorno-Karabakh, Armenian-Azerbaijani conflict, international relations, foreign policy, EU, Armenia, Georgia, Azerbaijan

Citation: Yumatov K. V. European Union Policy in the South Caucasus after the Karabakh War of 2020. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennoy universiteta*, 2022, 24(1): 26–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-26-34>

Введение

Концептуальные проблемы нарастания тенденций новой «холодной войны» и формирования Евразийской дуги нестабильности в XXI в. вызывают постоянный интерес международных, историков, политологов [1; 2]. Глобальное противостояние Запада (при лидирующей роли США) с Китайской Народной Республикой и РФ стало уже устойчивой характеристикой современной системы международных отношений. На региональном уровне, почти в соответствии с известной теорией С. Хантингтона [3], формируется сеть взаимосвязанных конфликтов, основанных на этнической и религиозной почве. Триггерами многих из них стали действия сверхдержавы и государств официального ядерного клуба. Действия США и их союзников привели к 20-летнему периоду конфессионального и межэтнического противостояния в Афганистане, которое, начавшись с триумфальной военной операции антитеррористической коалиции против режима талибов, завершилось не менее триумфальным возвращением движения «Талибан» к единоличной власти в стране.

В 2003 г. в рамках реализации «доктрины Буша» по борьбе с «осью зла» началось военное вторжение военной коалиции во главе с США в Ирак, которое привело к свержению диктаторского режима Саддама Хусейна. Под лозунгом создания демократического Ирака была развернута кампания «дебаасизации», которая маргинализовала суннитское меньшинство Ирака и подтолкнула его к участию в радикальных исламистских организациях: Аль-Каида Ирака и Исламское государство Ирака. Активизация религиозного исламистского фактора привела к усилению на Ближнем Востоке влияния двух стран ханбалитского мазхаба – Саудовской Аравии и Катара.

Рост конфликтности в странах Магриба и Машрика был вызван волной т. н. арабской весны 2010–2012 гг. Последствия

этого явления столь многоплановы, что требуют отдельного изучения, но отметим несколько ключевых. Стабильно развивавшиеся до 2011 г. Тунис, Египет, Сирия, Ливия и другие арабские страны оказались втянуты в дестабилизирующие и ресурсозатратные проблемы. Хотя страны Запада сыграли в событиях 2011–2012 гг. большую роль (особенно в Ливии и Сирии), но за организаторами бунтующей арабской улицы отчетливо просматривались контуры интересов Саудовской Аравии, Катара и активизировавшейся Турции. В результате разрозненные и сетевые исламистские проекты Аль-Каиды были трансформированы в консолидированный региональный проект Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ или ДАИШ), впоследствии переросший в глобальный исламистский тренд Исламского государства. В результате во внутренний конфликт Ирака, Сирии и Йемена в 2013–2015 гг. оказались втянуты Россия, США, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия, Иран и Турция.

Ближний и Средний Восток не были исключением из правил. К сожалению, на постсоветском пространстве глобальный тренд роста конфликтности тоже нашел свое воплощение. В 2008 г. произошло «размораживание» грузинского узла на Южном Кавказе [4]. 8 августа нападение грузинских войск на Южную Осетию¹ привело к пятидневной российской операции «принуждения Грузии к миру»² и последующему признанию РФ Южной Осетии и Абхазии³. Последнее фактически было ответом на признание Западом независимости Косово от Сербии. Миссия наблюдателей ЕС в Грузии⁴ зафиксировала расширение прямого присутствия европейцев на Южном Кавказе.

В 2013 г. центр конкуренции переместился в Восточную Европу. Отказ президента Украины В. Януковича от подписания соглашения об ассоциации с ЕС в рамках Восточного

¹ Главные положения доклада ЕС о войне России с Грузией. Тезисы доклада международной комиссии по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе в августе 2008 г. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2009/09/090930_eu_findings_summary (дата обращения: 08.01.2022).

² Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12 августа 2008 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (дата обращения: 08.01.2022).

³ Стенограмма выступления и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова, министра иностранных дел Южной Осетии М. К. Джиоева и министра иностранных дел Абхазии С. М. Шамбы на совместной пресс-конференции, Москва, 09.09.2008. Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ab/1604992/> (дата обращения: 05.01.2022).

⁴ European Union Monitoring Mission in Georgia. Режим доступа: https://www.eumm.eu/en/about_eumm/mandate/ (дата обращения: 08.01.2022).

партнерства спровоцировал Евромайдан, свержение власти и раскол страны. Крым на референдуме принял решение о вхождении в РФ. Донецкая и Луганская народные республики Донбасса стали главным фронтом противостояния и основным поводом для нарастающей конфронтации между Украиной и Россией, Россией и Западом. Южный Кавказ на какое-то время отошел на периферию конкурентной борьбы. Более того, именно здесь удалось достигнуть важного компромисса. Армения, которая является членом Евразийского экономического союза и Организации Договора коллективной безопасности, смогла заключить с Европейским союзом в рамках Восточного партнерства всеобъемлющее и расширенное партнерское соглашение 2017 г.

Из замороженных постсоветских конфликтов Нагорно-Карабахский казался самым предсказуемым. После замораживания конфликта в 1994 г. [5] долгое время стороны ограничивались перманентными пограничными столкновениями без длительных последствий. Майендорфская декларация 2008 г.⁵ фиксировала стремление сторон к политическому урегулированию. Мадридские принципы⁶ обозначили позиции Минской группы ОБСЕ [6]. Но негативная реакция Азербайджана на «футбольную дипломатию» Турции и Армении 2008–2009 гг. и столкновения 2016 г. в Нагорном Карабахе между азербайджанскими и армянскими силами показали, что подобный статус-кво Азербайджан уже не устраивал. Угроза вмешательства ОДКБ, дипломатическая позиция США и Франции, связанная с влиянием армянской диаспоры, заставляли Азербайджан выжидать. В 2018 г. «бархатная» революция в Армении привела к свержению Сержа Саргсяна и приходу к власти прозападной оппозиции Никола Пашиняна. Несмотря на идеологические разногласия с российской и белорусской властью, новая армянская власть вынуждена была сохранить членство и в ОДКБ, и в ЕАЭС. В 2020 г. время ожидания Азербайджана завершилось. Военные действия обозначили преимущество Азербайджана, активно поддержанного Турцией вооружением и наемниками. Через 44 дня, 9 ноября 2020 г., сбитый азербайджанцами над территорией Армении российский вертолет⁷ стал поводом для дипломатического вмешательства России. Было заключено мирное соглашение, предполагавшее передачу Азербайджану районов, захваченных НКР в ходе первой карабахской войны, и частично бывшей территории НКАО. В частности, под контроль Азербайджана перешел очень значимый для обеих сторон с военной, стратегической и исторической точки зрения город Шуша (арм. Шуши)⁸. Разделение сторон и процесс примирения должны были

обеспечить российские миротворцы. На Южном Кавказе стал формироваться новый баланс сил и взаимоотношений как внутренних, так и внешних факторов.

Таким образом, актуальность изучения политики ЕС на Южном Кавказе определена сразу несколькими факторами. Конфликт 2008 г. и последняя карабахская война заставляют все признанные государства региона (Армения, Азербайджан, Грузия, Россия, Турция, Иран), частично-признанные (Абхазия, Южная Осетия) и непризнанные государственные образования (Нагорно-Карабахская республика) пересматривать основы своей внешней политики, сложившиеся после распада Советского Союза и военных конфликтов первой половины 1990-х гг. Учитывая вовлеченность Ирана, Турции и России в сирийский конфликт, необходимо видеть взаимосвязь событий на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. И если действия и риторика США в отношении ситуации вполне предсказуемы в своей антироссийской и антииранской направленности в обоих регионах, то позиция ЕС всегда отличалась большей гибкостью и качественной эффективностью, что прослеживается в политике «Восточного партнерства», в миротворческих усилиях в Грузии и на Украине, даже в иранском ядерном вопросе. Соответственно именно ЕС, менее вовлеченный в военные аспекты противостояния, заинтересован в усилении политических факторов в международных отношениях в регионе Южного Кавказа. Этот контекст является очень сложным как для России, так и для ЕС из-за взаимоотношений с Турцией, которая, с одной стороны, является частью инфраструктуры НАТО, с другой – партнером России по астанинскому формату сирийского миротворческого процесса. В условиях складывающегося глобального противостояния очень важны те международные факторы, которые способны и готовы взаимодействовать со всеми сторонами. ЕС представляется именно таким фактором, что требует активного изучения его действий в решении региональных конфликтов.

Роль ЕС в международных отношениях на Южном Кавказе имеет длительную историю изучения в научной литературе. Исследование этапов складывания политики ЕС на Южном Кавказе представлено в статье И. В. Болговой [7]. Развитие этих процессов – в исследованиях И. М. Узнардова [8], К. В. Юматова и соавторов [9–11], А. А. Язьковой [12]. Проблемам реализации политики «Восточного партнерства» на Кавказе посвящена работа П. А. Барахвостова [13]. Участие других международных факторов (политику США, России и Турции на Южном Кавказе) изучали Г. Говард [14], С. М. Маркедонов [15; 16]

⁵ Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации. 02.11.2008. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/232> (дата обращения: 08.01.2022).

⁶ Statement by the OSCE Minsk Group Co-Chair countries. 10.07.2009. Режим доступа: <https://www.osce.org/mg/51152> (дата обращения: 08.01.2022).

⁷ Азербайджанские военные сбили российский вертолет над Арменией. 10.11.2020. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-54879360> (дата обращения: 08.01.2022).

⁸ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 08.01.2022).

и М. А. Сучков [16], Д. А. Данилов [17], Х. С. Галстян [18], А. Искандарян [19], Р. Ибрагимов [20], Т. Челикпала [21], Д. Г. Хачатрян [22], Д. Исаченко [23]. Из недавних исследований региональных международных отношений на Южном Кавказе после карабахской войны привлекло особое внимание аналитическое исследование Г. Г. Аветикяна [24]. Экономические и энергетические аспекты международных отношений на Южном Кавказе исследуются в работах Н. Михоличича [25]. Проблемы взаимодействия России и ЕС в контексте партнерства и конкуренции на постсоветском пространстве рассматриваются в коллективной монографии [26] участников проекта «Европейский союз и Россия: потенциал совместных действий по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве».

Несмотря на столь представительный комплекс работ, необходимо отметить, что война 2020 г. резко изменила баланс сил на Южном Кавказе, повысила динамику дипломатических, военных и политических трансформаций, что ведет к необходимости постоянного мониторинга ситуации и формирования аналитических представлений о происходящих событиях. В связи с тем, что ЕС являлся и является одним из ведущих внешних факторов международных отношений на Южном Кавказе, исследование его политики во взаимосвязи с политикой других региональных и внерегиональных держав является одной из самых актуальных задач в настоящее время.

Методы

Методология исследования предполагает комплекс методических подходов к анализу материала. Историко-генетический метод и системный подход позволяют выявить истоки и развитие международных отношений на Южном Кавказе. Для понимания изменений подходов ЕС к региону, эволюции и трансформации внешней политики внутренних и внешних авторов кавказской политики, несомненно, необходим метод сравнительно-исторического анализа. Анализ текстов материалов прессы, telegram-каналов и заявлений политических лидеров связан с применением семиотического анализа, включающего изучение смысла текстов (семантика), средств (синтактика) и цели их создания (прагматика). Данный метод позволяет выявить не только представленные в официальных документах, но и скрытые потенциальные проблемы, противоречия и угрозы внутри комплекса международных отношений и региональной политики. Общенаучные принципы объективности и комплексного анализа материала являются обязательным фундаментом исследования конфликтных ситуаций в международных отношениях.

Результаты

Военная компания 2020 г. между армянами и азербайджанцами оказалась по своим результатам очень релевантной для международных отношений на Южном Кавказе как для внутренних, так и для внешних факторов. Азербайджан при масштабной поддержке Турции добился несомненного военного реванша за поражение в 1-й Карабахской войне 1990-х гг. Возвращение потерянных территорий резко усилило позиции Ильхама Алиева и во внешней, и во внутренней политике. На первый взгляд, это был несомненный военно-политический триумф. Но этот триумф нарушает несколько обстоятельств. Сбитый азербайджанскими войсками 9 ноября 2020 г. над Арменией российский военный вертолет позволил России открыто вмешаться в ситуацию и выступить в качестве миротворца. В результате 10 ноября было заключено соглашение⁹, по которому Азербайджану вернулись почти все потерянные территории, кроме небольшой части бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (или непризнанной Нагорно-Карабахской республики) с административным центром в Степанакерте (азерб. Ханкенди). Контролировать выполнение соглашения обеими сторонами должны были российские миротворцы. Таким образом, российские войска появились не только на территории члена ОДКБ Армении, но и на территории, которую Азербайджан считал своей. В свою очередь, Турция (союзник Азербайджана), сыгравшая ключевую роль в карабахской победе, оказалась вне процесса миротворчества. Чтобы не потерять своих достижений Турции пришлось добиваться, чтобы ее присутствие в Карабахе было обозначено. В Агдамском районе (азербайджанский Нагорный Карабах) был создан российский-турецкий мониторинговый центр¹⁰. При этом Россия¹¹ и Армения¹² заявляли, что участие турецких частей в миротворческой миссии не предусмотрено соглашением 10 ноября 2020 г. В итоге между двумя участниками Астанинского формата сирийского примирения возникло определенное напряжение в процессе карабахского урегулирования.

Россия, включившись в миротворческий процесс, достигла очень важных результатов:

- остановила кровопролитие и спасла много человеческих жизней, как военных, так и мирных жителей;
- обеспечила оборону государства члена ОДКБ и спасла репутацию этого интеграционного военно-политического блока в глазах участников;
- формально усилила свои военно-политические позиции на Южном Кавказе;
- не позволила Турции, США и ЕС вытеснить себя из политики и миротворческого процесса в регионе.

⁹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента РФ...

¹⁰ Турция берет под жесткий контроль миротворцев России в Карабахе. *Независимая газета*. 31.01.2021. Режим доступа: https://www.ng.ru/armies/2021-01-31/2_8070_world1.html (дата обращения: 08.01.2022).

¹¹ Российские войска вводятся в Карабах на пять лет. *Ведомости*. 10.11.2020. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/11/10/846461-rossiiskie-voiska> (дата обращения: 05.01.2022).

¹² В Ереване опровергли участие Турции в миротворческом центре в Карабахе. *RBC*. 10.11.2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2020/5faa546b9a79474f10c216ab> (дата обращения: 05.01.2022).

Но в перспективе все эти факторы имеют и обратную сторону:

1. Усиление влияния России в регионе постоянно происходит в ходе вмешательства в военные конфликты (2008 г.: Грузия – Южная Осетия – Абхазия; 2020 г.: НКР – Армения – Азербайджан), что дает возможность обвинять ее в заинтересованности в сохранении конфликтного потенциала, в частности сепаратистских государственных образований как инструмента внешней политики и экспансии (добавляя при аргументации сюда еще Донбасс и Приднестровье).

2. Грузинский опыт заставляет азербайджанцев сомневаться в желании России вывести миротворцев в оговоренные сроки.

3. Всякое усиление влияния России в Евразии вызывает негативную реакцию Запада. В начале XXI в. это отражала активная позиция Запада на формирование сотрудничества закавказских республик с НАТО и ЕС. «Революция роз» в Грузии позволила противопоставить ее России. Но поражение «цветных» революций в Армении и Азербайджане и военная победа России над Грузией в операции «принуждения к миру» не позволили довести этот курс Запада до логического завершения. Признание Абхазии и Южной Осетии и договоры с ними усилили военно-политическое присутствие РФ на территории Южного Кавказа.

Как не парадоксально, именно с этого момента в регионе стала расти роль ЕС, который стал определенным противовесом России. Николя Саркози, представлявший Францию и ЕС, добился от российского президента плана «Медведева – Саркози», который позволил остановить войну (и российские войска на подступах к Тбилиси), восстановить мир (и сохранить власть в Грузии президенту М. Саакашвили), создать в качестве гаранта мира Миссию наблюдателей ЕС в Грузии, которая оказалась отличным инструментом умной силы и общественного влияния [27]. Кроме того, в 2008 г. была выдвинута инициатива, а в 2009 г. запущена программа «Восточного партнерства», которая позволила Грузии в 2014 г. подписать соглашение с ЕС об ассоциации. Армения, ограниченная членством в ОДКБ и ЕАЭС, тем не менее смогла в 2017 г. заключить всеобъемлющее и расширенное партнерское соглашение с ЕС. Восточное партнерство можно рассматривать как проявление мягкой и умной силы в общей внешней политике и политике безопасности ЕС. Уверенный европейский выбор Грузии, сохранившийся даже после проигрыша выборов президента Михаилом Саакашвили, подтверждал этот факт. «Бархатная» революция, произошедшая в 2018 г. в Армении, и определенные проблемы, возникшие между правительством Н. Пашиняна и администрациями В. Путина и А. Лукашенко, казалось, тоже подтверждали этот факт и ставили под вопрос участие Армении в ЕАЭС.

В ряду всех успехов «Восточного партнерства» явным пробелом было взаимодействие с Азербайджаном.

Обязательными условиями для сближения с ЕС со стороны южнокавказской республики были поддержка в решении карабахского конфликта против Армении и отсутствие претензий к легитимности власти клана Алиевых. В первом вопросе ЕС не мог себе позволить больших уступок, учитывая интересы Армении и армянской диаспоры в Европе, что давало повод азербайджанцам обвинять Францию (как сопредседателя Минской группы ОБСЕ и члена ЕС) в предвзятости и необъективности. В вопросе о передаче власти, несмотря на все усилия оппозиции и критику Парламента ЕС, максимумом, что готова была обсуждать семья Алиевых, стал вариант «семейного транзита». Например, от мужа к жене (от Ильдара Алиева к Мехрибан Алиевой), от президента – к вице-президенту¹³. Ведь не случайно 21 февраля 2017 г. по распоряжению Президента Ильхама Алиева Мехрибан Алиева была назначена Первым вице-президентом Азербайджана. Таким образом, компромиссы в этих вопросах были исчерпаны. Азербайджан и ЕС до 2020 г. не достигли соглашения в рамках «Восточного партнерства».

Для ЕС карабахская война осени 2020 г. и ее результаты оказались крайне неприятным сюрпризом. ЕС, сохраняя внешний нейтралитет, был разочарован жесткой позицией Азербайджана. Все попытки ЕС и США выступить в роли миротворцев оказались абсолютно провальными. С точки зрения Запада произошло неожиданное и непредсказуемое усиление военно-политических позиций России и Турции в одном из ключевых регионов евразийского пространства, соединяющего Черное и Каспийское моря. Несмотря на то, что Турция формально является членом Североатлантического альянса, а значит военным союзником США и европейских стран НАТО, ее политика последнее время представляется слишком непредсказуемой. Упорная позиция по покупке у РФ комплекса С-400 в противовес позиции США и НАТО, участие в Астанинской группе по Сирии вместе с Россией и Ираном постоянно вызывали критику и даже санкции со стороны США. Для европейских стран неприятным сюрпризом (кроме Карабаха) оказались позиции Турции по Ливии и Северному Кипру, что вызвало обострение и дипломатические скандалы с Францией, Грецией и Кипром. Поскольку в карабахском конфликте именно Россия и Турция (опосредованно Иран) оказались ключевыми факторами, то ЕС не оставалось ничего другого, как начинать поиск новых путей возвращения своего влияния в Южном Кавказе.

Какие действия были предприняты ЕС для восстановления своего влияния? Во-первых, Франция попыталась заявить о необходимости возвращения ведущей роли Минской группе ОБСЕ. Аналогичное заявление было сделано США. Россия формально не отрицала этого формата и поддержала инициативу, но подразумевала, что поскольку РФ является сопредседателем Минской группы ОБСЕ, то значит Минская группа не отстранена от миротворческого процесса,

¹³ Мехрибан Алиева. Биография. Режим доступа: <https://mehriban-alieva.az/ru/site/biography> (дата обращения: 05.01.2022).

а представлена РФ. Турция не раз устами своего президента подчеркивала, что Минская группа ОБСЕ являлась неэффективной до и во время войны и стала бессмысленной после нее¹⁴. С точки зрения основных участников военных действий, Минская группа тоже оказалась неэффективной. Азербайджан указывал на то, что после формирования Мадридских принципов Минская группа фактически гарантировала де-факто статус-кво для Армении и не смогла ничего сделать для Азербайджана. Возвращаться к этой ситуации азербайджанское руководство не видело смысла. Армяне также обвиняли ОБСЕ и Минскую группу в том, что они не смогли ни предотвратить, ни остановить войну. Таким образом, вопрос актуализации Минской группы результатов для европейцев не дал.

В продолжение инициативы по Минской группе ОБСЕ Э. Макрон выдвинул идею придать миротворческим силам международный характер и взять под охрану памятники армян в азербайджанском Карабахе. У Азербайджана и Турции эта идея энтузиазма не вызвала, так же как призыв Э. Макрона на армянском языке вывести азербайджанские войска с территории Армении в мае 2021 г.¹⁵

Третьим направлением деятельности ЕС стала активизация дипломатических визитов на Кавказ. В мае 2021 г. на встрече в Лиссабоне министры иностранных дел стран ЕС по инициативе Румынии обсудили неурегулированные конфликты в странах участницах «Восточного партнерства». По итогам саммита было принято решение о расширении участия ЕС в урегулировании этих конфликтов и визите от имени Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля в три страны Южного Кавказа группы министров иностранных дел стран ЕС¹⁶. Министр иностранных дел Румынии Богдан Ауреску в Баку так обозначил итоги визита: «Данная встреча состоялась по инициативе Румынии, по нашей инициативе в повестку дня также была включена тема региональных конфликтов. По окончании упомянутой встречи мы пришли к такому решению, что Европейский Союз намерен активизировать усилия с тем, чтобы более обстоятельно заниматься регионом, участвовать в урегулировании конфликтов, а что касается нагорно-карабахского конфликта – быть привлеченным с согласия сторон к процессам в постконфликтный период»¹⁷.

В июне 2021 г. состоялся визит на высшем уровне Президента Европейского Совета Шарль Мишель. Он поочередно

посетил Армению, Азербайджан и Грузию. В Армении важно было поддержать легитимность нового правительства Николы Пашиняна, созданного после парламентских выборов, и решения Конституционного суда об их законности. ЕС важно не допустить, во-первых, возвращения к власти лидеров «карабахского» клана, которые считаются пророссийским, а во-вторых, добиться сохранения европейской позиции лидеров «бархатной» революции, оказавшихся перед лицом самого страшного поражения в новейшей армянской истории. На пресс-конференции по итогам переговоров Шарль Мишель озвучил все ключевые позиции ЕС: ЕС готов более активно участвовать в решении проблем Южного Кавказа, а также укрепить связи с регионом; ЕС помогает Минской группе ОБСЕ в урегулировании нагорнокарабахского конфликта, и призвал «продолжить работу по достижению стабильности и процветания в регионе»; «Надеемся, что удастся решить вопросы, связанные с военнопленными, передачей карт заминированных территорий и делимитацией-демаркацией границы. Мы также надеемся, что станут возможными дискуссии о сотрудничестве и транспортных коммуникациях... Мирные переговоры важны. ЕС готов быть конструктивным партнером в решении проблем и популяризации демократических ценностей», – заявил Мишель¹⁸.

Надо отметить, что на грузинском направлении были предприняты очень серьезные шаги для того, чтобы добиться внутренней консолидации грузинского общества перед лицом растущего российского влияния на Кавказе. При активном участии президента Евросовета был разработан документ под громким названием «Европейский путь для Грузии» (неофициальное название – Соглашение Шарля Мишеля), призванный покончить с затяжным внутриполитическим кризисом. Если в октябре 2021 г. по итогам выборов в органы местного самоуправления «Грузинская мечта» не набирает хотя бы 43 % голосов избирателей, то в Грузии будут проведены досрочные парламентские выборы. Надо сказать, что, к сожалению, для европейцев внутренний раскол среди проевропейских партий Грузии не был преодолен, а после тайного приезда и ареста экс-президента Михаила Саакашвили осенью 2021 г. только углубился.

Чтобы подтвердить особую роль Грузии среди членов «Восточного партнерства» именно на территории Грузии был проведен саммит Шарля Мишеля с президентами

¹⁴ Эрдоган обвинил Минскую группу ОБСЕ в бездействии. *Коммерсант*. 05.10.2020. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4520048> (дата обращения: 05.01.2022).

¹⁵ Макрон на армянском языке призвал Баку вывести войска с территории Армении. *DW*. 15.05.2021. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/makron-prizval-baku-vvesti-vojska-s-territorii-armenii/a-57524093> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶ Группа глав МИД стран ЕС посетит три страны Южного Кавказа от имени Борреля. 28.05.2021. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/группа-глав-мид-стран-ес-посетит-три-страны-южного-кавказ-от-имени-борреля/2257021> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁷ Ильхам Алиев принял министров иностранных дел Румынии, Австрии, Литвы и делегацию Европейского Союза. 25.06.2021. Режим доступа: <https://president.az/ru/articles/view/52310> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁸ Рокс Ю. Евросоюз инспектирует Южный Кавказ. *Независимая газета*. 18.07.2021. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2021-07-18/5_8201_caucasus.html (дата обращения: 08.01.2022).

трех ассоциированных с Евросоюзом членов: Украины, Молдовы и Грузии¹⁹.

ЕС видит возможности урегулирования и миростроительства за счет механизмов «Восточного партнерства». По мнению Ж. Борреля, это единственная платформа, объединяющая трех партнеров и ЕС, даже если и существуют определенные проблемы во взаимодействии. «Это структура, помогающая партнерам сотрудничать в неконфронтационных областях, которые могут улучшить жизнь граждан конкретными способами, повысить эффективность управления и создать больше связей между самими странами-партнерами»²⁰. К сожалению, не очень понятно, как в цели и механизмы «Восточного партнерства» вписывается еще более усилившаяся после победы в Карабахской войне власть И. Алиева, тем более что фактор европейской (в частности, французской) армянской диаспоры остается весьма значимым. Об этом говорят такие сюжеты, как рекомендательное голосование французского Сената 25 ноября 2020 г. за признание Нагорного Карабаха²¹ и скандал вокруг посещения Степанакерта (Ханкенди) кандидатом в президенты Франции Валери Пекресс в декабре 2021 г. В свою очередь Азербайджан предельно жестко формулирует ответы на такие акции²².

Заключение

Подводя итог анализу действий ЕС на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 г., необходимо отметить несколько основных тенденций.

1. Механизмы «Восточного партнерства» не смогли стать препятствием для обострения обстановки вокруг Нагорного Карабаха. Предлагаемые ЕС методы и механизмы сотрудничества стали привлекательными для Грузии и Армении, но не обеспечили лояльность Азербайджана. Карабахский кризис 2020 г. еще раз доказал, что для Армении пока нет альтернативы, кроме опоры на ОДКБ и ЕАЭС. ЕС не обладает необходимыми возможностями по сдерживанию Азербайджана и Турции.

2. ЕС находится в поиске возвращения и усиления своего влияния на Южном Кавказе. Препятствием этому процессу являются позиции Турции, России, Ирана. Внутренняя борьба в Грузии и Армении и авторитарная модель власти в Азербайджане также являются сдерживающими факторами для дипломатии ЕС.

3. Попытки использовать инструменты Минской группы ОБСЕ и «Восточного партнерства» пока не доказывают своей эффективности. В первом случае активным союзником для ЕС являются США.

4. Представляется, что ключевой опорой ЕС на Южном Кавказе остается Грузия. В то же время складывается ощущение, что ЕС за счет «Восточного партнерства» пытается создать альтернативу России уже не только на Южном Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве. Не очень эффективный формат ГУАМ (Грузия – Украина – Азербайджан – Молдавия) пока трансформирован в ассоциированную евротройку (Грузия – Украина – Молдавия).

5. Выполнение договоренностей между Азербайджаном, Арменией и Турцией по разблокированию транспортных путей, открытию, демаркации и делимитации границ открывает большие возможности для участия европейских инвесторов. В условиях, когда все обострения между армянами и азербайджанцами ассоциируются для обеих сторон с неэффективностью действий российских миротворцев, умная сила ЕС может оказаться привлекательной альтернативой для южнокавказских государств к 2025 г., когда завершится мандат миротворческой миссии РФ.

6. Для позиций ЕС и РФ на Южном Кавказе становятся самостоятельными позиции Турции и Ирана. Несмотря на все форматы, объединяющие ЕС (НАТО) и РФ (Астанинский формат) с турками и иранцами, на Южном Кавказе, как и в Северной Африке, наблюдаются значительные противоречия между этими партнерами. При этом вряд ли стоит рассчитывать на свертывание активности Турции и Ирана.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Публикация статьи подготовлена в рамках гранта Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" / «Россия и ЕС: вопросы партнерства и конкуренции в международных отношениях» (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). Поддержка Европейской Комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения ее содержания. Публикация отражает только точку зрения автора, Европейская Комиссия не несет ответственность за любое использование содержащейся в ней информации.

Funding: This research was supported by the Erasmus + Jean Monnet Chair "Russia and the EU: Issues of Partnership and Competition in International Relations" (612037-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR). The European Commission's

¹⁹ Там же.

²⁰ ЕС готов к большому взаимодействию для всеобъемлющего урегулирования после второй Карабахской войны – Боррель. *Trend*. 03.07.2021. Режим доступа: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3449503.html> (дата обращения: 08.01.2022).

²¹ Французский Сенат проголосовал за признание Нагорного Карабаха. *RFI*. 25.11.2020. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/ru/франция/20201125-французский-сенат-проголосовал-по-вопросу-признания-нагорного-карабаха> (дата обращения: 08.01.2022).

²² Азербайджан выразил Франции протест из-за поездки кандидата в президенты в Карабах. *RFI*. 23.12.2021. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

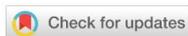
support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot

be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Литература / References

1. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки, отв. ред. В. Н. Колотов. СПб.: НП-Принт, 2013. 576 с.
Eurasian arc of instability and regional security issues from East Asia to North Africa, ed. Kolotov V. N. St. Petersburg: NP-Print, 2013, 576. (In Russ.)
2. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / гл. ред. В. Н. Колотов. СПб.: НП-Принт, 2017. 832 с.
Eurasian arc of instability and regional security issues from East Asia to North Africa: results of 2016, ed. Kolotov V. N. St. Petersburg: NK-Print, 2017, 832. (In Russ.)
3. Huntington S. P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. N. Y.: Simon & Schuster, 1996, 368.
4. Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М.: Европа, 2008. 130 с.
Dzhadan I. *The Five-Day War. Russia is compelling to peace*. Moscow: Европа, 2008, 130. (In Russ.)
5. Торопыгин А. В. Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 1. С. 71–78.
Toropygin A. V. Bishkek Protocol. How it was: memories and comments. *Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics*, 2019, (1): 71–78. (In Russ.)
6. Garibov A. OSCE and conflict resolution in the post-soviet area: the case of the Armenia-Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict. *Caucasus International*, 2015, 5(2): 75–90.
7. Болгова И. В. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе. *Кавказский сборник*, под ред. В. В. Дегоева. М.: Рус. панорама, 2008. Т. 5. С. 338–350.
Bolgova I. V. European Union policy in the South Caucasus. *Caucasian collection*, ed. Degoev V. V. Moscow: Rus. panorama, 2008, vol. 5, 338–350. (In Russ.)
8. Узнародов И. М. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе в контексте отношений с Россией. *Кавказология*. 2018. № 1. С. 208–222. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-208-222>
Uznarodov I. M. The European Union's policy in the South Caucasus in context of relations with Russia. *Caucasology*, 2018, (1): 208–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-208-222>
9. Юматов К. В. Эволюция политики Европейского Союза на Южном Кавказе. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 1. С. 126–131.
Yumatov K. V. The evolution of the European Union's policy in the South Caucasus. *Tomsk State University Journal of History*, 2012, (1): 126–131. (In Russ.)
10. Самутина О. С., Юматов К. В. Европейская идентичность и культурные границы в контексте этнополитических конфликтов на Южном Кавказе в конце XX – начале XXI в. *Европейский путь для России: за и против*, отв. ред. А. В. Акульшина. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 107–119.
Samutina O. S., Yumatov K. V. European identity and cultural frontiers in the context of ethno-political conflicts in the South Caucasus region at the end of 20th and beginning of the 21st century. *To be European in Russia: pro and contra*, ed. Akulshina A. V. Voronezh: VSU, 2017, 107–119. (In Russ.)
11. Юматов К. В., Сивина К. Н. Европейский Союз и Россия на Южном Кавказе в 2008–2020: пространство конкуренции и партнерства. *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. № 2. С. 47–56. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2021-3-2-47-56>
Yumatov K. V., Sivina K. N. The European Union and Russia in the South Caucasus in 2008–2020: a space of competition and partnership. *History and Modern Perspectives*, 2021, 3(2): 47–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2021-3-2-47-56>
12. Язькова А. А. ЕС и регион Южного Кавказа. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*, ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носов. М.: Весь Мир, 2015. С. 141–159.
Yazkova A. A. EU and the South Caucasus. *European Union in search for a global role: politics, economics, and security*, eds. Gromyko Al. A., Nosov M. G. Moscow: Ves mir, 2015, 141–159. (In Russ.)
13. Баракхвостов П. А. Кавказское измерение «Восточного партнерства» (2009–2016 гг.). *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 4. С. 199–208. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-199-208>
Barakhvostov P. A. The Caucasian dimension of the Eastern Partnership in 2009–2016. *MGIMO Review of International Relations* 2016, (4): 199–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-199-208>

14. Howard G. Covering the perspectives of the US foreign policy in the South Caucasus. *Caucasus International*, 2017, 7(1): 11–20.
15. Маркедонов С., Крижановская М. У террористической угрозы на Северном Кавказе свои предпосылки. РСМД. 05.12.2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/u-terroristicheskoy-ugrozy-na-severnom-kavkaze-byli-svoi-predposylki/> (дата обращения: 08.01.2022).
Markedonov S., Krizhanovskaya M. The terrorist threat in the North Caucasus has its specific prerequisites. *Russian International Affairs Council*, 5 Dec 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/u-terroristicheskoy-ugrozy-na-severnom-kavkaze-byli-svoi-predposylki/> (accessed 8 Jan 2022). (In Russ.)
16. Markedonov S. M., Suchkov M. A. Russia and the United States in the Caucasus: cooperation and competition. *Caucasus Survey*, 8(2): 179–195. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1732101>
17. Данилов Д. А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор. *Современная Европа*. 2017. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.15211/soveurope120171021>
Danilov D. A. EU global strategy: eastern vector. *Sovremennaya Evropa*, 2017, (1): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope120171021>
18. Галстян Х. С. Россия в Закавказье: посредническая роль в урегулировании карабахского конфликта. *Десять лет внешней политики России: мат-лы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований*. (Москва, 23–24 сентября 2003 г.) М.: Полит. энцикл., 2003. С. 283–288.
Galstyan Kh. S. Russia in Transcaucasia: mediating role in the settlement of the Karabakh conflict. *Ten years of Russian foreign policy: Proc. First Convention of the Russian Association of International Studies*, Moscow, 23–24 Sep 2003. Moscow: Polit. enstikl., 2003, 283–288. (In Russ.)
19. Искандарян А. Армения – Турция: разделенные историей, сплоченные географией. КАВКАЗ-2006. *Ежегодник Института Кавказа*, ред. А. Искандарян. Ереван: Кавказский Институт СМИ, 2008. С. 228–242.
Iskandaryan A. Armenia – Turkey: divided by history, united by geography. *The CAUCASUS-2006*. CMI Yearbook, ed. Iskandaryan A. Yerevan: SMI, 2008, 228–242. (In Russ.)
20. Ибрагимов Р. Турецко-Азербайджанские отношения и политика Турции на Центральном Кавказе. *Кавказ и глобализация*. 2011. Т. 5. № 3-4. С. 17–23.
Ibragimov R. Turkey – Azerbaijan relations and Turkey's policy in the Central Caucasus. *Kavkaz i globalizatsia*, 2011, 5(3-4): 17–23. (In Russ.)
21. Челикпала М. Турция и Южный Кавказа в 2009 г. КАВКАЗ-2009. *Ежегодник Института Кавказа*, ред. А. Искандарян. Ереван: Институт Кавказа, 2011. С. 172–190.
Çelikpala M. Turkey and the South Caucasus in 2009. *CAUCASUS-2009. CI Yearbook*, ed. Iskandaryan A. Yerevan: CI, 2011, 172–190. (In Russ.)
22. Хачатрян Д. Г. Нагорно-Карабахский конфликт сквозь призму отношений Армении и Турции. *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. № 2. С. 223–233.
Khachatryan D. G. Nagorno-Karabakh conflict through prism of Turkey-Armenian relations. *Postsovetские issledovaniya*, 2018, 1(2): 223–233. (In Russ.)
23. Isachenko D. Turkey–Russia partnership in the war over Nagorno-Karabakh. *SWP Comment*, 2020, (53). <https://doi.org/10.18449/2020C53>
24. Аветикян Г. Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение. *Пути к миру и безопасности*. 2020. № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>
Avetikyan G. G. The 2020 Nagorno-Karabakh war: the regional dimension. *Pathways to Peace and Security*, 2020, (2): 181–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>
25. Miholjic N. Trans-Caspian International Transportation Route: A way to steadfast economic development and connectivity in the South Caucasus and Central Asia. *World of Diplomacy*, 2018, (49): 134–140.
26. Еремина Н. В., Каледин Н. В., Кузьмина Е. М., Михеева Н. М., Притчин С. А., Шевчук Н. В. Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? М.: Знание-М, 2021. 180 с. <https://doi.org/10.38006/00187-035-7.2021.1.180>
Eremina N. V., Kaledin N. V., Kuzmina E. M., Mikheeva N. M., Pritchins S. A., Shevchuk N. V. *The role of Russia and the EU in conflicts and crises in the post-Soviet space: competitors or allies?* Moscow: Znanie-M, 2021, 180. (In Russ.) <https://doi.org/10.38006/00187-035-7.2021.1.180>
27. Самутина О. С., Юматов К. В. Информационное обеспечение деятельности по урегулированию грузино-южно-осетинского конфликта миссии наблюдателей европейского союза в Грузии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-2. С. 298–303.
Samutina O. S., Yumatov K. V. Information support of the Georgian-South Ossetian conflict resolution activity by the EU observer mission in Georgia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 298–303. (In Russ.)

оригинальная статья

Шутка и ужас в самоидентификации лирического героя произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженые»

Аксенова Анастасия Александровна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>
AA9515890227@yandex.ru

Синегубова Капиталина Валерьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Поступила в редакцию 23.01.2022. Принята после рецензирования 18.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Рассмотрена проблема самоидентификации лирического героя произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженые». Проанализированы причины, по которым шутка сменяется ужасом в рефлексии лирического героя. В теории литературы это связано с концепцией М. М. Бахтина относительно лирики: голос лирического субъекта угасает или искажается, оказавшись вне хора. Авторы статьи считают, что отпадение от хора провоцирует здесь страх утраты индивидуального начала. Проблема самоидентификации лирического Я / не Я героя возникает в связи с его причастностью процессу актуализации сакральных границ *своего* мира и *чужого*. Наиболее отчетливо ситуация проявляется в момент встречи «неслаженных» взоров, как репрезентация разобщения. Сделан вывод, что художественный мир произведения под влиянием особых условий хронотопа (период святочного обрядового перевоплощения) перестает быть привычным и безмятежным. Соответственно, лирический герой обнаруживает, что участие в обряде, направленном на расшатывание, размывание границ между своим миром и потусторонним, требует личной ответственности. Открытое событие встречи *своего* и *чужого* выявляет, что в художественном мире произведения за обрядовой игрой таится реальный и серьезный смысл.

Ключевые слова: лирический герой, читатель, шутка, игра, ужас, самоидентификация, визуальное в литературе, ряженые, В. Ф. Ходасевич

Цитирование: Аксенова А. А., Синегубова К. В. Шутка и ужас в самоидентификации лирического героя произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженые». *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 35–41. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-35-41>

original article

Joke and Horror in the Self-Identity of the Lyrical Hero in *The Mummers* by V. F. Khodasevich

Anastasia A. Aksenova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>
AA9515890227@yandex.ru

Kapitalina V. Sinigubova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Received 23 Jan 2022. Accepted after peer review 18 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: This article features V. F. Khodasevich's poem *The Mummers* and explains why horror replaces humor in the main character's self-analysis. According to M. M. Bakhtin, the voice of the Persona fades or becomes distorted if it sounds alone, outside the Chorus. In this particular case, falling away from the Chorus provokes the fear of losing self-identity. The speaker identifies himself as Me / Not-Me based on the sacred boundaries between Mine and Someone Else's. This situation is most clearly manifested in the line when the eyes of the speaker meet those of the mummer in a certain "uncoordinated" way, which can be interpreted as separation. The Yuletide chronotope makes the artistic world of the poem unfamiliar and alien. The masquerade blurs the boundaries between the worlds, and the speaker discovers that participation in this ritual requires personal responsibility. The open meeting of Me and The Other is anything but one-sided, and the ritual game appears to have a deep and serious meaning.

Keywords: persona, reader, joke, game, horror, self-identity, visual in literature, mummers, V. F. Khodasevich

Citation: Aksenova A. A., Sinigubova K. V. Joke and Horror in the Self-Identity of the Lyrical Hero in *The Mummers* by V. F. Khodasevich. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 35–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-35-41>

Введение

Интерес, проявленный со стороны современного литературоведения к различным аспектам воплощения лирического субъекта в художественном мире, свидетельствует об актуальности данной научной проблемы. В отечественной филологии разграничение понятий *лирический герой* и *лирическое Я* зародилось в контексте модернизма, что отражают исследования Ю. Н. Тынянова [1, с. 474] и А. Белого [2, с. 483]. На данное разграничение опирается и В. Новиков в своей постановке вопроса о современной теории лирического субъекта [3, с. 70]. Развитие представлений о роли лирики в культуре [4] и изменения, которые произошли с понятием лирического субъекта в эпоху постмодернизма [5], приводят к потребности дальнейшего изучения темы [6, с. 44].

В статье мы обращаемся к проблеме самоидентификации лирического героя не в общих ее чертах, а в связи с конкретным наблюдением при прочтении произведения В. Ф. Ходасевича «Ряженные». Этому стихотворению до сих пор не посвящались специальные истолкования, хотя некоторые смысловые аспекты уже затрагивались в процессе изучения других произведений поэта. Так, А. Такеда отмечает, что в деле создания маски В. Ф. Ходасевич пошел дальше, чем другие поэты эпохи модернизма, став автором известной мистификации [7]. Изучая творчество В. Ф. Ходасевича, В. О. Ноненмахер утверждает, что в лирике этого поэта преобладает чистый Я-субъект [8, с. 19]. Зачастую понятие *маски* в лирике относят к феномену субъектной структуры [9, с. 5], но данный термин пока не имеет четких границ. В свете перемещения лирического героя из сакрального в профанный мир А. А. Чевтаев различает примеры ролевой лирики и маску лирического Я, поскольку в последнем случае происходит вживание лирического героя в чуждый для него контекст [10, с. 27]. Как и в случае с произведением «Ряженные», это сопровождается разобщенностью Я и миропорядка.

В статье о творчестве поэта Н. А. Резниченко выделяет характерное для лирической системы В. Ф. Ходасевича противопоставление души и тела [11, с. 146], а Л. Е. Сыроватко обращает внимание на специфику изображения лирического героя, которая состоит в почти физическом ощущении своей души [12, с. 122]. Если обратить внимание на тот факт, что лирический герой в произведении «Ряженные» оказывается на границе, высказывая сомнение относительно самоидентификации (*Я – не я?*), то это сомнение нуждается в объяснении. По нашему предположению, трансформация внешности лирического героя в этом стихотворении тесно связана с особенностями хронотопа и указывает на проблему границ при взаимодействии *своего* мира и *чужого*.

В лирике само переживание выходит на первый план, преобладает над обстоятельствами. Внешний мир, окружающий героя, увиден всегда сквозь его определенное переживание. По словам В. Е. Хализева, «В лирике на первом плане единичные состояния человеческого сознания: эмоционально окрашенные размышления, волевые импульсы, впечатления,

внерациональные ощущения и устремления» [13, с. 346]. Такое внерациональное ощущение в сознании лирического героя произведения «Ряженные» возникает в момент колебания границы между *Я* и *не Я* в процессе обряда. Для прояснения отношения лирического героя к себе самому и своему миру необходимо обратиться к самоидентификации лирического героя, которое М. М. Бахтин понимает как «самосовпадение героя» в работе об авторе и герое.

На очень существенный для понимания работ М. М. Бахтина смысловой аспект указывает Л. Ю. Фуксон: «Диалог в бахтинском понимании не столько явление речи, сколько персоналистский способ бытия и способ мысли, при котором обращение к любым сферам сопровождается систематической персонификацией, развеществлением любого предмета, благодаря чему его понимание становится событием встречи» [14, с. 180]. В истолковании произведения «Ряженные» мы опираемся на представление о том, что поведение лирического героя выходит за рамки сложно организованной речи и связано с событием встречи, сближением разобщенных в повседневной жизни границ реального и потустороннего миров.

Субъектная структура лирики отличается особенной сложностью. С. Н. Бройтман характеризует ее так: «Если представить себе субъектную структуру лирики как некую целостность, двумя полюсами которой являются авторский и геройный планы, то ближе к авторскому будут располагаться внеличные формы выражения авторского сознания, ближе к геройному (почти совпадая с ним) – герой ролевой лирики; промежуточные положения займут лирическое "я" и лирический герой» [15, с. 113]. Проблема личных и внеличных моментов для лирики, как мы считаем, связана не только с отношениями автора и героя, но и с самой пространственной организацией мира в лирике.

Результаты

В произведении В. Ф. Ходасевича «Ряженные» заглавие отсылает к определенной культурной традиции, которая актуализируется в зимнее время года накануне христианского праздника. Поэтому и прочтение оказывается уже в пределах системы определенных настроений читателя, подсказанных хронотопом художественного мира. Суть ряжения состоит в осуществлении контакта между противоположными мирами – своим и чужим. По словам исследователя данной культурной традиции: «в каком бы из перечисленных ключей ни давать толкование ряженья, трактовка его всюду подразумевает один и тот же, по сути своей игровой, язык. Во всех перечисленных случаях следует говорить об иллюзии присутствия тех существ, которые понимаются как божества природы, мифические предки или духи-оборотни. Речь идет о персонификации всех названных сил посредством фиктивного выступления и действия от их лица» [16, с. 23]. Если изменение внешности при помощи ряженья должно трансформировать

и внутреннюю сущность участника, то можно говорить о том, что в данной игровой форме индивидуальные черты человека временно исчезают, а на их месте *воплощается* мифологическое существо. Важно отметить, что это изменение «получает не просто отрицательное значение ("нет меня"), но и значение положительное: некто другой, alter» [16, с. 31], делает нечто фантомное в повседневной жизни зримым в ситуации обрядовой игры.

Ходасевич В. Ф. *Ряженые*¹

Мы по улицам тёмным
Разбежимся в молчании.
Мы к заборам укронным
Припадём в ожидании.

... «Эй, прохожий! прохожий!
Видел чёрта рогатого,
С размалеванной рожей,
Матерого, мохнатого?»

Ветер крепок и гулок.
Снег скрипит, размывается...
Забегу в переулок –
Там другие шатаются.

В лунном отсвете синем
Страшно встретиться с ряженым!
Мы друг друга окинем
Взором чуждым, неслаженным.

Самого себя жутко.
Я – не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?

Особое внимание обращает на себя необычное соседство игры (спрятаться, испугать прохожего) и опасности (больше не вернуться в свой человеческий облик). Опасность в этом случае акцентирует моменты причастности и личной ответственности. Есть и другие примеры в литературе, связанные со страхом невозвращения (путешествия во сне, поход сказочного героя в страшный лес, спуск Орфея в ад и т. д.). Чисто развлекательный момент игры отступает на задний план, переводя в центр внимания сакральный смысл. По мысли Е. Финка: «Игровой мир – вовсе не "ничто", не иллюзорный образ. Он обладает приданным ему содержанием, это сценарий со множеством ролей. Нереальность игрового мира есть предпосылка для того, чтобы в нем мог сказаться некий "смысл", затягивающий нечто такое, что "реальнее" так называемых фактов» [17, с. 374]. Такое воплощение не является только веселой игрой, но и накладывает на участников долю личной ответственности: всякий, изображающий предков-покойников, не должен быть узан, поэтому тщательная маскировка и сокрытие лица

обязательно. Если ряженого узнавали, то он не имел права продолжать участие в обряде, т. к. нельзя одновременно быть и человеком, и существом, принадлежать и своему миру, и потустороннему.

О подлинной человеческой внешности лирического героя ничего не известно как другому герою (прохожему), так и читателю. В визуальном отношении здесь намечается лишь минимальное количество зримых подробностей, т. к. все образы только упоминаются (*мы, улицы, заборы*). Первый более подробный портрет – портрет черта: *рогатый, мохнатый, размалеванный*. Читатель догадывается, что перед нами – ряженный. Нужно принять во внимание, что портрет исходит из уст самого героя. Для читателя – это облик участника обряда (важно, что в данный момент читатель видит то же самое, что и появившийся на улицах прохожий, к которому герой обращается). Для самого лирического героя – только портрет черта (того, кого он в данный момент представляет «на сцене»). В этот момент читатель сближается с позицией прохожего, к которому обращены слова ряженого. Лирический герой ориентирован на реакцию этого зрителя (прохожего), а значит в какой-то мере и на реакцию читателя, только сам он, конечно, о присутствии автора и читателя не подозревает.

Так в какой мере присутствует здесь читатель? Проблема точек зрения героя, автора и читателя глубоко осмыслена в работе Л. Ю. Фуксона «Место созерцателя». В ней автор формулирует важное для нашей ситуации наблюдение относительно устройства художественного мира: «в той степени, в какой сопереживаем герою, мысленно *перемещаемся* туда, где идет его жизнь. В этом измерении на какой-то миг художественный мир не предстает нам "весь", но лишь своей частью, как перед персонажем» [18, с. 181]. Оставаясь в пределах своего реального жизненного плана, читатель может параллельно этому почувствовать себя в окружении тех вещей и пространства, в котором пребывает герой произведения. При этом некий пространственный сегмент целого мира читатель видит (на какое-то время) глазами самого героя. Динамика визуальных образов связана с тем, что читатель может смотреть на мир глазами не одного единственного героя (как сам этот герой), но еще и глазами других персонажей (что самому герою уже недоступно). В произведении В. Ф. Ходасевича «Ряженые» лирический герой видит ночную улицу и прохожего глазами ряженого, т. е. исходя из своей роли, но в четвертой и пятой строфе он оказывается ближе к позиции самого прохожего, как бы отшатываясь от своей роли.

Местоимение *мы* в первой строфе подчеркивает изначально коллективный характер предстоящего дела – шутки над всеми прохожими. С одной стороны, сопровождающее действия молчание – знак, что обсуждать нечего и все действия героев согласованы, ведь они преследуют общую цель, но с другой – еще и знак начавшегося обряда, который

¹ Ходасевич В. Ф. *Ряженые. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922*. М.: Согласие, 1996. С. 70.

требует от участников сохранить инкогнито [16, с. 147]. Само обрядовое молчание связано с тем, что покойники принадлежат другому миру и не разговаривают с живыми [16, с. 119]. Но молчание нарушается: речь лирического героя шутивно-насмешлива, а оклик *Эй* выполняет функцию привлечения внимания (заменяет обращение по имени), поскольку каждый прохожий здесь – незнакомец. Прохожий – одинокий путник, он *другой* для участников обряда. Этот *другой* должен быть через шутку вовлечен в игру ряженных, должен приобщиться к потустороннему миру, ведь ряженный выполняет именно эту обрядовую функцию приобщения других и размыкания границ между привычным миром и таинственным.

Характеристика *матерый*, которая звучит в изображении героем черта, призвана как бы усилить эффект натурального присутствия невидимой злой силы и испугать прохожего. Обычно выражение *матерый* употребляется в прямом значении по отношению к растениям и животным, которые достигли полной зрелости, и в переносном – по отношению к человеку, когда хотят подчеркнуть его большой опыт в каком-то деле, или же синонимично к словам *отъявленный, закоренелый*. Во второй строфе пугающий облик соседствует с игрой, смехом (*с размалеванной рожей*), что указывает на рукотворность и карнавальную характер представшего перед прохожим образа. Выражение *матерый* стремится к полюсу воплощения демонического образа, а слово *размалеванной* – к полюсу разоблачения и смеха. Так сталкиваются две противоречащие тенденции. Не случайно и С. Г. Бочаров обращает внимание на отраженное в творчестве В. Ф. Ходасевича столкновение двух противоположных устремлений – к разрушению и к преобразению [19].

Внутри самого лирического героя неожиданно для него сталкиваются две сущности: Я и не Я. Оказалось, что реальный для героев произведения мир и мир потусторонний начинают переключаться: в третьей строфе описано природное состояние ветра – *крепок*, т.е. он сильный, суровый, и такая характеристика природной стихии переключается с характеристикой нечисти, которую представляют ряженные (*матерый*). Луна в противовес дневному светилу соотносится с мистическим и ночным временем суток, когда все сокрытое днем оживает, а невозможное днем становится возможным сейчас. Стоит обратить внимание на строки: *В лунном отсвете синем / Страшно встретиться с ряженным* – это уже реакция лирического героя на всё происходящее как бы со стороны. Герой, и сам являясь ряженным, говорит: *Страшно встретиться с ряженным*. Такие слова скорее характерны для позиции прохожего. В прозаическом тексте эти слова принадлежали бы голосу повествователя, но здесь они уживаются в сознании лирического героя. Он не только субъект-в-себе, но еще и субъект-для-себя.

В произведении «Ряженные» В. Ф. Ходасевич выбрал именно слово *шатаются* для характеристики действий других

персонажей глазами героя. Эта характеристика принадлежит точке зрения лирического героя, который и сам в данный момент является одним из них – ряженным. Можно утверждать, герой о самом себе тем самым говорит *он*, что можно считать проявлением субъектного синкретизма: «в одном и том же стихотворении он говорит о себе то в первом лице единственного числа, то в первом лице множественного, то во втором и третьем лице единственного числа» [20, с. 7], на что указывает не только Д. С. Лихачев, но и С. Н. Бройтман [21]. *Шататься* – просторечное выражение, которое обычно характеризует бесцельность действий. Дело в том, что кто-то из ряженных уже напугал одного человека, а других прохожих пока нет, поэтому ряженные действительно находятся в ожидании нового путника. На темной улице прохожий – редкость по сравнению со светлым временем суток. Гулкий ветер подчеркивает пустоту и безлюдность улиц, а снег не только указывает на зимнее время года, но еще и скрипит, вступая тем самым в контраст с тишиной и подчеркивая ночную тишину.

В контексте данного произведения шатающиеся ряженные – не только буквальное зрелище, но и указание на общее состояние расшатывания сакральной границы между миром живых и потусторонним миром предков. Пересечению этих миров и способствуют ряженные участники. В статье о лирическом субъекте С. Н. Бройтман отметил, что в лирику входит «не только такое "я", которое умеет видеть себя со стороны, но и действительный (при этом не "объектный", не вещный) другой, возникает сложная игра точек зрения» [15, с. 114]. Не только других, но и себя герой тоже осознает в качестве шатающегося. Жест героев *припадём в ожидании* указывает на желание спрятаться, чтобы усилить эффект своего *внезапного* появления. Внезапность усиливает контраст между спокойным течением жизни и ворвавшейся в нее силой иной природы. Поэтому характеристика заборов как *укромных* актуализирует семантику тайны, закрытости и границы между мирами.

Исследователи творчества В. Ф. Ходасевича отмечают свойственную его лирике оппозицию *я – мы* [11, с. 143]. Тенденция к сочетанию смешного и страшного обусловлена напряжением между миром *своих* и *чужих*, а затем это провоцирует обнаружение лирическим героем «другого в себе» (М. М. Бахтин): лирический герой смотрит на себя со стороны и обрывает свое шутовское поведение рефлексивной репликой.

Сам В. Ф. Ходасевич высказывался, что юродство – экстатическое состояние, вдохновение, которым художник отличен от не-художника [22]. Он связывает это с уклонением от серьезного пафоса, самоиронией творца, отсутствием претензий художника на изречение абсолютных истин. Можно согласиться с тем, что всякий автор (биографический), конечно, и сам чувствует себя частью мира, посредником между истиной (божеством, Музой,

космосом, т.е. чем-то несравненно большем, чем сам человек) и собственным творением. Отсюда возможна негативная реакция автора как человека на собственный поэтический дар. А. В. Сыроватко формулирует это так: «это состояние художник не только не может рационально постигнуть, объяснить даже самому себе, но пытается скрыть от других как ненормальность» [12, с. 95]. Но не будем смешивать такую позицию самого поэта или художника с позицией лирического героя.

Проявления юродства героя в лирике, с точки зрения М. М. Бахтина, объясняется тем, что оно «имеет место в декадансе, также и в так называемой реалистической лирике (Гейне). Образцы можно найти у Бодлера, Верлена, Лафорта; у нас особенно Случевский и Анненский – *голоса вне хора*. Возможны своеобразные формы юродства в лирике. Всюду, где герой начинает освобождаться от одержания другим – автором (он перестает быть авторитетным), где смысловые и предметные моменты становятся непосредственно значимыми, где герой вдруг находит себя в едином и единственном событии бытия в свете заданного смысла, там концы лирического круга перестают сходиться, герой начинает не совпадать с самим собою, начинает видеть свою наготу и стыдиться, рай разрушается» [23, с. 191]. В статье о рефлексиях М. М. Бахтина, посвященных лирике такого типа, Н. В. Налегач приходит к выводу, что «лирика как род литературы к началу XX столетия начинает переживать кризис из-за распада хорového начала, породившего ироническую тональность, благодаря чему установилась дистанция между я и миром» [24, с. 88]. Мы считаем, что распад хорového начала и негативные реакции лирического героя в отношении самого себя связаны с разрушением базовых точек опоры, разрушением того понятного мира, в котором он чувствовал себя «дома», к которому чувствовал свою смысловую причастность.

Лирический герой произведения «Ряженные» попадает в ситуацию разобщения со своей ролью именно во время встречи с другим ряженным (*Мы друг друга окинем / Взором чуждым, неслаженным*), но рефлексия собственного Я оставалась в действии (т.е. он не был полностью погружен в свою роль, личность не уступила место мифологическому существу, как того требовал обряд), поэтому возникло ощущение двойственности: *я – не я?* Когда в начале обряда все выходило на улицы сообща, то это еще была шутка, веселая игра. Задор чувствуется в оклике *Эй, прохожий!*, но когда в конце каждый из участников остался *наедине* со своей ролью, то возник ужас утратить свое Я навсегда. В монографии Н. В. Налегач страх смерти в лирической системе В. Ф. Ходасевича объясняется так: «лик смерти ведет к ощущению ценности жизни, выраженному в мотиве облегчения, с которым лирический герой обнаруживает себя в близком и знакомом мире» [25, с. 133]. Встреча героя с возможностью невозвращения из игры обнаруживает серьезность полночной шутки. Если ряженные в первой строфе действуют слаженно (*мы*), то в последней строфе

констатируется неслаженность взоров. Именно этим раздвоением обусловлено опасение героя в последней строфе. Исследователь творчества В. Ф. Ходасевича А. С. Сваровская обращает внимание на характерную для его лирического героя рефлексия о собственных эстетических опорах и кризисе культуры [26, с. 38].

Оторванность от остальных участников, ощущение самого себя уже не частью общего мира, а одиноким осколком порождают сомнения в душе лирического героя. Когда его голос перестает звучать в атмосфере общей поддержки, когда сами действия, в которых он участвует, уже не кажутся ему частью закономерной гармонии, то шутка переходит в ужас. Типичная для сказочного сюжета ситуация заключается в том, что ребенок, увлекаясь игрой, незаметно все больше удаляется от дома, а когда обнаруживает это, то уже слишком поздно, чтобы вернуться (и теперь для возвращения требуется ряд испытаний). Лирический герой в этом произведении все больше удаляется от точки опоры, от понимания окружающего мира как своего, родного, что напрямую соотносится с отпадением от хора. В лирике, по мысли М. М. Бахтина, голос не может звучать вне теплой атмосферы хоровой поддержки, лишаясь такой поддержки, голос срывается, вздрагивает, замирает. Поэтому неслаженность взоров – с одной стороны, необходимая часть самого ритуала, а с другой – условие разобщения, которое намечает тенденцию к трансформации лирического пафоса [27, с. 10]. Поэтому удаль, которую демонстрирует ряженный герой в начале своего приключения, закономерно сменяется сомнением и страхом в финале.

Заключение

Пространственная организация художественного мира в произведении В. Ф. Ходасевича «Ряженные» является не просто предметом изображения или фоном, на котором происходят какие-то события, а тесно связана с ощущением героя в мире, его самоидентификацией, взаимодействием сакрального и профанного смысловых планов. Ощущение лирическим героем своей смысловой причастности или же, наоборот, отпадения от такой причастности влияет на результат его самоидентификации (Я / не Я).

Заданная пространством художественного мира граница *своего* и *чужого* реализуется в процессе ряжения, надевания героем маски [28, р. 620] и проявляется на остальных смысловых уровнях как оппозиция коллективного и личного, значимого и бессмысленного, истины и лжи, красоты и уродства, шутки и ужаса. Временные планы этого художественного мира, как и пространство, причастны противопоставлению *своего* и *чужого*. Полночная шутка, которая уместна и возможна только в такую ночь, может навеки пленить героя: страх утраты собственного Я – страх небытия, который охватывает героя, если его возвращение к собственному Я не состоится. Мгновение (полночь), таким образом, может продлиться целую вечность.

За ритуальным надеванием маски, переодеванием и самоидентификацией лирического героя стоит более серьезный смысл, чем простое развлечение. Это в первую очередь открытое событие встречи *своего* и *чужого*, которое не является только односторонним. Не только сам лирический герой заглядывает по ту сторону повседневно-бытовой реальности, но и какая-то другая сила отзывается в самом герое на этот взгляд. Отсюда мир, в котором обитает герой, предстает не одномерным, плоским, таким, где всему есть рациональное объяснение, но и глубоким, таинственным, вызывающим к личной ответственности каждого участника, поэтому обратная сторона шутки ужасает ряженого.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
Тунупанов Yu. N. *Poetics. The history of literature. Cinema*. Moscow: Nauka, 1977, 574. (In Russ.)
2. Белый А. Авторские предисловия к сборникам стихотворений. *Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы*. М.: Республика, 1994. С. 480–493.
Bely A. Author's preface to collections of poems. *Collected works. Verses and poems*. Moscow: Respublika, 1994, 480–493. (In Russ.)
3. Новиков В. Два значения понятия «лирический герой» и их роль для построения современной теории лирического субъекта. *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика*, под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Берлин: Peter Lang, 2018. Bd. 4. С. 67–78.
Novikov V. Two meanings of the concept of "presona" and their role for the construction of a modern theory of the lyrical subject. *Subject in the newest Russian-language poetry – theory and practice*, eds. Stahl H., Evgrashkina E. Berlin: Peter Lang, 2018, Bd. 4, 67–78. (In Russ.)
4. Džafić Š. Po/Etika stiha – katarza čitatelja kroz katarze lirskih subjekata: ogled o pjesništvu Ramiza Huremagića. *DHS-Društvene i humanističke studije: časopis Filozofskog fakulteta u Tuzli*, 2019, (8): 33–44. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.33759.10404>
5. Milanko A. Car je gol: Dezintegracija lirskoga subjekta u pjesnistvu Ivana Slamniga. *Fluminensia*, 2017, 29(1): 83–95. <https://doi.org/10.31820/f.29.1.3>
6. Шталь Х. Многопостасная модель поэтического субъекта. *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика*, под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Берлин: Peter Lang, 2018. Bd. 4. С. 35–55.
Stahl H. The multi-post model of the poetic subject. *Subject in the newest Russian-language poetry – theory and practice*, eds. Stahl H., Evgrashkina E. Berlin: Peter Lang, 2018, Bd. 4, 35–55 (In Russ.)
7. Такеда А. Кто такой Василий Травников? К вопросу о сопряжении мистификации и истории литературы. *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 2. С. 164–173. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-2-164-173>
Takeda A. Who is Vasily Travnikov? Between literary hoax and literary history. *Studia Litterarum*, 2018, 3(2): 164–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-2-164-173>
8. Ноненмахер В. О. Коммуникативная типология лирических стихотворений Вл. Ходасевича. *Иностранные языки в Узбекистане*. 2021. № 1. С. 19–27. <https://doi.org/10.36078/1618554294>
Nonnenmacher V. O. Communicative typology of lyrical poems by V. Khodasevich. *Foreign Languages in Uzbekistan*, 2021, (1): 19–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.36078/1618554294>
9. Бичевин А. Г. «Маска» как феномен субъектной структуры в ранней лирике Н. С. Гумилева. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 379. С. 5–9.
Bichevin A. G. "Mask" as the subjective structure phenomenon in early lyrics of N. S. Gumilev. *Tomsk State University Journal*, 2014, (379): 5–9. (In Russ.)
10. Чевтаев А. А. Нарративная маска лирического «я» в стихотворении Н. С. Гумилева «Воин Агамемнона». *Парадигмы современной науки*. 2017. № 1. С. 24–33.
Chevtaev A. A. The narrative mask of the lyrical "I" in the poem "The Warrior of Agamemnon" by N. S. Gumilev. *Paradigmy sovremennoy nauki*, 2017, (1): 24–33. (In Russ.)
11. Резниченко Н. А. Две Психеи. Арсений Тарковский и Владислав Ходасевич. *Вопросы литературы*. 2017. № 5. С. 141–169.
Reznichenko N. A. Two Psyches. Arseny Tarkovsky and Vladislav Khodasevich. *Voprosy Literatury*, 2017, (5): 141–169. (In Russ.)

12. Сыроватко Л. В. Тяжелый дар. Концепция творчества В. Ходасевича и мотив «встречи с небожителем» у В. Набокова. *Вопросы литературы*. 2010. № 3. С. 95–122.
Syrovatko L. V. Tough gift. The concept of V. Khodasevich's creativity and the motive of "meeting with the celestial" by V. Nabokov. *Voprosy Literature*, 2010, (3): 95–122. (In Russ.)
13. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
Khalizev V. E. *Theory of literature*. Moscow: Vyssh. shk., 2002, 437. (In Russ.)
14. Фуксон Л. Ю. Время диалога. *Новый мир*. 2012. № 8. С. 175–181.
Fuchson L. Yu. Dialog time. *Novyi mir*, 2012, (8): 175–181. (In Russ.)
15. Бройтман С. Н. Лирический субъект. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 112–114.
Broymtan S. N. Lyrical subject. *Poetics: a dictionary of current terms and concepts*, ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008, 112–114. (In Russ.)
16. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994. 233 с.
Ivleva L. M. *Mumtery in Russian traditional culture*. St. Petersburg: RIAN, 1994, 233. (In Russ.)
17. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон+, 2017. 431 с.
Fink E. *The basic phenomena of human existence*. Moscow: Kanon+, 2017, 431. (In Russ.)
18. Фуксон Л. Ю. Место созерцателя. Фуксон Л. Ю. *Толкования*. Кемерово: КемГУ, 2018. С. 181–190.
Fuchson L. Y. Contemplator's place. *Interpretations*. Kemerovo: KemSU, 2018, 181–190. (In Russ.)
19. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 1999. 632 с.
Bocharov S. G. *Plots of Russian literature*. Moscow: Iazyki rus. kultury, 1999, 632. (In Russ.)
20. Лихачев Д. С. Кратчайший путь: о поэзии А. С. Кушнера. Кушнер А. *Стихотворения*. Л.: Худож. лит., 1986. С. 3–12.
Likhachev D. S. The shortest path: A. S. Kushner's poetry. Kushner A. *Poems*. Leningrad: Khudozh. lit., 1986, 308. (In Russ.)
21. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: РГГУ, 1997. 307 с.
Broymtan S. N. *Russian lyrics of the XIX – early XX century in the light of historical poetics. (Subject-figurative structure)*. Moscow: RSUH, 1997, 307. (In Russ.)
22. Ходасевич Вл. О Сирине. В. В. Набоков: *pro et contra*, сост. Б. Аверин, М. Маликова, А. Долинин. СПб.: РХГИ, 1997. С. 244–250.
Khodasevich Vl. About Sirin. V. V. Nabokov: *pros and cons*, comps. Averin B., Malikova M., Dolinin A. St. Petersburg: RCIH, 1997, 244–250. (In Russ.)
23. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336.
Bakhtin M. M. *Author and hero. To the philosophical foundations of the Humanities*. St. Petersburg: Azbuka, 2000, 336. (In Russ.)
24. Налегач Н. В. И. Анненский в рефлексиях М. М. Бахтина. М. М. Бахтин и литературная герменевтика, под ред. Ю. В. Подковырина. Кемерово: КемГУ, 2016. С. 83–89.
Nalegach N. V. I. Annensky in M. M. Bakhtin's reflections. M. M. Bakhtin and literary hermeneutics, ed. Podkovyrin Yu. V. Kemerovo: KemSU, 2016, 83–89. (In Russ.)
25. Налегач Н. В. «Поэтика отражений» И. Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике XX века. Кемерово: КемГУ, 2012. 260 с.
Nalegach N. V. I. Annensky's "The poetics of reflections" and phenomenon of the poetic dialogue in Russian lyrics of the XX century. Kemerovo: KemSU, 2012, 260. (In Russ.)
26. Сваровская А. С. «Европейская ночь» В. Ходасевича. Поэт в ситуации кризиса культуры. *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог*, под ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: ТГУ, 2002. Вып. 4. С. 38–49.
Svarovskaya A. S. "European Night" by V. Khodasevich. the poet in a situation of crisis of culture. *Russian literature in XX century: names, problems, and cultural dialogue*, ed. Rybalchenko T. L. Tomsk: TSU, 2002, 38–49. (In Russ.)
27. Есин А. В., Касаткина Т. А. Система эмоционально-ценностных ориентации. *Филологические науки*. 1994. № 5-6. С. 10–18.
Esin A. V., Kasatkina T. A. System of emotional and value orientations. *Philological Sciences*, 1994, (5-6): 10–18. (In Russ.)
28. Matveeva V. V., Domanski Yu. V., Skvortsov A. E. Image, mask and persona in the Russian poetry at the turn of 21st century. *Journal of History Culture and Art Research*, 2017, 6(4): 615–622. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i4.1154>

оригинальная статья

Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна

Кузнецов Илья Владимирович

Новосибирский государственный театральный институт, Россия, г. Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

eliah2001@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2022. Принята после рецензирования 22.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Под сомнение ставится уместность использования понятия *миф* применительно к культуре XX в. Анализируется происхождение этого термина, связанное с философией и филологией немецкого романтизма. Показана закономерность актуализации понятия *миф* в эпоху модерна, обусловленная ее обострившимся вниманием к иррациональной стороне действительности. Понятие *неомифологизм* по справедливости применяется к культуре модерна, поскольку в ней сохранялось субстанциальное понимание мифа. Однако некритический перенос этой терминологии на культуру постмодерна в статье проблематизируется, поскольку в постмодерне миф начал пониматься формально – как способ высказывания. Такое понимание сложилось в семиологии и структурной антропологии. В культуре потребительского общества создание квазимифов было поставлено на конвейер как эффективное средство управления массовым сознанием. Эти несубстанциальные квазимифы быстро объединились в симулякр мифологии мифа. В статье даются характеристики этого симулякра. Подчеркнуто, что неомифологизм как субстанциально-ориентированная ментальность никак не свойствен культуре и литературе постмодерна, основанной на мифологии мифа. В аспекте филологической проблематики показано, что вопрос о мифе касается ключевого вопроса исторической поэтики: о соотношении предания и личного творчества. Особенность современности видится в том, что личное творчество научно и практически начинает осознаваться как продолжение предания и, следовательно, как утверждение национального мифа. Данная статья была первоначально опубликована на английском языке как глава коллективной монографии: Kuznetsov I. V. *Mythology of Myth in Twentieth-Century Culture. Philological sciences: Modern scholarly discussions*. Lviv-Torun: Liha-Pres, 2019. P. 64–78. **Ключевые слова:** миф, квазимиф, потребительский миф, субстанциальность, неомифологизм, постмодерн, симулякр, предание, личное творчество

Цитирование: Кузнецов И. В. Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 42–49. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-42-49>

original article

Mythology of Myth as the Foundation of Postmodern Culture

Ilya V. Kuznetsov

Novosibirsk State Theatre Institute, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0001-9629-4012>

eliah2001@mail.ru

Received 17 Jan 2022. Accepted after peer review 22 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: The article questions the appropriateness of using the concept of myth in relation to the XX century culture. The term originated in the German Romantic philosophy and philology. The current use of the concept of myth is mostly connected with the irrational side of reality. The concept of neo-mythologism can be applied to the epoch of Modernism because it preserved a substantial understanding of the myth. Post Modernism, however, understood the myth in a formal way, as an expressive means. This understanding was adopted by semiology and structural anthropology. In the contemporary society, the so-called quasi-myths have become an effective tool of controlling mass consciousness. Unsubstantial quasi-myths tend to merge into a simulacrum of the mythology of myth. The article describes this simulacrum and reveals that neo-mythologism as a substance-oriented mentality is not peculiar to Post Modernism. Philologically speaking, today's myth concerns the key issue of historical poetics, i.e. the relationship between tradition and creativity, where individual creativity is a statement of tradition and national myth. This article was originally published in English as a monograph chapter: Kuznetsov I. V. *Mythology of Myth in Twentieth-Century Culture. Philological sciences: Modern scholarly discussions*. Lviv-Torun: Liha-Pres, 2019. P. 64–78.

Keywords: myth, quasi-myth, consumer myth, substantiality, neo-mythologism, postmodernism, simulacrum, tradition, personal creativity

Citation: Kuznetsov I. V. Mythology of Myth as the Foundation of Postmodern Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 42–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-42-49>

Введение

Что такое миф? Этим вопросом современная гуманитарная наука давно не задавалась. А между тем задаться следует, потому что в XX в. наблюдалась усиливающаяся экспансия понятия *миф* в самые разные области культуры. В науке и публицистике мифом стали некритически называть все, что относится к фону неосознаваемых представлений, как правило, имплицитованных в языке. Само слово *мифология* сделалось оценочным понятием: прозвучал бартовский тезис «язык – это фашист», а следом за ним еще ряд подобных деклараций. Закономерно, что деконструкция сделалась магистральной научной стратегией конца века. Представляется, что именно в этом контексте обретает насущность задача: не только уточнить содержание понятия *миф*, но и разграничить, где подлинно миф, а где – псевдомиф.

Цель – уточнить традиционное содержание понятия *миф* и перенести его в контекст культуры XX в. Задачи: продемонстрировать несовпадение постмодернистской трактовки мифа с традиционной; утвердить традиционную трактовку как методологическую базу филологии; наметить современные возможности филологического исследования, основанного на субстанциальном понимании мифа.

Субстанциальная концепция мифа

Понятие *миф* сделалось неотъемлемой частью гуманитарного обихода в эпоху Просвещения (Дж. Вико, Д. Дидро и др.). Первоначальное снисходительное отношение к мифологии как к младенческому симптому человечества сменилось иным, ответственным, в философии романтизма, особенно у Ф. Шеллинга, который поместил миф в качестве промежуточного эстетического звена между природой и искусством. Открытие европейским человеком древних цивилизаций Востока впервые пошатнуло убеждение классической науки в европоцентризме. Это дало толчок исследованиям сравнительного характера, внутри которых должна была немедленно проявиться теоретическая сторона, позволяющая логически упорядочить обширный материал наблюдений. Возникшая в то время мифологическая школа, разумеется, еще не знала, что она мифологическая. Просто понятие *миф* сделалось одним из опорных в ее стихийно формировавшейся теории. Родоначальник мифологизма Якоб Гримм в часто цитируемом Предисловии к «Немецкой мифологии» (1835) декларировал: «В основе любого предания находится миф,

то есть вера в богов. <...> Без такой мифологической основы нельзя понять предания, так же как без знания происходящих событий нельзя понять историю»¹ [1, С. III].

Запомним эту формулировку вместе со всем тем комплексом смыслов, которые в ней сопутствуют понятию *миф*. По Я. Гримму, миф – это вера в богов. А сопутствующие смыслы – это представление о должном характере историзма, который не иначе возможен, как с опорой на очевидности знания или убеждения. Я. Гримм видит две стороны единой традиции (она у него изначально и безусловно мыслится как национальная): духовная традиция – предание, основанное на органической причастности мифу; рациональная традиция – история во всех ее отделах, основанная на очевидностях логически обобщенного опыта. Миф, стало быть, понимается им как образно явленное воплощение *субстанции народной жизни*; им гарантируется подлинность национальной культуры, неотделимая на практике от подлинности национальной истории.

У Я. Гримма понятие *миф* еще является эмпирически индуцированной формулой, в которую отливается обобщение поистине огромного материала наблюдений. Оно не содержит в себе повода для теоретических спекуляций. Причина этому та, что для Я. Гримма по большому счету существовала как предмет интереса лишь одна мифология – собственная мифология его родной культуры. Эту мифологию он называл *тевтонской* и ее исследованию подчинял весь смежный культурно-мифологический материал. Сравнительный метод исследования, к которому прибегал ученый, служил единственной задаче – выявить и обозначить собственный характер мифологии континентальных германцев.

Однако уже в следующие десятилетия в ближайших поколениях исследователей эта почвенная устойчивость утратилась. Компаративистика, или сравнительное литературоведение, выделилась из мифологической школы как самостоятельное русло, в котором сравнение из инструментального метода превратилось в методологию. В таком понимании перед компаративистикой открылась перспектива поиска культурных универсалий, и на этом пути теоретическое конструирование стало приобретать все большую значимость. Понятие *миф* оказалось возможным рассматривать в отрыве от эмпирической почвы и в составе системы умозрительных представлений.

¹ Если быть точными, то у Я. Гримма в тексте речь идет о *сказании* (*sage*). Однако в русской традиции начиная с XIX в. принято говорить о *предании*, такой формулировкой усиливая универсальную, вплоть до сакральной, значимость слова легенды. (Перевод выполнен автором статьи.)

Так состоялась терминологизация понятия *миф*. Однако оказалось, что новый термин обладает очень значительной валентностью. Поиск гуманитарных наук конца XIX – начала XX в. открывал совершенно новые области представлений о человеке и мире, описание которых требовало языка; и слово *миф* в этом языке быстро наполнялось новыми значениями. Прочную связь оно обрело с комплексом представлений о бессознательной стороне человеческой души. Отчасти инспирированное концепцией В. Вундта² учение З. Фрейда прекрасно соответствовало духу европейской культуры, пресыщенной рациональностью. Использованное тем и другим учеными понятие *миф* применительно к иррациональной составляющей психики соединилось с постромантическим представлением о коллективной душе и так создало почву для юнгианского учения о коллективном бессознательном, в основе своей сложившегося уже в начале XX в.

Поэтому XX век оказался отмечен генерализацией понятия *миф*. Она была в целом свойственна культуре модерна, в связи с чем в позднейших исследованиях применительно к искусству первой половины столетия регулярно используются понятия *неомифологизм* (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский) [3; 4], или *неосинкретизм* (С. Н. Бройтман) [5, с. 21]. Эта генерализация немедленно получила и теоретическое осмысление. В максимально полном виде оно состоялось в работе А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» (1930). Там понятие *мифа* подверглось диалектическому конструированию с учетом всех наиболее существенных моментов, составляющих его содержание ко времени создания исследования. Окончательная формула, предложенная А. Ф. Лосевым, такова: «Миф есть развернутое магическое имя» [6, с. 196]. Для настоящего понимания этой формулы необходимо пройти вместе с ученым весь путь диалектического конструирования. Однако она ясно вскрывает смысловое основание понятия *миф*: это стихия Имени, Слова, творящего действительность. Соотнося эту эллинистическую по сути формулу с романтическим (у Я. Гримма) наполнением понятия, можно увидеть главное, что сохраняется из эллинизма в мифологической школе и переходит в христианское имяславие. Это представление о *субстанциальности* мифа. Ею обеспечивается порождающая способность мифа, магически (или каким бы то ни было путем) создающего из себя формы культуры.

Философия русского модерна, крупнейшим представителем которой в XX в. стал А. Ф. Лосев, соединяла в себе интерес к античности и особенно эллинизму с генетической причастностью шеллингианству, бывшему колыбелью оригинальной русской мысли петербургского периода. Восходящее к Ф. Шеллингу представление о национальном

духе как мифологически артикулированном *субстанциальном* элементе культуры неустраимо сохранялось в самом фундаменте этой мысли. И здесь мы будем далее настаивать на таком, а не каком-либо другом понимании мифа. Однако в XX в. утвердились другие понимания; их критика формирует дальнейший сюжет статьи.

Семиотическая концепция мифа

Может показаться лишенным связи переход от предыдущего изложения к дальнейшему, где предметом становится семиотическая концепция мифа, возникшая во французской науке второй половины XX в. Но перенося на нее внимание, мы следуем за тем сдвигом в российском научном сознании, которым была отмечена именно эта эпоха. И нельзя сказать, чтобы связь вовсе отсутствовала. «Диалектика мифа» – это произведение высокого модерна, знаменующее зрелость его философской культуры. Обобщающий пафос этой работы имплицитно открывал возможность для дальнейшего гипостазирования тех или иных сторон мифа как теоретической универсалии³. В этом отношении французская семиология создала предсказуемый, как сегодня видно, резонанс в отечественной гуманитарной среде. При переходе от 1920-х к 1960-м гг. сам антропологический состав российской науки изменился. Если в начале этого отрезка наука двигалась людьми, получившими классическое образование, то в его конце это были выпускники советских вузов. Их гуманитарный кругозор был заведомо ограниченным, в том числе по идеологическим причинам. Поэтому в их среде чреватая прикладным эффектом сторона современной эпистемологии получила больший отклик, чем ее умозрительная диалектическая составляющая.

Семиология, вне зависимости от ее изначального исследовательского пафоса, как раз обещала в перспективе значительный прикладной эффект в обращении с реалиями повседневности. При этом формальная сторона семиологии позволяла создавать объясняющие модели разной степени сложности, что способствовало популярности этой дисциплины в российской научной среде. В 1960-е гг. европейские исследования соответствующего направления, подпитанные смежными поисками структурной антропологии, транслировали в Россию концепцию мифа, свойственную второй половине столетия.

А она принципиально отличалась от модернистской. Прежде всего, тем, что и семиологическое, и структурно-антропологическое понимание мифа имеет подчеркнuto формальный характер. Ролан Барт, виднейший ученый первого направления, в «Мифологиях» (1956) абсолютизировал знаковую составляющую мифа. «Миф есть коммуникативная система, сообщение. Следовательно, миф не может

² Ср.: «Мифология одной своей половиной относится к истории – и, главным образом, к истории духовной культуры, – а другой половиной к психологии, в особенности к психологии народов» [2, с. 2].

³ Сам А. Ф. Лосев саркастически относился к таким процедурам, ревностно отстаивая чистоту диалектического подхода. Взять хотя бы его насмешки над Л. Леви-Брюлем, позитивистски доказывавшим бессмысленность ритуала, основанного на мифе [6, с. 22–23].

быть вещью, концептом или идеей; он представляет собой один из способов означивания; миф – это форма» [7, с. 72]. Очевидно, что субстанциальная сторона мифа декларативно игнорируется ученым в пользу формального понимания⁴. Учитывая живость модернистских воспоминаний в середине XX в., теоретическое отталкивание Р. Барта от субстанциальности следует считать программным, тем более что он тут же усиливает сказанное: «Попытки разграничить разного рода мифы на основе их субстанции совершенно бесплодны: поскольку миф – это слово, то им может стать все, что достойно рассказа» [7, с. 72].

Последнее утверждение имело не только констатирующую, но и проектную значимость. Миф в бартовском понимании, как форма, подлежал искусственному конструированию. Такая возможность утверждается уже в «Мифологиях»; собственно, на развенчание искусственных мифов буржуазного общества и направлен пафос этой книги. Дальнейшее теоретическое движение Р. Барта усугубляло негативный пафос его концепции мифа, все сильнее сдвигаясь в сторону деконструкции. Однако семиология как таковая разделила общую судьбу знания в техническую эпоху, оказавшись помимо прочего также и эффективным научным фундаментом для индустрии коммерческого мифотворчества.

Естественные и искусственные мифы

Во второй половине XX в. производство мифов было поставлено на конвейер. Опробованные в эпоху модерна, доказавшие с предельной убедительностью свое могущество в лабораториях тоталитарных государств технологии мифотворчества заработали на капитал. Обилие коммерческих мифов, очевидное для интеллектуалов, быстро срослось в единую мифологию, в основе которой лежал образ состоявшейся утопии – общества потребления. Ее внешние черты в общем стремятся к идеалу земного рая – идеалу, естественно, огражденному от какой бы то ни было метафизики.

Однако, поскольку искусственные мифы не имеют субстанциальной основы⁵, они не могут соотноситься ни с памятью, ни с историей, ни тем более с преданием. Этим обусловлен совершенно противоположный эффект, создаваемый причастностью естественному и искусственному мифам

соответственно. Причастность традиции, порождаемой естественным мифом, сообщает индивиду силу и даже могущество идентичности. В противоположность этому в искусственном потребительском мифе набор возможностей для идентификации крайне ограничен и предполагает заведомо пассивную позицию. Отсутствие собственной субстанции требует вовлечения субстанциального ресурса извне (от адептов), чтобы система продолжала существование. Поэтому искусственный миф не укрепляет индивида, а напротив, ослабляет его, действуя по принципу «черной дыры».

С этим связан вектор интенциональности, задаваемый естественным и искусственным мифами. Естественный миф обращен одновременно к прошлому и к настоящему, соотнося действительность с архетипом, высветляя в яви важнейшие элементы памяти. Природа же искусственных мифов, на первый взгляд, футуристическая. Порождаемая ими культура ищет своей опоры не в прошлом или настоящем, а в будущем. Получившая распространение в конце XX в. идея постфигуративности [9] принадлежит именно этой мифологии⁶. Но при внимательном рассмотрении обнаруживается, что потребительский миф не столько футуристичен⁷, сколько эсхатологичен, поскольку осуществление утопии означает конец времен.

Анализируя эту эсхатологическую замкнутость потребительского мифа на самом себе, Жан Бодрийяр резюмировал в 1970 г.: «Если общество потребления не производит больше мифа, то потому, что оно само является своим собственным мифом. <...> Изобилие не существует, но ему достаточно поддерживать веру, что оно существует, чтобы быть действенным мифом» [10, с. 242]. Однако вера требует усилия. В традиционных мифах усилие веры в богов компенсируется сообщаемой верующему обратной инволюцией – помощью, обретением чувства защищенности. Изобилие же не приходит никогда, потому что оно принадлежит не природе вещей, а природе отношения к вещам; и оттого потребительский миф постоянно держит своих адептов в невротическом состоянии неудовлетворенности.

Но поскольку потребительский миф должен поддерживать свой мифологический статус, ему приходится мимикрировать: он создается по образцу естественной мифологии, используя ее семиотические средства. По отношению

⁴ Антропологический подход в этом смысле был более мягким. В программном сборнике работ К. Леви-Строса «Структурная антропология» (1958) устанавливается: «Сущность мифа составляет не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем история. Миф – это язык» [8, с. 178]. Субстанциальность, таким образом, предполагается, но только как фундамент мифа; тогда как сам миф – это все-таки особый язык, т. е. форма сообщения.

⁵ В романе В. Пелевина «Generation "П"», где представлен исчерпывающий образ потребительской мифологии, утвердившейся на постсоветском пространстве, эта несубстанциальность показана. В беседе двух пиарщиков один, новичок, затрудняется, воочию столкнувшись с безосновностью рекламного мифа: *Те определяют этих, а эти... Эти определяют тех. Но как же тогда... Подожди... А на что тогда все опирается? Другой, опытный, болевым приемом отвлекает его от этого вопроса: А вот про это, – сказал он, перегибаясь через стол и заглядывая в глаза Татарскому почерневшим взглядом, – ты не думай никогда. Никогда вообще, понял?* [Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 1999. С. 218–219]. Примечательно, что в галлюцинаторном видении герой осознает сущность СМИ как станцию сжигания мусора: *Человек в этой жизни присутствует при сжигании мусора своей identity* [Там же, с. 155].

⁶ Сам по себе проект эмансипации и креативного рывка младших поколений представляется и адекватным, и привлекательным. Но автор концепции, М. Мид, по-видимому, смешивает технологическую (в широком смысле) сторону прогресса и мировоззренческую преемственность, необоснованно обесценивая вторую в пользу первой.

⁷ Футуристичность – черта современной культуры, претензии которой на новизну обеспечивались имманентным соотношением с традицией. Постмодерн же к традиции безразличен, как и ко всему, в чем присутствует ценностная организация.

к настоящему, субстанциальному мифу, искусственные коммерческие или идеологические мифологии выступают как *квазимифы*⁸. Обладая многими признаками первых, позволяющими мимикрировать и функционировать идентично с ними, они тем не менее имеют и ряд отличий, которые (без претензии на полноту) представлены в таблице.

Табл. Отличия мифа и квазимифа
Tab. Myth vs. quasi-myth

Миф	Квазимиф
Естественное происхождение (изначальность)	Искусственное происхождение (вторичность)
В своей основе субстанциален	Соткан из знаковых комплексов в отсутствие денотата
Лежит в основе традиционных культурных образований	Формирует локальные мировоззренческие системы, не обладающие долговременной устойчивостью
Ментальная почва – синкретизм	Ментальная почва – рациональность
Идентификация с прошлым в статусе всегдашнего (эпическое прошлое)	Идентификация с будущим как эсхатологическим пределом

Обобщая, можно с уверенностью сказать, что *квазимиф* (искусственный миф) – это симулякр, как все, что порождает несубстанциальная потребительская культура постмодерна. В этом смысле деконструкция, разработанная Р. Бартом, была очень своевременным проектом, противостоявшим сознательной и тем более неосознанной ангажированности буржуазной культуры. Она способствовала и продолжает способствовать расчистке напластований искусственных квазимифологий. Хотя эвристическая продуктивность этой процедуры самой по себе стремится к нулю.

Мимикрия – не единственное средство, к которому прибегает потребительский миф, заботясь о своем сохранении и влиятельности. Ощущая свою внутреннюю неустойчивость и уязвимость со стороны метакоцепций и связанных с ними познавательных и поведенческих практик, в первую очередь деконструкции, потребительский миф стремится опередить их путем создания мегамасштабной эпистемологии, претендующей на всеохватность. Поэтому он создает свою мифологию – мифологию мифа. Продолжая формальную семиологическую трактовку термина, Ж. Бодрийяр обобщал: «Потребление – это миф, то есть это *слово современного общества*, высказанное

им *в отношении самого себя*, это способ, каким наше общество высказывается о себе» [10, с. 242]. Этот тезис очевидно становится в логоцентрический контекст представлений гуманитарной науки второй половины XX в.⁹: Л. Витгенштейн – семиология – деконструкция. И он дает объяснение, почему сама идея мифа стала стремительно обретать универсализм к концу века. Можно построить такую последовательность: неустойчивое в себе (безосновательное) слово притворяется мифом – вместе со своей причастностью мифу декларирует его универсальность (спасается его авторитетом) – атрибутируя (искусственно) мифу вообще релятивизм и амбивалентность, утверждает свое равенство (ложное) с другими мифологиями.

Мифологизм и мифология мифа

Сохраняя критический взгляд, гуманитарной науке следует разграничить два похожих, но по сути очень разных явления: мифологизм как таковой и мифологию мифа¹⁰. Традиционная мифология субстанциальна. Мифологизм эпохи модерна, который принято называть неомифологизмом, апеллирует к субстанциальным мифологиям. Как разновидность художественной ментальности он не прекратился с приходом постмодерна. Нам представляется, что неомифологизм существует в литературе и сегодня – но не у В. Пелевина или Д. Липскерова, а может быть, у Петра Алешковского в «Крепости», у Елены Чижовой во «Времени женщин» (не говоря уже о более ранних Л. Леонове с «Пирамидой» или В. Распутине с «Прощанием с Матерой»).

В противоположность неомифологизму мифология мифа возникает только во второй половине XX в. И она, как сказано, представляет собой мимикрию, симулякр. Выражаясь старым языком, потребительский миф – это идоломахия. Не претендуя на коррекцию массовых практик, все-таки сугубо в научных целях следует проводить границу между неомифологизмом, свойственным современному сознанию, и потребительской утопией. Неомифологизм – это субстанциальная культура, расцвет которой приходился на первую половину XX в. А вторая половина столетия только использовала ее наименование. Никакого неомифологизма в постмодерне нет и быть не может, поскольку *потребительский миф не субстанциален*, а значит, мифом по сути своей не является, он только подобен мифу по форме. И мифология вокруг него – не мифология по сути, а ее подобие (*simulacra*). Ее реальность – это «недо-род» (С. Хоружий) [12] реальности.

Совершившаяся в культуре мифологизированного мифа подмена понятий позволила атрибутировать мифу такие свойства, которые в нем если и имеются, то с очень большими

⁸ Интересно, что искусственные мифологии в XX в. стали создаваться еще и художественным (или квазихудожественным) путем и с соответствующими претензиями: мы имеем в виду возникновение и быстрое утверждение в литературе жанра фэнтези.

⁹ Конечно, имевший предвестие в науке эпохи модерна: Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр. А в российской мысли конца XX в. формальное понимание мифа сделалось вполне общим местом. А. М. Пятигорский методологически обозначал «текст как первичный объект мифологического исследования» [11, с. 54].

¹⁰ Насколько нам известно, принципиальное разграничение этих областей прежде не делалось.

оговорками. Вот относительно современное словарное определение: миф – «это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью» [13, с. 170]. Но снятие различий, разрушение оппозиций – это не мифологическое свойство. Это реализация вполне постмодернистской ментальной стратегии, оформленной в известном призыве Лесли Фидлера «засыпайте рвы, стирайте границы». А декларация амбивалентности, постоянно возникающая в таком контексте, – это в большей мере симптом усталости от культуры, чем научная атрибуция. Это демократическая реакция на здоровый релятивизм модернистской эпохи, возникающая в результате его популяризации – восстания масс.

Видимо, возникновению мифологии мифа способствовал еще и такой фактор: XX век в значительной мере опирался на бессознательное, иррациональное начало в человеке и человечестве. Поэтому идея мифа – нерасчлененного, додискурсивного – была ему близка. Неомифологизм и неосинкретизм закономерно сделали опорными понятиями для характеристики образа культуры XX в. Увлечение идеей мифа, помимо всего, имеет психологическую подоплеку: это утрата массовым европейским человеком интуитивного приоритета личности и ответственности. Послевоенный рывок прогресса наложился на эту массовую ментальность и усилил ее путем внутреннего резонанса, что по-своему стимулировало появление мифологии мифа.

Таково настоящее положение вещей. Не уходя в футурологические прогнозы, заметим: нынешний день, судя по всему, настойчиво выдвигает на первый план далеко выступающий над горизонтом мифологизма императив личной ответственности. Не то чтобы эпистема мифа оказалась вдруг вовсе устранена. Но сегодняшний порядок вещей таков, что актуальность приобретает скорее жизненный стиль персонального деяния (в пределе которого находится образ героизма, или подвижничества, может быть). Постмодернистская реакция (а в историческом смысле постмодерн – это именно реакция на пассионарность модерна) не обладает внутренним ресурсом позитивного жизнестроительства. И как бы то ни было, современность чревата неизбежным обострением конфликта между «изобретателями» и «приобретателями», о котором предупреждал сто лет назад Велимир Хлебников¹¹. Ведь теперь речь идет даже не об их антропологическом антагонизме: катастрофические симптомы потребительской цивилизации

просто не оставляют расе «изобретателей» другого выхода, кроме как изобрести способ преодоления общества мнимого изобилия.

Миф в аспекте филологической проблематики

Суждения о том, что такое миф вообще, сами по себе имеют теоретическую и эвристическую ценность. Однако перейдем с общефилософской на филологическую почву¹². В аспекте филологической проблематики, пожалуй, наиболее важным является тот аспект, что вопрос о мифе касается ключевого вопроса исторической поэтики: о соотношении предания и личного творчества¹³. Углубление в этот вопрос побуждает пересмотреть баланс значимости составляющих названного соотношения. Вернемся к суждению Я. Гримма, согласно которому миф лежит в основе предания, подобно тому, как знание событий лежит в основе истории. Предание и история, в идеале, соединяются в одном образе несомненного в своей подлинности национального прошлого. Их согласование обеспечивается переплетением мифологической и фактографической основы традиции.

В русской культуре, у самого ее истока, есть текст, который заведомо создан именно для осуществления такого согласования: это «Повесть временных лет». Она по своему замыслу претендует на статус такого сакрального текста, который соединяет мифологию и факты, тем самым создавая основу для дальнейшей живой взаимосвязи предания и истории. Нам ранее приходилось писать, что составители «Повести временных лет» сумели представить неразрывной небесную предысторию человечества и земную историю русской земли и населяющих ее народов¹⁴. Возник миф, который, в соответствии с моделью Я. Гримма, породил предание. Это предание лежит в основе русской национальной литературы как средневекового, так и нововременного периодов; а также и культуры, в силу ее литературоцентричности¹⁵. Роль предания в личном творчестве в данном случае проявляется со всей наглядностью. Можно даже добавить, что до определенного момента (до пушкинской эпохи) национальной русской литература является в той мере, в какой она развивает предание, и следовательно, базируется на мифе.

Но в дальнейшем положение меняется. По мере движения времени предание прирастает новыми слоями, тогда как прежние слои кристаллизуются, и все больше их отходит в область мифа. Если Традиция жива, то область Предания прирастает новыми смыслами и текстами, порождаемыми историей. На глазах новых поколений и их усилиями

¹¹ Ср.: «Жало мирового разума, управляемое ростом населения, будет настойчиво жалить все живые места косности и застоя» [14, с. 616].

¹² Конечно, вовсе покинуть область мировоззрения не получится, потому что литературоцентризм русской культуры почти неизбежно делает в ней всякие филологические суждения также и мировоззренческими.

¹³ Основатель исторической поэтики видел ее задачу в том, чтобы «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» [15, с. 300].

¹⁴ «Древнерусский книжник начинает повествование о русской истории не откуда-нибудь, а от библейского Потопа. За счет этого русская история сразу помещается в контекст Священной истории и мыслится от нее неотрывной. Священная история начинается на небесах – и следовательно, там же провиденциально заложено будущее русского народа» [16, с. 21].

¹⁵ В Новое время особенно это заметно в русском классицизме, рассматривавшем Киевскую эпоху как эпическое прошлое.

осуществляется вклад личного творчества в предание. Фольклорист Б. Н. Путилов давал такую, довольно оригинальную характеристику исследуемой им области словесности: «Фольклор – это слово, ставшее преданием (то есть традицией) и в этом своем качестве закрепившееся в народном сознании» [17, с. 48]. Но преданием может становиться не только устное слово. Письменное слово, художественные литературные произведения на наших глазах мифологизируются. Не говоря уже об «Одиссее» или «Ифигении», статус национальной, локальной мифологии приобретают сюжеты Онегина, Гринева и даже сама личность А. С. Пушкина. *Кто свет будет выключать, Пушкин?* – упоминание имени поэта в этом сниженном бытовом контексте сродни упоминанию тотемного имени в брани или божбе. А наиболее чуткие современники Н. В. Гоголя понимали, что его «Мертвые души» – это новый эпос русской национальности: «древний эпос, чудным образом возникший в России... <... > явление в высшей степени свободное и современное... <... > могущественно выразилось то, что лежит в глубине, то сильное, субстанциальное, вечное» [18, с. 143, 145].

А это говорит о новом способе существования старой традиции, продолжающем и дополняющем прежний. Поэт сегодня слышит внутри себя голос не только архаических предков, но и ближайших собратьев по перу¹⁶. В научном аспекте это обстоятельство порождает вектор познавательной интенции, встречный по отношению к установленному А. Веселовским и дополняющий его. Если создателя исторической поэтики интересовало влияние предания (и, соответственно, мифа) на личное творчество, то сегодня привлекает интерес влияние личного творчества на предание (и, следовательно, на миф). По большому счету это начало рефлексии результатов теургии, провозглашенной эпохой модерна как основа творчества и уже осуществившейся в созданной и создаваемой далее культуре.

В продолжение исторической поэтики в науке это позволяет говорить о перспективе своего рода креативной поэтики, творящей, т. е. о практике (более чем о теории), осуществляющей дополнение предания и, в пределе, мифа.

Если быть точным, то и теория сегодня задумывается о своем креативном потенциале, позволяющем буквально *создавать* новое знание. В. И. Тюпа показательно озаглавил программный в этом отношении очерк: «Теория как перформативная практика» [20, с. 168–182]. Ранее указание на способность текста порождать семантику звучало в семиотических исследованиях, у Ю. М. Шрейдера [21], нам тоже приходилось выступать на эту тему [22], в последние годы идею о перформативном характере теории специально развивает М. Н. Эпштейн [23–25]. Так что в обозначенном направлении соединяются и практика поэтического творчества, и теория, изменяемая самим познающим усилием и им же порождающая новое знание.

Заключение

Неомифологизм, обыкновенно представляемый как общее свойство культуры XX в., в действительности распространяется лишь на культуру модерна, свойственную в основном первой половине столетия. Во второй половине века, в культуре постмодерна, его место занимает мифология мифа – симулякр, транслирующий образ мнимого изобилия. Теоретически разграничив эти два явления и решительно утвердив только субстанциальное понимание мифа, мы создали возможность для наблюдений литературоведческого характера. Открылся актуальный для современности ракурс ключевого вопроса исторической поэтики о соотношении предания и личного творчества: второе начинает видаться как элемент первого. Исследование этого современного ракурса чревато целым спектром теоретических и прикладных возможностей в филологии, в социальном проектировании, в целом в гуманитарной сфере.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Göttingen: Dieterich, 1835, XXX+710+CLXXVII.
2. Вундт В. Миф и религия. М.: Брокгауз-Ефрон, [1913]. 416 с.
Wundt W. *Myth and religion*. Moscow: Brokhaus-Efron, [1913], 416. (In Russ.)
3. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1982. Т. 2. С. 58–65.
Lotman Yu. M., Mints Z. G., Meletinsky E. M. Literature and myths. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sov. entsikl., 1982, vol. 2, 58–65. (In Russ.)
4. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. *Уч. зап. Тартуского ун-та*. 1979. Вып. 459: Творчество А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. С. 76–120.

¹⁶ Е. М. Мелетинский показал, что в XVI–XVII вв. в европейской литературе возникли «"вековые образы", которые сами стали своеобразными образцами (наподобие мифологических парадигм) для последующей литературы XVIII–XX вв.» [19, с. 279]. По аналогии с этим исследователь указал на имплицитный мифологизм русской реалистической литературы.

- Mints Z. G. About some neo-mythological texts in the works of Russian symbolists. *Acta et commentationes universitatis Tartuensis*, 1979, (459: A. Blok's work and Russian culture of the XX century: Blok's collection III): 76–120. (In Russ.)
5. Бройтман С. Н. Поэтика книги стихов Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь». М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с. Broymtan S. N. *Poetics of B. Pasternak's poetic cycle Life is My Sister*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2007, 608. (In Russ.)
 6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Лосев А. Ф. *Миф – число – сущность*. М.: Мысль, 1994. С. 5–216. Losev A. F. *Dialectics of myth. Myth – Number – Essence*. Moscow: Mysl, 1994, 5–216. (In Russ.)
 7. Барт Р. Миф сегодня. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72–130. Barthes R. *Myth today. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress; Univers, 1994, 72–130. (In Russ.)
 8. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с. Levi-Strauss C. *Structural anthropology*. Moscow: Nauka, 1983, 535. (In Russ.)
 9. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с. Mead M. *Culture and the world of childhood*. Moscow: Nauka, 1988, 429. (In Russ.)
 10. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 272 с. Baudrillard J. *The consumer society: myths and structures*. Moscow: Kulturnaia revoliutsiia; Respublika, 2006, 272. (In Russ.)
 11. Пятигорский А. М. Мифологические размышления: лекции по феноменологии мифа. М.: Языки рус. культуры, 1996. 280 с. Pjatigorsky A. M. *Mythological thinking: lectures on the phenomenology of myth*. Moscow: Iazyki rus. kultury, 1996, 280. (In Russ.)
 12. Хоружий С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. *Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 53–69. Horujy S. *Gender or pre-gender? Notes on the ontology of the virtual*. *Voprosy Filosofii*, 1997, (6): 53–69. (In Russ.)
 13. Руднев В. П. Миф. Руднев В. П. *Словарь культуры XX века*. М.: Аграф, 1997. С. 169–172. Rudnev V. P. *Myth. Dictionary of the XX century culture*. Moscow: Agraf, 1997, 169–172. (In Russ.)
 14. Хлебников В. Союз изобретателей. Хлебников В. *Творения*. М.: Сов. писатель, 1986. С. 615–616. Khlebnikov V. *Inventors' Union. Creations*. Moscow: Sov. pisatel, 1986, 615–616. (In Russ.)
 15. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. Веселовский А. Н. *Историческая поэтика*. М.: Высш. шк., 1989. С. 300–306. Veselovsky A. N. *The poetics of plots. Historical poetics*. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 300–306. (In Russ.)
 16. Кузнецов И. В. Книжность Древней Руси (XI–XVII вв.). Новосибирск: НГТИ, 2013. 140 с. Kuznetsov I. V. *The books of Ancient Russia (XI–XVII)*. Novosibirsk: NSTI, 2013, 140. (In Russ.)
 17. Путилов В. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. 457 с. Putilov V. N. *Folklore and folk culture; In memoriam*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2003, 457. (In Russ.)
 18. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Аксаков К. С., Аксаков И. С. *Литературная критика*. М.: Современник, 1981. С. 141–150. Aksakov K. S. *Some words about Gogol's poem: Chichikov's Adventures, or Dead Souls*. In: Aksakov K. S. Aksakov I. S. *Literary criticism*. Moscow: Sovremennik, 1981, 141–150. (In Russ.)
 19. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с. Meletinsky E. M. *The poetics of myth*. Moscow: Nauka, 1976, 408. (In Russ.)
 20. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с. Tyupa V. I. *Discourse formations: essays on comparative rhetoric*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2010, 320. (In Russ.)
 21. Шрейдер Ю. М. Текст, автор, семантика. *Семиотика и информатика*. 1976. № 7. С. 153–169. Shreider Y. M. *Text, author, and semantics. Semiotika i informatika*, 1976, (7): 153–169. (In Russ.)
 22. Кузнецов И. В. Адекватность и смыслополагание: две модели исследования. *Понимание: опыт междисциплинарного исследования*, ред. А. А. Брудный, А. В. Уткин, Е. И. Яцута. М.: Смысл, 2006. С. 69–74. Kuznetsov I. V. *Adequacy and meaning-setting: two research models. Understanding: multidisciplinary research experience*, eds. Brudny A. A., Utkin A. V., Yatsuta E. I. Moscow: Smysl, 2006, 69–74. (In Russ.)
 23. Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания. *Знамя*. 2006. № 1. С. 192–207. Epstein M. N. *The Russian language in the light of creative philology of research. Znamia*, 2006, (1): 192–207. (In Russ.)
 24. Эпштейн М. Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? *Философские науки*. 2008. № 12. С. 34–55. Epstein M. N. *Constructive potential of the humanistics: can they change what research? Filosofskie nauki*, 2008, (12): 34–55. (In Russ.)
 25. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: НЛО, 2017. 612 с. Epstein M. N. *The projective dictionary of the humanities*. Moscow: NLO, 2017, 612. (In Russ.)

оригинальная статья

Семиотика поезда в русской литературе: интермедиаальный и метапоэтический аспекты

Муратова Наталья Александровна
Новосибирский государственный педагогический
университет, Россия, г. Новосибирск

Жиличева Галина Александровна
Новосибирский государственный педагогический
университет, Россия, г. Новосибирск
<https://publons.com/researcher/3156080//>
gali-zhilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2022. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Рассмотрена интермедиаальная и метапоэтическая семантика образа поезда. Поезд анализируется как элемент знаковой системы художественного языка, функционирующий в двух взаимодействующих аспектах: в качестве маркера связи литературного и кинематографического дискурса, в качестве индекса тематизации творческого акта. На материале произведений русской литературы XX–XXI вв. исследуются формирование и функционирование кино-метафоры *прибытие поезда*, способы изображения образов движения в пространстве, времени, внутреннем мире. Установлено, что в классической литературе докинематографической эпохи введение в сюжет мотивов железной дороги приводит к эффекту динамизации дискурса, оппозиция старинного уклада жизни и технического прогресса становится ключевой (А. Н. Островский, А. П. Чехов). Гибридизация киноприемов и литературной топики в литературе XX в. не только меняет приемы изображения реальности (фрагментарность, монтаж, смена ракурсов), но и актуализирует новые типы восприятия художественного произведения (А. Платонов). Поезд приобретает мифологическую семантику, ассоциируясь с событием катастрофы, смерти, Апокалипсиса, революции, а также метапоэтическую символику (Б. Пастернак). В современной литературе движение поезда соотносится с рефлексией жизни сознания (В. Пелевин), процесса создания текста (С. Соколов). В некоторых случаях соотношение эпизодов движения по железной дороге и эпизодов киносъемки позволяет усложнять повествовательную структуру, мультиплицировать переходы от внешней к внутренней фокализации (Е. Водолазкин).

Ключевые слова: образ поезда, метафора движения, интермедиаальность, метапоэтика, кинематографичность, сюжет, метасюжет, мотив

Цитирование: Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедиаальный и метапоэтический аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 50–59. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-50-59>

original article

Semiotics of the Train in Russian Literature: Intermedial and Metapoetical Aspects

Natalya A. Muratova
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Galina A. Zhilicheva
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk
<https://publons.com/researcher/3156080//>
gali-zhilich@yandex.ru

Received 19 Jan 2022. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: This article explores the intermedial and metapoetical semantics of the artistic image of a train. This image is part of the artistic semiotics and plays two interrelated roles: it marks the connection between the discourses of cinema and literature and signifies the act of artistic creation. Based on the Russian literature of the XX–XXI century, this article reviews the origins and development of the arrival of a train as a cinematic metaphor, as well as the ways of depicting images in time and space (including the inner space). Before the age of cinema, the classic Russian literature introduced the railroad motif to make the discourse more dynamic and to highlight the key opposition between traditional lifestyle and technological progress, e.g. in works by F. Ostrovsky, A. Chekhov, etc. The literature of the XX century merged cinematic devices with literary motifs and introduced fragmentation, editing, changing angles, and other new ways of artistic perception, e.g. in A. Platonov's oeuvre. Train imagery may attain mythological semantics when it manifests the themes of disaster, death, Apocalypse, and revolution,

thus becoming a metapoetical symbol, e.g. in B. Pasternak's *Doctor Zhivago*. In the contemporary Russian literature, train movement is associated with the life of human consciousness (V. Pelevin) or with text generation (S. Sokolov). In some cases, episodes of rail traffic interspersed with episodes of filming complicate the narrative and multiply transitions from external to internal focalization (E. Vodolazkin).

Keywords: train imagery, metaphor of movement, intermediality, metapoetics, cinematic literature, plot, metaplot, motif

Citation: Muratova N. A., Zhilicheva G. A. Semiotics of the Train in Russian Literature: Intermedial and Metapoetical Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennoy universiteta*, 2022, 24(1): 50–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-50-59>

Введение

Изучение мотивов, связанных с железнодорожной тематикой, сложилось в современном литературоведении в определенную традицию. В поле зрения исследователей попадает как поэтика отдельных текстов и авторов, так и общие тенденции использования метафоры поезда, вокзала, трамвая в классической литературе, литературе модернизма и постмодернизма. Среди последних обобщающих работ по проблеме отметим труды А. И. Иванова и Н. В. Сорокиной [1], С. Г. Комагиной [2], Н. А. Непомнящих [3], Н. В. Константиновой [4], Г. Ю. Филипповского и Л. И. Зиминой [5].

Актуальность данной статьи состоит в том, что поезд рассматривается в ракурсе теоретического подхода как элемент знаковой системы художественного языка, функционирующий в двух взаимодействующих аспектах: интермедиальном (в качестве маркера связи литературного и кинематографического дискурса) и метапоэтическом (в качестве индекса метафоры творческого акта).

Методология работы базируется на принципах теории интермедиальности (гибридизации семиотических систем различных искусств [6]). Исследование интермедиальности является важной проблемой современной филологии. О. А. Ханзен-Леве в своей основополагающей работе «Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду» [7] приходит к убедительному выводу, что на каждом этапе становления отечественной и европейской науки (формализм, структурализм, постструктурализм) исследование связей литературы и кино становилось питательной средой для появления новых обобщающих концепций. С данной проблематикой соотносится теоретизирование типов монтажа в повествовании (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум), со-противопоставление художественных структур кино и литературы (Ю. М. Лотман), описание природы кинонарратива и процессов визуализации современной культуры (В. Шмид, М. Ямпольский). Искусствоведческое осмысление киноэстетики (например, в трудах С. Эйзенштейна) повлияло на становление метаязыка литературоведения.

Сравнительный анализ двух культурных практик позволяет уточнить особенности кинематографичности русской литературы. В этапных работах по данной теме были

сформулированы исторические закономерности рецепции киноязыка. Ю. Г. Цивьян приходит к выводу о влиянии раннего кинематографа на литературные произведения символизма [8]. И. П. Смирнов считает кинороман центром жанровой системы постсимволизма [9]. Р. М. Янгиров рассматривает киноконтексты литературы русской эмиграции и метрополии 1920–1930-х гг. [10].

Одной из самых интересных проблем остается изучение специфики взаимодействия кинематографического и литературного дискурсов [11, с. 138]. Многократно отмечаемое исследователями их сращение на самых первых этапах становления нового искусства, симбиоз структур, возникновение гибридных форм стало возможно на уже существующем в культуре базисе – сложившейся к началу XX в. традиции поэтизации научно-технических явлений индустриального мира, и среди ключевых из них – железной дороге.

Поезд как метафора кинематографического движения

А. Секацкий в философском эссе «Слово о паровозе» пишет о новой символической жизни в искусстве ушедших в историю паровых машин, исток которой – в кинематографе: «Неоспорима привязанность к паровозу первых опытов кинематографа. Тут происходит своеобразная инициация, завершающаяся передачей очаровывающей силы: вводные уроки иллюзиона кинематограф получает от паровоза. Сходящиеся рельсы, надвигающаяся чугунная громада – кинофик(с)ация железных дорог начинается раньше их электрификации, и паровоз становится первым киногероем. Он еще курсирует в горизонте техники, но уже построена воображаемая ветка будущего запасного пути – конечный пункт назначения, депо "Синема"»¹. То, что кинематограф оказался эмблематизирован фреймом поезда, пребывающего на вокзал Ла-Сьота, закономерно, поскольку в данном образе совпали главная черта кинематографа как искусства – запечатленное движение – и символ движения, ставший художественным воплощением индустриально-технической эпохи – поезд. Динамизация дискурса в связи с введением в художественную структуру образа поезда может быть отмечена уже в одном

¹ Секацкий А. Слово о паровозе. *Сила взрывной волны. Статьи, эссе*. СПб.: Лимбус Пресс, 2005. С. 315.

из первых в отечественной литературе примеров такого рода, «Попутной песне» Н. В. Кукольника (1840), где новизна созерцания, вызванного поездкой в железнодорожном вагоне, подчеркивается характерным рефреном стихотворения, в котором само соположение атрибутов поездки и убыстренный темп призваны передать ощущения быстрой езды:

Дым столбом – кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле².

Вкупе с музыкой М. И. Глинки (песня вошла в цикл «Прощание с Петербургом»), первого русского композитора, обратившегося к теме железной дороги, стихотворение стало настоящей одой скорости. На восприятие нового символа времени наслаивается представление о способах запечатления движения.

Комплекс характерных черт и мотивов, оформляющих интермедийный метапоэзис поезда в отечественной литературе, выстраивается, таким образом, с 1840-х гг. и отличается разнообразием и амбивалентностью атрибутов. Железнодорожные мотивы в русской литературе – тема, широко исследованная в отечественном литературоведении, однако в рамках данной статьи нас интересует процесс приращения значений. Акцентирование его наиболее репрезентативных точек позволяет установить градацию компонентов интермедийного статуса.

Подчеркнем, что в случае появления в художественных текстах образа поезда речь идет о непосредственно предъявленном образе движения, подчиняющем себе структуру восприятия. Заданная уже в первых образцах докинематографической художественной рефлексии поезда оппозиция старинного уклада жизни и технического прогресса становится ключевой. Одно из ранних и ярких описаний поезда присутствует в «Грозе» А. Н. Островского и предлагает его странница Феклуша в известном диалоге, где запряжание «огненного змия» выступает частью апокалиптической картины:

Суета-то, ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этойкой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выйдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для ради скорости.

Кабанова. *Слышала я, милая.*

Феклуша. *А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так (растопыривает пальцы) делает. Ну и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат³.*

Любопытно, что главным свойством современного героям А. Н. Островского урбанизма является *суета, беготня, езда беспрестанная*, а способом видения оказывается эсхатологическая оптика: *Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет⁴*. Это талантливо изображенное странницей бесцельное движение в морозе с погонями за мечтой, происходящее не за делом, а для ради скорости, выступает своеобразным дублером поисков вечного двигателя Кулигиным, и этот герой, с одной стороны, с его идеями прогрессивного переустройства жизни, а с другой – с устаревшими техническими (собственно мечта об изобретении *perpetuum mobile*) и эстетическими (цитирование Ломоносова) представлениями, оказывается своеобразным гибридом противоположных интенций.

Образ поезда-змея, стыкующий изображение технического объекта с архетипом, многократно варьируется в контексте самых разнообразных авторских поэтик. Так, находим его в стихотворении А. Фета «На железной дороге» (1859–1860), в стихотворении И. Анненского «Зимний поезд» (1908), входящем в «Трилистник вагонный». В последнем паровоз прямо соотнесен с драконом, а усиливают это впечатление танатологические сравнения:

Я знаю – пышущий дракон,
Весь занесен пушистым снегом,
Сейчас порвет мятежным бегом
Завороженной дали сон.
А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями⁵.

Ключевым является этот образ и в поэме В. Хлебникова «Змей поезда» (1910). Как подчеркивает Б. Ронкетти, «отождествление поезда и змея, прежде всего, должно сводиться к укрепившемуся литературному образу, связанному с интерпретацией поезда как волнующего вторжения современности и новизны в природный пейзаж и обыденность» [12, с. 184]. (Подробнее см. в работе С. Г. Комагиной [13].)

В рамках оппозиции *традиция – прогресс* решается спор по поводу финальной метафоры первого тома «Мертвых

² Кукольник Н. В. Попутная песня. *Поэты 1820–1830-х годов*, сост., подг. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина; под общ. ред. А. Я. Гинзбург. М.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 584.

³ Островский А. Гроза. *Островский А. Пьесы*. Л.: Художественная литература, 1986. С. 64–118. С. 89.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Анненский И. Зимний поезд. *Анненский И. Стихотворения и трагедии*. Л.: Советский писатель, 1990. С. 118.

душ», когда на риторическое вопрошание создателя образа Руси тройки (*Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги...*⁶) В. Г. Белинский отзывается пафосным утверждением: «Свет победит тьму, просвещение победит невежество, образованность победит дикость, а железными дорогами будут побеждены телеги и тройки» [14, с. 340]. В заданных координатах железнодорожная мотивика развивается в произведениях Ф. М. Достоевского: в «Идиоте», карикатурно вторя Феклуше, Лебедев уподобляет сеть железных дорог падению *звезды Полюны*; достаточно зловещие коннотации железной дороги присутствуют в «Братьях Карамазовых», где Митя предпочитает тройку, а Иван – поезд, почти дословно повторяется в романе сентенция Лебедева – *в наш век пороков и железных дорог*.

Очевидно, что наиболее репрезентативно железнодорожная тема представлена в произведениях Л. Н. Толстого, что неудивительно, поскольку паровозное сообщение становится почти обыденностью. В романе «Анна Каренина» железная дорога может быть рассмотрена как самостоятельный метасюжет, где поезд предстает и как уже привычный атрибут жизни, и как мистический сон, и как чудовищная сила, сокрушающая человека, при этом почти сценически предьявленные в романе места действия – железнодорожная платформа, вокзал, пространство вагона – в своем метасюжетном измерении выходят за рамки бинарной оценочности. Удивительно, что в художественной рефлексии романа Л. Н. Толстого, пьесе О. Шишкина «Анна Каренина 2», она (оппозиция традиции и прогресса) заново присваивается толстовскому тексту, и железная дорога, как и в целом техногенная цивилизация, признаются абсолютным злом. Это присвоение совершается как бы на новом витке технологического остранения: в фантазии автора Анна не гибнет под колесами паровоза, смерть героине несет экранное изображение поезда. Название последней сцены пьесы О. Шишкина создает паратекстуальную отсылку к фильму Люмьеров («Сцена 14. Поезд прибывает»):

Звучит пианино. На экране появляется поезд. В зале раздаются крики испуганных зрителей. В этот момент Анна встает во весь рост.

Анна <...> *Боже мой! Поезд! Поезд! Какая сила разрывает меня в этот час! Когда чудовищные поезда врываются на чудовищные вокзалы! Реальные могли искромсать мое тело! Чудовищные уничтожают меня совсем! Нет больше сантиментов! Нет больше первородных поцелуев! Только паровозный гудок!*⁷

Метаметафорой движения (знаком фактически состоявшегося перехода железнодорожной мотивики в статус интермедиального кода) выглядит упоминание поезда в чеховском «Вишневом саде». Эпохальный сдвиг в последней

комедии А. П. Чехова маркирован постоянными перемещениями на поездах, железнодорожные минисюжеты пронизывают «Вишневый сад», сам ход действия пьесы подчинен им. Общий упадок некогда цветущего и плодоносящего сада-мира сменяется установлением другого миропорядка, который так точно назвал Фирс – *все враздробь*. Сценически наглядно демонстрируется в пьесе изменение масштабов мира, когда железнодорожные пути буквально разрушают цельность усадебного хронотопа, проходя через земли Раневской и Симонова-Пищика. Наиболее выразительно это представлено в нелепой, не относящейся к делу реплике Гаева: *Вот железную дорогу построили, и стало удобно <...> Съездили в город и позавтракали*⁸. Ездить на поезде завтракать, конечно, абсурдно, но этот жест как нельзя более полно демонстрирует сбой категориального характера: время и пространство уже не равны сами себе, наступил другой порядок, сверяемый с железнодорожным расписанием.

Самая яркая метаморфоза железнодорожной образности совершается в послереволюционном искусстве, когда в 1920–1930-е гг. она активно встраивается в официальный дискурс [15], а поезд становится революционным символом, ускорителем прогресса и победы мирового пролетариата. Специфично в этом смысле обратное превращение машины (разрушающей привычный миропорядок) в одушевленное существо при транспонировании поезда тематики в авторский миф А. Платонова. Внешне платоновский железнодорожный дискурс органично аккумулирует официальную риторику, вплоть до перифраза в «Чевенгуре» знаменитой формулы К. Маркса о революциях как локомотивах истории, в романе фигурирует плакатный слоган «Советский транспорт – это путь для паровоза истории», однако эстетическая интенция оказывается прямо противоположной «магистральной линии». Дышащие, тоскующие, разговаривающие паровозы в «Происхождении мастера», «Фро», «В прекрасном и яростном мире», «Бессмертии», «Среди животных и растений» и др. становятся вместилищем чувственно-эмоциональной ипостаси героев, остраненной социальными катаклизмами и языком новой реальности.

Наиболее отчетливо эта авторская стратегия обнаруживает себя при перекодировке эпического текста в кинотекст. В 1936 г. А. Платоновым написан киносценарий «Воодушевление», который можно признать практически точной, за небольшими, но существенными исключениями, киноверсией рассказа «Фро», где очевидным образом смыкаются два компонента первометафоры – поезд и кино; поезд буквально заключен писателем в рамку кадра:

Съемка извне, издали. Экран еще пуст, виден путь, обычный ландшафт. Слышится импульсивная отсечка, приближается поезд.

⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.: СССР, 1952. Т. 8. С. 352.

⁷ Шишкин О. Анна Каренина 2. Парфюмер и др. инсценированные персонажи. М.: Коровакниги, 2008. С. 404–405.

⁸ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1986. Т. 13. С. 218.

*На большой скорости входит в экран паровоз.
На левой галерее Иных качает самосмаз. Около него (позади)
сидит на корточках Арфа.
Затемнение⁹.*

Метасюжетные функции железнодорожных мотивов

Кинематографический семантический ореол поезда влияет на структуру метасюжета произведения XX–XXI вв. Во многих случаях поезд указывает на событие текстопорождения. Так, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Остап Бендер, оказавшись в поезде с журналистами (глава «Пассажир литерного поезда»), едущими освещать строительство железной дороги – Турксиба, создает и продает «Торжественный комплект» – пародийную «матрицу» для написания пропагандистских статей разных жанров. Значимость киноповествования для соавторов проявляется в частом использовании сюжетных ситуаций фотографирования, киносъемки в очерках, фельетонах, романах. При этом ведущим мотивом подобных эпизодов является комическое утрирование принципа подчинения жизни камере. В «Двенадцати стульях» группа кинохроники приезжает на съемку открытия трамвайной линии в Старгороде с опозданием, и поэтому режиссер решает доснять трамвай в Москве, т. е. подделать документируемую реальность. В «Золотом теленке» фотограф Меньшов ради хорошего кадра заставляет железнодорожников загнать паровоз в арку. Отметим, что современные исследователи литературы модернизма часто отмечают зависимость композиционной формы текста от киноэстетики (монтаж, фрагментарность, визуализация повествования) [16–18]. В некоторых случаях кинообразы, в том числе связанные с поездом, становятся частью метасюжета.

В творчестве Б. Пастернака, назвавшего один из своих поэтических сборников «На ранних поездах», хронотоп вокзала, мотив железной дороги, описание поезда становятся элементами метапоэтики. По мнению исследователей, семантический ореол вокзала у Б. Пастернака вписывается в поэтическую традицию изображения железной дороги: в стихотворении «Вокзал», например, соотносится с «Ночным вокзалом» Б. Лившица, «Трилистником вагонным» и «Зимним поездом» И. Анненского, «Ты помнишь ли мучения вокзала...» В. Брюсова, «Заблудившимся трамваем» Н. Гумилева. Подробно художественные функции железнодорожной топки в мире Б. Пастернака рассматриваются в работах Р. Д. Тименчика [19], Н. О. Осиповой [20], Е. М. Тюленевой [21]. Отметим, что ситуация пребывания лирического героя в вагоне или на вокзале зачастую связывается в произведении с актом творчества. А. Е. Москалева пишет, что вокзал (в варианте стихотворения

«Вокзал» 1928 г.) уподоблен «испытанному, верному» рассказчику, что служит знаком преодоления лиминального пространства. При этом одновременное наблюдение героем мира живых и мертвых (*Два мира делились чертой*) становится знаком его сверхзрения, истоком творчества [22].

Ю. М. Лотман отмечает, что визуальность для Б. Пастернака – один из важнейших принципов творческой рефлексии: «подлинны связи, которые организуют мир Пастернака <...> это связи увиденные» [23, с. 227]. Сверхзрение, организованное с помощью особой железнодорожной «оптики», является «сюжетогенным» и для романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1957). И. П. Смирнов пишет о киноэстетике романа: «герой, созерцатель по призванию, пишущий студентом сочинение о физиологии зрения <...> в его оком впущено множество происшествий, разыгрывающихся в романе. <...> Отсюда Юрий Андреевич <...> – кинозритель, к тому же всевидящий» [9, с. 318]. Действительно, способность к творческому видению объединяет автора, повествователя и героя. Несмотря на кинооптические, живописные, театральные подтексты, в сюжете значимо отсутствуют ситуации посещения героем кинотеатров, музеев, стадионов. Характерно, что в момент приближения поезда с семьей Живаго к Юрятину в иллюзии «Гигант» случается пожар, а по возвращении из плена доктор ходит на службу мимо кинотеатра, не обращая на него внимания. Таким образом, кинематографическое видение отрывается от медиума – киноплёнки и экрана – и переносится в сознание созерцателя. В то же время сюжетные эпизоды, связанные с движением поезда, обнажают данную интериоризацию кинооптики.

Например, часть 7 (Первая книга) и часть 8 (Вторая книга) содержат многочисленные изображения «зрелищ», увиденных по ходу движения: *Между тем мимо растворенной вагонной дверцы вслед за будками и фонарями уже плыли станционные деревья, отягченные целыми пластами снега...*¹⁰ Подобные развернутые кадры служат не только эпической ретардацией между ключевыми эпизодами путешествия из Москвы в Варыкино, но и рефлексией текстопорождения: в данных фрагментах встречаются типичные для Живаго знаки вдохновения (сны, видения, откровения), а также соотношение природы и произведения: *Все было видно, но стояло, словно не веря себе, как сочиненное*¹¹. Кроме того, «зрелища», порожденные движением поезда, дают возможность гибридизации точек зрения нарратора и героя: пейзаж увиден и из окна поезда, и снаружи – панорамным зрением нарратора.

Герой с помощью поезда приближается к сакральному центру – месту поэтического вдохновения. Характерно, что описание города Юрятин начинается с вывесок, а город

⁹ Платонов А. Воодушевление. *Здесь и теперь. Философия, литература, культура*. 1992. № 1. С. 216.

¹⁰ Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. С. 170.

¹¹ Там же. С. 184.

сравнен с лубочной картинкой: *Половину надписей по величине букв можно было прочесть с поезда... Солнце придавало его краскам желтоватость, расстояние упрощало его линии. Он ярусами летел на возвышенности, как гора Афон или скит пустынножителей на дешевой лубочной картинке*¹². Е. Фарино связывает город Юрятин с именем героя, а Варыкино интерпретирует как пространство, соединяющее визуальный и мифологический контекст творчества Живаго [24].

Отметим, что поезд значим как для интриги романа – в вагонах, на станциях, на рельсах происходят важные встречи, расставания, смерти и спасения, так и для композиции. Обе книги начинаются и заканчиваются упоминанием движения в поезде: 1 часть первой книги – «Пятичасовой скорый», 7 часть, последняя, – «В дороге», вторая книга начинается с части 8 – «Приезд», последняя прозаическая часть, «Эпилог», содержит сцену в вагоне трамвая, заканчивающуюся смертью Живаго. Более того, поезд соотносится не только с революционными событиями (забастовка начинается с рабочих железной дороги, Стрельников, осознающий себя как всадник Апокалипсиса, перемещается в особом поезде, а в Варыкине объясняет доктору, что революция была необходима *миру железных дорог*), но и с силой судьбы, организующей путь человека. Прибытие поезда в Юрятин, растянутое на несколько глав и содержащее эпизоды маневрирования, сопровождается встречей со стрелочницей-вязальщицей, аналогом Мойры: *пожилая стрелочница... переключивала вязанье, которым была занята, из одной руки в другую, нагибалась, перекидывала диск приводной стрелки и возвращала поезд задним ходом обратно*¹³. (О метатекстовом значении паука и плетения в русской литературе подробно пишет В. В. Мароши [25].) Характерно, что перед смертью в вагоне трамвая доктор пытается вспомнить решение задач на вычисление скорости поездов.

Эпизоды движения по железной дороге соотносятся и с христианскими коннотациями сюжета. Арест доктора на станции Развилье и допрос в вагоне Стрельникова как бы предвзвешивают собой ситуацию стихотворения «Гефсиманский сад». Спасение дочери Лары и Живаго происходит на станции Нагорная, поезд играет роль петуха, отгоняющего нечистую силу: *Словно бы петух по-родному пропел, знакомый паровоз снизу меня свистком аукнул, я этот паровоз по свистку знала, он в Нагорной всегда под парами стоял, <... > слышу я, стало быть, снизу меня знакомый паровоз зовет. Слышу, а у самой сердце прыгает. Неужели, думаю, и я вместе с тетей Марфушей не в своем уме, что со мной всякая живая тварь, всякая машина бессловесная ясным русским языком говорит?*¹⁴

Метатекстовый потенциал образа поезда проявляет себя уже в начале романа: упоминается «полотно» железной дороги (ткань – традиционная метафора текстопорождения, актуальная для романа), отец Живаго, сбросившийся из вагона, как бы вычеркивается из «книги жизни» – кровь на лице сравнивается с крестом вымарки [26]. В финале романа, в записках доктора об урбанизме, движение транспорта напрямую соотносится с движением образов в строке: *Беспорядочное перечисление вещей и понятий с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно, у символистов, Блока, Верхарна и Уитмана, совсем не стилистическая прихоть... Так же, как прогоняют они ряды образов по своим строчкам, плывет сама и гонит мимо нас свои толпы, кареты и экипажи деловая городская улица конца девятнадцатого века, а потом, в начале последующего столетия, вагоны своих городских, электрических и подземных железных дорог*¹⁵.

Таким образом, роман Б. Пастернака можно интерпретировать как своеобразное подведение итогов модернистского способа рецепции кинематографической оптики.

В постмодернистском варианте метапозыса железной дороги задействуется метафора поезда-текста. Например, в романе Саша Соколова «Школа для дураков» принципы повествования («случайность» событий, ассоциативность, поток сознания) эмблематизируются в изображении меловых надписей на товарных вагонах: *Дорогой ученик такой-то, я, автор книги, довольно ясно представляю себе тот поезд – товарный и длинный. Его вагоны, по преимуществу коричневые, были исписаны мелом – буквы, цифры, слова, целые фразы. Видимо, на некоторых вагонах работники в специальных железнодорожных костюмах с оловянными кокардами делали выкладки, заметки, расчеты. <... > Но кроме комиссий на станции есть не к о м и с с и и, иначе говоря, люди, не являющиеся членами комиссий, они стоят вне этого, заняты на других работах или вообще не служат. Тем не менее они тоже не могут перебороть в себе желание взять кусочек мела и что-нибудь написать на стенке вагона – деревянной и теплой. Вот идет солдат в пилотке, направляется к вагону: д о д е м б е л я д в а м е с я ц а. <... > Поезд идет, на нем едут контейнеры Шейны Соломоновны Трахтенберг, и вся Россия, выходя на проветренные перроны, смотрит ему в глаза и читает начертанное – мимолетную книгу собственной жизни, книгу бестолковую, бездарную, скучную, созданную руками некомпетентных комиссий и жалких, огулупленных людей*¹⁶.

Железнодорожная станция служит пространственной рамкой для дискурсивных метаморфоз, служащих основой наррации. Так, созвучие слов *иссякнуть* и *сяку* мотивирует

¹² Там же. С. 191.

¹³ Там же. С. 199.

¹⁴ Там же. С. 385.

¹⁵ Там же. С. 366.

¹⁶ Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. СПб.: Симпозиум, 1999. С. 46–48.

появление эпизода чтения работниками железной дороги романа Ясунари Кавабаты «Снежная страна», вследствие чего русская реальность постепенно трансформируется в японскую [27].

Более того, в постмодернистском тексте движение поезда ассоциируется с процессами, происходящими в сознании. В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота», одним из ведущих претекстов которого является кинофильм братьев Васильевых «Чапаев», содержится значимый эпизод, превращающий поезд в объект притчевого иносказания. В поезде Петр делится с Чапаевым своим ощущением от песни «революционных ткачей» и получает буддийский ответ духовного учителя: диалог героев заканчивается отсоединением вагона от состава:

... человек похож на этот поезд. Он точно так же обречен вечно тащить за собой из прошлого цепь темных, страшных, неизвестно от кого доставшихся в наследство вагонов. А бессмысленный грохот этой случайной сцепки надежд, мнений и страхов он называет своей жизнью. И нет никакого способа избежать этой судьбы.

– Ну, отчего, – сказал Чапаев. – Способ есть.

– И вы его знаете? – спросил я.

– Конечно, – сказал Чапаев.

– Может быть, поделитесь?

– Охотно, – сказал Чапаев и щелкнул пальцами.

Башир, казалось, только и ждал этого сигнала. Поставив фонарь на пол, он ловко поднырнул под перила, склонился над неразличимыми в темноте сочленениями вагонного стыка и принялся быстро перебирать руками. Что-то негромко лягнуло, и башир с таким же проворством вернулся на площадку.

Темная стена вагона напротив нас стала медленно отдаляться¹⁷.

Результатом данного события становится приближение к истинной пустоте: *Оставшись на площадке один, я некоторое время смотрел вдаль... с каждой секундой вагоны отставали все дальше и дальше; мне вдруг показалось, что их череда очень походит на хвост, отброшенный убегающей ящерицей. Эта была прекрасная картина. О, если бы действительно можно было так же легко как разошелся Чапаев с этими людьми, расстаться с темной бандой ложных «я», уже столько лет разоряющих мою душу!*¹⁸

Поезд обретает устойчивый семантический ореол в сюжетной и метасюжетной сфере. Поэтому в современной литературе возможно пародийное использование событийной последовательности: поезд – технологические, социальные и культурные изменения (в том числе и катастрофы) – съемки кинофильма. Так, в романе Е. Водолазкина «Оправдание острова» средневековый мир островного

государства резко изменяется после строительства железной дороги. Летописец, создающий историю острова, надеется, что технический прогресс – благо.

В лето десятое совместного правления Парфения и Ксении на Острове построили железную дорогу. Она пролегла с Севера на Юг, связывая две части нашей державы. Правящая чета пригласила меня, смиренного летописца, на открытие, и мы проделали этот путь в дорожной беседе. Дорога шла через Лес, который некогда был местом сражения Севера и Юга.

*И думалось мне: сколь просто ныне преодолевать этот Лес. В окне он видится картинкой, а в ту давнюю войну грозил опасностью и смертью... теперь же от ненависти не осталось и следа. Одна лишь радость совместного движения...*¹⁹

Однако прогресс оборачивается попыткой царубийства, изображенной сразу после эпизода с поездом. В следующей главе пародийным предзнаменованием катастрофы служит пророчество ослицы, после которого начинаются демонстрации и бунты: *В лето пятнадцатое княжения Парфения и Ксении... на Главную площадь вышла ослица и произнесла человеческим голосом: Революции – локомотивы истории!*²⁰.

Интересно, что первым событием новой постреволюционной жизни святых князей оказывается предложение сняться в кино. Парфений фиксирует начало кинематографической линии интриги, которая сыграет ключевую роль в преображении героев, переходе от земной жизни к вечности: *Вчера у нас был необычный посетитель – знаменитый Жан-Мари Леклер, французский кинорежиссер. Последние годы мы в какой-то степени увлеклись кино, и Леклер нам нравился. Особенно его фильм Человек без биографии... этот Жан-Мари собирается снимать о нас с Ксенией биографический фильм*²¹. Парадоксальное обыгрывание темы отсутствующей биографии указывает на символический план создаваемого кинофильма, который превращается в альтернативный вариант жития, дополняя систему точек зрения романа (записи летописцев, дневники героев). Именно во время съемок героям суждено выполнить свое предназначение – пожертвовать собой ради спасения мира, однако чудо остается не изображенным ни в летописном, ни в кинематографическом повествовании.

Заключение

В результате исследования интермедиальной и метапоэтической семантики образа поезда на материале произведений русской литературы XX–XXI вв. были обнаружены несколько тенденций. Введение в сюжет произведений докинематографической эпохи мотивов железной дороги

¹⁷ Пелевин В. Чапаев и пустота. М.: Вагриус, 1996. С. 106–107.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Водолазкин Е. Г. Оправдание Острова М.: АСТ, 2021. С. 156–157.

²⁰ Там же. С. 163.

²¹ Там же. С. 174–175.

приводит к эффекту динамизации дискурса, проблематизирует оппозицию старинного уклада жизни и технического прогресса, которая становится ключевой. Рецепция кино-метафоры *прибытие поезда* в литературе XX в. привела к появлению новых функций железнодорожной мотивики: поезд дает героям возможность наблюдать за «зрелищами», «картинами», становится аналогом движущейся киноплёнки, камеры. Гибридизация киноприемов и литературной топики не только меняет приемы изображения реальности (фрагментарность, монтаж, смена ракурсов), но и актуализирует новые типы восприятия художественного произведения. Поезд приобретает мифологическую семантику, ассоциируясь с событием катастрофы, смерти, Апокалипсиса, революции, а также метапоэтическую символику. В современной литературе движение поезда соотносится с рефлексией жизни сознания, процесса создания текста. В некоторых случаях соотношение эпизодов движения по железной дороге и эпизодов киносъёмки позволяет усложнять повествовательную структуру, мультиплицировать переходы от внешней к внутренней фокализации. Таким образом, движение поезда порождает

в русской литературе ассоциации с кинематографическим изображением, созданием текста, процессом творчества, постижением внутреннего мира.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. А. Муратова – разработка методологии интермедиального анализа произведений русской литературы, сбор материала.

Г. А. Жиличева – концептуализация материала, анализ метапоэтики произведений русской литературы, редактирование.

Contribution: N. A. Muratova developed the methodology of intermedial analysis and collected the material.

G. A. Zhilicheva conceptualized the material, analyzed the meta-poetics, and proofread the article.

Литература / References

1. Иванов А. И., Сорокина Н. В. Железная дорога в русской художественной культуре XIX–XX вв. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 12-2. С. 670–679.
Ivanov A. I., Sorokina N. V. Railway in Russian artistic culture of XIX–XX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, (12-2): 670–679. (In Russ.)
2. Комагина С. Г. Образ железной дороги в русской литературе: мифологические истоки. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. 2011. № 1 (1). С. 41–56.
Komagina S. G. The image of railway in Russian literature: mythological roots. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, 2011, (1): 41–56. (In Russ.)
3. Непомнящих Н. А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике (обзор). *Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы*, отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Гео, 2012. С. 92–105.
Nepomnyashchikh N. A. Railroad as a set of motives of Russian lyrical and epic works (a review). *Plot-motive complexes of Russian literature*, ed. Romodanovskaya E. K. Novosibirsk: Geo, 2012, 92–105. (In Russ.)
4. Константинова Н. В. «Железнодорожные сюжеты» в современной прозе (на материале сборника «Красная стрела»). *Сюжетология и сюжетология*. 2015. № 2. С. 185–193.
Konstantinova N. V. "The railway plots" in the modern prose (on materials of the collection "Red Arrow"). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2015, (2): 185–193. (In Russ.)
5. Филипповский Г. Ю., Зимина Л. И. Метафорическое пространство концепта *железная дорога* в текстах русских и европейских романтиков XIX в. *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 2. С. 8–15. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10379>
Philippovsky G. Yu., Zimina L. I. Metaphorical space of the concept railroad in texts of Russian and European Romantics of the XIX century. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, (2): 8–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10379>
6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Лотман Ю. М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 288–372.
Lotman Yu. M. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. *About art*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1998, 288–372. (In Russ.)
7. Ханзен-Леве О. А. Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 450 с.
Hansen-Löve O. A. *Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde*. Moscow: RSUH, 2016, 450. (In Russ.)
8. Цивьян Ю. Г. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.
Tsivian Yu. G. *The historical reception of the cinema. Russian films in 1896–1930s*. Riga: Zinatne, 1991, 492. (In Russ.)

9. Смирнов И. П. Видеоря. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. 402 с.
Smirnov I. P. *Visuals: historical semantics of cinema*. St. Petersburg: Petropolis, 2009, 402. (In Russ.)
10. Янгиров Р. М. «Чувство фильма»: заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х годов. *Империя N. Набоков и наследники*, ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: НЛО, 2006. С. 399–429. 544 с.
Yangirov R. M. "The sense of the film": notes on the cinematic context in the literature of the Russian emigration in the 1920–1930s. *Empire N: Nabokov and Heirs, eds. and comps. Levng Yu., Soshkin E.* Moscow: NLO, 2005, 399–429. (In Russ.)
11. Мартянова И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы). *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2017. № 1. С. 136–141.
Martianova I. A. Cinematography of literary text (on the material of the contemporary Russian prose). *University The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 2017, (1): 136–141. (In Russ.)
12. Ронchetti Б. Образ поезда в поэтическом мире Велимира Хлебникова. *Гуманитарные исследования*. 2011. № 3. С. 182–190.
Ronchetti B. The image of a train in Velimir Khlebnikov's poetic world. *Humanitarian Researches*, 2011, (3): 182–190. (In Russ.)
13. Комагина С. Г. Мотив змея-поезда в русской прозе 1920–30-х годов. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2007. № 8. С. 75–80.
Komarina S. G. The motif of a serpent-train in Russian prose of the 1920–1930s. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2007, (8): 75–80. (In Russ.)
14. Белинский В. Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». Белинский В. Г. *Собрание сочинений*. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 320–343.
Belinskiy V. G. Explanation on the explanation about Gogol's poem "Dead Souls". *Collected works*. Moscow: ASPH, 1848, vol. 2, 320–343. (In Russ.)
15. Гончаренко А. А. Грех литературщины: взаимодействие кино и литературы в переходе от модернизма к соцреализму в 1920–1930-х гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 5-1. С. 150–155. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-150-155>
Goncharenko A. A. The literary sin: the transition from modernism to socialist realism in the soviet cinema 1920–1930's. *Historical and Social-Educational Idea*, 2016, 8(5-1): 150–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-150-155>
16. Васярова О. А. Опыты «скрещивания» литературы и кино. «Иприт» В. Шкловского и Вс. Иванова как симбиотическое целое. *Вестник Самарского государственного университета*. 2017. Т. 23. № 1-2. С. 28–31.
Vasiyarova O. A. Experience of "crossing" literature and cinematography. "Iprit" by Victor Shklovskiy and Vsevolod Ivanov as the symbiotic entire. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, 23(1-2): 28–31. (In Russ.)
17. Кольцова Н. З. Булгаков как «словесный кино-мастер» (к вопросу о кинематографическом прочтении романа «Мастер и Маргарита»). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2016. № 5. С. 165–173. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2016-5-165-173>
Koltsova N. Z. Bulgakov as a "verbal movie master" (about cinematic reading of "The Master and Margarita" novel). *Bulletin of Buryat State University*, 2016, (5): 165–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2016-5-165-173>
18. Высочанская А. М. *Рецепция искусства кино в русской литературе I половины XX века: автореф. ... дис. канд. филол. наук*. М., 2018. 24 с.
Vysochanskaya A. M. *The reception of the cinema in the literature of the first half of the XX century*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2018, 24. (In Russ.)
19. Тименчик Р. Д. Расписание и Писанье. *Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*, eds. K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford: Stanford UP, 1994. P. 70.
Timenchik R. D. Timetable and Scripture. *Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*, eds. Polivanov K., Shevelenko I., Ustinov A. Stanford: Stanford UP, 1994, 70. (In Russ.)
20. Осипова Н. О. Семантика вокзала в русской поэзии первой трети XX века. *Русская классика XX века: пределы интерпретации*, отв. ред. А. П. Егорова. Ставрополь: СГПУ, 1995. С. 89–93.
Osipova N. O. Semantics of a railway station in Russian poetry of the first third of the XX century. *Russian classics of the XXth century: limits of interpretation*, ed. Egorova L. P. Stavropol: SSPU, 1995, 89–93. (In Russ.)
21. Тюленева Е. М. Мифологема «вокзала» в поэтическом пространстве Б. Пастернака 1910–1920-х годов. Творчество писателя и литературный процесс. *Слово в художественной литературе, стиль, дискурс*, отв. ред. В. П. Раков. Иваново: ИвГУ, 1999. С. 97–108.
Tyuleneva E. M. The myth of the railway station in B. Pasternak's poetry of the 1910–1920s. Author's work and the literary process. *Word in fiction, style, discourse*, ed. Rakov V. P. Ivanovo: IvSU, 1999, 97–108. (In Russ.)

22. Москалева А. Е. Две редакции стихотворения «Вокзал» Б. Пастернака: об исчезновении мертвой головы. *Молодая филология – 2007*, редкол.: Н. П. Перфильева, Н. В. Константинова, Н. В. Носенко, Е. А. Шульская. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 135–141.
Moskaleva A. E. Two editions of B. Pasternak's The Railway Station: dead head disappears. *Young philology – 2007*, ed. board: Perfilieva N. P., Konstantinova N. V., Nosenko N. V., Shulskaya E. A. Novosibirsk: NSPU, 2008, 135–141. (In Russ.)
23. Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. *Учен. зап. Тартуского ун-та*. 1969. Вып. 236: Труды по знаковым системам. С. 206–238.
Lotman Yu. M. Early Pasternak's poems and several aspects of structural text studies. *Acta et commentationes universitatis Tartuensis*, 1969, (236: Works on semiotic systems): 206–238. (In Russ.)
24. Фарино Е. Живопись Кологривовской панорамы и Мучного городка (Археопоэтика «Доктора Живаго». 4). *Studia Filologiczne*. 1992. Z. 35. S. 5–47.
Faryno J. The art of Kologrivovo's landscape and Muchnoy town (Archeopoetics of "Doctor Zhivago". 4). *Studia Filologiczne*, 1992, (35): 5–47. (In Russ.)
25. Мароши В. В. Паук за работой: архетип Арахны в рефлексивной имагологии литературы. *Имагология и компаративистика*. 2014. № 2. С. 17–33. <https://doi.org/10.17223/24099554/2/2>
Maroshi V. V. A spider at work: the archetype of Arachne in the reflexive imagology of literature. *Imagologiya i Komparativistika*, 2014, (2): 17–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/2/2>
26. Жиличева Г. А. Метафора «книги жизни» в интриге романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». *Поэтика и прагматика нарративных практик*, отв. ред. В. И. Тюпа. Екатеринбург: ИСТМЕДИА, 2019. С. 40–52.
Zhilicheva G. A. The metaphor of the Book of Life in the intrigue of Pasternak's Doctor Zhivago. *Poetics and pragmatics of narrative practices*, ed. Tyupa V. I. Ekaterinburg: ISTMEDIA, 2019, 40–52. (In Russ.)
27. Липовецкий М. Н. Паралогия русского постмодернизма. *Новое литературное обозрение*. 1998. № 30. С. 285–304.
Lipovetsky M. N. Paralogy of Russian post-modern. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1998, (30): 285–304. (In Russ.)

оригинальная статья

Вагнерианский слой в поэзии И. Анненского

Налегач Наталья Валерьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1214-7363><http://www.researcherid.com/rid/U-1472-2017>

nalegach@list.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022. Принята после рецензирования 02.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Увлечение музыкой и эстетическими идеями Р. Вагнера было характерно для культуры эпохи модерна. Сложно переоценить его роль для становления символистского театра, а также для формирования отдельных эстетических и художественных миров русских авторов рубежа XIX–XX вв. Среди них можно указать и стоявшего особняком от основной магистрали развития русского символизма И. Анненского, в одном из писем к Е. М. Мухиной самоопределившегося как вагнерианец. И если роль вагнеровских эстетических концепций в оформлении символистской драматургии изучена достаточно подробно, то исследования этого слоя в лирике русских модернистов предпринимаются значительно реже. Цель – выявить и изучить вагнерианский слой в поэзии И. Анненского. В его книгах стихов «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец» выявлены отсылки к таким произведениям немецкого композитора, как «Кольцо Нибелунгов», «Парсифаль», «Тристан и Изольда», увертюра «Фауст». Анализ писем и стихотворений позволяет утверждать, что для организации поэтических ансамблей важную роль сыграла лейтмотивная композиция, перенесенная из вагнеровского опыта объединения опер в тетралогии в один из принципов циклообразования в лирике, что можно видеть в развитии тем потаенной любви, чувства Бога, поиска идеала как в несобранных циклах И. Анненского, так и в оформлении поэтических книг.

Ключевые слова: музыка, символизм, вагнерианство, Грааль, идеал, любовь, тема

Цитирование: Налегач Н. В. Вагнерианский слой в поэзии И. Анненского. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 60–65. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-60-65>

original article

The Wagnerian Layer in I. Annensky's Poetry

Natalya V. Nalegach

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1214-7363><http://www.researcherid.com/rid/U-1472-2017>

nalegach@list.ru

Received 10 Jan 2022. Accepted after peer review 2 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: Passion for R. Wagner's music and aesthetic ideas was characteristic of the Art Nouveau culture. At the turn of the XIX–XX centuries, it affected the Symbolist theater and shaped the aesthetic and artistic worlds of many Russian authors. Innokentii Annensky stood apart from the Russian mainstream symbolism. In his letter to E. M. Mukhina, he defined himself as a Wagnerian. The role of Wagner's aesthetics in the symbolist drama has received a lot of scientific attention, whereas its effect on the Russian modernist poetry remains largely understudied. This article introduces the Wagnerian layer in I. Annensky's poetry. His *Quiet Songs* and *The Cypress Chest* appeared to have numerous references to such Wagner's works as *The Ring of the Nibelung*, *Parsifal*, *Tristan and Isolde*, and *Faust*. The author analyzed I. Annensky's poetry and correspondence. The analysis showed that the method of leitmotif composition helped the poet to structure his poetic ensembles. I. Annensky adopted Wagner's experience of combining operas into a tetralogy and used it to unite his own poetry into cycles. This device is especially obvious in the themes of secret love, the God sense, and the search for the ideal in his stand-alone cycles and poetry books.

Keyword: music, symbolism, Wagnerianism, Grail, ideal, love, theme

Citation: Nalegach N. V. The Wagnerian Layer in I. Annensky's Poetry. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 60–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-60-65>

Введение

Поэзия Иннокентия Анненского в своей сути есть лирика текучих, подвижных состояний души и сознания, что выразилось в усиленной разработке поэтики времени и в специфике его лирических сюжетов. Закономерно, что творчество поэта рассматривалось как проявление импрессионизма в лирике [1, с. 219–243; 2, с. 75–115]. Однако интерес к движению времени в противовес неизменной вечности связывает его поэтический мир не только с исканиями в живописи, но и с музыкой, тем более что установка на синтез искусств объединяла всех представителей эпохи модерна [3]. Многие исследователи [4; 5, с. 85; 6; 7, р. 273–275; 8; 9] отмечают высокую степень музыкальности его стихотворений, начиная от звуковой инструментовки, продолжая развитием темы музыки и связанных с нею мотивов и образов, заканчивая жанровыми формами вплоть до названия первой поэтической книги «Тихими песнями».

В этой связи примечательно наблюдение А. Ф. Лосева о том, что в искусстве можно выделить два типа мироощущения – музыкальное и образное. При этом «музыкальное мироощущение есть ощущение текучести, процессуальности, непрерывного потока бытия и, с другой стороны, есть познание чистого качества предметов, познание того общего материала, из которого они создаются» [10, с. 317]. С точки зрения А. Ф. Лосева, по всей вероятности, не без влияния Ф. Ницше искусство музыки характеризуется как наиболее сродное трагизму. Добавим к этому, что основной эмоциональный тон, которым пронизано творчество И. Анненского, зачастую характеризуется как трагическая ирония [11; 12, с. 155–197; 13]. Откликаясь на знаменитое название работы Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру», А. Ф. Лосев определяет музыку через ее генезис: «Трагедия произошла от музыки, или, чтобы не подумали, будто мы имеем здесь в виду реальные музыкальные произведения, трагедия произошла из духа музыки. Ибо настоящая музыка не состоит из звуков, но – из элементов духа» [10, с. 320].

Этот же комплекс идей Ф. Ницше о рождении трагедии из духа музыки, вдохновленный знакомством с творчеством Р. Вагнера, как отмечает в своей работе Г. В. Петрова [14], волновал И. Анненского. И его самоопределение *вагнерианец* из письма к Екатерине Максимовне Мухиной от 22 февраля 1907 г., написанного по-французски и переведенного Л. Я. Гинзбург: «Вагнерианцем же я остаюсь, я им был всегда, и я заранее радуюсь перспективе увидеть "Кольцо" полностью»¹, – открывается не только как признание в любви к музыке немецкого композитора, но и как осознанная эстетическая позиция,

определяющая его принадлежность к творческим установкам эпохи модерна.

В современном литературоведении накоплено немало работ о влиянии творчества Р. Вагнера на эстетику и поэтику русского модернизма, формирование идей синтеза искусств, индивидуальные творческие системы и поэтические миры [15–17; 18, с. 90; 19; 20; 21, с. 131–137]. Отдельные наблюдения о значимости вагнерианства в жизни и творчестве И. Анненского обнаруживаем в работах Г. В. Петровой [22, с. 35], Н. Гамаловой [23, р. 265–272], С. В. Косихиной [24, с. 38–39], в подробных комментариях А. И. Червякова к изданию писем И. Анненского.

В свете этого самоопределения поэта и малой степени изученности вопроса представляется важным выявить вагнерианский слой, создающий определенную подтекстовую структуру в его лирике, что и является целью предлагаемой работы.

Методы и материалы

Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода с подключением методов структурно-семиотического анализа, биографического и историко-культурного комментирования. Исходя из переписки И. Анненского с близкими людьми, воспоминаний о нем, а также эстетических размышлений, рассеянных по разным критическим и историко-литературным статьям и работам, определен круг любимых им вагнеровских произведений. Среди них – оперы «Тристан и Изольда», «Парсифаль» и знаменитая тетралогия «Кольцо Нибелунга».

Заслуживает внимания и тот факт, что не все произведения композитора были высоко ценимы И. Анненским. Так, его реплика из уже упоминавшегося письма к Е. М. Мухиной от 22 февраля 1907 г. свидетельствует о неприятии им «Лоэнгрин»: «Вы говорите мне о Лоэнгрине. Знаете ли Вы, что я думал об этом персонаже (мистическом в большей мере, чем таинственном) и, может быть, в тот самый момент, когда Вы ему аплодировали, <...> мне не слишком нравится этот мир лебедей и упитанных блондинок с глазами цвета пивной пены»².

В этой связи методика отбора поэтических текстов опирается на присутствие в них вагнеровских аллюзий и реминисценций. Следующим этапом становится анализ функционирования выявленной реминисценции в поэтической структуре текста. На третьем этапе осуществляется обобщение и систематизация отдельных наблюдений с целью выявить смыслообразующую роль вагнерианского слоя в поэтическом мире И. Анненского.

¹ Анненский И. Ф. Письма, сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова. Т. 2. 1906–1909. СПб.: Галина скрипсит; Изд-во им. Н. И. Новикова, 2009. С. 122.

² Там же. С. 121 – 122.

Символика Грааля и тема исканий идеала («Парсифаль» в поэтических «отражениях» И. Анненского)

Музыкальная природа первой поэтической книги автора «Тихие песни» (1904) осмыслена в разных работах. Но в связи с вагнерианством хотелось бы отметить еще один смысловой нюанс, который воплощен в эпиграфе к этому сборнику:

Из разбитого фиала
В эти песни пролита,
Но увы! не красота.
Только мука идеала³.

В нем предлагаемая книга явлена не как обретенный о мире смысл. Главное ее значение – указание пути исканий идеала. Показательно, что соединение мотивов пути как искания идеала и образа чаши уже было воплощено в одном из ключевых символов западноевропейского средневекового искусства – в Граале. Важно и то, что благодаря операм Вагнера о рыцарях Грааля – Лоэнгрине и Парсифале – этот символ оказался актуализирован в искусстве модерна.

Стоит отметить, что И. Анненский непосредственно связывал музыку Вагнера со сферой идеала. В том же 1904 г., когда выходит в свет его книга «Тихие песни», И. Анненский пишет в письме к А. В. Бородине от 15 июня о своем отношении к музыке немецкого композитора. И в момент уяснения самому себе степени близости его произведений собственному духовному складу он определяет роль этой музыки как связующего звена с миром идеала, изменившимся в свете переживания состояния утраты Бога: «То, что я до сих пор знаю вагнеровского, мне кажется более сродным моей душе, чем музыка Бетховена, а почему я и сам не знаю. <...> Может быть потому, что я потерял Бога и беспокоюсь, почти безнадежно ищу оправдания для того, что мне кажется справедливым и прекрасным»⁴.

Указание на музыку Р. Вагнера как прояснение связи человеческого Я с идеалом позже станет основой лирического сюжета его стихотворения «О нет, не стань», замыкающего «Трилистник проклятия» в книге «Кипарисовый ларец». Само стихотворение написано в 1906 г. и построено на парадоксальных контрастах, проясняющихся из музыкального подтекста, о чем нам уже доводилось писать [25], приведем здесь только один из выводов: на протяжении 6–7 лет вагнеровская музыка, и в частности «Парсифаль», в основе сюжета которого – искание Грааля, становится для И. Анненского воплощением религиозного чувства, близкого ему самому. В этом чувстве сложно переплетены спроецированные на образ вагнеровского Амфортаса чувства утраты Бога и памяти о нем как единственном источнике идеала, который в отпавшем мире недоступен

как утраченный рай, но без которого осмысленная жизнь и человечность невозможны. Отсюда и страдание, которое совмещает в себе мучительность проклятия, и спасительность памяти о трансцендентном, побуждающая искать смысл в бессмысленном мире, предлагающем вместо подлинного счастья лишь его призрачное обещание, оборачивающееся обманом Кундри (*влажный блеск малиновых улыбок*).

Неразрывная связь религиозного (с акцентом на трагизм утраты Бога) и эстетического чувств, духовный порыв, устремленный к преодолению иронии, выведенной на первый план посредством тропов, характерны и для стихотворений И. Анненского, в которых нет текстуально обозначенных отсылок к Вагнеру, но есть то, что в интерпретации русского поэта может быть обозначено как вагнерианство, проникнутое духом искания идеала. Среди таковых можно указать стихотворения «Поэзия» («Над высью пламенной Синяя...»), «Идеал», «Среди миров», «В небе ли меркнет звезда...» и др.

Тема потаенной любви, антиномия стихии и индивидуальной воли («Тристан и Изольда», «Кольцо Нибелунга» в творческой рецепции И. Анненского)

Другим важным обращением И. Анненского к творчеству Вагнера становится тема любви Тристана и Изольды. При этом для самого И. Анненского она раскрывается как вариация, явленная еще в двух парах, одна из которых тоже восходит к Вагнеру – Зигфрид и Брунгильда, а вторая введена им при сопоставлении Вагнера с Еврипидом, «Зигфрида» с «Ипполитом», речь идет о Федре и Ипполите. Сравнивая в «Лекциях по античной трагедии» «Ипполита» и «Зигфрида», он делает акцент на большем мифологизме немецкой оперы по сравнению с древнегреческой трагедией, также его внимание привлекает лейтмотивная композиция, введенная Вагнером. И эта лейтмотивная организация использована им в качестве скреп в развитии темы потаенной любви, данной посредством вариаций в несобранных микроциклах, отдельные элементы которых вошли в состав других макроконтекстов, но не утратили единства между собой посредством лейтмотивных функций символов, повторяющихся в лишь на первый взгляд разрозненных стихотворениях. Представляется, что такое решение позволило И. Анненскому еще больше усилить эффект потаенного чувства и скрыть от посторонних глаз за завесой эстетизации драматизм живого чувства.

В обращении И. Анненского к теме Тристана и Изольды имеется биографический компонент, обусловленный ситуацией мистического брака поверх брака, заключенного перед Богом и людьми. Это событие «венчанья душ» известно нам по письму О. П. Хмара-Барщевской к В. Розанову

³ Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии, вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 53.

⁴ Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. С. 349.

от 20 февраля 1917 г. [5, с. 67]. По всей вероятности, согласно письму, это чувство отразилось не только в стихотворении «В марте», но нашло воплощение в поэтических мотивах лучезарного слиянья, миража, сновидения, бреда сумасшедшего. В этом же описании «венчанья душ» раскрывается и ассоциативная связь образов рук – ветвей – цветов в развитии темы любви в стихотворениях «Электрический свет в аллее», «Дальние руки» и др.

При этом следует с осторожностью относиться к закреплению обращения И. Анненского к этому сюжету ситуацией, описанной О. П. Хмара-Барщевской. Дело в том, что Тристан и Изольда возникают в его переписке с Е. М. Мухиной, причем сам контекст письма весьма примечателен. На первый взгляд, их упоминание в письме к Е. М. Мухиной от 23 июля 1908 г. обусловлено поездкой адресата в Байройт. Но именно в это лето оперу «Тристан и Изольда» не ставили, и упоминание ее персонажей, усиленное контекстом письма, приобретает более интимный характер, обусловленный предчувствием смерти, которое, судя по выбранной цитате из либретто, и подвигло И. Анненского на сожжение своих рукописей, о котором он упоминает в письме непосредственно перед обращением к Вагнеру: «Жглись старые стихотворения, неосуществившиеся планы работ, брошенные материалы статей, какие-то выписки, о которых я сам забыл. <... > Простите, дорогая, что наполнил письмо собою... Так как-то подвернулся этот предметик. Тристан и Изольда... Вы их нынче не услышите... Там есть чудное полустишие

Ich hore das Licht...

Sei tu? Это уже не из Вагнера»⁵.

Может быть, сама ситуация «венчанья душ», описанная О. П. Хмара-Барщевской, является следствием не только воздействия совести, но и эстетической концепции И. Анненского, выразившейся, например, в его рассуждениях о символе Елены Троянской как воплощении Вечно Женственного, в связи с чем мотив обладания ею в античной литературе, согласно интерпретации И. Анненским произведений Гомера и Стезихора, приобретает призрачный характер. Противовесом призрачному обладанию в этой эстетической концепции становится мистический брак с символической Еленой, который и становится источником поэзии, преображающей вечную попытку земных желаний в произведение искусства.

А. И. Червяков в комментариях к письму, адресованному Вяч. Иванову 24 мая 1909 г., приводит показательную цитату из статьи И. Анненского «Ион и Аполлонид», опубликованной еще в 1899 г.: «Мистический брак Елены с Фаустом кончается у Гете печально. <... > Не надо особенной проницательности, чтобы понять символический смысл

этого брака и этой разлуки. Елена – античное искусство, Фауст – тревожная и пытливая мысль романтика. Плод их союза – новая поэзия. Божественные покровы Елены, это – классическая форма, завещанная нам древностью»⁶. Добавим, что появление образа новой поэзии как следствия мистического брака не совсем понятно в случае упоминания исключительно имени Гете, но более чем раскрывается, если учесть обращение к этому произведению немецкого поэта Вагнера, написавшего по мотивам «Фауста» увертюру к симфонии. Так, в письме к Н. П. Бегичевой от 22 июля 1908 г. И. Анненский особенно выделяет именно это его произведение из всех, прозвучавших на вечере в Павловске⁷. Среди других произведений, прозвучавших на этом вечере, как указывает А. И. Червяков со ссылкой на газетное объявление, были выступления к «Парсифалю», «Лоэнгрину», «Тристану и Изольде», полет Валькирий и сцена смерти Зигфрида.

Показательно сходство ситуаций мистического брака Елены и Фауста как символа рождения новой поэзии и житнетворческого его преломления, описанного в письме О. П. Хмара-Барщевской как событие «венчанья душ», соприкасающегося с темой Тристана и Изольды. Весьма вероятно, что в контексте эстетических воззрений И. Анненского, это событие послужило основой лилейного мифа в его поэзии, породив символ поэтического кубка лилий как прекрасного сосуда с напитком вдохновения в микроцикле «Лилии». Анализ стихотворений микроцикла «Лилии» и рассыпанного цикла «мучительных сонетов», состоящего из четырех стихотворений, в заглавие которых входит это жанровое определение, позволяет утверждать, что активнее всего обращение к теме Тристана и Изольды обнаруживается во «Втором мучительном сонете», вошедшем в «Кипарисовый ларец», в развитии образности меда и яда как символов волшебного напитка, обрекающего целующихся влюбленных на ужас и страдания потаенной любви.

Помимо темы потаенной любви, отсылки к операм Вагнера из «Кольца Нибелунга» способствуют развитию антиномии роковой предопределенности и свободы выбора. Так, разъясняя различие образов Ипполита и Зигфрида, И. Анненский указывает на то, что немецкий композитор, в отличие от Еврипида, обращается не столько к мотивам игры богов человеком и предчувствия свободы, сколько воплощает изначально стихийную волю, в которой человек переживает свою неотделимость от пронизанного духом музыки мироздания: «Сила вагнеровского творчества была не в красоте человеческого чувства, не в гибкости мысли, не в переливах настроений, а в супранатуральной, стихийно-абсолютной музыкальности»⁸. По мысли И. Анненского, Вагнеру удалось воплотить в «Зигфриде» ту музыку, которая предстает

⁵ Анненский И. Ф. Письма. Т. 2. 1906–1909. С. 211.

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. С. 351.

первородной стихией, из которой возникает мир. Аналогом этого рассуждения можно считать сцену разговора Фаиры с матерью после его состязания с Евтерпой в пьесе «Фаирикафаред». Это та стихия музыки, которая своей игрой порождает и завораживает не только людей, но и богов, считающих, что они играют людьми (клавишами фортепиано, смычком и струнами скрипки, если вспомнить образность стихотворений И. Анненского «Первый фортепьянный сонет», «Второй фортепьянный сонет», «Смычок и струны», «Старая шарманка»), но сами, как выясняется, оказываются следствием музыкальной игры, как это и было представлено в со- и противопоставлении менад и невольниц в двух фортепьянных сонетах. У Вагнера это особенно остро представлено в опере «Валькирия».

Заключение

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что вагнерианство И. Анненского не исчерпывается его любовью к произведениям немецкого композитора, но, будучи глубинно пережитыми, становятся одним из претекстов

в развитии ключевых тем поэта – исканий идеала, неотделимых от религиозного чувства, сложно совмещающего чувство утраты Бога с невозможностью вне божественности преодолеть сомнения и соприкоснуться со сферой Абсолюта, и потаенной любви, лирически заостряющей антиномию стихийной деперсонализации и индивидуалистической свободы воли. При этом развитие обеих тем повлекло за собой обращение к лейтмотивной композиции при организации макроконтекстов (поэтических книг «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец»), а само раскрытие этих тем оказалось обусловленным эстетическими взглядами, характерными для искусства эпохи модерна с ее установкой на синтез искусств.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Корецкая И. В. Импрессионизм в символистской поэзии и эстетике. Корецкая И. В. *Над страницами русской поэзии и прозы начала века*. М.: Радикс, 1995. С. 199–252.
Koretskaya I. V. Impressionism in symbolist poetry and aesthetics. *The pages of Russian poetry and prose of the early XX century*. Moscow: Radiks, 1995, 199–252. (In Russ.)
2. Астахов О. Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 122 с.
Astakhov O. Yu. *The aesthetics of Impressionism in the poetry of Russian symbolists (V. Ya. Bryusov, K. D. Balmont, I. F. Annensky)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 122. (In Russ.)
3. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.
Azizyan I. A. *Art's dialog of Silver century*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 400. (In Russ.)
4. Боровская А. А. Жанровое многообразие «музыкальной» лирики И. Анненского. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2008. № 10. С. 171–175.
Borovskaya A. A. Genre diversity of I. Annensky's musical lyrics. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2008, (10): 171–175. (In Russ.)
5. Федоров А. В. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л.: Худож. лит., 1984. 256 с.
Fedorov A. V. *Innokenty Annensky: Personality and Creativity*. Leningrad: Khudozh. lit., 1984, 256. (In Russ.)
6. Федякин С. Р. Об одной особенности образа музыки в поэзии Иннокентия Анненского. *Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909): материалы и исследования: по итогам Междунар. науч.-литературных чтений, посв. 150-летию со дня рождения И. Ф. Анненского*. (Москва, 12–14 октября 2005 г.) М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. С. 586–592.
Fediakin S. R. The image of music in Innokentii Annensky's poetry. *Innokentii Fedorovich Annensky (1855–1909): materials and research: Intern. Sci.-Literary readings dedicated to the 150th anniversary of I. F. Annensky*, Moscow, 12–14 Oct 2005. Moscow: IMLI, 2009, 586–592. (In Russ.)
7. Gamalova N. *La litterature comme lieu de rencontre: I. Annenskij, poete et critique*. Lyon: Editions de l'Universite Lyon III, 2005, 338.
8. Косихина С. В. Концепт «музыка» в творчестве И. Ф. Анненского. *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 2. С. 67–72.
<https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-67-72>
Kosikhina S. V. The concept of "music" in the works by I. F. Annensky. *Russkii yazyk v shkole*, 2019, 80(2): 67–72. (In Russ.)
<https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-67-72>
9. Косихина С. В. Духовно-музыкальное ясновидение (Иннокентий Анненский). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 16. С. 227–237.
Kosikhina S. V. Spiritual and musical perspicacity (Innokenty Annensky). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (16): 227–237. (In Russ.)

10. Лосев А. Ф. Стрoение художественного мироощущения. Лосев А. Ф. *Форма. Стилль. Выражение*. М.: Мысль, 1995. С. 297–320.
Losev A. F. The structure of the artistic worldview. *Form. Style. Expression*. Moscow: Mysl, 1995, 297–320. (In Russ.)
11. Колобаева Л. А. Ирония в лирике Иннокентия Анненского. *Филологические науки*, 1977, № 6. С. 21–30.
Kolobaeva L. A. Irony in the lyrics of Innokentii Annensky. *Filologicheskie nauki*, 1977, (6): 21–30. (In Russ.)
12. Иванова И. Н. Ирония в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы). Ставрополь: СГУ, 2006. 421 с.
Ivanova I. N. *Irony in the poetry of Russian modernism (1890–1910)*. Stavropol: SSPI, 2006, 421. (In Russ.)
13. Шевчук Ю. В. Трагическая ирония в «Складнях» И. Ф. Анненского. *Вестник славянских культур*, 2019, № 54. С. 242–256.
Shevchuk Yu. V. The tragic irony in I. F. Annensky's *The Folders*. *Vestnik slavianskikh kultur*, 2019, (54): 242–256. (In Russ.)
14. Петрова Г. В. И. Ф. Анненский: «Проблема Ницше». *Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909): материалы и исследования: по итогам Междунар. науч.-литературных чтений, посв. 150-летию со дня рождения И. Ф. Анненского*. (Москва, 12–14 октября 2005 г.) М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. С. 7–31.
Petrova G. V. I. F. Annensky: The Problem of Nietzsche. *Innokentii Fedorovich Annensky (1855–1909): materials and research: Intern. Sci.-Literary readings dedicated to the 150th anniversary of I. F. Annensky, Moscow, 12–14 Oct 2005*. Moscow: IMLI, 2009, 7–31. (In Russ.)
15. Таштамирова Л. Ш., Бибеева И. Н. Теория синтеза искусств Р. Вагнера в контексте «Философии искусств» Шеллинга. *Вестник развития науки и образования*, 2017, № 5-6. С. 74–81.
Tashtamirova L. Sh., Bibeeva I. N. Theory of arts synthesis of R. Wagner in the context of the "Philosophy of Arts" by Schelling. *Vestnik razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2017, (5-6): 74–81. (In Russ.)
16. Элькан О. Б. Gesamtkunstwerk Рихарда Вагнера: интеграция музыкальных и внемузыкальных художественных средств. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, 2017, Т. 2, № 3. С. 85–90.
Elkan O. B. Gesamtkunstwerk of Richard Wagner: the integration of musical and extramusical artistic means. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 2017, 2(3): 85–90. (In Russ.)
17. Пашченко М. В. «Филология музыки» Вячеслава Иванова (к проблеме «русский» Вагнер и «русский» Ницше). *Вестник культурологии*, 2019, № 1. С. 161–186. <https://doi.org/10.31249/hoc/2019.01.09>
Pashchenko M. V. "Philology of Music" by Vyacheslav Ivanov (to the problem of "Russian" Wagner and "Russian" Nietzsche). *Vestnik kulturologii*, 2019, (1): 161–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/hoc/2019.01.09>
18. Игошева Т. В. Понятие «воли» в размышлениях А. Блока о революции. *Соловьевские исследования*, 2020, № 3. С. 79–92. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.3.079-092>
Igosheva T. V. Concept of "will" in the reflections of A. Blok on the revolution. *Solovyov Studies*, 2020, (3): 79–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2020.3.079-092>
19. Шульдишова А. А. Р. Вагнер: традиция «омузыкаливания» в творчестве поэтов серебряного века. *Античность – Современность (вопросы филологии)*, ред. колл.: А. А. Кораблев и др. Донецк: ДонНУ, 2017. Вып. 5. С. 102–116.
Shuldishova A. A. R. Wagner: the tradition of "musicalization" in the work of poets of the Silver Age. *Antiquity – Modernity (questions of philology)*, ed. board: Korablev A. A. et al. Donetsk: DonNU, 2017, iss. 5, 102–116. (In Russ.)
20. Хлебунова А. С. Влияние Вагнера на русского символиста П. В. Жукковского. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 2018, № 3. С. 60–65.
Khlebunova A. S. Wagner's influence on Russian symbolist Zhukovski P. V. *The Humanities and socio-economic sciences*, 2018, (3): 60–65. (In Russ.)
21. Матрусова А. Н. Образ Святого Грааля в художественной рецепции русской поэзии серебряного века. *Художественная словесность: теория, методология исследования, история*, под ред. И. Г. Минераловой. М.: Литера, 2020. Т. 3. С. 118–164.
Matrusova A. N. The image of the Holy Grail in the artistic reception of Russian poetry of the Silver Age. *Artistic literature: theory, research methodology, and history*, ed. Mineralova I. G. Moscow: Litera, 2020, vol. 3, 118–164. (In Russ.)
22. Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород: НовГУ, 2002. 128 с.
Petrova G. V. *Creativity of Innokentii Annensky*. Veliky Novgorod: NovSU, 2002, 128. (In Russ.)
23. Gamalova N. *Les tragedies antiques d'Innokentii Annenski et ses traductions d'Euripide en russe*. Lyon: Editions de l'Universite Lyon III, 2015, 362.
24. Косихина С. В. Музыка в творчестве И. Анненского. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2018, № 3. С. 33–40.
Kosihina S. V. Music in I. F. Annensky's works. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2018, (3): 33–40. (In Russ.)
25. Налегач Н. В. Символика фиала – чаши – кубка в лирике И. Анненского. *Русская литература*, 2012, № 4. С. 188–199.
Nalegach N. V. The symbolism of the phial – bowl – goblet in I. Annensky's lyrics. *Russkaia Literatura*, 2012, (4): 188–199. (In Russ.)

оригинальная статья

Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект

Поселенова Евгения Юрьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-6327-3466>
e.poselenova@gmail.com

Поступила в редакцию 11.01.2022. Принята после рецензирования 01.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Как прецедентный текст «Бедная Лиза» стала одновременно утверждением и преодолением сентименталистского канона в русской литературе. Это обусловило неоднозначность трактовки ее этической и аксиологической составляющих, что усугубляется сложностью решения вопроса о религиозных взглядах писателя. В связи с этим в качестве материала помимо самой повести привлекаются отдельные фрагменты из «Истории государства Российского», повесть «Наталя, боярская дочь» и диалог «Филалет к Мелодору» Н. М. Карамзина, анализ которых позволяет более детально изучить проблему. Цель – рассмотреть проблемы нравственно-религиозного содержания повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Методология исследования формируется на базе историко-литературного, сравнительно-типологического и культурологического подходов к изучению художественного произведения. В ходе исследования поэтапно рассматриваются ключевые аспекты нравственно-религиозной составляющей содержания повести. В первую очередь, внимание сосредоточено на образах родителей героини, их мировоззрении и его влиянии на внутрисемейные отношения. Утверждается мысль, что отношения матери и отца Лизы, их взгляды на воспитание дочери выстраиваются автором повести в соответствии с представлениями «народного православия». Моделью подобного мировоззрения можно считать принципы организации жизни, описанные в Домострое. Для аргументации исследовательской позиции проводится сравнительный анализ фрагментов этого литературного памятника с повестью. Важным для выбранного исследовательского вектора становится анализ пространственных образов повести «Бедная Лиза» в аспекте соотнесения с обрядовой традицией. Сделан вывод, что происходящая в сознании героини смена знаковых ориентиров не случайна и свидетельствует о постепенном замещении христианской морали языческой системой ценностей. Доказано, что мотив чистоты, традиционно интерпретируемый в качестве ключевого в образе Лизы, коррелирует в произведении с мотивами забвения, заблуждения, религиозно-этическими мотивами умирания души, возмездия, с темами вины и греха. Результаты проведенного исследования позволяют оспорить сложившийся научный стереотип. Итогом стал вывод, что в повести Н. М. Карамзина происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений неортодоксального христианства. Формально оценка поступков Лизы дана в произведении с позиции сочувствующего повествователя, выражающего сентименталистский взгляд на мир. Но за этим просматривается комплекс более сложных проблем, связанных с ментально обусловленной религиозной этикой, также являющейся нравственным фоном раскрытия образа героини.

Ключевые слова: сентиментализм, православие, проза, художественное пространство, мотив, мировоззрение, этика

Цитирование: Поселенова Е. Ю. Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 66–72. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-66-72>

original article

The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's *Poor Lisa*

Eugenia Yu. Poselenova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-6327-3466>
e.poselenova@gmail.com

Received 11 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: N. M. Karamzin's *Poor Lisa* is a precedent in Russian literature: it both celebrated and brought down the principles of Sentimentalism. However, many aspects of this canonical text still remain understudied. The present research featured the moral and religious issues in N. M. Karamzin's *Poor Lisa*. It also involved some fragments from N. M. Karamzin's *The History*

of the Russian State; *Natalya, the Boyar's Daughter*, and *Filalet to Melodor*. The methods included the historical and literary approach, as well as comparative and typological analyses. As for N. M. Karamzin's religious views, the authors agree with those literary critics and historians who relied on N. M. Karamzin's biography and statements and declared him an orthodox Christian. The research concentrated on various moral and religious components of the story. Lisa's worldview was shaped by that of her parents, who built their family relations based on the Old Russian Household Book. Lisa's traditional Orthodox background explains many of her decisions, which critics tend to interpret through the prism of Sentimentalism. Spatial images of the novel seem to correlate with ceremonial tradition: they show how Lisa's Christian worldview was gradually overtaken by the pagan belief system. The central motif of Lisa's purity and innocence correlates with those of oblivion, delusion, the death of soul, punishment, built, sin, etc. As a result, the novel can be treated as a dialogue of two world outlook systems: Sentimental ethics vs. religious and moral ideas. The reader sees Lisa from the point of view of a compassionate narrator with a Sentimental worldview. However, a more complex problem of religious ethics appears as a moral background.

Keywords: Sentimentalism, Orthodoxy, story, art space, motif, worldview, ethics

Citation: Poselenova E. Yu. The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's Poor Lisa. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 66–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-66-72>

Введение

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» является прецедентным текстом. Не просто новаторское произведение, а сочинение, ставшее в свое время эталоном сентиментальной повести, она вызвала колоссальный резонанс в русской литературной среде. В. А. Жуковский, В. В. Измайлов, П. Ю. Львов, Н. П. Милонов и другие современники Н. М. Карамзина создали целую плеяду «бедных» героинь, используя созданный автором «Бедной Лизы» нарративный тип. Более того, повесть не только определила канон жанра сентиментальной повести, но и задавала вектор развития русской классической прозы XIX в. [1–3], в том числе в рамках литературного феномена, получившего в научной традиции определение *Лизин текст*. Несмотря на это, за период, прошедший с момента выхода (2006 г.) в свет монографии В. Н. Топорова [4], масштабных научных работ, посвященных повести «Бедная Лиза», появилось не так уж много. Осталось немало аспектов, которые были практически обойдены вниманием исследователей-карамзинистов или затронуты фрагментарно. К таким вопросам относится проблема религиозно-нравственного содержания повести «Бедная Лиза» [5; 6], в последнее время вновь ставшей объектом активного научного обсуждения [7–13].

В. Н. Топоров писал о том, что «именно Карамзину принадлежит честь определения важнейшей составляющей писательского дела – нравственной, завещанной последующей русской литературе как ее долг» [4, с. 51]. В исследовательской литературе эта сторона карамзинской повести в основном осмысливается через этическую парадигму сентиментализма, восходящую к античной пасторальной традиции и руссоистским идеям [14–20]. Но рубеж XVIII–XIX вв. в России отмечен также активным религиозным поиском. После церковной реформы Петра, завершенной во время правления Екатерины II, русское общество оказывается в ситуации духовного вакуума. У многих людей возникает потребность обращения к допетровским патриархальным традициям, в которых на рубеже веков усматривали

проявление истинной нравственности, утраченной новым европеизированным обществом. Н. М. Карамзин, будучи автором, в чьих произведениях очень живо воплощались тенденции времени [21], отразил в художественной форме взаимодействие западноевропейских представлений о Золотом веке, воспринятых отечественной культурой вместе с искусством сентиментализма, с традиционными принципами русского православия [7, с. 3]. Вариативность прочтения карамзинской повести обусловлена ее жанровым тяготением к романному целому [22, с. 66]. Элементы романной поэтики становятся одним из условий создания в повести своеобразного художественного диалога разных мировоззренческих систем.

Методы

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» рассматривается в контексте художественного и публицистического творчества автора с обращением к национальным духовным традициям. Основой методологической базы является историко-литературный, сравнительно-типологический и культурологический методы, в комплексе позволяющие провести детальное исследование материала. Интеграция выбранных научных методов дает возможность ступенчатого анализа категории конфликта в повести Н. М. Карамзина в нравственно-религиозном аспекте.

Результаты

Категория конфликта в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» рассмотрена не только в рамках классического прочтения этого сочинения как эталона русской сентиментальной прозы, но и с учетом влияния отдельных фольклорных и древнерусских парадигм на становление отечественной прозы. Необходимость подобного исследования была обусловлена тем, что в научной традиции ранее не были учтены некоторые принципиально важные элементы, формирующие авторскую позицию в повести.

Большое значение для избранного аналитического вектора имеют ключевые образы повести «Бедная Лиза» в сопоставлении с ритуально-обрядовой традицией. Такой подход дал возможность расширить контекст осмысления конфликта произведения и сместил акценты в понимании образа главной героини.

Происходящая в сознании Лизы смена центральных ориентиров не случайна и дает сигнал о постепенной подмене христианской морали языческой системой ценностей. Это позволяет оспорить сложившийся в литературоведении канон интерпретации произведения Н. М. Карамзина, что в дальнейшем даст возможность иначе взглянуть на историю русской сентиментальной повести и отечественной прозы в целом. Итогом стал вывод, что в повести происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений неортодоксального христианства.

Вопрос о религиозных взглядах Н. М. Карамзина решается неоднозначно. В нашей работе мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые, опираясь на биографические факты и высказывания писателя, находят основания считать его православным человеком [5; 23; 24]. Мы учитываем, что, получив православно-ориентированное воспитание, Н. М. Карамзин тем не менее не воспринимал религиозные положения в качестве аксиом, на протяжении жизни находился в активном духовном поиске. Но именно в аспекте утверждения писателем нравственных норм несомненным фактом является важность для него православного мировоззрения. В диалоге «Филалет к Мелодору» Н. М. Карамзин напишет: «Неужели, видя Бога в естественном мире, видя руку Его в течении планет, в порядках солнечных, в перемене годовых времен и во всех физических явлениях нашей земной обители, будем мы отрицать Его действие в одном нравственном мире, который по существу своему должен быть, если смею сказать, ближе первого к сердцу Великого Божества?»¹. Значимым в контексте поставленной проблемы нам представляется то, что в повести «Бедная Лиза» материалом художественного осмысления становится жизнь крестьянского сословия. После культурного расслоения общества, спровоцированного петровскими реформами, именно крестьяне воспринимаются как носители исконной православной культуры, восходящей к временам,

«когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу»². Подобные идеи представлены также на страницах «Вестника Европы» и «Аглаи» в рассуждениях Н. М. Карамзина о путях развития отечественной культуры и образования, об их связи с народной традицией, о роли церкви в нравственном воспитании человека.

Наиболее очевидные элементы религиозной парадигмы, проявленные в повести «Бедная Лиза» и находящиеся в фокусе нашего исследовательского внимания, связаны с образами родителей главной героини. Мать Лизы представит в произведении как женщина, живущая в соответствии с православным представлением о мире³. Их отношения с отцом Лизы по сути отвечают христианскому взгляду на брак мужчины и женщины: это духовный союз, крепкий и неизменный в своей чистоте. Отец Лизы *любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь*⁴, Лиза унаследовала от отца трудолюбие: не щадя своей нежной молодости, *не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь*. Лизина мать верит в благодатную жизнь после смерти, в грядущую встречу со своим мужем, но не хочет покидать земной мир до тех пор, пока не выполнит свой материнский долг и не выдаст Лизу замуж, благословив ее.

Отношение к дочери можно сопоставить с теми представлениями о семейных ценностях, которые явились бытовым осмыслением религиозных доктрин и были закреплены в Домострое. Глава «Как детей своих воспитать в поучениях разных и в страхе Божиим» повествует о семейном обращении с детьми в соответствии с православными представлениями о мире: «А пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху божию и вежливости, и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию <...>, какие кому Бог способности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. И беречь, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу»⁵.

В повести Н. М. Карамзина неоднократно упоминается, что мать Лизы молилась о том, чтобы Бог оградил Лизу от бед и напастей, о вознаграждении для дочери за то, что та заботится о ней. Она считает Лизу *Божескою милостию*,

¹ Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору. *Избранные сочинения*. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 254. На то, что речь идет именно о православном понимании бога, указывают, например, рассуждения в «Истории государства Российского»: «прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну Православия» [Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 643].

² Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь. *Избранные сочинения*. Т. 1. С. 622.

³ Стоит заметить, что образ матери Лизы не следует рассматривать с позиций ортодоксального православия. Правильнее будет предположить, что, будучи крестьянкой, она является носителем синтетической системы мировоззрения, определяемой в науке через термины *народное православие*, *двоеверие* и т. п.

⁴ Здесь и далее текст повести цитируется по репринтному изданию, приведенному в указанной монографии В. Н. Топорова, с корректировкой графики в соответствии с современной нормой.

⁵ Домострой. *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=5145> (дата обращения: 15.05.2021).

кормилицей, отрадою старости своей, утешением. Мать героини беспрестанно лила слезы о своем муже, что иногда делала вместе с ней и Лиза. При этом слезы в повести не становятся воплощением тоски, что является грехом с точки зрения христианства, – эти слезы подобны молитвенным. Крестьянка сама замечает, что слезы и страдания только укрепляют ее веру и заставляют помнить о душе. Безусловно, значительную роль в формировании этого образа играет и сентименталистская эстетика, согласно которой слезы свидетельствуют о высокой нравственной культуре героев. В данной ситуации две мировоззренческие системы, отчасти совпадая в аксиологической интерпретации, дополняют друг друга, формируя специфику сентименталистской картины мира в русской литературе.

Много раз в исследовательских работах акцентировалось внимание на чистоте как одной из ведущих черт Лизы, которая, проявляясь в деталях, окружающих героиню, оказывается ее внутренней характеристикой. Этой же чистотой, воплощенной во всей природе, наполняется Эраст при встрече с Лизой (*Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям*). Но именно с момента встречи героев в повести появляется мотив постепенной утраты чистоты, который связан с отъединением Лизы от гармонии Природы (*общая радость Природы чужда твоему сердцу*). Для литературы XVIII в. характерна художественная мысль о том, что важнейшим доказательством существования Бога является гармония и великолепие мира (достаточно вспомнить поэтическое творчество М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина). Эта же идея заложена автором в основу представлений о мире матери Лизы: *как все хорошо у Господа Бога!; Надобно, чтобы Царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет*.

В. Н. Топоров обратил внимание, что соединение природы и Бога под единым знаменателем нравственности характерно для творчества Н. М. Карамзина вообще [4, с. 126]. В таком контексте разобщение Лизы с природным началом становится свидетельством ее разрыва с духовно-нравственной основой жизни. Уже во время первого свидания с Эрастом, несмотря на упоминание о *небесной* музыке, возникшей в душе героини от слов ее возлюбленного, и несмотря на то, что ее сердце по-прежнему именуется *чистым*, возникает образ, вводящий в произведение представление о грехе и наказании за него: *поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящего!* И тут же появляется первый запрет, противоречащий православным представлениям о семье и отношениях между родителями и детьми: Эраст просит Лизу скрыть от матери их отношения. С этого момента Лиза постоянно обманывает мать, скрывая свои поступки под мраком вечера и ночи – времени, когда по православным представлениям душа особенно подвержена искушениям.

Свидания Лизы и Эраста происходят на берегу реки или в березовой роще, но чаще всего *под тенью столетних дубов*. Эти образы являются традиционными фольклорными символами, связанными со свадебной обрядностью.

В данной ситуации смена знаковых ориентиров не случайна и свидетельствует о замене христианской морали языческой системой ценностей. Более того, у героини начинают появляться греховные мысли о том, что она скорее забудет свою душу, чем *милого друга* Эраста [22]. После начала отношений между Лизой и Эрастом в повести возникает мотив забвения, связанный с отстранением героини от привычной системы ценностей: *когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме – Эраста*. Лиза осознает неправильность своего отношения к матери, жалеет ее, но не может противостоять соблазну своих чувств.

И несмотря на слова Эраста о том, что для него *драгоценнее всего душа, чувствительная, невинная душа* возлюбленной, Лиза переходит нравственный порог и выступает инициатором чувственных отношений. Именно Лиза, а не Эраст, как это принято считать в исследовательской традиции [17; 20–25], является разрушителем идиллического мира. В эпизоде, описывающем гибель Лизиной непорочности, героиня становится носителем искусительного начала, представая в образе женщины в том понимании, которое сложилось в христианской этике и закрепилось домостроевской моралью. Неслучайно чувственная близость героев определяется через мотив заблуждения. В вечер грехопадения Лиза теряет невинность, т. е. оказывается носителем некой вины. Это сразу же осознается самой героиней и воплощается в тексте через традиционные религиозно-этические мотивы умирания души и возмездия: *Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!*

Состояние природы в этом эпизоде одновременно воплощает сентименталистские идеи о созвучности человеческой души и окружающего мира, восходящие к поэтике устного народного творчества, и характерные для народного православия представления о гневе Божиим, осязаемым человеком через буйство природы. Такое поведение Лизы оказывается вписанным в литературную традицию, актуализируемую ее именем. По В. Н. Топорову, имя *Лиза*, характерное для наперсниц главных героинь комедий, связано с «сомнительностью нравственного облика» персонажей, его носящих [4, с. 155]. При этом карамзинская Лиза является собой иной, «новый» вариант воплощения характера [4, с. 160]. Но очевидным является то, что именно связь с существующей культурной традицией дает возможность в полной мере понять образ героини. С момента своего грехопадения Лиза перестает быть для Эраста *Ангелом непорочности*. Симптоматично, что именно после перехода через переломную точку слова Лизы часто обращаются к Богу. Но по-прежнему душа Лизы ощущается героиней не как принадлежащая Спасителю, а как отданная ее возлюбленному (*прощаясь с ним, прощались с душой своею*). И даже молитвенный жест героини, вставшей на колени и воздевшей руки к небу, направлен не к божественному началу, а устремлен вместе с ее взглядом к Эрасту.

Удержавшись в первый момент после отъезда Эраста от искушения оставить мать, Лиза тем не менее позже идет на этот шаг, совершая самоубийство. В то же время Домострой диктует иные правила поведения православного человека: «не забывают труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь как и они о вас» (глава «Как детям отца и мать любить, и беречь, и повиноваться им, и утешать их во всем»). Лиза нарушает этот завет, в отчаянии совершая двойной грех – лишая себя жизни и оставляя престарелую мать одну. Перед самой смертью героиня осознает свою вину, что звучит в своеобразной исповеди, обращенной к матери через девушку Анюту. При этом, с точки зрения православной морали, поступок Лизы нельзя оценить однозначно: раскаяваясь в прошлых грехах, она совершает два новых. Поэтому возможность воссоединения двух раскаявшихся героев после смерти оказывается под сомнением. А. А. Златопольская, сопоставляя взгляды Ж. Ж. Руссо и Н. М. Карамзина, замечает, что в отличие от западноевропейского сентименталиста автор «Бедной Лизы» считает, что подчинение страстям исключает в человеке совесть как основу его нравственности и делает его исповедь искусственной, театрализованной [26].

Литература / References

1. Бухаркин П. Е. О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (Эраст и проблемы типологии литературного героя). *XVIII век*. 1999. Т. 21. С. 318–326.
Bukharkin P. E. About N. M. Karamzin's Poor Lisa (Erast and literary hero's typology). *XVIII century*, 1999, 21: 318–326. (In Russ.)
2. Сурков Е. А. Русская повесть в историко-литературном контексте XVIII – первой трети XIX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 276 с.
Surkov E. A. *The Russian story in a historical-literary context of XVIII – early XIX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 276. (In Russ.)
3. Рынгач Т. Б. Нарратив повести Н. М. Карамзина: рецепция и трансформация. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2017. № 3. С. 74–87.
Ryngach T. B. N. M. Karamzin's narrative technique: adoption and transformation. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2017, (3): 74–87. (In Russ.)
4. Торопов В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. М.: Русский мир, 2006. 432 с.
Tоропов V. N. *Poor Lisa by Karamzin: a reading experience*. Moscow: Russkii mir, 2006, 432. (In Russ.)
5. Бахтина О. Н. Русский сентиментализм и православие (христианская антропология и просветительский гуманизм). *Русская словесность и православие: тез. Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 октября 2004 г.)* Режим доступа: http://www.jesaulov.narod.ru/Code/tezisy_bahtina.html (дата обращения 03.12.2021).
Bakhtina O. N. Russian Sentimentalism and Orthodoxy (Christian anthropology and educational humanity). *Russian literature and orthodoxy: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 13–15 Oct 2004*. Available at: http://www.jesaulov.narod.ru/Code/tezisy_bahtina.html (accessed 3 Dec 2021). (In Russ.)
6. Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и древнее благочестие. *Карамзин: pro et contra*, сост. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 697–704.
Kochetkova N. D. N. M. Karamzin and ancient piety. *Karamzin: pro et contra, comp. Sapchenko L. A.* St. Petersburg: RСАН, 2006, 697–704. (In Russ.)
7. Васильев С. А. «О, бедное человечество!» Тема целомудрия и образ потерянного рая в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Литература в школе*. 2017. № 1. С. 2–6.
Vasilyev S. A. "Oh, poor human race!" The theme of chastity and the image of a Lost Paradise in the N. M. Karamzin's novel "Poor Lisa". *Literature at school*, 2017, (1): 2–6. (In Russ.)

Заключение

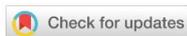
Происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений православия. Это было характерно для прозы Н. М. Карамзина в целом, неслучайно круг чтения маленького Леона, героя «Рыцаря нашего времени», включает в себя как книги духовного содержания, так и художественные произведения. Читатель дает оценку поступкам Лизы через призму авторского пафоса, который в первую очередь воплощен в репликах повествователя. Тем самым на поверхности оказывается позиция сочувствующего человека, выражающего сентименталистский взгляд на мир. Но за этим находится более сложная проблема, связанная с ментально обусловленной православной этикой, которая также оказывается нравственным фоном раскрытия образа героини.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

8. Комар Н. Г. Древнерусские духовно-нравственные ценности в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 159. № 1. С. 66–76.
Komar N. G. Old Russian spiritual and moral values in N. M. Karamzin's short story "Poor Lisa". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, 159(1): 66–76. (In Russ.)
9. Ужанков А. Н. «Мысленная брань» в повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина. *Русский язык за рубежом*. 2017. № 2. С. 51–56.
Uzhankov A. N. "Mental struggle" in the story Poor Lisa by N. M. Karamzin. *Russian Language Abroad*, 2017, (2): 51–56. (In Russ.)
10. Дударева М. А. Кто убил бедную Лизу? Трансмиссия культуры в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. Т. 4. № 2. С. 126–134. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-126-134>
Dudareva M. A. Who killed poor Liza? Cultural transmission in Nikolay Karamzin's novel Poor Liza. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2020, 4(2): 126–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-126-134>
11. Собкин В. С. «Ах, "Бедная Лиза", Ах!» – опыт психологического анализа повести Н. М. Карамзина. *Национальный психологический журнал*. 2020. № 2. С. 109–147. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0210>
Sobkin V. S. "Ah, Poor Liza, Ah!" – experience of psychological analysis of N. M. Karamzin's story. *National Psychological Journal*, 2020, (2): 109–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0210>
12. Краснова О. Н., Гребнева М. П. Ключевое слово «сердце» в структуре повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: текстовые связи с глубинными сторонами индивидуального мира повествователя. *Филология и человек*. 2018. № 4. С. 7–22. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2018\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)4-01)
Krasnova O. N., Grebneva M. P. The key word "heart" in the structure of N. M. Karamzin's Poor Lisa: textual connections with the deep sides of the narrator's individual world. *Filologija i chelovek*, 2018, (4): 7–22. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2018\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)4-01)
13. Краснова О. Н. Роль ценностно-семантических оппозиций в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Филология и человек*. 2021. № 1. С. 178–184. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)1-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)1-13)
Krasnova O. N. The role of value-semantic oppositions in revealing the deep literary and psychological characteristics of the narrator's image in "Poor Liza" by N. M. Karamzin. *Filologija i chelovek*, 2021, (1): 178–184. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)1-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)1-13)
14. Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity». *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1. С. 125–141.
Schönle A. Between the ancient and the new Russia: ruins in early Karamzin's works as the place of modernity. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2003, (1): 125–141. (In Russ.)
15. Пиксанов Н. К. «Бедная Аня» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина. К борьбе реализма с сентиментализмом. *XVIII век*. 1958. Т. 3. С. 309–325.
Piksanov N. K. Poor Anyuta by Radishchev and Poor Lisa by Karamzin. The struggle of Realism and Sentimentalism. *XVIII century*, 1958, 3: 309–325. (In Russ.)
16. Канунова Ф. З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»). *XVIII век*. 1966. Т. 7. С. 286–290.
Kanunova F. Z. Evolution of Karamzin's sentimentalism in My Confession. *XVIII century*, 1966, 7: 286–290. (In Russ.)
17. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: МГУ, 1977. 271 с.
Orlov P. A. *Russian sentimentalism*. Moscow: MSU, 1977, 271. (In Russ.)
18. Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII – начала XIX века. Берков П. Н. *Проблемы исторического развития литературы: Статьи*. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 242–256.
Berkov P. N. Derzhavin and Karamzin in the history of the Russian literature of late XVIII – early XIX century. *Problems of historical development of literature: Articles*. Leningrad: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1981, 242–256. (In Russ.)
19. Литвинюк М. А. Черты пасторального жанра в сентиментальной прозе Н. М. Карамзина. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2011. № 3. С. 129–134.
Litvinuk M. A. The bucolic genre in N. M. Karamzins sentimental prose. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2011, (3): 129–134. (In Russ.)
20. Розова З. Г. «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина. *XVIII век*. 1969. Т. 8. С. 259–268.
Rozova Z. G. New Heloise by Russo and Poor Lisa by Karamzin. *XVIII century*, 1969, 8: 259–268. (In Russ.)
21. Фрик Т. Б. «Как мы говорим с Богом и совестью, хочу поговорить с вами»: переписка Н. М. Карамзина с членами царствующего дома. *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 362. С. 24–29.
Frik T. B. N. M. Karamzin's correspondence with members of the royal family. *Tomsk State university Journal*, 2012, (362): 24–29. (In Russ.)

22. Вершинина Н. Л. «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина и проблема становления романной формы. *Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2009. № 9. С. 66–69.
Vershinina N. L. N. M. Karamzin's Poor Lisa and the genesis of the novel genre. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Socialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2009, (9): 66–69. (In Russ.)
23. Попов А. В. Карамзин Николай Михайлович. Попов Н. В. *Православная богословская энциклопедия*. Пг.: Т-во А. П. Лопухина, 1907. Т. 8. Стлб. 594–600.
Popov N. V. Karamzin Nikolai Mikhailovich. *Orthodox theological encyclopedia*. Petrograg: T-vo A. P. Lopukhina, 1907, vol. 8, 594–600. (In Russ.)
24. Яковлев А. И. Святитель Филарет (Дроздов) и Н. М. Карамзин. *Филаретовский альманах*. 2006. № 2. С. 105–142.
Yakovlev A. I. Prelate Filaret (Drozdov) and N. M. Karamzin. *Filaretovskii almanakh*, 2006, (2): 105–142. (In Russ.)
25. Поселенова Е. Ю. Этическая проблематика «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина: к постановке вопроса. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 6-2. С. 536–540.
Poselenova E. Yu. Ethical issues in the novel "Poor Lisa" by N. M. Karamzin: the statement of the problem. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011, (6-2): 536–540. (In Russ.)
26. Златопольская А. А. «Исповедь» Руссо и русская мысль XVIII–XIX веков. *Вестник РХГА*. 2010. Т. 11. № 2. С. 157–169.
Zlatopolskaya A. A. Russo's Confession and Russian philosophy in XVIII–XIX centuries. *Vestnik RKhGA*, 2010, 11(2): 157–169. (In Russ.)

оригинальная статья

Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека)

Рудакова Светлана Викторовна
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск
<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>
rudakovamasu@mail.ru

Петров Алексей Владимирович
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск
<https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>

Поступила в редакцию 11.01.2022. Принята после рецензирования 01.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Актуальность работы определяется обращением к проблеме счастья, активно обсуждаемой в современной науке в различных ее отраслях. Основное внимание сосредоточено на выявлении особенностей в трактовке феномена счастья в творчестве М. Ю. Лермонтова. Для объективности исследования были использованы статистические данные Национального корпуса русского языка (выбран подкорпус художественных произведений М. Ю. Лермонтова), проанализирована частотность использования лексем *счастье(ие)*, *несчастье(ие)*, *счастливы́й*, *блаженство*. На основе системного и феноменологического подходов, а также герменевтического, аналитического, статистического и метода интерпретации выявлены особенности понимания счастья в художественном мире М. Ю. Лермонтова, рассмотрена парадоксальность представлений о счастье его героев. Для большинства из них вопрос о счастье определяет поиски смысла жизни, своего предназначения. Одни герои убеждены, что счастье на земле возможно, и в некоторых произведениях, например в «Ашик-Кериб», даже представлена история полноты и многогранности его обретения. Другие герои сомневаются в том, что счастья можно достичь, их опыт формирует иное убеждение: человек – существо несчастное. Но при этом все они могут быть охарактеризованы как находящиеся в поиске этого идеала, в связи с чем в работе рассмотрены сферы и условия, с которыми связывают счастье герои М. Ю. Лермонтова. Центральный объект внимания в статье – Печорин, главный герой романа «Герой нашего времени», ставший своего рода генерализацией всех размышлений о странных людях, рассмотрены его представления о счастье и несчастье.

Ключевые слова: феномен счастья, творчество Лермонтова, странные люди, счастье, несчастье, блаженство, страдание, Печорин

Цитирование: Рудакова С. В., Петров А. В. Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 73–82. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>

original article

Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man

Svetlana V. Rudakova
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
Magnitogorsk
<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>
rudakovamasu@mail.ru

Aleksej V. Petrov
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
Magnitogorsk
<https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>

Received 11 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The concept of happiness is actively discussed in various areas of modern science. The present article features the phenomenon of happiness in M. Lermontov's fiction. The statistical data were obtained from the national corpus of the Russian language. The subcorpus of Lermontov's fiction was analyzed for such lexemes as *happiness*, *misery*, *happy*, and *bliss*. The authors used systemic and phenomenological approaches, as well as hermeneutic, analytical, statistical, and interpretive methods, to reveal the peculiarities of happiness in Lermontov's artistic world and to examine the paradoxical nature of the characters' ideas of happiness. For most personages, happiness determines the search for the meaning of life and destiny. Some characters believe that happiness is possible in this life. For example, *Ashik-Kerib* is a story of finding a multifaceted kind of true happiness. Other personages believe that happiness cannot be achieved and that man is a fundamentally miserable creature. However, all

Lermontov's characters keep looking for happiness. The article introduces the spheres and conditions that Lermontov's heroes associate with happiness. It focuses on Pechyorin from *The Hero of Our Time*, his ideas about weird people, happiness, and misery.

Keywords: phenomenon of happiness, Lermontov's work, weird people, happiness, misery, bliss, suffering, Pechyorin

Citation: Rudakova S. V., Petrov A. V. Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 73–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>

Введение

Вопрос о счастье в современной литературе и науке оказывается одним из активно обсуждаемых. Он рассматривается с позиций филологии [1–13], философии [14–16], психологии [17–18], анализируется в кросс-культурных [19–20] и даже экономических исследованиях¹. Как верно отмечает С. Г. Воркачев, «Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья... покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [3, с. 54].

В творчестве М. Ю. Лермонтова проблема счастья не является главной, но однозначно относится к числу важных, большинство героев писателя задумываются о вопросах счастья, а некоторые из них подчиняют свою жизнь именно поиску этого идеала. Счастье, точнее особенности его восприятия, становятся в мире М. Ю. Лермонтов своего рода призмой, высвечивающей особенности отношения героев к себе, к другим, к миру, к жизни. Чтобы говорить о феномене счастья, его воплощении на страницах лермонтовских произведений, стоит разобраться в особенностях героев этого автора, в специфике их мировосприятия и мироощущения, в особенностях их отношений с людьми, с миром, с собой, чтобы понять, какое место в их жизни и в системе их ценностей будет занимать счастье.

Парадоксальность художественного мироощущения М. Ю. Лермонтова, отмечаемая многими исследователями [21, с. 31–37, 44–50; с. 22, 203–210; 23], проявляется и в его отношении к счастью. Б. М. Эйхенбаум, размышляя о сложности позиции Лермонтова, отмечал, в частности, что проблемы «добра и зла, ангела и демона, рая и ада составляют идейный и языковой центр юношеских произведений» [24, с. 56] этого автора.

Методы

В методологические принципы данной работы входят системный и феноменологический подходы. Использовались также герменевтический, статистический, аналитический методы и методы интерпретации. Источником литературного

материала стал Национальный корпус русского языка (НКРЯ)² и тексты М. Ю. Лермонтова из его полного собрания сочинений³. В НКРЯ в подкорпусе художественных произведений М. Ю. Лермонтова выявлено 12 документов, содержащих 147214 слов, а поиск лексемы *счастье* в корпусе художественных произведений М. Ю. Лермонтова дает 5 документов и 38 вхождений (13 из которых – из романа «Герой нашего времени»), лексемы *счастье* соответственно – 6 документов и 34 вхождения (11 – из романа «Герой нашего времени»), лексемы *счастливый* – 9 документов и 83 вхождения (14 – из романа «Герой нашего времени»).

Представления о счастье героев

М. Ю. Лермонтова

Воспринимая и в чем-то следуя за сложившимися в русской и европейской литературе традициями в трактовке счастья, М. Ю. Лермонтов предлагает и свой особенный взгляд на этот феномен. Вслед за русскими просветителями он связывает поиски счастья прежде всего с земной жизнью человека. Но ответ о возможности его обретения в обычной человеческой жизни оказывается для писателя совсем неоднозначным. В его творчестве обнаруживаются произведения, в которых отражены прямо противоположные концепции счастья.

В повести «Ашик-Кериб» (1837) представлена картина гармоничной счастливой земной жизни человека. Обратившись к восточному фольклору, М. Ю. Лермонтов создал сказку, в которой представил различные грани счастья, убедив читателя в его достижимости; финал рассказанной им истории, в отличие от большинства иных его произведений, счастливый. В начале этой турецкой сказки счастливыми определяются именно богатые люди. Главный же герой – молодой человек, которому *пророк не дал... ничего, кроме высокого сердца – и дара песен* (V, с. 177). Несмотря на бедность, этот герой ощущает себя счастливым человеком, ведь у него есть призвание, пение Ашик-Керибом воспринимается как достойное занятие, что может не только скрасить существование, но и придать жизни определенный смысл.

¹ Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 05.05.2021).

² НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.11.2021).

³ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. В 5 т., ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Далее по тексту цитаты оформлены в круглых скобках с указанием тома и страницы.

Судьба Ашик-Кериба и его возлюбленной Магуль-Мегери показывает, в чем может проявляться человеческое земное счастье. Во-первых, в истинном призвании (это талант от Бога), которое осознал, которому служит человек и которое дарует ему удовольствие и удовлетворенность от жизни. Во-вторых, в признании его таланта окружающими, что выражается не только в восторженной оценке деятельности, но и в материальной награде, что делает человека и духовно, и материально богатым. В-третьих, в истинной любви, что творит чудеса, не знает ни временных, ни пространственных границ. В изображении этого чувства соединяются верность, готовность проходить испытания и жертвовать собой ради любимого человека, и такая любовь вознаграждается высшими силами. Есть в этом произведении и выявление гендерных различий в отношении к счастью. Для мужчины счастье – прежде всего в самореализации, в обретении возможности служить высокому, находя в этом свое предназначение. Потому Ашик-Кериб, в какой-то момент увлекшись своим пением (которое помогало ему реализовать мечту стать богатым, чтобы обеспечить всем необходимым свою возлюбленную и финансово не зависеть от ее отца), позабыл о любимой Магуль-Мегери; только лишь ее напоминание об их чувствах заставило его выйти из мира своей музыки и устремиться к ней, получив в дороге помощь высших сил. Для Магуль-Мегери смыслом жизни и подлинным счастьем была именно любовь, ради ее сохранения героиня готова была пожертвовать даже своей жизнью.

Лермонтовская сказка – это произведение о многогранном счастье человека: счастье в искусстве, в любви, в семье, в возможности служить своему призванию, идущему от бога, в мире, где творчество способно творить чудеса.

Однако есть у М. Ю. Лермонтова произведение, в котором выражен прямо противоположный взгляд на счастье, правда, главным героем его оказывается не человек, а падший ангел, печальный Демон, дух изгнания (III, с. 455), усомнившийся в гармонии созданного Богом мира. Счастье для этого героя мыслится не в настоящем, а в прошлом, связано оно с днями блаженства (III, с. 474), когда он пребывал в раю и был тем, кого именовали как счастливый первенец творенья (III, с. 455). Для него земная жизнь – это мир, где нет ни истинного счастья, / ни долговечной красоты, / Где преступленья лишь да казни, / Где страсти мелкой только жить; / Где не умеют без боязни / Ни ненавидеть, ни любить (III, с. 479). Но встреча с Тamarой и любовь к ней возвращают мечты о прежнем счастье, через любовь в Тамаре герой жаждет возродиться, вновь обрести гармонию с собой и миром и снова стать счастливым: Хочу я с небом примириться, / Хочу любить, хочу молиться, / Хочу я веровать добру (III, с. 479). Но, увы, решив через любовь к Тамаре вернуть и радость жизни, и счастье, и гармонию, Демон оказывается в состоянии беспросветного разочарования и глубокого вечного отчаяния. Он утрачивает даже мечты на иную жизнь, когда не удается достичь желаемой цели.

Вопрос о счастье для большинства героев М. Ю. Лермонтова не праздный. Именно он определяет поиски ими смысла жизни, своего места в мире. Для одних героев лермонтовских произведений свойственно убеждение, что человек в своей земной жизни может и должен обрести счастье: *есть бог на небесах, – есть на земле счастье* (V, с. 38). Другие склонны в это не верить: *человек, несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности* (IV, с. 178). Есть и герои, уверенные, что бог создал нас [людей] *несчастливыми* (V, с. 23).

М. Ю. Лермонтов создает произведения, в которых герои, размышляя о земном счастье человека и выделяя его высшую форму проявления – блаженство, связывают его исключительно с одной сферой жизни – любовью. Именно она воспринимается как тот божий дар, что может сделать человека подлинно счастливым, позволив постичь на земле божественное счастье. Об этом размышляют Белинской, герой «Странного человека»: *В своем сердце. У тебя есть великой источник блаженства, умей только почерпнуть из него* (IV, с. 188); Дева, героиня «Азраила» (1831): *О, я тебя люблю, люблю больше блаженства* (III, с. 142); Вадим, герой одноименного романа: *видеть тебя есть блаженство* (V, с. 26); Юрий, герой романа «Вадим»: *каждое слово было целое блаженство. – Я любим, любим, любим* (V, с. 38); о блаженстве любви размышляют в романе «Герой нашего времени» Печорин и Вера.

Однако в художественном мире М. Ю. Лермонтова любовь воспринимается героями двойственно: с одной стороны, она дарует блаженство, но с другой – становится причиной самых мучительных страданий: *Небо или ад мне послало это блаженство* (IV, с. 162). А порой, когда речь идет о любви, для героев М. Ю. Лермонтова блаженство и страдание неотделимы друг от друга: *ты не любишь, ты не понимаешь ненависти: ты не получил от блажи небес этой чудной способности: находить блаженство в самых диких страданиях* (V, с. 60); *сердце, обещающее мукам и созданное для райского блаженства* (V, с. 31).

Размышляя об условиях и сферах, которые так или иначе связаны с земным счастьем, М. Ю. Лермонтов выделяет такое проявление жизни, важнейшее для любого романтика, как свобода. Так, сливаются на какой-то момент воедино свобода и счастье – правда, в мире воображаемом – для главного героя романа «Вадим»: *он уносился мыслью в вечность, – ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий* (V, с. 21), *блаженство вольности* определяет выбор и судьбу главного героя поэмы «Мцыри» (1840).

Традиционные для большинства современников М. Ю. Лермонтова представления о богатстве как важнейшем условии счастья не игнорируются, но и не берутся в расчет главными героями М. Ю. Лермонтова. Подобное, например, обнаруживается в разговоре Лизаветы Николаевны

и Печорина, героев повести «Княгиня Лиговская» (1836–1837): – Разве вы не заметили, сколько на ней **бриллиантов**. – **Богатство не есть счастье!**.. – Всё-таки оно ближе к нему, нежели бедность (V, с. 171). Подобно думающим, страдающим и мечтающим героям, которые о материальных вопросах, если и задумываются, то не делают их центральными, вопрос о богатстве, скорее противопоставленный счастью, чем с ним связанный, затрагивают и героини, как это делает, например, княгиня Лиговская в романе «Герой нашего времени»: *Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разувьтесь! я хочу только счастья дочери* (V, с. 310). Но при этом эпизодические герои от традиционных установок, что богатство делает человека счастливым, не отказываются. Подобные мысли, например, приходят в голову Ольге, героине романа «Вадим»: *если б и на мне блистали кружева и дорогие камни... о, я была бы счастливей!* (V, с. 31).

Упомянутыми героями М. Ю. Лермонтова предположение, что *дружба есть ключ истинного счастья* (V, с. 158), правда, не из личного опыта берется эта мысль, а соотносится с системой доказательств некоего безымянного сочинителя.

Счастье уже в ранних произведениях М. Ю. Лермонтова осмысливается героями как состояние, если даже и достижимое, все равно крайне неустойчивое, прихотливое, зависящее от многих фактов, в меньшей степени от воли и желания человека. Об этом размышляет Юрий (герой драмы «Menschen und Leidenschaften») («Люди и страсти»): *Как знать, что будет завтра?.. может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе* (IV, с. 165). К подобному выводу приходит и Вадим (герой романа «Вадим»): *и то сказать: каждому свой черед; счастье – женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец* (V, с. 70).

Задумываются герои над тем, как связано счастье и наука, можно ли его изучить. И здесь уже ответ скорее однозначный: *ни здания, ни просвещение, ни старина не имеют влияния на счастье и веселость* (V, с. 147). Печорин, герой повести «Княгиня Лиговская», обнаружив и полистав книгу «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым», высказывает свое печальное итоговое суждение: *никакая книга не может выучить быть счастливым. О, если б счастье было наука! дело другое!* (V, с. 156). В романе «Герой нашего времени» Печорин, продолжая размышления в этом направлении, делает более масштабное обобщение: *стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько* (V, с. 213).

Задумываясь о счастье, о том, кто может его достичь, герои М. Ю. Лермонтова приходят к парадоксальным выводам, что счастье легче достичь тем, кто чужд рефлексии, высоких порывов. Так, в процессе раздумий о тяготах и страданиях жизни, Юрий, герой драмы «Люди и страсти», высказывает странную мысль: *Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности...* (IV, с. 179). Не менее поразительным

отказывается высказывание героини романтической драмы «Странный человек»: *По мне так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся* (IV, с. 244–245). Еще более удивительным оказывается суждение о счастье Ольги, героини романа «Вадим»: *пустыня будет нашим отечеством, Юрий, – а лесные птицы нашими наставниками: посмотри, как они счастливы в своих открытых, тесных гнездах...* (V, с. 85). Но самым парадоксальным и одновременно созвучным со сложившейся в русской литературе традицией (можно вспомнить размышления Е. А. Боратынского о счастливицах) будет высказывание Печорина: *самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким* (V, с. 213).

Странные герои М. Ю. Лермонтова

Для многих произведений М. Ю. Лермонтова характерно то, что в центре их изображения оказывается герой, который не вписывается в тот мир, в котором живет. Подобные мы видим в драме «Люди и страсти» (1830) – это герой Юрий, в драме «Странный герой человек» (1831) – Владимир Арбенин, в драме «Маскарад» (1835) – Евгений Арбенин, в драме «Два брата» (1836) – Александр, в романе «Вадим» (1834) – Вадим, в повести «Княгиня Лиговская» (1836) и в романе «Герой нашего времени» (1839–1841) – Печорин, в повести «Штосс» (1841) – Лугин.

Для каждого из названных героев свойственен ряд общих качеств, сближающих их: аналитизм мышления, тонкость и точность наблюдений, ощущение непреодолимого одиночества. Все герои этого типа – психологи, знатоки человеческих душ, их отличают многочисленные дарования, которые оказываются нереализованными. Один из важных вопросов, с которым сталкивается каждый из героев М. Ю. Лермонтова, – это вопрос о счастье, в чем оно, как можно его обрести, от чего и кого оно зависит – от отдельного человека, от общества, от мира прошлого, настоящего – или связано с будущим. Своего рода генерализацией всех размышлений о странных людях оказывается образ центрального героя не только романа «Герой нашего времени», но и всего творчества М. Ю. Лермонтова – Печорина.

В странных героях М. Ю. Лермонтова с юности формируется неверие в людей, это приводит к тому, что о людях они судят по тому, что знают о них и о себе, это становится причиной еще большего расхождения между ними. Обнаруживается парадокс – они не верят в людей, в их способность любить, но при этом жаждут любви, надеясь обрести ее в этом мире, а через нее познать смысл жизни, найти счастье. Однако любовь этими героями рассматривается исключительно как акт обладания кем-то, его миром, его чувствами, его мечтами. Яркий пример тому – Печорин.

Главный герой романа «Герой нашего времени» своею судьбой и характером задает вектор в развитии классической литературы: с одной стороны, появляется целый ряд произведений, где будет представлен откровенный

или иронически списанный с Печорина образ, представляющий иногда пародию на лермонтовского героя, подобное мы обнаруживаем, например, в романах «Тамарин» (1849–1851) М. В. Авдеева и «Асмодей нашего времени» (1858) В. И. Аскоченского. С другой стороны, для многих писателей и сам роман «Герой нашего времени», и главный его герой стали предметом глубоких раздумий, определив поиски художественных идей, образов и новых принципов создания героя, ищущего, потерянного, исключительного, ставящего экзистенциальные эксперименты над собой, над другими, над жизнью и терпящего крах в своих исканиях. Это герои И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Внутренний конфликт героев М. Ю. Лермонтова, их обреченность на несчастье, прежде всего это касается Печорина, обусловлены не их духовным бессилием или мелочностью натуры, нет, в первую очередь, это определяется тем, что в них избыток этой самой духовной силы, которая не находит себе выход: на это обратил внимание В. Г. Белинский (который отметил в своей работе, что в творчестве М. Ю. Лермонтова отразились «все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе всё живет; ему всё доступно, всё понятно; он на всё откликается»), а это и есть «совершенная истина жизни» [23, с. 545]), а в последующем Д. С. Мережковский [25] и символисты [26–27].

Герои М. Ю. Лермонтова ставят себя выше всех, даже с судьбой они готовы вступить в поединок, доказывая себе и всей вселенной, что они сильнее. Однако этот поединок для многих, включая самого Печорина, оборачивается трагедией. Не сразу и не очевидно герой в этом противостоянии проигрывает судьбе, теряя одно за другим уверенность в себе, надежду на обретение смысла жизни, надежду на счастье.

Печорин. Герой нашего времени

Один из важнейших принципов, организующих роман «Герой нашего времени», – это антитеза. Печорин встраивается в целую систему оппозиционных пар. В «Бэле» мы видим Печорина, противопоставленного Максиму Максимычу, Бэле, Азамату, в «Максиме Максимыче» – Максиму Максимычу, автору-рассказчику, в «Тамани» – контрабандистам, ундине, слепому мальчику, в «Княжне Мери» – Грушницкому, княжне Мери, Вернеру, всему кавказскому водяному обществу, в «Фаталисте» – Вуличу, пьяному казаку, современникам, предкам, потомкам. Смысл этих оппозиций – вывести читателей к пониманию парадоксальности образа Печорина, а через это – к осознанию трагедии интеллектуально и духовно одаренной рефлексивной личности. М. Ю. Лермонтов показывает на примере Печорина, что такой человек, ощущающий свою исключительность, непохожесть на других, оказывается в состоянии одиночества, рядом с ним нет никого, кто был бы ему близок; он исключительно ДРУГОЙ.

Но человек – существо социальное. Именно общество формирует его как личность. Человек становится тем, кто он есть, только во взаимодействии с другими людьми. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, размышляя о социальной основе жизни, отмечают, что человек по своей природе определяет бытие других людей, т. е. в самом его существовании заложены потребность трансцендировать себя [28, с. 171], стремление быть с другими, оставаясь собой. Общество как таковое существует, т. к. существует каждый из нас, общество есть, т. к. для каждого из нас значима ориентация на другого. Поэтому сама проблема общности (проблема личности и общества) оказывается в ряду экзистенциальных вопросов, безусловно, связанных с личностно-смысловыми проблемами.

На вопрос, как можно преодолеть или ослабить напряжение в конфликте личности и других, мировая история культуры дает несколько вариантов ответа. Это формирование связи с другими, установление некоей духовной эмоциональной общности, что может быть связано с созданием семейных отношений, обретением друзей, обретением любви, установлением прочных социальных контактов, основанных на каком-то общем интересе. А. Б. Есин, размышляя о специфике психологизма в культуре и литературе, приходит к пониманию того факта, что формирование картины мира и определение в ней места человека – это насущная потребность любой культуры, независимо от того, на кого она ориентирована – на отдельную личность или на общественную группу [29]. А потому и система представлений о человеке, о смысле жизни, о счастье и т. д. – это фундамент системы представлений о мироустройстве, назначение которой – упорядочить знания о мире, подчинив их определенным законам и закономерностям. Когда мы ведем речь об обобщенной системе взглядов – на человека, общество, мир, то следует учитывать, что формируется она как раз из системы противопоставлений Я (личности) и всего другого и других.

Печорину, если его рассматривать с позиции психологической антропологии, так и не удалось обрести близкие эмоциональные связи в семье, о чем говорит полное отсутствие информации об этой составляющей жизни данного героя. У него так и не появилось друзей: их не было ни в прошлом, их нет и в настоящем – все попытки окружающих завести с героем отношения, которые могли перейти в разряд дружеских (можно вспомнить историю с Максимом Максимычем, Грушницким, Вернером), так ни к чему и не привели. Дружба для Печорина так и осталась в разряде отношений, определяемых им как рабство одного и господство другого: *из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; – рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае – труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги* (V, с. 248). В любви Печорин, как показывает его история, отраженная в романе, также не смог обрести по-настоящему

глубоких эмоциональных отношений, сближающих его с другими; он привык обладать; как и другие странные герои М. Ю. Лермонтова, он стремится к доминированию, господству над влюбленной в него девушкой: *я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь* (V, с. 257).

Другой, даже если это женщина, для Печорина – прежде всего враг. Потому Печорин ставит перед собой цель узнать всё о том, кто перед ним, с кем он имеет дело, чтобы быть во всеоружии, знать все слабые и сильные стороны своего визави. Об этом свидетельствует признание самого Печорина: *Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости* (V, с. 284).

Для Печорина любое взаимодействие с другим – это своеобразный поединок, и речь идет о победе или поражении, и себя Печорин, конечно же, жаждет видеть только победителем. Потому с некоторым досадным раздражением он вспоминает: *один раз, один только раз я любил женщину с твердою волей, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами, – и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе...* (V, с. 257–258). Обращает на себя внимание тот факт, что, даже предполагая иной вариант развития своих отношений с этой женщиной, ничего, кроме расставания, Печорин не мыслит.

Почему же любовь, для многих представляемая как состояние, ведущее человека к счастью, у Печорина оборачивается совершенно иным? Объяснение этому мы находим в словах и поступках героя, мы узнаем, что любовь для Печорина – прежде всего обладание другим, господство над его чувствами, над его волей. Вот его собственное признание: *Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!* (V, с. 296).

Сам Печорин, подобно другим героям М. Ю. Лермонтова, вспоминает о времени, когда любовь была для него важна, когда жаждал он любить и в этом видел свое счастье, он рассказывает о юности, о том периоде жизни душевной, когда ищут только **счастья**, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь (V, с. 257). Но все это, проигнорированное и отвергнутое миром, было забыто и самим героем, он научился завоевывать, но разучился любить, и счастье, к которому он так стремился, стало для него еще более недостижимым.

В Печорине была глубина, его отличал сложный духовный мир, ему был свойственен необыкновенный магнетизм, что определяет то женское внимание, что было к нему приковано. Его натуру лучше всего поняла Вера, о чем и написала в своем прощальном письме к герою: *Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном* (V, с. 306–307).

Вера характеризует то свойство природы Печорина, о котором он сам много размышляет, это странная настроенность именно на несчастье, какая-то паталогическая неспособность стать счастливым. Так, в одном из первых разговоров с Вернером Печорин признается в одном своем убеждении, что он в один прегадкий вечер имел несчастье родиться (V, с. 248), а позже в своем дневнике Печорин оставит такую запись: *у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю, знаю только, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив* (V, с. 212).

Печорин, получив письмо Веры, вдруг осознает, как значима для него эта женщина. Позже в своем дневнике он так опишет свое состояние: *При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, – дороже жизни, чести, счастья* (V, с. 308). Печорин вдруг понимает, что она (Вера) и есть его счастье. И сцена бешеной скачки – это избрание героя «в последней попытке догнать ускользающее счастье с единственной для него возлюбленной» [7, с. 102]. Счастье, такое близкое, вновь оказывается недостижимым. Смерть коня – случайность, но она странно вписывается в общую закономерность, связанную с жизнью Печорина, где все вело героя не к счастью, а к его противоположности.

Для Печорина, как показывает его история, важны удовольствия, но совсем не так, как для героя-эпикурейца, описанного, например, в лирике К. Н. Батюшкова, наслаждающегося жизнью и обретающего через них (удовольствия) возможность быть счастливым [9, с. 152–156]. Для Печорина поиск удовольствий, наслаждений – это своего рода бегство от одиночества, способ заполнить эмоциональную пустоту.

В процессе противостояния светскому обществу герой переживает кардинальное изменение себя и образа своей жизни, вследствие чего меняется вектор его устремлений и шкала ценностей: *В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне противели.*

Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также **надоело**; влюблялся в светских красавиц, и был любим, – но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось **пусто** (V, с. 212–213). Герой, отвергая общество с его равнодушием, духовной фальшью, иерархичностью, демонстрацией превосходства одних над другими, решает выбрать свой путь, но не замечает того, что, презирая петербургский светский мир и всё, с ним связанное, он на каком-то этапе жизни стал походить на людей из этого самого общества. Отвергая то, что не соответствовало его представлениям о человеке и жизни, Печорин так и не смог понять, что же значимо для него самого, так и не нашел свое место в мире, так и не понял своего предназначения, не смог реализовать свой потенциал. В этом и сила его, и слабость. Он не хочет быть как все, он не хочет подчиняться большинству, но под влиянием общества, им не принимаемого, он делает все возможное, чтобы ему подчинялись, выполняя его волю.

Не обретя истинного счастья, он стал искать его замену, чтобы заглушить неистребимую потребность ощутить удовлетворенность жизнью, блаженство бытия. Не способный изменить мир, т. к. даже не знает, как это сделать, Печорин не может оставаться в стороне, проявляя бездействие, потому ввергается сам и ввергает других в водоворот событий, не думая о чьих-либо желаниях, кроме своих. Сомнения, рефлексирование, сожаления – все это приходит уже после, когда что-либо изменить невозможно, когда судьбы тех людей, в жизнь которых он вмешался, уже разрушены. В своих дневниках Печорин признается: *Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути: я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы* (V, с. 270). Неудовлетворенная жажда счастья, искаженное под воздействием светского общества восприятие мира, неспособность реализовать себя в мире политических запретов (формирование личности Печорина приходится на реакционное последекабрьское время), непомерное эго героя приводят к деформации духовных потребностей. Удовольствия он получает не от земных наслаждений, а от страданий других, источником которых выступает сам, в чем отдает себе отчет: *первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого* (V, с. 271).

Печорина можно сравнить с киевским героем (см. подробнее [30–33]), так об этом размышляет Т. Б. Зайцева: «Образ жизни и отношение к любви, дружбе, страстям, рассудку, смерти, времени, вечности, религии, наконец, к самому себе действительно роднят киркегоровского эстетика с лермонтовским Печориным» [30, с. 137]. Обращает на себя внимание «экзистенциальное отчаяние, переживаемое Печориным», именно оно во многом «ставит его выше толпы, выше обывателя (но не выше общечеловеческого)» [30, с. 138].

Радость земных удовольствий подменяется жаждой превосходства над всеми и всем, стремлением все подчинить

своей воле, не подчиняясь никому и ничему. Парадокс произошедшего с героем в какой-то мере осознается им самим, о чем свидетельствует его признание: *А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив* (V, с. 271). Хотя сам герой понимает, что зло порождает зло (V, с. 271), до конца разобраться в себе, в причинах своего демонизма не может. По существу, мы видим, что зло Печорина – это зеркальное отражение зла социального мира, который породил героя и в котором он сформировался. Герой своими мыслями и действиями резонирует с происходящим в обществе; отвергая на одном уровне, он реализовал на другом уровне идущие от светского мира ценностные установки. И в этом тоже одна из причин трагедии героя.

Значимыми в романе «Герой нашего времени» в дневнике Печорина оказываются и вводные конструкции *к счастью (ию)* и *к несчастью (ию)*. Вошедшие в русскую литературу в эпоху Просвещения, они, как отмечает Т. Е. Абрамзон, представляют собой бинарную оппозицию, что «приходит на смену мифологическим моделям "правда / кривда", "добро / зло" и религиозной модели "от Бога" / "от лукавого"» [2, с. 324]. В лермонтовском романе подобные выражения коррелируют с аксиологической системой героев, передавая их интуитивное ощущение и переживание момента, соотносясь с их картиной мира и представлениями о счастье. Так, потеря самого важного в жизни Казбича (кража его коня) описывается и через введение этого оборота: *Казбич вздрогнул, переменялся в лице – и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье. – Что с тобой? – спросил я. – Моя лошадь!.. лошадь!.. – сказал он, весь дрожа* (V, с. 199). Бытовой характер употребления оборота – обусловленный деталями бытового характера – оказывается связан с бытийным, утратой того, что было основой основ мира героя.

Ироничная оценка собственного дарования со стороны странствующего офицера проявляется в его оговорке: *Большая часть из них [путевых заметок], к счастью для вас, потеряна* (V, с. 186).

Формула *к счастью*, использованная в рассказе странствующего офицера о встрече с Печориным, дает возможность уловить отношение рассказчика к ситуации и его явную симпатию и сочувствие к Максиму Максимычу, понимание того, что для этого героя встреча с товарищем будет очень значима: *К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился в дорогу* (V, с. 225).

В разговоре Печорина и княжны Мери использованный оборот *к счастью* оказывается парадоксально связан как со светлым, так и с темным миром в визуальном и аксиологическом планах. Наступление темноты на некоторое время оберегает чувства юной княжны, она не замечает, что на ее порыв – признание в чувствах – не следуют ни потрясение, ни восторг со стороны героя, мы же, благодаря оговорке героя, видим его усмешку, понимаем,

что он осознает: очередная победа над женским сердцем достигнута, княжне же будто судьба, высшие силы дают еще какое-то время оставаться в неведении, наслаждаясь тем чувством, что родилось в ее сердце, но так и не загло ответного отклика в душе героя: *В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться* (V, с. 285).

Подобные обороты, проявляющиеся в речи героя, отражают и оценку бытовых удачных моментов, например, обнаружение в темноте в незнакомой местности входа в саюку: *К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери* (V, с. 190); сохранение вещей в процессе путешествий: *а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел* (V, с. 186). Соответственно, употребление этих, казалось бы, разговорных формул даже в бытовых ситуациях все равно соотносится с оценочностью, с разделением картины мира на две части – счастливую и несчастную.

Заключение

Образ счастья в художественном мире М. Ю. Лермонтова парадоксален. Представления о нем феноменально противоречивы. В одних историях представлены картины реального истинного земного счастья, даже показаны пути, которые могут привести человека к нему («Ашик-Кериб»), в других произведениях, напротив, показано, что если счастье и было, то только в прошлом, и то не в земной жизни людей. Герои М. Ю. Лермонтова страстно хотят постичь мир счастья,

открыть его для себя, познать и насладиться им, но чаще всего это так и остается лишь мечтой, мучительной и недосягаемой. Полнее всего лермонтовские размышления о трудном счастье человека представлены на страницах романа «Герой нашего времени», где показана страстная погоня за счастьем истинно несчастного человека.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект № 20-512-23007 «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.».

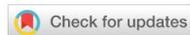
Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Nuclear Research Institute, project No. 20-512-23007 "The Phenomenology of Happiness in Russian Literature of XVIII–XX Centuries".

Литература / References

1. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века). *Libri Magistri*. 2015. № 1. С. 116–133. Abramzon T. E. To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry). *Libri Magistri*, 2015, (1): 116–133. (In Russ.)
2. Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 1. С. 319–336. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-1-55-319-336> Abramzon T. E. Eudomonistic ideas in Karamzin's works. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2017, (1): 319–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-1-55-319-336>
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 236. (In Russ.)
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58. Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья: значимостная составляющая. *Язык, коммуникация и социальная среда*. Воронеж: Перемена, 2002. Вып. 2. С. 4–18. Vorkachev S. G. The valeur constituent in the concept of happiness. *Language, communication and social environment*. Voronezh: Peremena, 2002, iss. 2, 4–18. (In Russ.)
6. Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «Русское счастье». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2012. № 2. С. 69–75. Vorkachev S. G. To the evolution of language mentality: Russian happiness. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, (2): 69–75. (In Russ.)

7. Ибатуллина Г. М., Мишина Г. В., Радь Э. А., Старицына Ю. А. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века. *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12. № 4. С. 91–115. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-4-91-115>
Ibatullina G. M., Mishina G. V., Rad E. A., Staritsina J. A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature. *Modern Studies of Social Issues*, 2020, 12, (4): 91–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-4-91-115>
8. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков. *Libri Magistri*. 2020. № 3. С. 37–48.
Petrov A. V. Phenomenology of "Russian happiness" in the works of T. E. Abramzon and Magnitogorsk philological school of studying Russian poetry of the 18th–19th centuries. *Libri Magistri*, 2020, (3): 37–48. (In Russ.)
9. Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова. *Libri Magistri*. 2021. № 1. С. 148–166. https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_15_1_148
Rudakova S. V. "The winged moment of happiness...": the phenomenon of happiness in K. N. Batiushkov's lyrics. *Libri Magistri*, 2021, (1): 148–166. (In Russ.) https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_15_1_148
10. Рудакова С. В., Рееци И. К вопросу изучения феномена счастья. *Libri Magistri*. 2020. № 3. С. 49–75.
Rudakova S. V., Regécy I. On studying the phenomenon of happiness. *Libri Magistri*, 2020, (3): 49–75. (In Russ.)
11. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. Концепт СЧАСТЬЕ в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 10. С. 70–74. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>
Tsurkan V. V., Zaitseva T. B. Concept HAPPINESS in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(10): 70–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>
12. Цуркан В. В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. *Libri Magistri*. 2020. № 4. С. 119–127.
Tsurkan V. V. Russian literature of 1930s: the myth about happiness. *Libri Magistri*, 2020, (4): 119–127. (In Russ.)
13. Tsurkan V. V., Predeina S. A., Kolesnikova O. Yu. N. Gumilyov's lyrics: the concept of "happiness". *Libri Magistri*, 2021, (4): 138–148. https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_18_4_138
14. Сидоренко И. В. Антропология счастья. М.: МАКС Пресс, 2006. 297 с.
Sidorenko I. V. *Anthropology of happiness*. Moscow: MAKS Press, 2006, 297. (In Russ.)
15. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
Tatarkevich V. *About human happiness and perfection*. Moscow: Progress, 1981, 368. (In Russ.)
16. Sumner L. W. *Welfare, happiness, and ethics*. N. Y.: Oxford University Press, 1996, 252.
17. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
Argyl M. *The psychology of happiness*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 271. (In Russ.)
18. Nettle D. *Happiness: the science behind your smile*. N. Y.: Oxford University Press, 2005, 216.
19. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective. *Daedalus*, 2004, 133(2): 34–43. <https://doi.org/10.1162/001152604323049370>
20. Veenhoven R., Ehrhardt J. The cross-national pattern of happiness: test of predictions implied in three theories of happiness. *Social Indicators Research*, 1995, 34(1): 33–68. <https://doi.org/10.1007/BF01078967>
21. Юхнова И. С., Попович Т., Ямаджи А., Рудакова С. В., Леонова М. П., Петрищева Н. Ю., Канарская Е. И. Диалог и диалогичность. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. 177 с.
Yukhnova I. S., Popovich T., Yamaji A., Rudakova S. V., Leonova M. P., Petrishcheva N. Yu., Kanarskaya E. I. *Dialogue and dialogicity*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky University, 2020, 177. (In Russ.)
22. Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М.: Современник, 1985. 288 с.
Lominadze S. V. *The poetic world of Lermontov*. Moscow: Sovremennik, 1985, 288. (In Russ.)
23. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. Статьи и рецензии: 1840–1841. М.: АН СССР, 1954. 675 с.
Belinskiy V. G. *The complete works collection. Vol. 4. Articles and reviews: 1840–1841*. Moscow: AS USSR, 1954, 675. (In Russ.)
24. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова. Эйхенбаум Б. *Статьи о Лермонтове*. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 40–124.
Eichenbaum B. Lermontov's literary position. *Articles about Lermontov*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1961, 40–124. (In Russ.)
25. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. «Поэт сверхчеловечества». Мережковский Д. С. *В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет*. М.: Сов. писатель, 1991. С. 378–415.
Merezhkovskiy D. S. M. Yu. Lermontov. The poet of supermankind. In a silent whirlpool. *Articles and researches of different years*. Moscow: Sov. pisatel, 1991, 378–415. (In Russ.)

26. Соловьев В. С. Лермонтов. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
Solovyev V. S. Lermontov. *Art philosophy and literary criticism*. Moscow: Iskusstvo, 1991, 379–399. (In Russ.)
27. Белый А. О теургии. М. Ю. Лермонтов: *pro et contra: личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей*, сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, Н. Ю. Данилова. СПб.: РХГА, 2002. С. 392–398.
Bely A. On theurgy. М. Ю. Lermontov: *pro et contra: Lermontov's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers*, comps. Markovich V. M., Potapova G. E., Danilova N. Yu. St. Petersburg: RСАН, 2002, 392–398. (In Russ.)
28. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Fundamentals of psychological anthropology. Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity*. Moscow: Shkola-Press, 1995. (In Russ.)
29. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология. Избранные работы. М.: Флинта; Наука, 2002. 350 с.
Esin A. B. *Literary studies. Cultural studies. Selected works*. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. (In Russ.)
30. Зайцева Т. Б. К вопросу «Лермонтов и Кьеркегор». *Libri Magistri*. 2015. № 1. С. 134–139.
Zaitseva T. B. To the Question – Lermontov and Kierkegaard. *Libri Magistri*, 2015, (1): 134–139. (In Russ.)
31. Мильдон В. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели. *Октябрь*. 2002. № 4. С. 177–186.
Mildon V. Lermontov and Kierkegaard: the phenomenon of Pechyorin: a Russian-Danish parallel. *Oktiabr*, 2002, (4): 177–186. (In Russ.)
32. Овчинников А. Г. «Дневник обольстителя» С. Кьеркегора и «Журнал Печорина» М. Ю. Лермонтова в контексте постромантизма. *Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии*, ред. О. В. Зырянов, Н. В. Пращерук, Е. К. Созина. Екатеринбург: УрГУ, 2011. Вып. 3. С. 111–129.
Ovchinnikov A. G. Kierkegaard's Diary of the Seducer and Lermontov's Pechyorin's Journal in the context of romanticism. *Romanticism vs realism: paradigms of artistry, authors' strategies*, eds. Zyryanov O. V., Prashcheruk N. V., Sozina E. K. Ekaterinburg: USU, 2011: 111–129. (In Russ.)
33. Тетенков Н. Б., Лашов В. В. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексивного соблазителя. *Философия и общество*. 2010. № 4. С. 90–100.
Tetenkov N. B., Lashov V. V. Kierkegaard and Lermontov: the Image of a Reflexive Seducer. *Filosofia i obshchestvo*, 2010, (4): 90–100. (In Russ.)

оригинальная статья

Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения

Иванов Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

ivanov.mikhail@gmail.com

Поступила в редакцию 24.12.2021. Принята после рецензирования 20.01.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Исследование направлено на выявление характера взаимосвязи между показателями идентичности и характеристиками отношения к личной безопасности и на описание их в период обучения в вузе. На этапе эмпирического исследования использовались методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда, «Опросник стилей идентичности» М. Берзонски в адаптации Е. П. Белинской с соавторами, опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика и Л. Троппа, методика «Профессиональная идентичность» А. А. Озеринной, методика изучения эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. Л. Солдатовой. Отношение к личной безопасности изучалось с помощью авторских методик. В исследовании приняли участие 238 студентов 1–5 курсов гуманитарного профиля. В результате проведенного кластерного анализа и регрессионного анализа данных, полученных методом поперечных срезов, выделены связанные характеристики идентичности и отношения к личной безопасности, описаны их различия на разных этапах обучения. Выделены общие тенденции изменения изучаемых явлений в период обучения в вузе. Тенденции, отражающие позитивную динамику: повышение активности профессиональной позиции как компонента идентичности, усиление реляционной идентичности (Я как субъект отношений), снижение оценок серьезности угрозы потери репутации и связей, повышение предпочтений стратегии обеспечения личной безопасности с опорой на себя. Тенденции, отражающие негативную динамику: нарастание поверхностной идентичности, снижение автономности в осознании собственных ценностей и автономности эмоционального компонента идентичности, повышение оценок серьезности угроз нарастания психологических проблем, угроз со стороны преступных организаций с одновременным снижением усилий по предотвращению целого ряда распространенных угроз, изменение предпочтений стратегий безопасности в части макросреды с индивидуализирующихся (жить в гуманном и терпимом обществе) на адаптирующиеся (жить в обществе, где строго соблюдается порядок). Делается заключение о взаимосвязанности идентичности и отношения к личной безопасности, сложности и разнонаправленности процесса их формирования в период обучения в вузе.

Ключевые слова: идентичность, отношение к личной безопасности, представления об угрозах, психология безопасности, формирование идентичности

Цитирование: Иванов М. С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 83–91. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91>

original article

Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students

Mikhail S. Ivanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

ivanov.mikhail@gmail.com

Received 24 Dec 2021. Accepted after peer review 20 Jan 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The research featured the relationship between the indicators of identity and the characteristics of the attitude to personal security in university students. The study relied on M. Kuhn and T. McPartland's *Who am I* questionnaire, M. Berzonski's *Questionnaire of Identity Styles* adapted by E. P. Belinskaya et al., J. Chik and L. Tropp's *Aspects of Identity*, A. A. Ozerina's *Professional Identity*, and E. L. Soldatova's *Ego-Identity SEI-test*. The attitude to personal safety was investigated by the methods developed by the author. The study involved 238 students of 1–5 year that were majoring in humanities.

The cluster and regression analyses of the data obtained by the cross-sectional method identified the related characteristics of identity and attitudes to personal security, as well as their differences at different stages of training. The author revealed some general tendencies in the phenomena that occurred in students during the period of university study. Positive dynamics included the following trends. The professional position became more active (*I* as a subject of relations). The assessments of threat of losing one's reputation and connections decreased. Senior students preferred a personal security strategy, i.e. they relied on themselves. Positive dynamics included the following trends. Superficial identity increased, while the autonomy in the awareness of one's own values and emotional component decreased. The assessment of psychological risks and that of criminal organizations increased, while common preventive efforts mostly decreased. Security strategies in terms of the macro environment also changed: senior students preferred adapting strategy (living in an authoritarian society) to individualizing (living in a humane and tolerant society). The article introduces some conclusions about the correlation of identity and attitude to personal security, as well as the complexity and multidirectional nature of their development in university students.

Keywords: identity, attitude to personal security, perceptions of threats, security psychology, identity formation

Citation: Ivanov M. S. Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 83–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91>

Введение

Интерес к изучению психологических характеристик, связанных с представленностью в сознании опасностей и личностных к ним отношений, достаточно давно проявляется в психологических исследованиях, авторы которых доказывают, что отношение к опасностям может быть понято и изучено не только в контексте традиционных клинически ориентированных исследований тревоги, страха, в рамках изначально экономического концепта риска или ориентированной на психологию труда классической психологии безопасности (А. И. Донцов, О. М. Зотова, Т. М. Краснянская, Г. Ю. Фоменко и др.). Переживание опасности может изучаться как работа сознания, тесно включенная в процесс построения образа мира и системы психологических отношений. Эта психическая деятельность предопределяет поведение, связанное с обеспечением человеком личной безопасности – безопасности себя и того, что ему дорого.

Идентичность как стержневая структура, отражающая самосознание субъектом себя и его самоопределение относительно окружающего мира, представляет особый интерес при изучении переживания опасности и отношения к безопасности. Осознание человеком себя, ответ на вопрос *Кто Я?*, предполагает осознание своих возможностей во взаимодействии с внешним миром, а значит и возможностей противодействия опасностям и угрозам.

Изучение идентичности в психологии в последнее время происходит в контексте научного осмысления конструкта *неопределенности* как фундаментальной характеристики бытия, собственно и содержащего в себе вызов как науке в целом, так и каждому отдельному человеку. Анализируя идентичность в таком ключе, Е. П. Белинская пишет о «текучей» идентичности, указывая на необходимость изучения не столько структурных, сколько процессуальных ее характеристик, поскольку именно в своей динамике идентичность противостоит неопределенности «текучей современности» [1–3]. Вызов неопределенности как одна

из основных проблем не только изучения идентичности, но и современной психологии вообще отмечается многими авторами [4–6]. Об этом пишет и Т. Д. Марцинковская, указывая на то, что в изучении идентичности на самом деле интересно не то, из чего она складывается и какое содержание имеет в конкретный момент времени, а закономерности ее динамики в условиях постоянной трансформации социальных норм и правил поведения в обществе [7]. В этом смысле фактически идентичность предлагается рассматривать как систему, отвечающую на вызовы непредсказуемого и быстро меняющегося мира, а нарастающая в исторически кризисные времена множественность проявлений идентичности объясняется многообразием и сложностью этих вызовов.

В проблематику идентичности включаются представления не только о том, кем человек себя считает, какой он и на что он готов пойти, но и тем, кем он себя не считает, каким не является и на что не готов пойти ни при каких обстоятельствах, – в этом раскрывается важная функция идентичности, связанная с очерчиванием границ себя [8]. В структуре идентичности изучаются представления о множественных предполагаемых Я в будущем [9]. В противовес классическому структурному подходу идентичность все чаще исследуется как дискурсивное явление, нарративная категория, существующая лишь в виде субъективной «жизненной истории» [10; 11]. Отдельного анализа заслуживает многообразие изучаемых исследователями идентичностей, например активно изучается «идентичность с городом» [12].

Исследования неопределенности и границ в изучении идентичности очевидно пересекаются с проблематикой опасности / безопасности, активно исследуемой сегодня в психологии. Ряд исследований, в том числе проведенных и нами [13; 14], убеждают в возможности изучения отношения к себе как субъекту личной безопасности, т. е. идентичности в отношении личной безопасности.

Кроме того, идентичность может пониматься как психологический механизм обеспечения личной безопасности – через самоопределение себя относительно опасности и происходит определение стратегий безопасного поведения. Проблема личной безопасности ставится в исследованиях психологии безопасности как попытка перевести в русло психологии традиционно экономические концепты риска и угрозы [15]. Проблема развивается в исследованиях психологической безопасности как потребности в ощущении безопасности [16; 17], в исследованиях самообеспечения безопасности как деятельности, направленной на обеспечение личной безопасности [18; 19], как функция личности, связанная с повседневным обеспечением наиболее эффективного существования и развития [20], как психологическое отношение к безопасности, лежащее в основе детерминации безопасного поведения [21; 22].

Изучая проблемы отношения к личной безопасности, в предыдущих исследованиях мы предложили теоретическую модель, согласно которой структуру отношения к личной безопасности составляют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, реализующиеся в трех типах отношений:

1) отношение к угрозам, слабо поддающимся противодействию со стороны простого обывателя: природные, техногенные, военные и т. п.;

2) отношение к угрозам, поддающимся противодействию субъекта, исходящим из ближайшего окружения и повседневной действительности: бытовые опасности, транспорт, уличные преступники и т. п.;

3) отношение к себе как субъекту личной безопасности [23].

Когнитивный компонент отношения к личной безопасности состоит в системе представлений субъекта об опасностях, субъективной оценке личностью внешних и внутренних факторов с позиций, угрожающих или не угрожающих его безопасности, и проявляется в виде субъективной иерархии угроз и опасений личности. Эмоциональный компонент состоит в отношении к себе – в оценке своих способностей противостоять угрозам, уверенности в себе; в отношении к угрозам – в субъективном восприятии опасностей как угрожающих или не угрожающих, в эмоционально окрашенных опасениях (страхах). Поведенческий компонент отражает связь отношения и поведения и проявляется в планируемой и реализуемой деятельности по профилактике и противодействию угрозам, т. е. деятельности по обеспечению личной безопасности. Также он может рассматриваться как индивидуальная стратегия обеспечения личной безопасности, выступающая компонентом стратегии жизни.

В своих предыдущих исследованиях в результате анализа вербализованного отношения испытуемых к вопросам личной безопасности нами были выделены три типа жизненных стратегий обеспечения личной безопасности – стратегии адаптации, социализации и индивидуализации [22], каждая из которых представлена тремя группами компонентов,

соответствующих сферам (факторам), часто используемым при описании поведения индивида и социальных групп: субъект, микросреда и макросреда. В нашем случае к фактору субъекта относятся компоненты стратегии, связанные с саморазвитием, направленные на повышение своей готовности к обеспечению личной безопасности. К сфере микросреды относятся компоненты стратегии, связанные с организацией условий своего окружения, безопасного образа и стиля жизни. Макросреда представляет собой компоненты стратегии обеспечения личной безопасности, связанные с включенностью субъекта в государство и общество.

Интенсивное развитие личности в период обучения в вузе, сопровождающееся активным преобразованием системы идентичности и образа мира в целом, не может не затрагивать и систему отношения к личной безопасности у студентов, которая зависит от представлений об окружающем мире и о себе самом. Активное взросление, происходящее в возрастной период поздней юности и ранней взрослости, обычно выпадающий на время вузовского обучения, связано с изменением взглядов на окружающий мир с подростковых, юношеских на взрослые. Особенно активно происходит перестройка системы представлений о людях и человеческих отношениях, появляются взрослые представления о деловых, производственных отношениях, изменяются отношения к основным понятиям сферы отношений – доверие, ответственность, долг, обязательство и т. п. Все это не может происходить без изменения представлений об угрозах и опасностях, подавляющее большинство которых носят социальный характер. В процессе взросления приходит понимание: то, что вызывало опасения в юношеском возрасте: не понравиться сверстнику, с которым хотел познакомиться, плохо ответить на экзамене из-за волнения и т. п. – это мелочи жизни, по поводу которых не стоит переживать. Зато другие аспекты отношений, которые раньше не воспринимались как опасности, начинают восприниматься как реальные угрозы. Расширению системы представлений об угрозах способствует активная профессионализация, становление профессиональной идентичности, в процессе которого студент узнает о специфике своей будущей профессиональной деятельности, в том числе и о разного рода проблемах, «подводных камнях», встречающихся в реальной профессиональной практике.

В целом проблема динамики отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности в период обучения в вузе имеет две составляющие. Первая касается взаимосвязи идентичности и отношения к личной безопасности, вторая – динамики этих характеристик в период обучения в вузе. Это предполагает решение двух исследовательских задач: 1) выявление характера взаимосвязи между показателями идентичности и характеристиками отношения к личной безопасности; 2) описание изменения показателей идентичности и характеристик отношения к личной безопасности в период обучения в вузе.

Методы

Для измерения показателей сформированности идентичности и отдельных ее компонентов, а также изучения идентичности по содержанию использовались методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда, «Опросник стилей идентичности» М. Берзонски в адаптации Е. П. Белинской с соавторов, опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика и Л. Троппа, методика «Профессиональная идентичность» А. А. Озеринной, методика изучения эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. Л. Солдатовой.

Для изучения отношения к личной безопасности применялись авторские методики. Представления об угрозах изучались с помощью опросников, в которых представлены списки распространенных угроз, серьезность которых и усилия по их предотвращению предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Предпочтение стратегий обеспечения личной безопасности изучалось с помощью соответствующей методики, где испытуемым предлагалось выбрать не более 3-х наиболее предпочитаемых стратегий их 9-ти предложенных.

Исследование проведено на выборке студентов 1–5 курсов Кемеровского государственного университета, обучающихся по направлениям гуманитарного профиля (психология, социальная работа, филология, реклама и связи с общественностью); в исследовании приняли участие 238 испытуемых. Возраст испытуемых – от 17 до 23 лет (средний возраст – 20); 13 % испытуемых – мужчины, 87 % – женщины.

Результаты

Для решения задачи по выявлению взаимосвязи между показателями идентичности и отношения к личной безопасности наиболее действенным приемом оказалось разделение выборки с помощью кластерного анализа на группы по показателям идентичности с последующим сравнительным анализом характеристик отношения к личной безопасности между выделенными группами.

Для кластеризации методом К-средних использовались шкалы опросника профессиональной идентичности А. А. Озеринной и методики структуры эго-идентичности Г. В. Солдатовой. В результате выборка разбилась на две

группы по показателям сформированности идентичности. Показатели средних и стандартных отклонений основных показателей, по которым проводилась кластеризация, приведены в табл. 1. Группа кластера 1 характеризуется более низкими значениями по показателю *диффузный статус эго-идентичности* (известно, что диффузность идентичности снижается при ее формировании) и более высокими значениями по всем остальным показателям, повышение которых отражает формирование идентичности. Это позволяет предположить, что группа 1 – студенты с более высоким уровнем сформированности идентичности, а группа 2 – с более низким.

В табл. 2 приведены результаты сравнительного анализа с применением t-критерия Стьюдента между выделенными группами по показателям представления об угрозах личной безопасности. В группе с высоким уровнем сформированности идентичности наблюдаются более низкие средние показатели оценок серьезности угроз личной безопасности и одновременно более высокие оценки собственных усилий по предотвращению этих угроз. Наиболее значительные различия в оценках серьезности угроз обнаружены по таким источникам угроз, как *близкие люди* (M=1,18 в группе с высоким уровнем идентичности; M=1,71 – с низким), *окружающее вас общество* (M=2,11 и M=2,7 соответственно), *свой собственный организм* (M=2,24 и M=2,87). Наиболее значительные различия в оценках усилий по предотвращению угроз обнаружены по таким угрозам, как *потеря трудоспособности* (M=3,48 и M=3,11), *возникновение психологических проблем* (M=3,78 и M=3,26).

Результаты анализа сопряженности по критерию хи-квадрат предпочтений стратегий обеспечения личной безопасности между группами с разным уровнем сформированности идентичности показали, что высокий уровень сформированности идентичности значимо сопряжен с повышением предпочтений стратегии *быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности* (повышение с 47 % до 60 %) и снижением предпочтений стратегии *быть авторитетным человеком, иметь связи и влияние* (снижение с 22 % до 10 %).

Табл. 1. Показатели сформированности идентичности в группах, выделенных в результате кластерного анализа

Tab. 1. Indicators of identity formation in the groups identified as a result of cluster analysis

Показатели	Кластер 1		Кластер 2	
	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.
Сформированность профессиональной идентичности	21,52	3,67	15,09	4,11
Зрелость профессиональной идентичности	22,65	2,67	18,98	3,55
Автономный статус эго-идентичности	22,68	3,38	17,05	3,86
Диффузный статус эго-идентичности	10,50	3,74	19,56	3,70
Предрешенный статус эго-идентичности	16,81	3,13	13,47	2,96

Табл. 2. Сравнительный анализ представлений об угрозах личной безопасности между группами с разным уровнем сформированности идентичности, 5-балльная шкала

Tab. 2. Comparative analysis of personal security threats between groups with different levels of identity formation, 5-point scale

Оценки угроз личной безопасности	Группа с высоким уровнем		Группа с низким уровнем		p
	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.	
Оценка серьезности угроз					
Власти своего государства	3,01	1,41	3,38	1,36	0,05
Незнакомые окружающие люди	2,86	1,12	3,21	1,15	0,03
Организации и люди, с которыми вы состоите в деловых отношениях	1,65	0,96	1,97	1,07	0,03
Конкретные люди, с которыми могут пересекаться ваши интересы	1,63	0,90	1,87	0,99	0,05
Близкие люди	1,18	0,58	1,71	1,15	<0,01
Окружающее вас общество	2,11	1,00	2,70	1,12	<0,01
Свой собственный организм	2,24	1,32	2,87	1,25	<0,01
Потеря комфорта, своего привычного образа жизни	3,26	1,24	3,64	1,17	0,03
Возникновение психологических проблем	3,80	1,30	4,21	1,05	0,01
Средний показатель оценки серьезности угроз	2,30	0,53	2,58	0,60	<0,01
Оценка собственных усилий по предотвращению угроз					
Потеря своих сбережений и имущества	3,48	1,41	3,11	1,40	0,05
Потеря трудоспособности	3,48	1,56	3,01	1,58	0,03
Близкие люди	3,86	1,43	3,44	1,54	0,04
Проблемы со здоровьем, тяжелые болезни	3,88	1,30	3,41	1,42	0,01
Возникновение психологических проблем	3,78	1,37	3,26	1,44	0,01

Прим.: Приведены только те показатели, по которым получены статистически значимые различия при $p < 0,05$.

При решении задачи по выявлению динамики показателей идентичности и характеристик отношения к личной безопасности наиболее содержательные результаты удалось получить с помощью регрессионного анализа. При построении регрессионной модели анализу подлежали 115 независимых переменных. Из них 62 переменные отражали характеристики идентичности и 53 – отношение к личной безопасности. В качестве зависимой переменной использовался курс обучения (238 испытуемых с 1 по 5 курсы обучения).

В регрессионную модель, описывающую наибольшую долю дисперсии зависимой переменной ($R=0,76$) при сохранении статистической значимости модели ($F=45,2$; $p < 0,01$), попали 43 показателя. Для удобства представления информации предикторы разбиты на категории показателей идентичности и отношения к личной безопасности, а также сортированы по величине модуля регрессионного коэффициента (табл. 3). Можно выявить закономерности изменения характеристик как идентичности, так и отношения к личной безопасности, причем эти изменения сопоставимы, т. е. могут сравниваться по величине своего

вклада в изменение результирующего показателя, которым в нашем случае выступает курс обучения.

Наиболее сильными предикторами выступают показатели представлений об угрозах личной безопасности, некоторые из которых изменяются в процессе обучения даже сильнее, чем показатели идентичности. Так, по угрозе *потеря репутации и связей* в процессе обучения снижается оценка серьезности угрозы ($b=-0,31$), но одновременно повышается оценка собственных усилий, затрачиваемых на предотвращение этой угрозы ($b=0,33$). Параллельно происходит повышение оценок серьезности угроз *возникновения психологических проблем* ($b=0,19$) и угроз со стороны *преступных групп и организаций* ($b=0,19$). Одновременно снижается оценка усилий, направленных на предотвращение угроз *утечки личной информации* ($b=-0,26$), *потери близких людей и отношений с ними* ($b=-0,23$), *угроз со стороны преступных групп и организаций* ($b=-0,20$).

Вместе с изменениями в системе представлений об угрозах происходят изменения и в выборе стратегий обеспечения личной безопасности. Наибольшие изменения обнаружены по группе элементов стратегий, относящихся

к макросреде, т. е. связанным с жизнью в государстве и обществе. С повышением курса обучения студенты чаще предпочитают жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность ($b=0,23$), и реже – жить в гуманном и терпимом обществе ($b=-0,19$) и в обществе с высокой культурой безопасности ($b=-0,12$). Также студенты значимо чаще предпочитают адаптационную стратегию опоры на себя в обеспечении личной безопасности: быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности ($b=0,12$).

Анализируя динамику идентичности, отметим тенденции, указывающие на ее нормальное развитие: значимое повышение в процессе обучения показателя по шкале активная профессиональная позиция опросника А. А. Озеринной ($b=0,28$),

понижение предпочитаемой идентичности Я – студент по методике «Кто Я» ($b=0,19$) с одновременным повышением идентичности Я – сын / дочь ($b=-0,15$) и Я – муж / жена ($b=-0,15$), а также усиление аспекта реляционной (отношений) идентичности по методике AIQ-IV ($b=0,17$). Одновременно обнаружены тенденции, указывающие на проблемы формирования идентичности: снижаются показатели автономности сразу по двум компонентам эго-идентичности (методика Г. В. Солдатовой): осознанность собственных ценностей ($b=-0,20$) и эмоциональная зрелость ($b=-0,16$) – показатели информационного стиля идентичности по методике М. Берзонски ($b=-0,15$), нарастает представленность поверхностной идентичности по методике AIQ-IV ($b=0,14$).

Табл. 3. Регрессионная модель изменения показателей идентичности и отношения к личной безопасности в зависимости от этапа обучения
Tab. 3. Regression model of changes in indicators of identity and attitude to personal security depending on the year of study

Предикторы	b	p
Показатели идентичности		
Активная профессиональная позиция (опросник А. А. Озеринной)	0,28	<0,01
Осознанность собственных ценностей – Автономность (СЭИ-тест)	-0,20	0,01
Ранг идентичности Я – студент (методика «Кто Я?»)	0,19	<0,01
Реляционная идентичность (AIQ-IV)	0,17	0,01
Эмоциональная зрелость – Автономность (СЭИ-тест)	-0,16	0,02
Ранг идентичности Я – сын / дочь (методика «Кто Я?»)	-0,15	0,03
Ранг идентичности Я – муж / жена (методика «Кто Я?»)	-0,15	0,04
Информационный стиль идентичности (методика М. Берзонски)	-0,15	0,01
Поверхностная идентичность (AIQ-IV)	0,14	0,05
Осознанность жизненного пути – Сомнение (СЭИ-тест)	-0,14	0,03
Показатели отношения к личной безопасности		
Потеря репутации и связей – Усилия по предотвращению угрозы	0,33	<0,01
Потеря репутации и связей – Серьезность угрозы	-0,31	<0,01
Утечка личной информации – Усилия по предотвращению угрозы	-0,26	<0,01
Жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность (Стратегии личной безопасности)	0,23	<0,01
Потеря близких людей и отношений с ними – Усилия по предотвращению угрозы	-0,23	0,01
Преступные группы и организации – Усилия по предотвращению угрозы	-0,20	0,01
Психологические проблемы – Серьезность угрозы	0,19	0,01
Преступные группы и организации – Серьезность угрозы	0,19	<0,01
Жить в гуманном и терпимом обществе (Стратегии личной безопасности)	-0,19	0,01
Быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности (Стратегии личной безопасности)	0,12	0,05
Жить в обществе с высокой культурой безопасности (Стратегии личной безопасности)	-0,12	0,05

Прим.: Приведены статистически значимые (при $p < 0,05$) предикторы полученной регрессионной модели с указанием стандартизованных коэффициентов регрессии (b) и их статистической значимости (p).

Заключение

Между сформированностью идентичности у студентов и их отношением к личной безопасности существуют тесные и множественные связи. Формирование идентичности сопровождается перестройкой всей системы представлений об угрозах личной безопасности, вызывает изменения в выборе стратегий обеспечения личной безопасности у значительного числа испытуемых. При повышении уровня сформированности идентичности субъективная серьезность угроз личной безопасности снижается при одновременном повышении усилий, прикладываемых субъектом для предотвращения реализации этих угроз. Иными словами, студенты с более зрелой идентичностью испытывают меньше опасений по поводу личной безопасности, но делают больше для ее обеспечения. В наших предыдущих исследованиях такая тенденция описывается как формирование зрелой системы отношения к личной безопасности. Это позволяет сделать вывод, что формирование идентичности, повышение ее зрелости и сформированности сопровождаются формированием зрелого отношения к личной безопасности. Этот факт дополнительно убеждает в сопряженности изучаемых явлений, которые, вероятно, выступают компонентами личности как системы более высокого уровня, сформированность которых нарастает с повышением личностной зрелости.

Полученные данные об изменениях идентичности и отношения к личной безопасности на разных этапах обучения позволяют анализировать общие тенденции изменения изучаемых явлений в период обучения в вузе. Эти тенденции можно разделить на отражающие позитивную динамику, т. е. согласующиеся с повышением зрелости и сформированности идентичности и отношения к личной безопасности, и на отражающие негативную динамику. К позитивным тенденциям относятся: повышение активности профессиональной позиции как компонента идентичности, усиление реляционной идентичности (Я как субъект отношений), снижение оценок серьезности

угрозы потери репутации и связей, повышение предпочтений стратегии обеспечения личной безопасности с опорой на себя. К негативным тенденциям относятся: нарастание поверхностной идентичности, снижение автономности в осознании собственных ценностей и автономности эмоционального компонента идентичности, повышение оценок серьезности угроз нарастания психологических проблем, угроз со стороны преступных организаций с одновременным снижением усилий по предотвращению целого ряда распространенных угроз, изменение предпочтений стратегий безопасности в части макросреды с индивидуализирующихся (жить в гуманном и терпимом обществе) на адаптирующиеся (жить в обществе, где строго соблюдается порядок).

В целом проведенное исследование убеждает в том, что формирование личности в период обучения является сложным, комплексным процессом, при котором изменения, как идентичности, так и отношения к личной безопасности, могут быть разнонаправленными и противоречивыми.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

Funding: The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of research project No. 19-013-00066 "The system of identity of young students' personality: dynamics, factors, and threats".

Литература / References

- Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
Belinskaya E. P. Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, 8(1): 6–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 10.11.2019).
Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 10 Nov 2019). (In Russ.)
- Белинская Е. П. Проблема идентичности в современной социальной психологии. *Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского – к XXI веку*, под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко, Е. А. Киселевой. М.: МПГУ, 2018. С. 76–84.
Belinskaya E. P. The problem of identity in modern social psychology. *Cultural-historical approach: from L. S. Vygotsky to the XXI century*, eds. Martsinkovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V., Kiseleva E. A. Moscow: MPSU, 2018, 76–84. (In Russ.)

4. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Asmolov A. G. Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
5. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Leontiev D. A. The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
6. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 177–199. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_8
7. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 36. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martsinkovskaya36.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Martsinkovskaya T. D. Methodology of modern psychology: a change of paradigms?! *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2014, 7(36). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martsinkovskaya36.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
8. Benson C. The unthinkable boundaries of self: the role of negative emotional boundaries for the formation, maintenance, and transformation of identities. *The self and others: positioning individuals and groups in personal, political, and cultural contexts*, eds. Harré R., Moghaddam F. Westport: Praeger, 2003, 61–84.
9. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 2014, 14(2): 173–188. <https://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
10. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 1. С. 118–136.
Zaytseva Yu. E. Self-narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, (1): 118–136. (In Russ.)
11. McAdams D. P. Narrative identity. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 99–115. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_5
12. Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7. № 1. С. 63–80. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05>
Muravyeva O. I., Litvina S. A., Kruzhkova O. V., Bogomaz S. A. Russian young city-dwellers: structural features of urban identity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, 7(1): 63–80. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05>
13. Иванов М. С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 4. С. 974–981. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>
Ivanov M. S. Identity threats in the system of attitudes to personal security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 974–981. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>
14. Иванов М. С. Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной безопасности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 4. С. 992–999. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>
Ivanov M. S. Assumptions of self-worth with a different attitudes to personal security threats. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 992–999. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>
15. Кимберг А. Н. Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода. *Человек. Сообщество. Управление*. 2010. № 1. С. 72–82.
Kimberg A. N. Psychology of personal safety: subject and problems in the perspective of the subjective approach. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 72–82. (In Russ.)
16. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 270 с.
Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 270. (In Russ.)

17. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии. *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Social Psychology and Society*, 2018, 9(2): 21–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
18. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 279 с.
Krasnyanskaya T. M. *Psychology of self-security*. Pyatigorsk: PSLU, 2009, 279. (In Russ.)
19. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person. *European Journal of Psychological Studies*, 2015, (2): 48–57. <https://doi.org/10.13187/ejps.2015.6.48>
20. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*. 2010. № 1. С. 83–99.
Fomenko G. Yu. Psychology of personal security: theoretical and methodological foundations of institutionalization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 83–99. (In Russ.)
21. Ivanov M. S., Seryu A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences*, Tomsk, 18–21 May 2017. Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 1187–1196. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.140>
22. Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность. *Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 1–7 июня 2015 г.)* Белово: КузГТУ, 2015. С. 54–68.
Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belovo, 1–7 Jun 2015*. Belovo: KuzSTU, 2015, 54–68. (In Russ.)
23. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-3. С. 128–133.
Ivanov M. S. Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 128–133. (In Russ.)

оригинальная статья

К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений

Романова Екатерина Александровна
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва
<https://orcid.org/0000-0003-1006-0499>

Брель Елена Юрьевна
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва
<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>
brelelena@mail.ru

Поступила в редакцию 24.11.2021. Принята после рецензирования 18.01.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки способов наиболее эффективного взаимодействия педагогов и обучающихся в цифровой образовательной среде. Предполагается, что активность в использовании цифровых технологий при обучении связана с особенностью процесса социализации субъектов образовательного процесса. Цель – определить специфику социализации обучающихся, педагогов, преподавателей вузов в условиях цифровой образовательной среды. Анализ процесса социализации проводится в разрезе теории поколений У. Штрауса и Н. Хоу. Выявлена специфика социализации поколения Z, заключающаяся в восприятии и накоплении новой информации через призму цифрового пространства как компонента культуры. Указанная специфика имеет существенное значение при обучении и воспитании детей и подростков поколения Z, так как цифровое пространство в данном случае наделено ценностями и смыслами, а следовательно и информация, заключенная в нем, приобретает ценностный компонент. Различия в восприятии представителями разных поколений современных технологий и возможностей их эффективного использования определяют возникновение феномена цифрового разрыва. Выделены два принципиально важных направления в исследовании социализации обучающихся поколения Z, а также педагогических кадров иных поколений в условиях цифровизации образования: 1) создание условий и активизации процесса социализации в цифровой образовательной среде педагогов / преподавателей старшего поколения; 2) сокращение цифрового разрыва между ними и поколением Z за счет организации целенаправленной активной коммуникации в цифровой образовательной среде при решении педагогических задач.

Ключевые слова: цифровая социализация, поколение Z, цифровой разрыв, инкультурация, адаптация педагогов, цифровая коммуникация, цифровизация образования

Цитирование: Романова Е. А., Брель Е. Ю. К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 92–98. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-92-98>

original article

Socialization of Students and Teachers in the Digital Educational Environment in the Context of the Theory of Generations

Ekaterina A. Romanova
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0003-1006-0499>

Elena Yu. Brel
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>
brelelena@mail.ru

Received 24 Nov 2021. Accepted after peer review 18 Jan 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: Educational institutions need more effective patterns of interaction between teachers and students in digital environment. Digital teaching technologies are associated with the process of socialization. The research objective was to determine the specifics of the socialization of students, teachers, and university staff in a digital educational environment. The analysis relied on the theory of generations developed by W. Strauss and N. Howe. The authors identified the specificity of socialization in generation Z as the perception and accumulation of new information through the prism of digital component of culture. This specificity is essential in teaching and upbringing children and adolescents of generation Z, since they endow digital space and digital information with values and meanings. Differences in the perception of modern technologies caused the so-called digital gap phenomenon. The authors defined two fundamentally important directions in the study of the socialization of generation

Z students by the teaching staff of other generations in the context of digital education. The first is to create conditions and activate the process of socialization in the digital educational environment of the older generation teachers. The second is to reduce the digital gap by organizing targeted active communication in the digital educational environment when solving pedagogical problems.

Keywords: socialization, digital socialization, theory of generations, teaching staff, digital educational environment, digital communication

Citation: Romanova E. A., Brel E. Yu. Socialization of Students and Teachers in the Digital Educational Environment in the Context of the Theory of Generations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 92–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-92-98>

Введение

Сегодня система образования активно использует цифровое пространство для осуществления образовательной деятельности. В связи с этим возникают новые проблемы, связанные с разработкой способов наиболее эффективного взаимодействия педагогов и обучающихся в цифровой образовательной среде. В понимании соотношения понятий образовательного пространства и образовательной среды мы будем опираться на определение, предложенное С. В. Ивановой: «Образовательная среда – окружение участников образовательного процесса в пространстве образования, включающее педагогические условия, ситуации, систему отношений между лицами, объединенными общностью педагогической и учебной деятельности» [1, с. 25]. В данной работе социализация личности обучающихся и педагогов / преподавателей в цифровой образовательной среде рассмотрена в разрезе теории поколений.

В современной психолого-педагогической науке и практике накоплен определенный опыт исследований социализации детей и подростков в цифровой среде. Проблема социализации личности в условиях цифровизации становится все более обсуждаемой в научных кругах. В психологической литературе описываются такие понятия, как цифровое детство, цифровая социализация детей и подростков, цифровая коммуникация, цифровая компетентность [2–5].

Особое значение в настоящее время приобретают исследования, направленные на определение новых подходов в отношении подготовки педагогических кадров и на разработку инструментов для обеспечения эффективной педагогической деятельности педагогов и преподавателей, работающих в новых для них условиях [6–8]. С началом пандемии и переходом на дистанционное обучение педагоги школ и преподаватели вузов столкнулись с необходимостью ведения образовательной деятельности в цифровой среде [9; 10]. Многие в этот период испытали трудности адаптации к новым условиям, ограничения в построении эффективной коммуникации с учащимися, что способствовало возникновению ощущений неготовности и неуверенности. В то же время приобретенный опыт дает возможность выявить основные проблемные зоны и определить ряд приоритетных задач в исследовании возможностей и ограничений педагогической деятельности в условиях цифровой образовательной среды [11].

Феномен цифрового разрыва

На сегодняшний день дистанционный формат обучения прочно занял свою нишу в образовательном процессе. В связи с этим встает проблема подготовки педагогических кадров для работы, в том числе и в цифровой среде [12]. Исходя из того, что образовательная организация является одним из основных институтов социализации личности, для нас выглядит целесообразным проанализировать процесс социализации современных школьников, а также особенности и специфику социализации педагогов и преподавателей, работающих в цифровой образовательной среде. В основу проведения анализа положена идея о различиях процесса социализации в условиях цифрового пространства для представителей различных поколений.

Теория поколений У. Штрауса и Н. Хоу основана на различиях в философии людей разного возраста. Так, авторы выделяют несколько поколений в зависимости от года рождения: Беби-бумеры (1943–1963), X (1964–1984), Y (1985–2000), Z (с 2001 по настоящее время) [13]. Для нас границы поколений важны не столько для четкого выявления особенностей каждого поколения, сколько для рассмотрения качественных изменений в процессе социализации различных поколений в цифровой образовательной среде. Поколения Y и Z принято относить к цифровым поколениям, т. к. процесс социализации у них происходил в том числе в цифровой среде. Очевидно, что нынешний педагогический и профессорско-преподавательский состав школ и вузов состоит в основном из представителей поколений Беби-бумеров, X и частично Y, а обучающиеся относятся к поколению Z и частично к Y.

Анализируя вопрос социализации личности в контексте приведенной классификации поколений, можно утверждать, что дети поколения Z (в большей степени) и Y (частично) с детства воспринимают цифровые технологии как компонент культуры, чему способствует активное использование современных технологий для игр, общения детей между собой, поиска информации. В то же время для представителей поколений Беби-бумеров и X, к которым относится большая часть педагогов и преподавателей, современные информационные технологии являются скорее элементом внешних условий профессиональной деятельности, к которым необходимо адаптироваться.

Различия в восприятии представителями разных поколений современных технологий и возможностей их эффективного использования определяют возникновение феномена цифрового разрыва. Под ним понимается новая форма социального неравенства, основанная на развитии информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) во второй половине XX в. [14–16]. Интерес вызывает рассмотрение уровней цифрового разрыва в связи со спецификой и масштабами доступа и использования ИКТ. Цифровой разрыв первого уровня обуславливается наличием или отсутствием материальной базы ИКТ. Цифровой разрыв второго уровня заключается в наличии или отсутствии навыков использования современных технологий. «В России наблюдается общемировая тенденция сохранения серьезного цифрового разрыва между поколениями» [14, с. 113]. Цифровой разрыв третьего уровня выражен возможностями, которыми обладают индивиды, использующие продукты ИКТ [17]. И если материальные возможности во многих областях предоставляются государством (расширение области подключения к сети Интернет, внедрение информационных ресурсов для организации работы социальных и медицинских учреждений), то разрыв в навыках овладения технологиями компенсируется через образование.

Можно говорить о расширении понятия цифрового разрыва, включая в него «помимо различий в использовании, различия в субъективном отношении к технологиям и некоторой констатации субъективно оцениваемого уровня владения технологиями» [4, с. 241]. При рассмотрении этого вопроса в данном контексте возникает задача не только обеспечения педагогов и преподавателей знаниями в отношении использования новых технологий, но и создания условий для присвоения нового социального опыта. Важно выявить и обосновать возможности эффективной социализации представителей различных поколений в условиях цифровой образовательной среды.

Особенности социализации детей и подростков поколения Z

В соответствии с пониманием отечественной психологической школы социализация представляет собой процесс приобретения личностью накопленного общественного опыта с целью последующей переработки и воспроизведения [18]. Процесс социализации не прекращается с получением человеком образования. Наоборот, в период профессионального развития личность максимально активно воспроизводит накопленный социальный опыт [19, с. 85]. В определении содержания процесса социализации личности Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой были выделены четыре стороны (границы) данного процесса: инкультурация, интернализация, адаптация и конструирование реальности. Инкультурацию авторы понимают как усвоение личностью культурно задаваемых ценностей, интернализацию – как процесс усвоения и присвоения социального опыта, моделей поведения и социальных значений. Адаптацию в контексте

социализации личности авторы трактуют как формирование определенных характеристик индивида, обеспечивающих его нормативное функционирование. Указанные три грани процесса социализации отражают первую сторону социализации, а именно приобретение личностью социального опыта. Вторая сторона социализации личности находит выражение в конструировании субъектом социального мира. Под конструированием понимается воспроизводство человеком и привнесение в общество информации о социальном мире, связях, представлений о самом себе, социальной идентичности [20].

Основное внимание в данной статье мы уделим рассмотрению процесса инкультурации как социализации личности детей и подростков поколения Z. Понятие инкультурации было введено М. Херсковиц, который выделял два ее этапа – детство и зрелость. В детстве личностью усваиваются язык, ценности и смыслы культуры. На этапе зрелости инкультурация может выражаться только в усвоении отдельных элементов культуры [18].

Рассматривая социализацию детей и подростков поколения Z в цифровой образовательной среде, можно предположить, что современные дети и подростки усваивают цифровые технологии как элемент культуры. Нельзя отрицать, что информационные и цифровые технологии являются частью нашей культуры. Мы так или иначе все чаще сталкиваемся с цифровыми элементами культуры, примером которых могут служить популярные выставки, использующие цифровые технологии для трансляции или создания художественных образов; разработка и внедрение технологий виртуальной реальности для обучения.

Цифровые технологии настолько прочно вошли в нашу культуру, что для описания специфики социализации поколения Z появляются новые понятия – цифровая социализация и феномен цифрового детства. В работах Г. У. Солдатовой данные понятия связаны с образом жизни современных детей и подростков, в который интегрированы цифровые технологии. Под цифровой социализацией понимается «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн / онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [3, с. 76]. При этом цифровая социализация является дополнением к социализации личности в целом. Г. У. Солдатова отмечает, что современные подростки практически самостоятельно приобретают этот социальный опыт посредством смартфонов, компьютерных игр, виртуальной реальности, т. е. они приобретают жизненный опыт в смешанной среде реального и виртуального миров. Уникальность этого поколения выражается в том, что «традиционные формы социализации все чаще соседствуют, вытесняются, а иногда замещаются новыми формами приобретения необходимых знаний и навыков – цифровой социализацией» [3, с. 75].

Таким образом, социализация поколения Z имеет существенное отличие от социализации представителей иных поколений. Данное отличие определяет специфику восприятия и накопления новой информации через призму цифрового пространства как компонента культуры. Указанная специфика имеет существенное значение при обучении и воспитании детей и подростков поколения Z, т. к. цифровое пространство в данном случае наделено ценностями и смыслами, а следовательно и информация, заключенная в нем, приобретает ценностный компонент.

Так, в работе М. Аппел и соавторов представлены результаты исследования, проводимого на двух группах подростков. В первой группе подростки активно использовали онлайн-коммуникацию со своими родителями, во второй группе такая коммуникация отсутствовала. Подростки из первой группы намного реже проявляли агрессивность в онлайн-переписке со сверстниками [21].

Результаты другого исследования, представленного в работах Г. У. Солдатовой и коллектива соавторов, свидетельствуют о появлении у современных подростков виртуальных друзей: «виртуальные друзья занимают почетное второе место» [4, с. 54], на первом месте все же остаются друзья реальные. Авторы выделяют новый феномен – *незнакомый друг*. Такие друзья обладают своей спецификой и занимают важное место в жизни современных подростков. Например, к виртуальному другу за советом и помощью по данным опроса обратились бы две трети детей, а к реальному – только треть. В 7 раз больше детей, которые доверили бы свою тайну виртуальному другу, нежели реальному; доля тех, кто поделится с виртуальными друзьями своими переживаниями, более чем в 10 раз превышает тех, которые расскажут это своим реальным друзьям [22].

Социальная адаптация педагогов в условиях цифровой образовательной среды

Деятельность по подготовке педагогических кадров должна осуществляться в том числе и в цифровой образовательной среде. При этом она не должна ограничиваться исключительно организацией процесса передачи информации, в ней могут быть сосредоточены инструменты для реализации общения, взаимодействия со студентами и их воспитания. «Система профессионального образования должна стать готовой массово обучать людей под задачи не только стабильного настоящего (которого уже нет), но и неожиданного будущего (принятия которого старшими поколениями пока часто нет)» [23, с. 56].

Ситуация 2020 г., безусловно, повлияла на укрепление позиций цифровой образовательной среды в системе образования. В этот период педагоги и преподаватели столкнулись с необходимостью адаптации к новым на тот момент условиям работы, которые включали в себя освоение новых информационных технологий, способов организации взаимодействия с обучающимися, поиск оптимальных средств для достижения педагогических целей.

Для нас особое значение приобретает рассмотрение адаптации как одной из сторон социализации, т. е. адаптации к взаимодействию, коммуникации, организации групповой работы учащихся в цифровой образовательной среде. Вместе с тем «успешность социально-психологической адаптации может оцениваться исходя из ряда факторов – способности человека к изменению собственных ценностных ориентаций и Я-концепции, умения находить баланс между своими ценностными ориентациями и социальной ролью, ориентации на универсальные, а не конкретные требования» [19, с. 86]. Согласно модели уровневой организации ценностных ориентаций личности и социальных общностей, разработанной М. С. Яницким, адаптация является ведущим процессом ценностного развития личности, обеспечивающим устранение тревоги посредством модификации ценностных ориентаций [24].

Таким образом, для эффективной социальной адаптации в цифровой среде педагогам и преподавателям в первую очередь необходимо принять на себя новую социальную роль – педагог / преподаватель цифровой образовательной среды.

Опираясь на понятие адаптации как одной из сторон социализации личности, мы предполагаем, что личность приобретает новый социальный опыт путем выработки устойчивых механизмов к воздействию изменяемых условий. В данном случае речь идет о приобретении социального опыта путем освоения новых способов коммуникации посредством современных технологий цифровой образовательной среды. Данный процесс описан понятием цифровой коммуникации или ИКТ-опосредованной образовательной коммуникации. Подробное описание указанного феномена представлено в трудах Т. Н. Носковой и др. Принципиальным отличием ИКТ-опосредованной образовательной коммуникации, по их мнению, является наличие синхронной и асинхронной коммуникации, что расширяет пространственно-временные границы коммуникативного взаимодействия. При этом увеличивается плотность развертывания коммуникативных актов, расширяется круг решаемых коммуникационных задач. В такой форме возможны различные виды образовательных действий, включающие консультирование, взаимодействие в рамках какого-либо проекта и даже сотрудничества в профессиональном сообществе, когда «социальные сервисы позволяют человеку по-новому решать задачи взаимодействия – с помощью "коллективного разума"» [2, с. 174]. Также авторы отмечают, что в цифровой среде порождается новый феномен – визуальная коммуникация. Под этим понятием подразумевается обмен информацией между участниками посредством визуальных образов: анимации, видеороликов, смайлов – всего, что позволяет передавать эмоциональное состояние. Вместе с тем «демонстрация эмоций, опосредованная какими-либо знаками, ... предполагает сначала их рефлексию и идентификацию, что, в свою очередь, существенно снижает импульсивность и оперативность эмоциональной реакции» [25, с. 163].

Кроме того, ученые выделяют три группы факторов, влияющих на цифровую коммуникацию: отражение образа партнера в разных типах цифровой коммуникации; алгоритмизация коммуникационных действий субъектов цифровой среды; накопление результатов (продуктов, следов) коммуникационной деятельности субъектов в цифровой среде [2]. В первом случае авторы пишут о специфике межсубъектной коммуникации в цифровой среде. Алгоритмизация коммуникации выражается в наличии последовательности коммуникативных действий, но в то же время гибкой, меняющейся в зависимости от коммуникативных задач. Образование следов коммуникации связано с их постоянной фиксацией в цифровой среде и ее доступностью для дальнейшей рефлексии.

Заключение

Выделено два принципиально важных направления в исследовании социализации обучающихся поколения Z, а также педагогических кадров иных поколений в условиях цифровизации образования: 1) создание условий и активизации процесса социализации в цифровой образовательной среде педагогов / преподавателей старшего поколения; 2) сокращение цифрового разрыва между ними и поколением Z за счет организации целенаправленной активной коммуникации в цифровой образовательной среде при решении педагогических задач. Необходимость «встречи» поколений в сети подтверждается результатами исследований, приведенными в данной статье. Более того, опираясь на одну из главных задач обучения и воспитания, заключающуюся в целенаправленном процессе развития

личности обучающегося, педагогам необходимо быть готовыми к переходу из реальной среды коммуникации в онлайн-среду, где они с большей вероятностью обнаружат какие-либо трудности у учащегося и смогут предотвратить критические ситуации.

Однако для науки остается ряд нерешенных вопросов. Например, как и на основе каких критериев определить границы развертывания коммуникативных актов в цифровой образовательной среде? Каким образом увеличить плотность взаимодействия с обучающимися в цифровой среде, не нарушив границы обучения и воспитания? Как педагогу сохранить объективность оценки действий и результатов учащихся при увеличении коммуникативных контактов в цифровой среде? Как научиться интерпретировать эмоциональный компонент в коммуникации с учеником? Обозначенные вопросы требуют отдельного рассмотрения в рамках психолого-педагогических исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Иванова С. В. Образовательное пространство и образовательная среда: в поисках отличий. *Ценности и смыслы*. 2015. № 6. С. 23–28.
Ivanova S. V. Education space and education milieu: in search of differences. *Tsennosti i smysly*, 2015, (6): 23–28. (In Russ.)
2. Носкова Т. Н., Фомин В. В., Павлова Т. Б., Куликова С. С., Яковлева О. В., Осочкин А. А., Тербушева Е. А. Методологические основания комплексного внедрения интеллектуальных информационных технологий в цифровой образовательной среде. *Интеллектуальные технологии в цифровой среде университета*, ред. Т. Н. Носкова. СПб.: Астерион, 2020. С. 106–236.
Noskova T. N., Fomin V. V., Pavlova T. B., Kulikova S. S., Yakovleva O. V., Osochkin A. A., Terbusheva E. A. Methodological foundations for the integrated implementation of intelligent information technologies in the digital educational environment. *Intelligent technologies in the digital environment of the university*, ed. Noskova T. N. St. Petersburg: Asterion, 2020, 106–236. (In Russ.)
3. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 2018, 9(3): 71–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
4. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд., стер. М.: Смысл, 2018. 375 с.
Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *The digital generation of Russia: competence and safety*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2018, 375. (In Russ.)

5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн. *Национальный психологический журнал*. 2016. № 2. С. 50–60. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0205>
Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Models of digital competence and online activities of Russian teenagers. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal*, 2016, (2): 50–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0205>
6. Марголис А. А. Деятельностный подход в педагогическом образовании. *Психологическая наука и образование*. 2021. Т. 26. № 3. С. 5–39. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260301>
Margolis A. A. Activity approach in teacher education. *Psychological Science and Education*, 2021, 26(3): 5–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260301>
7. Седых Е. П., Кутанов В. А. Об используемых подходах в образовании. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2021. Т. 1. № 4. С. 86–98. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2021-77-86-98>
Sedyh E. P., Kutanov V. A. Modern education systems and their particularities. *Domestic and foreign pedagogy*, 2021, 1(4): 86–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2021-77-86-98>
8. Павлова Т. Б. Изменения в функциональных компонентах деятельности преподавателя вуза в цифровой образовательной среде. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 6. № 6. С. 1081–1086. <https://doi.org/10.30853/ped20210138>
Pavlova T. B. Changes in the functional components of a university teacher's activity in the digital educational environment. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2021, 6(6): 1081–1086. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/ped20210138>
9. Баклашова Т. А. Педагогическое образование в период пандемии COVID-19: объединяя теорию и практику. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 5. С. 136–140. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.5.23>
Baklashova T. A. Pedagogical education during the COVID-19 pandemic: combining theory and practice. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2021, (5): 136–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2021.5.23>
10. Коршунова О. В., Береснева Л. Н. Мотивы выбора педагогической профессии и востребованные качества педагога: исследование представлений студентов вуза. *Перспективы науки и образования*. 2021. № 5. С. 154–177. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.11>
Korshunova O. V., Beresneva L. N. Motives for choosing a teaching profession and the qualities of teacher in demand: a study of university students' ideas. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 2021, (5): 154–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2021.5.11>
11. Неборский Е. В., Богуславский М. В., Ладыжец Н. С., Наумова Т. А. Изучение отношения студентов педагогических направлений подготовки к цифровой трансформации в вузе. *Перспективы науки и образования*. 2021. № 4. С. 94–107. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.4.6>
Neborsky E. V., Boguslavsky M. V., Ladyzhets N. S., Naumova T. A. Studying the attitude of students of pedagogical areas of preparation for digital transformation in a university. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 2021, (4): 94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2021.4.6>
12. Панкратова О. П., Конопко Е. А. Повышение квалификации педагогических кадров в условиях цифрового разрыва. *Стандарты и мониторинг в образовании*. 2020. Т. 8. № 3. С. 49–55. <https://doi.org/10.12737/1998-1740-2020-49-55>
Pankratova O. P., Konopko E. A. Continuing education of teachers in the digital divide. *Standards and Monitoring in Education*, 2020, 8(3): 49–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/1998-1740-2020-49-55>
13. Кузьмина Е. С. Влияние виртуального пространства на поколение Z. *Социальная реальность виртуального пространства: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21 сентября 2020 г.)* Иркутск: ИГУ, 2020. С. 37–40.
Kuzmina E. S. The influence of virtual space on generation Z. *Social reality of virtual space: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 21 Sep 2020*. Irkutsk: ISU, 2020, 37–40. (In Russ.)
14. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-1-108-120>
Dobrynskaya D. E., Martynenko T. S. Perspectives of the Russian information society: digital divide levels. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(1): 108–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-1-108-120>
15. Толстикова И. И., Игнатьева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации. *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2020. № 4. С. 103–115. <https://doi.org/10.17586/2587-8557-2020-4-103-115>
Tolstikova I. I., Ignatyeva O. A., Kondratenko K. S., Pletnev A. V. Digital behavior and personality traits of generation Z in global digitalization environment. *Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future*, 2020, (4): 103–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.17586/2587-8557-2020-4-103-115>
16. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв»). *Социологические исследования*. 2020. № 10. С. 158–164. <https://doi.org/10.31857/S013216250009459-7>
Dobrynskaya D. E., Martynenko T. S. Is digital equality possible? (on the book "The digital divide" by J. van Dijk). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, (10): 158–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009459-7>

17. Глухов А. П., Стаховская Ю. М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 59. С. 148–155. <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/14>
Glukhov A. P., Stakhovskaya Yu. M. The digital divide in the focus of intergenerational communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2021, (59): 148–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/14>
18. Андреева Г. М. Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 363 с.
Andreeva G. M. *Social psychology*. 5th ed. Moscow: Aspekt Press, 2014, 363. (In Russ.)
19. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии, под. ред. Т. Д. Марцинковской. М.-Обнинск: Социальные науки, 2010. 284 с.
Concepts of socialization and individualization in modern psychology, ed. Martsinkovskaya T. D. Moscow-Obninsk: Sotsialnye nauki, 2010, 284. (In Russ.)
20. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
Belinskaya E. P., Tikhomandritskaya O. A. *Social psychology of personality*. Moscow: Aspekt Press, 2001, 301. (In Russ.)
21. Appel M., Stiglbauer B., Batinic B., Holtz P. Internet use and verbal aggression: the moderating role of parents and peers. *Computers in Human Behavior*. 2014, 33: 235–241. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.01.007>
22. Солдатова Г. У., Олькина О. И. Кому мне открыться? Друг, виртуальный друг и знакомый: в чем между ними разница? *Дети в информационном обществе*. 2016. № 22. С. 28–35.
Soldatova G. U., Olkina O. I. Who should I open to? Friend, virtual friend, and acquaintance: what is the difference between them? *Deti v informatsionnom obshchestve*, 2016, (22): 28–35. (In Russ.)
23. Щербина Е. Ю., Кислов А. Г. К педагогике эпохи цифрового разрыва. *Профессиональное образование и рынок труда*. 2020. № 1. С. 49–59. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10105>
Shcherbina E. Y., Kislov A. G. To the pedagogy of the digital divide. *Vocational Education and Labor Market*, 2020, (1): 49–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10105>
24. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
25. Минюрова С. А., Басюк В. С., Брель Е. Ю., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Матвеева А. И. Эмоциональный интеллект субъектов образовательной среды в условиях цифровизации: обзор исследований. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 153–173. <https://doi.org/10.17223/17267080/82/9>
Miniurova S. A., Basyuk V. S., Brel E. Yu., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Matveeva A. I. Emotional intelligence of subjects of the educational environment amidst digitalization: review of studies. *Sibirskiy Psihologicheskij Zhurnal*, 2021, (82): 153–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/82/9>

оригинальная статья

Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи

Федотова Вера Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь), Россия, г. Пермь

<https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>

vera_goldyreva@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021. Принята после рецензирования 24.01.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Ведущими российскими и зарубежными учеными неоднократно было отмечено снижение общественного доверия к правительству, большинству политических учреждений. Цель – изучить феномен политического доверия и готовности к политическому поведению в аспекте ценностных ориентаций у российской молодежи. Была проведена диагностика молодого поколения россиян, проживающих в разных регионах Российской Федерации, в возрасте от 18 до 34 лет ($n=291$). В качестве методического инструментария были использованы шкалы политического доверия (О. А. Гулевич, И. Р. Сариева) и готовности участвовать в политической активности (S. Pattyn et al., J. Van Assche et al.), методика измерения индивидуальных ценностей PVQ-R (Ш. Шварц и др.). Установлено: у представителей российской молодежи наблюдается склонность к социальному цинизму, нежели к политическому доверию; ценности общественной безопасности и универсализма повышают стремление к участию в уличных акциях, в работе политических партий и побуждают участвовать в подписании коллективных обращений и голосовании на выборах. Наиболее сильное влияние на доверие к власти оказывают ценности репутации и благожелательности.

Ключевые слова: индивидуальные ценности, доверие к власти, политическая система, политический цинизм, политическая активность, российская молодежь

Цитирование: Федотова В. А. Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 99–105. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-99-105>

original article

Values as a Predictor of Political Trust and Readiness for Political Behavior among Russian Youth

Vera A. Fedotova

National Research University Higher School of Economics (Perm), Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>

vera_goldyreva@mail.ru

Received 2 Dec 2021. Accepted after peer review 24 Jan 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: Russian and foreign scientists have repeatedly noted a decline in public confidence in the government and most political institutions. This article studies the phenomenon of political trust and readiness for political behavior in terms of value orientations among Russian youth. The study carried out diagnostics of the young generation of Russians living in different regions of the Russian Federation, aged 18 to 34 years ($n=291$). The following were used as methodological tools: scales of political trust (O. A. Gulevich, I. R. Sariyeva, 2020); the scale of readiness to participate in political activity (S. Pattyn et al., 2012; J. Van Assche et al., 2018, 2019) and the PVQ-R method for measuring individual values (Schwartz et al., 2012). It was noted that the representatives of Russian youth have a tendency towards social cynicism rather than political trust. It was found that the values of public safety and universalism increase the desire to take part in street actions, in the work of political parties, and encourage participation in signing collective petitions and voting in elections. The values of reputation and benevolence have the strongest influence on trust in authority.

Keywords: individual values, political trust, political system, political cynicism, political activity, Russian youth

Citation: Fedotova V. A. Values as a Predictor of Political Trust and Readiness for Political Behavior among Russian Youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 99–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-99-105>

Введение

Доверие становится предметом изучения в различных областях знания: от социологии и психологии до экологического руководства и управления природными ресурсами [1; 2]. На сегодняшний день появилось много концептуальных подходов к изучению феномена доверия и подходов к исследованию его составляющих [3].

Политическое доверие относится к доверию, которое граждане испытывают к политическим институтам, включая парламенты, президента, суды, политические партии и полицию. Однако четко и лаконично определить политическое доверие достаточно сложно. Одна из причин заключается в расхождении между тем, что доверие означает для политологов, и тем, что оно означает для политических психологов. Политологи обычно рассматривают доверие и уверенность как синонимы, определяя политическое доверие как доверие граждан к политическим институтам. Таким образом, для политологов наличие политического доверия означает, что граждане чувствуют, что их собственные интересы будут учтены, даже если власти будут подвергаться незначительному контролю или проверке. Напротив, политические психологи склонны считать доверие и уверенность отличными друг от друга понятиями. Для них политическое доверие – это аффективное отношение, относительно устойчивый набор чувств и эмоций, который люди принимают в условиях ограниченности информации.

Как отмечают зарубежные ученые, участие молодежи в политической жизни давно вызывает тревогу. Низкий интерес к политическим процессам и отсутствие знаний о них, низкий уровень доверия к политикам и растущий цинизм относительно демократических институтов часто рассматриваются как индикаторы снижения гражданской ответственности и политической активности у представителей молодого поколения [4–6]. Эта точка зрения обычно подкрепляется указанием на низкий или снижающийся уровень участия в традиционных способах политического участия, таких как голосование и вступление в политические партии.

Тем не менее недавние исследования продемонстрировали ошибочность мнения, что молодые люди не интересуются политикой. Напротив, их все больше беспокоят политические вопросы [7; 8]. На основе интервью, фокус-групп и опросов, проведенных с молодыми людьми в семи европейских странах, установлено, что молодые люди выражают свои предпочтения и интересы, а некоторые из них даже более активны, чем взрослые. Молодые люди склонны выбирать новые формы политического участия [9]. Существенно изменился характер политических действий: они стали более индивидуализированными, ситуативными,

конкретными и менее связанными с традиционными расколами в обществе. Благодаря новым формам политического участия молодые люди могут почувствовать, что они влияют на политические решения [5]. Эти изменения в способах политического участия связаны с новым восприятием гражданства. Модели социализации современных молодых людей значительно отличаются от поколений их родителей, на них повлияли процессы глобализации, индивидуализации, а также потребления и конкуренции [10].

Исследование взаимосвязи ценностной сферы молодежи с доверием к политической власти является чрезвычайно актуальным на сегодняшний день. Во-первых, многими ведущими отечественными и зарубежными психологами, социологами и политологами было обнаружено серьезное снижение общественного доверия к правительству и большинству политических учреждений в современных развитых странах, в том числе и в России. Серьезность данной проблемы трудно переоценить, т. к. доверие – фундаментальное условие взаимодействия человека с миром [11], и очевидно, что его отсутствие в обществе является препятствием на пути к социально-экономическому благополучию страны, приводя к опасным и деструктивным социальным конфликтам. Во-вторых, на сегодняшний день многие ученые и исследовательские центры, такие как ВЦИОМ, Фонд Общественного Мнения и др., регулярно меряют рейтинги уровня доверия / недоверия к политикам и различным структурам.

Термины *политическое доверие* и *политический цинизм* чаще используются при описании отношения к людям, которые занимаются политической деятельностью, чем к политическим институтам [12]. Основной возникающий в науке вопрос – это соотношение между политическим цинизмом и политическим доверием. Существует две точки зрения относительно данного соотношения. Сторонники одной считают, что политический цинизм является противоположностью политического доверия [13]. Вторая группа исследователей проводит различие между политическим доверием и политическим цинизмом. Они ссылаются на то, что в эмпирических исследованиях политическое доверие и политический цинизм образуют разные факторы [14]. Политическое доверие определяется как когнитивный феномен, связанный с приписыванием политикам позитивных качеств, в основе которого лежит оценка эффективности существующей политической системы [15; 16].

Цель представленного исследования заключается в изучении феномена политического доверия и готовности к политическому поведению в аспекте ценностных ориентаций у российской молодежи.

Методы

Методики исследования

1. Шкала политического доверия [12]. Респондентам необходимо отметить, насколько они доверяют каждому институту по 5-бальной шкале: от 1 (совсем не доверяю) до 5 (полностью доверяю). Шкала включает в себя шесть политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство, парламент и президента.

2. Шкала готовности участвовать в политической активности [14–16]. Респондентам необходимо отметить, насколько они готовы участвовать в формах политической активности по 5-бальной шкале: от 1 (совсем не готов) до 5 (полностью готов). Оценка эффективности политического поведения измеряется с помощью опросника, который включает в себя шесть форм политических действий: голосование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику (письмо, выступление в СМИ, личная встреча); личное обращение к президенту (письмо, выступление в СМИ); участие в работе политических партий; участие в уличных акциях (демонстрациях, пикетах, маршах, митингах).

3. Методика измерения индивидуальных ценностей PVQ-R [17]. Данная методика содержит 57 вопросов, позволяющих оценить степень выраженности 19 ценностей. Ценности респондентов выводятся из имплицитных ценностей людей, которых они считают похожими на себя. Шкала ответов содержит 6 альтернатив: 0 – совсем не похож на меня, 1 – не похож на меня, 2 – мало похож на меня, 3 – немного похож на меня, 4 – похож на меня, 5 – очень похож на меня.

Респонденты

В исследовании была проведена диагностика молодого поколения россиян, проживающих в разных регионах РФ,

в возрасте от 18 до 34 лет. В качестве основы классификации поколений [18] был выбран подход социолога Ю. А. Левады и психологов Е. М. Шамис и А. Антипова. В выборку вошли 142 мужчины и 149 женщин (n=291) из разных городов РФ: Пермь, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород – и сельской местности. В распространении опросников оказали содействие информационные порталы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), НИУ ВШЭ – Пермь, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. В выборку молодого поколения россиян вошли также студенты российских вузов, в том числе Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера; Пермского государственного национального исследовательского университета; Пермской государственной фармацевтической академии. Студенты Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга заполняли онлайн-анкету, которая была распространена через отделы по работе со студентами вышеуказанных университетов и группы в социальных сетях.

Результаты

На первом этапе исследования были проанализированы политическое доверие и готовность к политическому поведению у современной российской молодежи (табл. 1). Выявлен достаточно низкий уровень доверия к власти. При этом самый низкий уровень доверия среди молодежи – к правительству и президенту, а относительно высокий – к судебной власти. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня.

На следующем этапе были проанализированы ценности респондентов (табл. 2). В структуре ценностей молодых

Табл. 1. Политическое доверие и готовность к политическому поведению у молодежи

Tab. 1. Political trust and readiness for political behavior among young people

Шкалы	Мин	Макс	Ср. зн.	Ст. откл.
Уровень доверия к власти (Альфа Кронбаха – 0,877)	1,00	4,20	2,06	0,83
К армии	1,00	5,00	2,21	1,16
К судебной системе	1,00	5,00	2,38	1,04
К политической системе	1,00	4,00	1,93	0,90
К правительству	1,00	4,00	1,93	0,95
К президенту	1,00	4,00	1,84	1,02
Готовность к политическому поведению (Альфа Кронбаха – 0,836)	1,00	5,00	2,90	0,99
Голосование на выборах	1,00	5,00	3,8	1,37
Подписание коллективных обращений	1,00	5,00	3,65	1,33
Личное обращение к политику	1,00	5,00	2,66	1,33
Личное обращение к президенту	1,00	5,00	2,33	1,34
Участие в работе политических партий	1,00	5,00	2,33	1,28
Участие в уличных акциях	1,00	5,00	2,61	1,37

российских респондентов преобладают ценности *самостоятельность: поступки*, *самостоятельность: мысли*, *гедонизм*, *власть: ресурсы*. Менее важны ценности *традиции* и *универсализм: забота о других*.

На завершающем этапе исследования была выявлена взаимосвязь между доверием к власти, готовностью к политическому поведению и ценностями (табл. 3). Общий уровень доверия к власти положительно связан с ценностями *власти* и *репутации*, а отрицательно – с *благожелательностью*. Готовность к политическому поведению положительно связана с ценностями безопасности и универсализма, отрицательно – со *скромностью* и *благожелательностью: заботой о других*.

Регрессионный анализ был проведен для выявления влияния ценностей на готовность к политическому поведению (табл. 4) и на доверие к власти (табл. 5). Ценности *общественной безопасности* и *универсализма* повышают готовность к политическому поведению. В то же время *скромность* может снижать стремление принимать участие

в различных формах политической активности. Наиболее сильное влияние на доверие к власти оказывают такие ценности, как *репутация*, *универсализм: толерантность* и *благожелательность: чувство долга*.

Табл. 3. Взаимосвязь между доверием к власти, готовностью к политическому поведению и ценностями: результаты корреляционного анализа

Tab. 3. The relationship between trust in power, readiness for political behavior and values: results of a correlation analysis

Ценности	Общий уровень доверия	Готовность к политическому поведению
Безопасность: общественная	-0,88	0,238*
Универсализм: забота о других	0,164	0,284**
Власть: доминирование	0,229*	0,076
Скромность	0,135	-0,211*
Универсализм: забота о природе	0,110	0,114
Репутация	0,273*	0,155
Благожелательность: забота о других	0,246*	-0,275**
Власть: ресурсы	0,247*	0,21
Универсализм: толерантность	0,026*	-0,03
Конформизм: правила	0,243*	-0,18
Благожелательность: чувство долга	-0,27**	-0,02

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Табл. 4. Влияние ценностей на готовность к политическому поведению: результаты регрессионного анализа

Tab. 4. The impact of values on readiness for political behavior: results of regression analysis

Зависимые переменные	Готовность к политическому поведению	R ²	F
Безопасность: общественная	0,057	0,176	5,292*
Универсализм: забота о других	0,080	0,286	7,703**
Скромность	0,045	-0,240	4,109*
Благожелательность: забота	0,076	-0,217	7,209**

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Табл. 2. Ценности российской молодежи

Tab. 2. Values of young Russians

Ценности	Мин	Макс	Ср. зн.	Ст. откл.
Самостоятельность поступков	4,00	5,00	4,50	0,502
Безопасность: общественная	2,00	5,00	4,15	0,733
Гедонизм	3,00	5,00	4,48	0,640
Конформизм: межличностный	2,00	5,00	4,01	0,893
Универсализм: забота о других	1,00	5,00	3,68	1,001
Власть: доминирование	1,00	5,00	3,16	1,093
Скромность	1,00	5,00	3,60	1,129
Универсализм: забота о природе	1,00	5,00	4,17	0,989
Репутация	1,00	5,00	3,74	1,127
Стимуляция	1,00	5,00	3,97	0,982
Благожелательность: забота о других	1,00	5,00	4,46	0,781
Власть: ресурсы	3,00	5,00	4,58	0,597
Безопасность: личная	2,00	5,00	4,26	0,790
Универсализм: толерантность	1,00	5,00	4,32	1,036
Конформизм: правила	1,00	5,00	3,65	1,029
Самостоятельность: мысли	2,00	5,00	4,47	0,674
Достижение	1,00	5,00	4,35	1,052
Традиции	1,00	5,00	2,67	1,322
Благожелательность: чувство долга	3,00	5,00	4,43	0,719

Табл. 5. Влияние ценностей на доверие к власти: результаты регрессионного анализа
 Tab. 5. The impact of values on trust in power: results of regression analysis

Зависимые переменные	Общий уровень доверия к власти	R ²	F
Власть: доминирование	0,298	0,052	4,865*
Репутация	0,367	0,074	7,082**
Благожелательность: забота	0,202	0,047	4,355*
Власть: ресурсы	-0,175	0,061	5,668**
Универсализм: толерантность	0,333	0,073	6,887**
Конформизм: правила	0,298	0,059	5,507*
Благожелательность: чувство долга	0,237	0,076	7,282**

Прим.: * – p<0,05; ** – p<0,01.

Обсуждение

Ученые неоднократно отмечали снижение общественного доверия к правительству и большинству политических учреждений, в том числе и в России. Низкий уровень доверия может в итоге привести к опасным и деструктивным конфликтам.

В ходе исследования установлено, что представители российской молодежи готовы к подписанию коллективных обращений, однако в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий и лично обращаться к президенту. Как было отмечено в более ранних исследованиях, политический цинизм связан с оценкой экономического состояния общества и обеспокоенностью граждан уровнем преступности. Кроме того, он связан с оценкой намерений и действий конкретных политиков, а также с исходом голосования на политических выборах. В целом негативное отношение к политикам может стать результатом негативной оценки состояния общества или негативного отношения к конкретным политическим деятелям [14]. К тому же политический цинизм связан с более низкой политической эффективностью. Чем циничнее люди относятся к политикам, тем меньше они верят в то, что «обычные» граждане могут повлиять на исход политических выборов [19–21] или процессы, которые происходят в стране в целом [14; 22]. Результаты нашего исследования продемонстрировали, что представители российской молодежи более склонны к социальному цинизму, чем к политическому доверию.

В ходе исследования была определена ценностная структура современной российской молодежи. Для молодых

россиян, которые принимали участие в нашем исследовании, важно расширять свой кругозор, открыто выражать свою точку зрения, хорошо проводить время и наслаждаться удовольствиями, которые предоставляет им жизнь, при этом им важно иметь достаточно денег, чтобы защищать свои интересы. Следует отметить, что ценности власти и традиции менее важны для молодых респондентов. Они не склонны следовать семейным обычаям или религиозным обычаям и поддерживать традиционные ценности и взгляды на мир. Наличие власти не является приоритетом для представителей российской молодежи. Стоит отметить, что результаты нашей работы согласуются с ранее проведенными исследованиями, в которых выявлено, что для молодых респондентов важно искать разнообразие в деятельности, получать опыт, важен азарт, даже сопряженный с риском. Высокие показатели по ценностям *гедонизм* и *достижение* свидетельствуют о необходимости быть успешным и оцененным в полной мере по заслугам и достижениям, с другой же стороны, респонденты нацелены на получение удовольствий, которые дает им жизнь. Приятный досуг занимает лидирующее место в списке доминирующих ценностей [23; 24].

Результаты корреляционного анализа позволили сделать вывод, что общий уровень доверия к власти положительно связан с ценностями *власти* и *репутации*, а отрицательно – с *благожелательностью*. Готовность к политическому поведению, в свою очередь, положительно связана с ценностями *безопасности* и *универсализма*, отрицательно – со *скромностью* и *благожелательностью: заботой о других*. Другими словами, молодые респонденты, для которых важен порядок в обществе, которые стремятся защищать слабых и уязвимых людей в обществе, хотя, чтобы каждый человек в мире имел равные возможности в жизни, готовы принимать участие в различных формах политической активности.

Установлено, что ценности общественной безопасности и универсализма повышают готовность к политическому поведению. Молодые люди, для которых важны порядок в обществе, возможность защищать слабых и уязвимых людей, проявляют стремление к участию в уличных акциях, в работе политических партий, к участию в подписании коллективных обращений и голосовании на выборах. В то же время скромность может снижать стремление принимать участие в различных формах политической активности.

Анализ результатов регрессионного анализа показал, что наиболее сильное влияние на доверие к власти оказывают такие ценности, как *репутация*, *универсализм: толерантность* и *благожелательность: чувство долга*. Другими словами, терпимость к самым разным людям и группам, стремление быть надежным и заслуживающим доверия другом повышают уровень доверия к власти. Ценность материальных благ отрицательно влияет на формирование доверия к власти.

Заключение

Система молодежных ценностей особенно динамична в силу изменчивости окружающей их социальной среды, под влиянием которой и возникают ценностные установки, к тому же сама возрастная группа подвержена взрослению. Одно поколение молодежи сменяет другое, соответственно этому меняется и набор ценностей, жизненных ориентиров, установок, отношение к власти, уровень доверия к ней. Новая волна интереса к взглядам и политическим предпочтениям российской молодежи началась после всероссийских протестов 2017 г. и продолжается по сей день, оставаясь при этом актуальной и мало исследованной темой. Установлено, что у молодых респондентов достаточно низкий уровень доверия к власти, самый низкий уровень доверия – к правительству и президенту, а относительно высокий – к судебной власти. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня, что свидетельствует о том, что представители российской молодежи готовы к подписанию коллективных обращений, однако в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий и лично обращаться к президенту. В ходе проведения регрессионного анализа было установлено, что ценности общественной безопасности и универсализма повышают стремление к участию в уличных акциях, в работе политических партий и побуждают участвовать в подписании коллективных обращений и голосовании на выборах. Наиболее сильное влияние на доверие к власти оказывают ценности репутации и благожелательности.

Следует отметить, что ценность благожелательности оказывает влияние и на готовность к политическому поведению – отрицательно, и на общий уровень доверия к власти – положительно. Стремление заботиться о близких людях и помогать дорогим людям повышает уровень доверия к власти, при этом снижает возможность участия в любых формах политической активности. Результаты данного исследования могут послужить основой для разработки рекомендаций в области формирования политического доверия у российской молодежи.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32249 «Политическое доверие и готовность к политическому поведению у молодежи: роль ценностей и идентичности».

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-32249 "Political trust and readiness for political behavior among young people: the role of values and identity".

Литература / References

- Coleman K., Stern M. J. Exploring the functions of different forms of trust in collaborative natural resource management. *Society & Natural Resources*, 2018, 31(1): 21–38. <https://doi.org/10.1080/08941920.2017.1364452>
- Vaske J. J., Absher J. D., Bright A. D. Salient value similarity, social trust and attitudes toward wildland fire management strategies. *Human Ecology Review*, 2007, 14(2): 217–226.
- Stern M. J., Coleman K. J. The multidimensionality of trust: applications in collaborative natural resource management. *Society & Natural Resources*, 2015, 28(2): 117–132. <https://doi.org/10.1080/08941920.2014.945062>
- Haste H., Hogan A. Beyond conventional civic participation, beyond the moral-political divide: young people and contemporary debates about citizenship. *Journal of Moral Education*, 2006, 35(4): 473–493. <https://doi.org/10.1080/03057240601012238>
- Dalton R. J. Citizenship norms and the expansion of political participation. *Political Studies*, 2008, 56(1): 76–98. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x>
- Stoker G. Explaining political disenchantment: finding pathways to democratic renewal. *The Political Quarterly*, 2006, 77(2): 184–194. <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.2006.00761.x>
- O'Toole T., Marsh D., Jones S. Political literacy cuts both ways: the politics of non-participation among young people. *The Political Quarterly*, 2003, 74(3): 349–360. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.00544>
- Sloam J. 'Voice and equality': young people's politics in the European Union. *West European Politics*, 2013, 36(4): 836–858. <https://doi.org/10.1080/01402382.2012.749652>
- Furlong A., Cartmel G. Social change and political engagement among young people: generation and the 2009/2010 British election survey. *Parliamentary Affairs*, 2011, 65(1): 13–28. <https://doi.org/10.1093/pa/gsr045>
- Kestilä-Kekkonen E. Anti-party sentiment among young adults: evidence from fourteen West European countries. *Young*, 2009, 17(2): 145–165. <https://doi.org/10.1177/110330880901700203>
- Скрипкина Т. П. Система доверительных отношений как условие развития субъектности в онтогенезе. *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 2. С. 39–49.
Skripkina T. P. System of trust relationships as a condition for subjectivity' development in ontogenesis. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2013, 34(2): 39–49. (In Russ.)

12. Гулевич О. А., Сариева И. Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины. *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 2. С. 74–92. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>
Gulevich O. A., Sariyeva I. R. Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine. *Social Psychology and Society*, 2020, 11(2): 74–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>
13. Dekker H., Meijerink F. Political cynicism: conceptualization, operationalization, and explanation. *Politics. Culture and Society*, 2012, 3(1/2): 33–48.
14. Pattyn S., Van Hiel A., Dhont K., Onraet E. Stripping the political cynic: a psychological exploration of the concept of political cynicism. *European Journal of Personality*, 2012, 26(6): 566–579. <https://doi.org/10.1002/per.858>
15. Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A. Ethnic diversity and support for populist parties. The "right" road through political cynicism and lack of trust. *Social Psychology*, 2018, 49(3): 182–189. <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000340>
16. Van Assche J., Van Hiel A., Dhont K., Roets A. Broadening the individual differences lens on party support and voting behavior: cynicism and prejudice as relevant attitudes referring to modern-day political alignments. *European Journal of Social Psychology*, 2019, 49(1): 190–199. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2377>
17. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2012, 9(2): 43–70. (In Russ.)
18. Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и Менеджмент»*. 2014. Т. 8. № 1. С. 108–114.
Astashova Y. V. Generation theory in marketing. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2014, 8(1): 108–114. (In Russ.)
19. Pinkleton B. E., Austin E. W. Individual motivations, perceived media importance, and political disaffection. *Political Communication*, 2001, 18(3): 321–334. <https://doi.org/10.1080/10584600152400365>
20. Pinkleton B. E., Um N.-H., Austin E. W. An exploration of the effects of negative political advertising on political decision making. *Journal of Advertising*, 2002, 31(1): 13–25. <https://doi.org/10.1080/00913367.2002.10673657>
21. Yamamoto M., Kushin M. J., Dalisay F. Social media and political disengagement among young adults: a moderated mediation model of cynicism, efficacy, and social media use on apathy. *Mass Communication and Society*, 2017, 20(2): 149–168. <https://doi.org/10.1080/15205436.2016.1224352>
22. Heiss R., Matthes J. Mobilizing for some: the effects of politicians' participatory Facebook posts on young people's political efficacy. *Journal of Media Psychology*, 2016, 28(3): 123–135. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000199>
23. Федотова В. А. Влияние ценностных ориентаций и экономического благополучия россиян на установки по отношению к здоровью. *Общественные науки и современность*. 2020. № 1. С. 22–38. <https://doi.org/10.31857/S086904990008509-1>
Fedotova V. A. The impact of value orientations and economic well-being of Russian citizens on attitudes towards health. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2020, (1): 22–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086904990008509-1>
24. Федотова В. А. Детерминанты жизнестойкости у трех поколений современной России. *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17. № 1. С. 74–91. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.6>
Fedotova V. A. Determinants of hardiness among representatives of three generations in modern Russia. *Russian Psychological Journal*, 2020, 17(1): 74–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.6>

оригинальная статья

Динамика баланса стресс-восстановления спортсменок-фигуристок в условиях реализации индивидуальных программ психологического сопровождения

Цехмейструк Екатерина Александровна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<http://orcid.org/0000-0002-5808-2622>
mea2887@mail.ru

Шалина Наталья Константиновна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-2123-7168>

Козлова Наталья Викторовна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<http://orcid.org/0000-0002-0109-6361>

Левицкая Татьяна Евгеньевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<http://orcid.org/0000-0001-6586-3075>

Поступила в редакцию 23.01.2022. Принята после рецензирования 18.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Показана динамика баланса стресс-восстановления фигуристок в условиях реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения. В исследовании приняли участие фигуристки 14–15 лет: спортсменки экспериментальной группы (n=15) в течение трех недель проходили индивидуально сформированные программы психологического сопровождения, в контрольной группе (n=15) направленное психологическое сопровождение не реализовывалось. Диагностический инструментальный представлен опросником «Стресс-восстановление» для спортсменов (Е. Ю. Ковбас, 2015). Спортсменки имеют трудности с ожиданиями относительно спортивной подготовки и успехов в спорте, недостаточное использование психологических навыков при подготовке к спортивной нагрузке и снижение качества сна. Данные позиции рассматривались как мишени психологического воздействия, в соответствии с которыми были разработаны индивидуальные программы психологического сопровождения. После их реализации выявлена положительная динамика баланса стресс-восстановления фигуристок: повышение уровня общего и спортивного восстановления, более высокие показатели восстановления и менее выраженные показатели стресса. Произошло смещение баланса стресс-восстановления в сторону восстановления.

Ключевые слова: стресс, восстановление, спортсменки, фигурное катание, психологическое сопровождение, динамика

Цитирование: Цехмейструк Е. А., Шалина Н. К., Козлова Н. В., Левицкая Т. Е. Динамика баланса стресс-восстановления спортсменок-фигуристок в условиях реализации индивидуальных программ психологического сопровождения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 106–112. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-106-112>

original article

Dynamics of the Stress-Recovery Balance of Figure Skaters in the Context of Individual Psychological Support Programmes

Ekaterina A. Tsheimestruk
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<http://orcid.org/0000-0002-5808-2622>
mea2887@mail.ru

Natalya K. Shalina
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-2123-7168>

Natalya V. Kozlova
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<http://orcid.org/0000-0002-0109-6361>

Tatyana E. Levickaya
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<http://orcid.org/0000-0001-6586-3075>

Received 23 Jan 2022. Accepted after peer review 18 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: The article shows the dynamics of the stress-recovery balance of skaters in the context of individual psychological support programs. The study followed figure skaters 14–15 years old: athletes of the experimental group (n=15) underwent

individually formed psychological support programs for three weeks, in the control group (n=15) directed psychological support was not implemented. The diagnostic tool is presented by "Stress recovery" questionnaire for athletes (E. Y. Kovbas, 2015). It was revealed that female athletes have difficulties with expectations regarding sports training and success in sports, insufficient use of psychological skills in preparing for a sports load and a decrease in the quality of sleep. these positions were considered as targets of psychological influence, in accordance with which individual programs of psychological support were developed. Following the implementation of the programmes, a positive trend was observed in the balance of stress and recovery of skaters: the level of general and sporting recovery is increasing. The pilot group showed higher recovery rates and lower stress indicators. According to the results of the implementation of individually formed programs of psychological support, there was a shift in the balance of stress-recovery towards recovery.

Keywords: stress, recovery, female athletes, figure skating, psychological support, dynamics

Citation: Tsehmeistruk E. A., Shalina N. K., Kozlova N. V., Levickaya T. E. Dynamics of the Stress-Recovery Balance of Figure Skaters in the Context of Individual Psychological Support Programmes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 106–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-106-112>

Введение

Спортивная деятельность, насыщенная стрессовыми воздействиями, в значительной степени отражается не только на физическом состоянии спортсмена, но и на психологических характеристиках. Усталость, травмы, негативные последствия спортивного стресса сказываются на функционировании многих систем организма [1]. Избежать ухудшения состояния и выраженных негативных проявлений стресса позволяет включение в систему сопровождения на всех этапах тренировочного цикла психологических методов восстановления. Данное утверждение также актуализирует исследование, указывающее на взаимосвязь уровня восстановления и качества жизни спортсменов различных видов спорта и спортивного стажа [2].

Вместе с тем отмечается, что особенности проявления и влияния стресса на организм и психологическое состояние спортсменов изучены достаточно широко и подробно, в то время как аспекты восстановления привлекли внимание исследователей не так давно [3]. Поэтому существует необходимость изучения особенностей данных процессов у спортсменов и выявления возможностей применения и внедрения в существующие программы сопровождения тех или иных методов психологического восстановления.

Современные исследования [4–6] показывают, что создание сбалансированного соотношения получаемых спортсменом нагрузок и процесса восстановления после них оказывает значительное влияние как на физическое, так и на психологическое состояние спортсменов. Недостаточное восстановление может привести к выгоранию, снижать качество жизни, являться причиной формирования синдрома перетренированности [7–10]. Баланс имеет решающее значение в физиологии стресса, как в статике, так и в динамике. Следовательно, чтобы обеспечить максимальную и постоянно стабильную производительность, факторы стресса должны регулироваться конкретными стратегиями восстановления [11].

Восстановление является социальным и индивидуальным многоуровневым (психологический, физиологический,

социальный) процессом, который направлен на возвращение способности к выполнению необходимых функций [12–14]. Так как процесс включает не только физиологический, но и психологический компонент, необходимо проведение восстановительных мероприятий, которые будут направлены именно на данный компонент.

Таким образом, цель исследования в рамках работы видится в выявлении динамики баланса стресс-восстановления спортсменов-фигуристок в условиях реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения.

Методы

В исследовании участвовали 30 спортсменок ДЮСШ № 4 (г. Томск), занимающихся фигурным катанием. Все участницы имеют от 3 до 1 спортивного разряда. Средний спортивный стаж участниц составил 8,4 года. Средний возраст – 14 лет. Исследование проводилось на подготовительном и предсоревновательном этапе подготовки спортсменок. Методом рандомизации спортсменки были разделены на экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы. Участницы ЭГ (n=15; средний возраст – 14,46±0,55; средний спортивный стаж – 8,4±2,04) в течение трех недель проходили индивидуально сформированные программы психологического сопровождения. В КГ (n=15; средний возраст – 14,09±1,1; средний спортивный стаж – 7,8±2,64) направленное психологическое сопровождение не реализовывалось.

Сбор эмпирической информации осуществлялся при помощи опросника «Стресс-восстановление» для спортсменов – Recovery-Stress Questionnaire for Athletes [15] в адаптации Е. Ю. Ковбас (2015) [16]. Данный опросник используется для определения потенциальной возможности возникновения состояния перетренированности на основании оценки состояния стресса и возможности восстановления у спортсменов. Опросник состоит из 19 шкал, 7 из которых – специфически спортивные. Все шкалы

объединяются в 4 основных критерия: общий стресс, общее восстановление, спортивный стресс, спортивное восстановление.

По результату входной психологической диагностики были выявлены мишени психологического сопровождения, определяемые низкими значениями, полученными по отдельным шкалам опросника, и низким / средним уровнем общего и спортивного восстановления у спортсменов-фигуристок. На основе анализа входной диагностики были определены индивидуальные программы психологического сопровождения, содержание которых обуславливалось коррекционными методами и техниками психологического воздействия, соответствующими выделенным мишеням работы.

Динамика исследуемых характеристик рассматривалась на основе сравнения результатов, полученных до проведения индивидуально сформированных программ психологического сопровождения и после них. Сравнение результатов ЭГ и КГ проводилось с целью оценки эффективности психологического сопровождения.

Проверка нормальности распределения данных с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показала, что большинство изучаемых характеристик не имеют нормального распределения, поэтому для оценки статистически значимых различий использовались U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок и T-критерий Вилкоксона для зависимых выборок. Данные представлены в виде средних значений \pm стандартное отклонение ($M \pm SD$). Для описания качественных данных используются частоты (в %) встречаемости признака в выборке. Вся статистическая обработка проводилась в программе Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение

Результаты входной диагностики показали, что подавляющее большинство спортсменов имеют высокий (53,3 %; 8 спортсменов) и средний (46,7 %; 7 спортсменов) уровень общего восстановления и высокий (40 %; 6 спортсменов) и средний (60 %; 9 спортсменов) уровень спортивного восстановления.

Для определения мишеней при составлении программы был проведен анализ шкал, входящих в параметры общего и спортивного восстановления. В табл. 1 отражены шкалы, по которым спортсменки имеют низкие значения, что указывает на содержание проблем восстановления. Границы значений (баллы) соответствуют следующим уровням выраженности: низкий (0–2 балла), средний (2–4), высокий (4–6). Уровень общего ($1,78 \pm 0,97$) и спортивного ($1,59 \pm 0,69$) стресса находился в низких значениях. Недостаточное восстановление определяется шкалами *успех*, *качество сна*, *личные достижения*, *самоэффективность* и *саморегуляция*. Соответственно, спортсменки-фигуристки имеют трудности с ожиданиями в отношении оптимальной спортивной подготовки и личными спортивными достижениями, ощущением успешности в спорте и снижением использования психологических навыков при подготовке к нагрузке. Это может приводить к возникновению тревожных состояний и негативно сказываться на качестве сна [17].

Данные позиции рассматривались как мишени психологического воздействия, в соответствии с которыми в программу психологического сопровождения были включены идеомоторная тренировка, прогрессивная мышечная релаксация, техника *дневник достижений*, индивидуальное консультирование (работа с ожиданиями, образом

Табл. 1. Распределение респондентов ЭГ по уровню выраженности шкал общего восстановления

Tab. 1. Distribution of respondents by the level of severity of the scales of general recovery

Показатель ($M \pm SD$)	Шкала ($M \pm SD$)	Уровень	Кол-во человек	% от общей выборки
Общее восстановление ($3,91 \pm 0,78$)	Успех ($3,73 \pm 0,91$)	Низкий	1	6,67
		Средний	10	66,67
		Высокий	4	26,67
	Качество сна ($3,45 \pm 1,22$)	Низкий	2	13,3
		Средний	8	53,3
		Высокий	5	33,3
Спортивное восстановление ($3,93 \pm 1,01$)	Личные достижения ($3,92 \pm 1,23$)	Низкий	1	6,67
		Средний	7	46,67
		Высокий	7	46,67
	Самоэффективность ($3,52 \pm 1,64$)	Низкий	2	13,3
		Средний	8	53,3
		Высокий	5	33,3
	Саморегуляция ($3,82 \pm 1,29$)	Низкий	1	6,67
		Средний	8	53,3
		Высокий	6	40

готовности, самооценкой), дыхательные упражнения, корректировка режима дня [3; 10; 18–22]. Частота и длительность психологических восстановительных мероприятий определялись индивидуально.

После реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения была выявлена статистически значимая положительная динамика баланса стресс-восстановления в группе спортсменок по шкалам *успех, физическое восстановление, общее самочувствие, качество сна, личные достижения, самоэффективность, саморегуляция, общее восстановление, спортивное восстановление* по T-критерию Вилкоксона (Z) (табл. 2). Полученные данные свидетельствуют об увеличении уровня восстановления в целом и улучшении его качественных характеристик в частности. Стоит отметить, что позитивные сдвиги выявлены не только по шкалам, определившим мишени психологических воздействий. Вероятно, работа с ожиданиями и представлениями о спортивной подготовке и успехе в спорте в сочетании с оптимизацией психофизиологического состояния и повышением психологических спортивных компетенций оказали положительное влияние на общее состояние и физическое восстановление спортсменок [23].

Выявлено негативное изменение выраженности шкал *общий стресс и конфликты*, что может объясняться возрастными особенностями спортсменок и трудностями коммуникации внутри группы и определять необходимость расширения фокуса психологических мероприятий путем

Табл. 2. Динамика баланса стресс-восстановления в ЭГ спортсменок-фигуристок до и после реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения

Tab. 2. Dynamics of stress-recovery balance in the group of female figure skaters before and after the implementation of individually formed psychological recovery programs

Шкала	До M±SD	После M±SD	Z	P
Конфликты	1,38±1,07	2,92±0,86	-3,072	0,002
Успех	3,73±0,91	4,4±0,62	-2,329	0,020
Физическое восстановление	4,27±0,9	4,75±0,78	-2,460	0,014
Общее самочувствие	3,97±1,07	4,6±0,74	-2,140	0,032
Качество сна	3,45±1,22	4,4±0,45	-2,328	0,020
Личные достижения	3,92±1,23	4,58±0,76	-1,965	0,049
Самоэффективность	3,52±1,64	4,32±0,76	-2,170	0,030
Саморегуляция	3,82±1,29	4,2±0,69	-1,228	0,019
Общий стресс	1,78±0,97	2,17±1,2	-2,070	0,038
Общее восстановление	3,91±0,78	4,51±0,55	-2,898	0,004
Спортивное восстановление	3,93±1,01	4,44±0,65	-2,233	0,026

включения методов внутригрупповой работы и тренерского состава в тренировочную группу для налаживания коммуникации и разрешения конфликтов в рамках тренировочного процесса [9; 24; 25]. Также стоит отметить отсутствие низких показателей по шкалам восстановления у спортсменок после реализации программ психологического сопровождения.

Сравнение результатов диагностики КГ и ЭГ после проведения программ показало наличие статистически значимых различий по шкалам *нехватка энергии, успех, социальное восстановление, физическое восстановление, общее самочувствие, качество сна, спортивная форма, личные достижения, самоэффективность, саморегуляция* (табл. 3). По результатам выходной диагностики статистически значимых различий группы не имели.

Полученные результаты подтверждают эффективность индивидуально сформированных программ психологического сопровождения: ЭГ менее подвержена стрессовым факторам и имеет больше возможностей для восстановления, чем КГ, что позволяет говорить о снижении риска возникновения негативных проявлений стресса в тренировочный период.

Табл. 3. Результаты сравнительного анализа ЭГ и КГ после реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения

Tab. 3. Results of a comparative analysis of the experimental and control groups after the implementation of individually formed psychological support programs

Шкала	ЭГ (n=15) M±SD	КГ (n=15) M±SD	U-критерий Манна-Уитни	P
Нехватка энергии	1,86±1,1	2,81±1,42	59,5	0,046
Успех	4,4±0,62	3,58±1,01	53	0,022
Социальное восстановление	4,63±0,77	3,05±0,81	12,0	0,000
Физическое восстановление	4,75±0,78	3,37±1,35	36,5	0,002
Общее самочувствие	4,6±0,74	3,31±1,23	37,5	0,003
Качество сна	4,4±0,45	3,3±0,96	36,5	0,003
Качество перерывов	1,65±1,18	2,98±1,28	48,5	0,013
Спортивная форма	4,35±0,84	2,88±1,01	22,5	0,000
Личные достижения	4,58±0,76	2,72±1,03	13,5	0,000
Самоэффективность	4,32±0,76	2,67±1,18	21,0	0,000
Саморегуляция	4,2±0,69	2,37±0,63	43,5	0,007
Общее восстановление	4,51±0,55	3,31±0,72	19,0	0,000
Спортивный стресс	1,92±1,14	2,86±0,98	53,5	0,024
Спортивное восстановление	4,44±0,65	2,97±0,75	14,0	0,000

Заключение

Спортивная деятельность во всей своей специфичности может приводить как к позитивным, так и негативным проявлениям в повседневной жизни. Снижение риска чрезмерного влияния негативных аспектов спорта может быть достигнуто путем соблюдения баланса стресса и восстановления. Внедрение в практику спортсменов методов восстановления в таком контексте становится не только профилактикой возникновения перетренированности и выгорания, но и ресурсом конкурентоспособности. При этом система психологического сопровождения в спорте проявляет необходимость формирования краткосрочных восстановительных мероприятий для спортсменов и возможность внедрения этих мероприятий в основной тренировочный процесс.

В рамках проведенной работы была выявлена положительная динамика баланса стресс-восстановления спортсменов, занимающихся фигурным катанием, в условиях реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения. Это позволяет говорить об эффективности применяемых методов и форм сопровождения, а также о повышении уровня восстановления спортсменов за счет повышения общей удовлетворенности спортивной деятельностью, уверенности в собственной подготовке, качества сна, улучшения субъективного восприятия собственных достижений, снижения проявления физиологических реакций переутомления

Положительные изменения, полученные по шкале *конфликты* выявляют недостаточность применения индивидуального подхода к психологическому сопровождению спортсменов. Для достижения более стабильных показателей баланса стресс-восстановления появляется необходимость

включения в работу тренерского состава и методов внутригруппового взаимодействия.

По результатам сравнения ЭГ и КГ были отмечены более высокие показатели восстановления и менее выраженные показатели стресса в ЭГ. Полученные данные свидетельствуют о большей устойчивости ЭГ к влиянию стрессовых факторов. В целом проведенное исследование показывает повышение уровня общего и спортивного восстановления в ЭГ. По результатам реализации индивидуально сформированных программ психологического сопровождения произошло смещение баланса стресс-восстановления в сторону восстановления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Цехмейструк – концептуализация, руководство проектом, обработка данных, написание (35 %). Н. К. Шалина – сбор данных, обработка данных, написание (35 %). Н. В. Козлова – редактирование, написание (15 %). Т. Е. Левицкая – формальный анализ, написание (15 %).

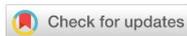
Contribution: E. A. Tsehmeistruk developed the research concept, supervised the project, performed the data processing and wrote 35% of the manuscript. N. K. Shalina collected and processed the data and wrote 35% of the manuscript. N. V. Kozlova conducted proofread the research and wrote (15%). T. E. Levickaya conducted the formal analysis and wrote (15%).

Литература / References

1. Свинар Е. В. Обеспечение психологического сопровождения спортивной деятельности (из опыта работы). *Интеграция в психологию: теория, методология, практика: мат-лы III национ. науч.-практ. конф. с Междунар. участием.* (Ярославль, 15 июля 2020 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2020. С. 249–253.
Svinar E. V. Providing psychological support for sports activities (from work experience). *Integration in psychology: theory, methodology: Proc. III Nation. Sci.-Prac. Conf. with Intern. Part., Yaroslavl, 15 Jul 2020.* Yaroslavl: YSPU, 2020, 249–253. (In Russ.)
2. Цехмейструк Е. А., Шалина Н. К. Взаимосвязь показателей баланса стресс-восстановления и качества жизни у спортсменов. *Теоретическая и экспериментальная психология.* 2020. Т. 13. № 1. С. 70–74.
Tsehmeistruk E. A., Shalina N. K. The relationship of balance indicators of stress recovery and quality of life in athletes. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya,* 2020, 13(1): 70–74. (In Russ.)
3. Пузыревский Р. В., Гурский А. В., Смирнов С. Н., Арканов Ю. М., Дазмаров Н. М. Использование психологических средств восстановления при подготовке спортсменов-студентов, специализирующихся в игровых видах спорта. *Синергия наук.* 2020. №. 43. С. 808–812.
Puzyrevsky R. V., Gurskiy A. V., Smirnov S. N., Arkanov Yu. M., Dazmarov N. M. Psychological means of recovery in training of athletes-students specializing in game sports. *Sinergiia nauk,* 2020, (43): 808–812. (In Russ.)
4. Платонов В. Н. Перетренированность в спорте. *Наука в олимпийском спорте.* 2015. № 1. С. 19–34.
Platonov V. N. Overtraining in sport. *Science in Olympic Sport,* 2015, (1): 19–34. (In Russ.)
5. Чалышева А. А., Гарнов И. О. Динамика показателей стресса-восстановления у мужчин и женщин в циклических видах спорта на протяжении тренировочно-соревновательного цикла. *Медико-физиологические основы спортивной деятельности на Севере: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием.* (Сыктывкар, 24–25 октября 2019 г.) Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2019. С. 88–89.

- Chalysheva A. A., Garnov I. O. Dynamics of indicators of stress-recovery in men and women in cyclic sports during the training-competitive cycle. *Medico-physiological bases of sports activity in the North: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Part.*, Syktyvkar, 24–25 Oct 2019. Syktyvkar: Komi SC UB RAS, 2019, 88–89. (In Russ.)
6. Heidari J., Beckmann J., Bertollo M., Brink M., Kallus K. W., Robazza C., Kellmann M. Multidimensional monitoring of recovery status and implications for performance. *International journal of sports physiology and performance*, 2019, 14(1): 2–8. <https://doi.org/10.1123/ijsp.2017-0669>
 7. Алёшичева А. В., Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г. Применение методов оценки качества жизни для диагностики состояния психологического здоровья спортсменов. *Спортивный психолог*. 2018. № 2. С. 52–57.
Aleshicheva A. V., Baykovsky Yu. V., Samoilov N. G. Application of methods of evaluation of quality of life for diagnosis of state of psychological health of athletes. *Sports psychologist*, 2018, (2): 52–57. (In Russ.)
 8. Макарова Г. А., Волков С. В., Холявко Ю. А., Локтев С. А. Синдром перетренированности у спортсменов (обзор отечественной и зарубежной литературы). Часть 1. *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2014. № 3. С. 29–37.
Makarova G. A., Volkov S. V., Kholiyavko Y. A., Loktev S. A. Overtraining syndrome in athletes (review of domestic and foreign literature). Part 1. *Fizicheskaya kultura, sport – nauka i praktika*, 2014, (3): 29–37. (In Russ.)
 9. Kallus K. W., Kellmann M. Burnout in athletes and coaches. *Emotions in sport*, ed. Hanin Y. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000, 209–230.
 10. Pelka M., Heidari J., Ferrauti A., Meyer T., Pfeiffer M., Kellmann M. Relaxation techniques in sports: a systematic review on acute effects on performance. *Performance Enhancement & Health*, 2016, 5(2): 47–59. <https://doi.org/10.1016/j.peh.2016.05.003>
 11. Kellmann M., Bertollo M., Bosquet L., Brink M., Coutts A. J., Duffield R., Erlacher D., Halson S. L., Hecksteden A., Heidari J., Kallus K. W., Meeusen R., Mujika I., Robazza C., Skorski S., Venter R., Beckmann J. Recovery and performance in sport: consensus statement. *International Journal of Sports Physiology and Performance*, 2018, 13(2): 240–245. <https://doi.org/10.1123/ijsp.2017-0759>
 12. Kellmann M., Altenburg D., Lormes W., Steinacker J. M. Assessing stress and recovery during preparation for the world championships in rowing. *The Sport Psychologist*, 2001, 15(2): 151–167. <https://doi.org/10.1123/tsp.15.2.151>
 13. Kellmann M. Preventing overtraining in athletes in high intensity sports and stress-recovery monitoring. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*, 2010, 20(s2): 95–102. <https://doi.org/10.1111/j.1600-0838.2010.01192.x>
 14. *Sport, recovery, and performance: interdisciplinary insights*, eds. Kellmann M., Beckmann J. N. Y.: Routledge, 2017, 284. <https://doi.org/10.4324/9781315268149>
 15. Kallus K. W., Kellmann M. *The recovery-stress questionnaires: user manual*. London, UK: Pearson, 2016, 360.
 16. Ковбас Е. Ю. Русская версия опросника RESTO-Sport (Kellman, Kallus, 2001 г.) для оценки состояния восстановления у спортсменов. *Лечебная физкультура и спортивная медицина*. 2015. № 2. С. 15–21.
Kovbas E. Yu. Russian version of questionnaire rest-sport (Kellman, Kallus, 2001) to assess state of recovery in athletes. *Exercise therapy and Sports Medicine*, 2015, (2): 15–21. (In Russ.)
 17. Корнеева Е. Н. Проблема регуляции деятельности в спорте. *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5. С. 119–126. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10530>
Korneeva E. N. Problem of activity regulation in sport. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2019, (5): 119–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10530>
 18. Гизатуллин Р. З., Мутаева И. Ш., Мутаев А. М. Недопинговые психолого-педагогические, медико-биологические методы восстановления и повышения работоспособности спортсменов-единоборцев. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2019. Т. 14. № 4. С. 40–47. <https://doi.org/10.14526/20704798-2019-14-4-40-47>
Gizatullin R. Z., Mutaeva I. Sh., Mutaev A. M. Non-doping psychological-pedagogical, medical-biological methods of rehabilitation and working capacity improvement among athletes-combatants. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2019, 14(4): 40–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.14526/20704798-2019-14-4-40-47>
 19. Гурский А. В., Смирнов С. Н., Арканов Ю. М., Дазмаров Н. М. Применение психологических средств восстановления физической работоспособности в тренировочном процессе спортсменов-студентов циклических видов спорта. *Меридиан*. 2020. № 6. С. 315–317.
Gurskiy A. V., Smirnov S. N., Arkanov Yu. M., Dazmarov N. M. Application of psychological means of physical efficiency recovery in training process of students-athletes of cyclic sports. *Meridian*, 2020, (6): 315–317. (In Russ.)
 20. Кузнецов А. С., Кузнецова З. М. Комплексное применение средств восстановления в годичном цикле подготовки борцов греко-римского стиля высокой квалификации. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2017. Т. 12. № 4. С. 7–17. https://doi.org/10.14526/04_2017_259

- Kuznetsov A. S., Kuznetsova Z. M. Integrated application of rehabilitation means in circannian training cycle of highly-qualified greco-roman style wrestlers. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 2017, 12(4): 7–17. (In Russ.) https://doi.org/10.14526/04_2017_259
21. Хетагов В. К. Метод прогрессивной релаксации в психологической реабилитации спортсмена. *Социосфера*. 2018. № 2. С. 170–171.
Khetagov V. K. Method of progressive relaxation in psychological rehabilitation of the athlete. *Sotsiosfera*, 2018, (2): 170–171. (In Russ.)
22. Шучковская Е. С. Идеомоторная тренировка как одна из форм подготовки спортсменов к соревнованиям. *Безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт: современное состояние и перспективы*: сб. тр. конф. (Хабаровск, 27–28 марта 2019 г.) Хабаровск: ТОГУ, 2019. С. 140–144.
Shuchkovskaya E. S. Ideomotor training as one of the forms of preparation of athletes for competitions. *Life safety, physical culture and sport: current state and prospects*: Proc. Conf., Khabarovsk, 27–28 Mar 2019. Khabarovsk: PNU, 2019, 140–144. (In Russ.)
23. Holguín-Ramírez J., Ramos-Jiménez A., Quezada-Chacón J. T., Cervantes-Borunda M. S., Hernández-Torres R. P. Effect of mindfulness on the stress-recovery balance in professional soccer players during the competitive season. *Sustainability*, 2020, 12(17): 70–91. <https://doi.org/10.3390/su12177091>
24. Берилова Е. И., Босенко Ю. М., Распопова А. С. Особенности взаимосвязи перфекционизма и личностной зрелости у спортсменов. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 8. С. 340–343. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p340-343>
Berilova E. I., Bosenko Ju. M., Raspopova A. S. Features of the relation of perfectionism and personal maturity at athletes. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2020, (8): 340–343. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p340-343>
25. Распопова А. С. Возрастные особенности распространенности феномена перфекционизма и его взаимосвязи с личностными свойствами спортсменов. *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2011. № 2. С. 92–97.
Raspopova A. S. Peculiarities of expanding the phenomena of the perfection and its interconnection with athletes personal qualities. *Fizicheskaja kultura, sport – nauka i praktika*, 2011, (2): 92–97. (In Russ.)

оригинальная статья

Психологические характеристики пациентов с инфарктом миокарда: от группы риска до реабилитации

Эльзессер Анастасия Сергеевна
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток
<https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Кадыров Руслан Васитович
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток
<https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Капустина Татьяна Викторовна
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>
12_archetypesplus@mail.ru

Поступила в редакцию 28.01.2022. Принята после рецензирования 19.02.2022. Принята в печать 22.02.2022.

Аннотация: Исследование пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями является актуальным, поскольку эта категория относится к группе социально значимых заболеваний и имеет широкую распространенность среди населения. Важны диагностика, лечение и профилактика этой группы заболеваний. Цель настоящего исследования – описать психологические характеристики пациентов с инфарктом миокарда на разных этапах заболевания (на этапе риска ИМ, после недавнего ИМ, по прошествии реабилитации). В исследовании приняли участие 159 человек в возрасте от 38 до 47 лет, среди них находящиеся в группе риска (43), недавно перенесшие инфаркт (39), прошедшие реабилитацию (37), условно здоровые респонденты (40). Оценка психологических характеристик осуществлялась с помощью ряда психодиагностических методик, охватывающих когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты личности. Выявлены активные ранние дезадаптивные схемы. На всех этапах развития заболевания обнаружены противоречивое сочетание потребности в одобрении и непримиримости в отношении чужих ошибок, высокая тревожность и раздражительность, неконструктивные стратегии совладания со стрессом, низкий уровень рефлексивности. Показана взаимосвязь указанных факторов, поддерживающих разрушительные формы поведения, усиливающих психоэмоциональное напряжение. Проанализированы отношение к прошлому, настоящему и будущему на разных этапах развития заболевания. Обнаруженные тенденции позволяют проследить влияние психологических характеристик на поведенческие факторы, повышающие риск первичного и повторного инфаркта миокарда, скорректировать программы психологической поддержки при реабилитации пациентов, разработать адресные меры для профилактического воздействия на группы риска и наметить мишени для психотерапевтической работы с данными категориями лиц.

Ключевые слова: факторы риска инфаркта миокарда, психологические предикторы, тревожность, ригидность, агрессивность

Цитирование: Эльзессер А. С., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Психологические характеристики пациентов с инфарктом миокарда: от группы риска до реабилитации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 113–120. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-113-120>

original article

Psychological Profile of Patients with Myocardial Infarction: from Risk Group to Rehabilitation

Anastasia S. Elzesser
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Ruslan V. Kadyrov
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Tatyana V. Kapustina
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>
12_archetypesplus@mail.ru

Received 28 Jan 2022. Accepted after peer review 19 Feb 2022. Accepted for publication 22 Feb 2022.

Abstract: High morbidity and mortality make cardiovascular diseases socially significant. The Health Development Strategy of the Russian Federation though 2025 states the importance of diagnosis, treatment, and prevention of cardiovascular diseases.

This research featured the psychological profile of patients with myocardial infarction at different stages: 1) risk of myocardial infarction, 2) soon after myocardial infarction, 3) after rehabilitation. The study involved 159 patients aged 38–47, including those at risk (43), those soon after a heart attack (39), those after rehabilitation (37), and a conditionally healthy control group (40). The psychological characteristics were assessed using a number of psychodiagnostic methods and included cognitive, emotional, and behavioral components of personality. The obtained data were processed using the nonparametric Mann-Whitney U-test (significance level=0.05) and calculated with STATISTICA 10.0. The research revealed active early maladaptive schemes. At all stages, the patients experienced a contradictory combination of the need for approval and intransigence in relation to other people's mistakes, high anxiety and irritability, non-constructive strategies for coping with stress, and a low level of reflexivity. These factors were interconnected, caused destructive behavior, and increased the psycho-emotional stress. The research also covered the attitude to the past, present, and future at different stages of disease development. The trends revealed the effect of psychological profile on behavioral factors that could increase the risk of primary and recurrent myocardial infarction. The results can help specialists to improve the existing psychological support programs for cardiovascular patients, develop preventive measures for risk groups, and identify targets for psychotherapeutic work with these two categories.

Keywords: risk factors for myocardial infarction, psychological predictors, anxiety, rigidity, aggressiveness

Citation: Elzesser A. S., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Psychological Profile of Patients with Myocardial Infarction: from Risk Group to Rehabilitation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 113–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-113-120>

Введение

Сердечно-сосудистые заболевания относятся к категории социально значимых¹ и имеющих широкую распространенность среди населения [1; 2]. Период 2015–2019 гг. демонстрировал повышение смертности от случаев острого и повторного инфаркта миокарда (ИМ) в 21 субъекте РФ [3]. Важность диагностики, лечения и профилактики этой группы заболеваний отражены в Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г.², поэтому исследование пациентов с данным видом заболевания является актуальным. Впоследствии эпидемия коронавируса ограничила возможности оказания медицинской помощи населению, а сложности кодирования причин смерти коморбидных пациентов привели к искажению картины статистических данных. Высокая нагрузка на систему здравоохранения показала важность поиска путей профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. В то же время одной из задач отечественного здравоохранения является поиск путей формирования у населения ответственного отношения к своему здоровью, а также изменение существующих моделей поведения, вносящих вклад в возникновение и развитие заболеваний [3–5].

В настоящее время внимание исследователей обращается к тем или иным психологическим факторам риска ИМ [6]. В исследованиях психологических предикторов ИМ накоплен большой массив эмпирических данных, полученный на отличающихся выборках, зачастую с применением различного методического аппарата. Среди психологических факторов рассматриваются: 1) психические состояния – стресс, депрессивность; 2) психические свойства личности – личностная

тревожность, низкий уровень стрессоустойчивости, враждебность; 3) симптомы психических нарушений: инверсия эмоционального отражения, алекситимия (во взаимосвязи с личностной тревожностью); 4) стратегии поведения: альтруизм, сотрудничество, избегание; 5) социальные факторы: уровень социальной поддержки, социальная интегрированность [7–14]. При этом в планировании исследования данного вопроса существуют известные сложности. Так, изучение факторов возникновения и развития заболеваний требует проведения лонгитюдных исследований, включающих десятилетия наблюдений. К примеру, исследование В. В. Гафарова и соавторов позволило проследить динамику таких психосоциальных факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний, как тревога и стресс, в течение 22 лет [6]. Полученные данные подтвердили высокую уязвимость старших возрастных групп, особенно женской выборки, и показали потенциальные возможности масштабных исследований социально-психологических факторов в динамике. Однако задача поиска паттернов поведения, влекущих за собой ИМ, требует тщательного подбора методик и их своевременной корректировки для определения наиболее перспективных областей изучения в дальнейшем лонгитюдном исследовании. Поэтому в данной статье представлено пилотажное исследование-псевдолонгитюд с участием лиц, находящихся на разных этапах заболевания ИМ.

Цель – описать психологические характеристики пациентов, находящихся на разных этапах заболевания ИМ, а также лиц с угрозой возникновения ИМ.

¹ Перечень социально значимых заболеваний. Утв. постановлением Правительства РФ № 715 от 01.12.2004. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/12137881/paragraph/3:0> (дата обращения: 28.01.2022).

² О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ № 254 от 06.06.2019. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326/page/1> (дата обращения: 28.01.2022).

Методы

В соответствии с целью исследования одной из групп сравнения должны стать респонденты, имеющие риск возникновения ИМ. Для этого применялась авторская анкета, включающая следующие научно доказанные факторы риска ИМ: употребление алкоголя, тревожность, наличие стресса, низкая физическая активность или гиподинамия, курение, лишний вес (абдоминальное ожирение), гипертония, депрессия, ненормальные липиды, сахарный диабет [10]. При наличии трех и более факторов респондент считался относящимся к группе риска ИМ.

Отбор респондентов производился среди случайной выборки населения г. Владивосток. Общее количество – 159 человек в возрасте от 38 до 47 лет, средний возраст – 42,3 года. Респонденты были разделены на следующие группы:

- 1) с риском ИМ: 43 человека: 28 мужчин и 15 женщин;
- 2) недавно перенесшие ИМ (после ИМ): 39 пациентов, находящихся на стационарном этапе восстановления в течение 2–5 дней после ИМ: 23 мужчины и 16 женщин;
- 3) прошедшие реабилитацию после ИМ (после реабилитации): 37 пациентов после постстационарного периода реабилитации: 23 мужчины и 14 женщин;
- 4) условно здоровые (УЗ): 40 человек, не имеющие в анамнезе ИМ и не входящие в группу риска его возникновения на момент исследования: 22 мужчины и 18 женщин.

Для полного охвата различных психологических характеристик методики подобраны в соответствии с компонентами, соответствующими сферам психической деятельности: когнитивный, эмоциональный, поведенческий (табл. 1).

Статистическая обработка данных проводилась при помощи программы Statistica 10.0. Для выявления различия основных групп исследуемых с группой сравнения применялся U-критерий Манна-Уитни с уровнем значимости не более 0,05 ($p \leq 0,05$).

Результаты

Когнитивный компонент

Результаты, продемонстрированные респондентами разных групп по Опроснику рефлексивности А. В. Карпова, приведены в табл. 2. Среди пациентов с риском ИМ и после ИМ чаще встречается низкий уровень рефлексивности, чем в группе УЗ. Вероятно, в той мере, в какой затруднены способность к анализу собственной психической деятельности и поступков, понимание их взаимосвязи и взаимовлияния, осложняется критический пересмотр тех психологических и поведенческих характеристик, которые считаются связанными с возникновением инфаркта миокарда.

Группа после реабилитации демонстрирует преобладание среднего уровня рефлексивности по сравнению с группой после ИМ ($U=258,5$; $p<0,03$), однако рефлексивность остается заметно более низкой, чем у группы УЗ ($U=264,0$; $p<0,03$).

Реабилитация способствует становлению привычки к анализу своих мыслей, переживаний и действий, что позволяет скорректировать собственную реакцию. Вероятно, развитие рефлексивности с низкого до среднего уровня позволит снизить и даже нивелировать некоторые психологические и поведенческие факторы риска рецидива ИМ.

По результатам методики РДС Дж. Янга в переводе П. М. Касьяник и Е. В. Романовой определены достоверные различия с группой сравнения и группами респондентов с риском ИМ ($U=306,0$; $p<0,01$), после ИМ ($U=237,5$; $p<0,01$) по шкале *неуспешность*. При этом РДС *неуспешность* чаще достигает высоких значений в группе после ИМ и может означать, что ситуация заболевания ИМ задействует схемы, связанные с неуверенностью в себе и своем будущем, ощущением своей несостоятельности

Табл. 1. Методики для диагностики психологических характеристик пациентов

Tab. 1. Psychological diagnostic methods

Компонент	Используемые методики
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> • Опросник рефлексивности А. В. Карпова [15] • Методика диагностики ранних дезадаптивных схем (РДС) Дж. Янга в переводе П. М. Касьяник и Е. В. Романовой [16] • Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности М. С. Яницкого, А. В. Серого [17]
Эмоциональный	<ul style="list-style-type: none"> • Интегративный тест тревожности А. П. Бизюк, А. И. Вассермана, Б. В. Иовлева [18] • Диагностика уровня эмпатии В. В. Бойко [19] • Шкала эмоционального опыта [20]
Поведенческий	<ul style="list-style-type: none"> • Стратегии совладающего поведения (ССП) А. И. Вассермана [21] • Индивидуально-типологический опросник (ИТО) А. Н. Собчик [22]

Табл. 2. Уровень рефлексивности респондентов, находящихся на разных этапах заболевания ИМ

Tab. 2. Reflexivity at different stages of myocardial infarction

Эмпирическая выборка	Уровни рефлексивности			Сравнение с группой УЗ
	Низкий уровень (1–3)	Средний уровень (4–7)	Высокий уровень (7 и более)	
С риском ИМ	25	18	–	$U=180,0$; $p \leq 0,0001$
После ИМ	23	16	–	$U=163,0$; $p \leq 0,0001$
После реабилитации	14	23	–	$U=264,0$; $p \leq 0,1$
УЗ	10	30	–	–

при реализации планов. Схема *уязвимость* сильнее выражена как у недавно перенесших ИМ пациентов, так и у прошедших реабилитацию, по сравнению с другими выборками. Вероятно, после заболевания ИМ для исследуемых групп мир предстает менее предсказуемым и более опасным, при этом данная схема сохраняет активность после реабилитации, что говорит о необходимости коррекции психологических реабилитационных мероприятий в этом направлении, указывает на значимость реабилитации для данной категории пациентов и определяет направления психологической работы с ними.

Обнаружены РДС, выраженные в большей степени у группы с риском ИМ. Так, *поиск одобрения* связан с зависимостью самоуважения от внимания и одобрения других людей, зачастую выражается в гиперчувствительности к отвержению. Важные жизненные решения принимаются исходя из представлений об ожиданиях окружающих, что препятствует самоактуализации и не приносит удовлетворения. Страх отвержения, являющийся оборотной стороной данной схемы, составляет одну из черт типа D [13; 23]. *Пунитивность* означает непримиримую убежденность в том, что за совершенные ошибки следует наказывать, это выражается в гневе и агрессии, направленных на виновника (другого человека или самого себя), когда в его поступках обнаруживается несоответствие ожиданиям или стандартам. *Поиск одобрения* и *пунитивность* могут быть связаны с типом D, который включает страх отвержения, непреходящий дистресс и стремление его скрыть, а также агрессию, порожденную неумением разделить свои эмоции с другими людьми [13; 23].

Картина результатов у группы с риском ИМ служит косвенным подтверждением выбранной схемы исследования с включением групп, находящихся на разных этапах развития ИМ [9].

Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности (М. С. Яницкий и А. В. Серый) показала сниженные показатели по шкалам, отражающим психологическое прошлое, настоящее и будущее, у всей выборки недавно переживших ИМ пациентов (n=39), что может объясняться проживанием опыта ИМ как травматического события, снизившего готовность воспринимать и осознавать свой жизненный путь. После ИМ у пациентов можно констатировать дискретное восприятие жизни, неудовлетворенность прожитым, настоящим, отсутствием целей в будущем, свобода выбора видится иллюзорной. Согласно интерпретации, этому варианту соответствуют защитные механизмы проекции, отрицания, отказа от своих намерений, что приводит к пассивному подчинению требованиям группы на фоне настороженного отношения к ней. Пациенты после ИМ обладают низкой самооценкой, испытывают высокую фрустрационную напряженность, подчиняются установленным нормам и правилам, но настороженно воспринимают лечение.

У прошедших реабилитацию актуальное смысловое состояние заключается в сочетании синхронизации смыслов настоящего и будущего при блокировании смыслов прошлого. По шкале *результативность жизни* (психологическое

прошлое) преобладают низкие показатели. Прошедшие реабилитацию воспринимают прожитую жизнь пессимистично, свой труд – непродуктивным, а себя – не успевшими реализовать потенциал, проведшими годы недостаточно осмысленно. Иная картина наблюдается в шкалах, предназначенных для оценки психологического настоящего (*процесс жизни*) и будущего (*цели в жизни*). Высокие показатели по шкале *процесс жизни* у большей части респондентов (n=27) означают, что после реабилитации настоящее представляется им интересным и увлекательным, они способны получать удовольствие от жизни здесь и теперь. У большинства прошедших реабилитацию пациентов (n=25) выражена направленность на реализацию жизни во временной перспективе. Таким образом, респонденты имеют планы на будущее и готовность распределять время и ресурсы для достижения своих целей.

В целом у прошедших реабилитацию временной локус прошлого оказывается заблокирован в плане смысловой и когнитивной нагруженности. Неосмысленное отношение к субъективно пережитому опыту выражается в неудовлетворенности собой, что может вступать в противоречие с активным вниманием к себе в настоящем и приводить к внутреннему конфликту.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Применение Интегративного теста тревожности А. П. Бизюк, Л. И. Вассермана, Б. В. Иовлева позволило установить, что у пациентов после ИМ и с риском ИМ выражены следующие компоненты личностной тревожности: астенический, фобический и компонент эмоционального дискомфорта. При этом высокий уровень личностной тревожности сохраняется на всех этапах развития ИМ [10].

По Шкале эмоционального опыта выявлены значимые различия между группой с риском ИМ и УЗ ($U=333,5$; $p<0,001$). Респонденты с риском ИМ часто испытывают злость, раздражение и агрессию по отношению к объекту, непосредственно вызвавшему эмоцию, или переходному, замещающему его объекту ($11,9\pm 2,7$). По-видимому, многие из исследуемых регулярно оказываются в условиях, которые вызывают у них напряжение и злость, что мешает сосредотачиваться на выполнении текущих задач и усиливает стресс.

Пациенты после ИМ регулярно испытывают раздражение и злость (16 респондентов), у 23 исследуемых данный показатель выражен слабо (в среднем по группе: $8,7\pm 3,0$). Преимущественно низкий уровень выраженности злости по сравнению с респондентами с риском ИМ ($U=249,0$; $p<0,03$) может объясняться психологически травмирующей ситуацией коронарного события. У группы после реабилитации раздражительность соответствует среднему уровню ($10,6\pm 2,9$), что говорит о постепенном возвращении к эмоциональному состоянию, которое предшествовало инфаркту.

В методике «Диагностика уровня эмпатии» В. В. Бойко принят следующий порядок оценки общего уровня эмпатии: 30 баллов и выше – очень высокий уровень, 29–22 – средний, 21–15 – сниженный, менее 14 баллов – очень низкий.

Определено, что очень низкий и сниженный уровни эмпатии встречаются у большей части выборки с риском ИМ (n=32), у 21 – после ИМ, у 28 – после реабилитации, у 17 – УЗ, что характеризует трудности дифференцирования и осознания эмоций, равнодушие к чужим переживаниям. Уровень эмпатии у респондентов после реабилитации значимо ниже, чем у группы УЗ (U=233,5; p<0,01). Это показывает, что низкий уровень эмпатии сохраняется и после реабилитации, вероятно, дополняя ряд психологических характеристик, связанных с уязвимостью перед ИМ.

Поведенческий компонент

В методике ССП Л. И. Вассермана высокие показатели по шкале *бегство – избегание* наблюдаются у почти половины группы с риском ИМ (табл. 3). Данная защита предполагает неконструктивную реакцию на стресс (отрицание, пассивность, вспышки раздражения, фантазирование, переедание, злоупотребление алкоголем), поддерживая факторы риска ИМ. Отметим, что *бегство – избегание* значительно реже встречается у пациентов с ИМ: коронарное событие становится своеобразным ультиматумом, заставляющим пересмотреть образ жизни.

Для выборок, связанных с ИМ, значительно выражены стратегии *дистанцирование* и *самоконтроль*. *Самоконтроль* заключается в подавлении и сдерживании эмоций вплоть до стремления полностью скрывать свои переживания, что способствует накоплению психического и соматического напряжения. *Дистанцирование* предполагает преодоление негативных переживаний путем субъективного снижения значимости с помощью таких приемов, как рационализация, переключение внимания, юмор и т. п.

Принятие ответственности у группы после реабилитации показывает, что осознание пациентом своей роли в лечении повышается, это может способствовать снижению рисков повторной манифестации ИМ, однако сохраняются и по-прежнему преобладают у большинства респондентов неадаптивные стратегии подавления эмоций – *самоконтроль* и *дистанцирование*. Пациенты склонны к подавлению эмоций, что усугубляет их состояние, и стремятся

Табл. 3. Ведущие стратегии совладания у респондентов, находящихся на разных этапах заболевания ИМ

Tab. 3. Main coping strategies at different stages of myocardial infarction

Стратегия совладающего поведения	С риском ИМ	Недавно перенесшие ИМ	Прошедшие реабилитацию
Самоконтроль	32	31	28
Дистанцирование	30	28	26
Избегание	18	11	12
Принятие ответственности	12	12	22

отстраниться от проблемной ситуации или обесценить ее. Так, отмечается недостаточная степень приверженности лечению после перенесенного ИМ, сохраняющаяся в долгосрочной перспективе [3; 24].

По результатам ИТО Л. Н. Собчик, связанные с ИМ выборки отличаются от показателей УЗ высокие значения характеристик *спонтанность, агрессивность, ригидность, тревожность* (табл. 4).

Табл. 4. Характеристики респондентов в сравнении с группой УЗ
Tab. 4. Psychological profile: experimental group vs. control

Эмпирическая выборка	Спонтанность	Агрессивность	Ригидность	Тревожность
С риском ИМ	U=232,5; p≤0,001	U=257,5; p≤0,0001	U=214,5; p≤0,001	U=226,5; p≤0,0001
Недавно перенесшие ИМ	U=278,5; p≤0,0001	U=262,5; p≤0,0001	U=218,0; p≤0,001	U=182,5; p≤0,001
Прошедшие реабилитацию	U=148,0; p≤0,1	U=167,0; p≤0,1	U=171,5; p≤0,1	U=111,5; p≤0,1

В мышлении респонденты данных выборок характеризуются субъективизмом и тугоподвижностью установок, не склонны прислушиваться к мнениям, отличным от их собственного. При этом респонденты эмоциональны, восприимчивы, ощущают свою незащищенность. Тревожность и агрессивность описаны как психологические предикторы ИМ [10]. Сочетание высоких показателей спонтанности и агрессивности характерно для неконформно-импульсивной акцентуации; сочетание агрессивности и ригидности интерпретируется как взрывно-параноидальная акцентуация характера [22]. Таким образом, пациенты имеют несколько ярко выраженных, заостренных черт характера: склонность легко «вскипать» и приходиться в негодование; ригидность – психологическая негибкость, которая проявляется в трудности пересмотра своих взглядов, неготовности менять поведение в связи с изменившимися условиями, тенденции переживать одни и те же эмоции снова и снова, только вспоминая случившееся (застреваемость аффекта); повышенная подозрительность и болезненная обидчивость, стойкость отрицательных переживаний.

Заключение

Результаты исследования позволили описать психологические характеристики пациентов, находящихся на разных этапах заболевания ИМ, а также лиц с угрозой возникновения ИМ с позиции трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого (табл. 5). Описанные характеристики личности позволили сделать следующие выводы:

1. Развитие рефлексивности до среднего уровня у недавно перенесших инфаркт пациентов позволит снизить и даже

нивелировать некоторые психологические и поведенческие факторы риска рецидива ИМ, поскольку будет способствовать пересмотру неадаптивных поведенческих стратегий, таких как курение, переизбыток, злоупотребление алкоголем.

2. РАС у респондентов с риском ИМ связаны с сочетанием потребности в одобрении и непримиримости в отношении чужих ошибок, готовности жертвовать своими настоящими интересами, самоактуализацией ради чужого одобрения и гневом на несоответствие других людей собственным стандартам и ожиданиям. Такое сочетание предполагает внутрличностный конфликт. Кризисная ситуация ИМ актуализирует паттерны восприятия действительности, связанные с утратой уверенности в себе, ощущением своей несостоятельности при реализации планов. По прохождении реабилитации данные установки сохраняются, что указывает на важные направления совершенствования психологической работы.

3. Эмоциональный компонент респондентов с риском ИМ включает высокую тревожность и раздражительность при низком уровне эмпатии. Сразу после ИМ раздражительность снижается, однако после реабилитации возрастает. Указанные характеристики представляют собой факторы риска повторного ИМ и требуют проработки в рамках реабилитации и оказания психологической помощи.

4. Поведенческий компонент включает ряд неадаптивных поведенческих стратегий поведения в стрессе.

Неконструктивные стратегии совладания (пассивность, раздражение, фантазии, переизбыток, злоупотребление спиртными напитками и т. д.) распространены среди половины людей, входящих в группу риска по ИМ, и, по-видимому, вносят вклад в ухудшение их медицинских показателей. Стратегия подавления эмоций в стрессовой ситуации преобладает на всех этапах развития ИМ и приводит к накоплению психического и соматического напряжения, повышая риски повторного ИМ после реабилитации.

Таким образом, проведенное исследование позволило наметить мишени психологической диагностики предрасположенности к инфаркту миокарда и психологической работы при его профилактике.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Табл. 5. Психологические характеристики пациентов на разных этапах ИМ, систематизированные в соответствии с компонентами психической деятельности

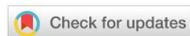
Tab. 5. Components of mental activity at different stages of myocardial infarction

Группа	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент
Респонденты с риском ИМ	низкий уровень рефлексивности; самоуважение зависит от чужого одобрения, проблемы самоактуализации, гиперчувствительность к отвержению; непримиримость к своим и чужим ошибкам, гневливость	высокая тревожность; склонность переживать раздражение и злость; очень низкий и сниженный уровень эмпатии у большинства	дистанцирование от переживаний, подавление эмоций, уход в неконструктивные формы поведения в стрессовой ситуации
Недавно перенесшие ИМ	низкий уровень рефлексивности; утрата уверенности в себе, ощущение несостоятельности; мир воспринимается непредсказуемым и опасным	высокая тревожность; низкий уровень выраженности раздражения и злости; низкий уровень эмпатии у половины респондентов	дистанцирование от переживаний, подавление эмоций в стрессовой ситуации
Прошедшие реабилитацию	рефлексивность достигает средних значений, у трети сохраняется низкий уровень; мир воспринимается непредсказуемым и опасным	высокая тревожность; средний уровень выраженности раздражения и злости; уровень эмпатии ниже, чем у условно здоровых; очень низкий и сниженный уровень эмпатии у большинства	дистанцирование от переживаний, подавление эмоций, готовность взять на себя ответственность в стрессовой ситуации
Общие характеристики для трех групп	тугоподвижность установок	тревожность, агрессивность	импульсивность поведения

Литература / References

1. Самородская И. В., Барбараш О. Л., Кашгалап В. В., Старинская М. А. Анализ показателей смертности от инфаркта миокарда в Российской Федерации в 2006 и 2015 годах. *Российский кардиологический журнал*. 2017. Т. 22. № 11. С. 22–26. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-11>
Samorodskaya I. V., Barbarash O. L., Kashtalap V. V., Starinskaya M. A. Mortality from myocardial infarction in Russia in the years 2006 and 2015. *Russian Journal of Cardiology*, 2017, 22(11): 22–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-11>
2. Циванюк М. М., Гельцер Б. И. Инфаркт миокарда без обструктивного поражения коронарного русла. *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2021. № 2. С. 93–95. <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2021-2-93-95>
Tsivanyuk M. M., Geltser B. I. Myocardial infarction with nonobstructive coronary arteries. *Pacific Medical Journal*, 2021, (2): 93–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2021-2-93-95>
3. Переверзева К. Г., Якушин С. С., Грачева А. И., Лукьянов М. М., Драпкина О. М. Пациент с инфарктом миокарда в анамнезе: сравнение тактики ведения терапевтом и кардиологом по данным регистра РЕГАТА (РЕГИСТР пациентов, перенесших инфаркт миокарда). *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2020. Т. 19. № 3. С. 13–19. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-2525>
Pereverzeva K. G., Yakushin S. S., Gracheva A. I., Lukyanov M. M., Drapkina O. M. Post-myocardial infarction patients: a comparison of management by a physician and a cardiologist according to the REGATA register. *Cardiovascular Therapy and Prevention*, 2020, 19(3): 13–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-2525>
4. Чермянин С. В., Кустова Е. И., Кузнецова М. Е., Леякова И. А. Психологические особенности больных кардиологического профиля с типом личности D. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2017. № 2. С. 43–55.
Chermyanin S. V., Kustova E. I., Kuznetsova M. E., Leliakova I. A. Psychological features of cardiovascular patients with personality type D. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2017, (2): 43–55. (In Russ.)
5. Гафаров В. В., Громова Е. А., Панов Д. О., Гагулин И. В., Гафарова А. В. Высокий уровень тревожности и риск развития в течение 16 лет сердечно-сосудистых заболеваний среди населения в России / Сибири (программа ВОЗ «MONICA-психосоциальная»). *Российский кардиологический журнал*. 2017. Т. 22. № 1. С. 106–113. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-1-106-113>
Gafarov V. V., Gromova E. A., Panov D. O., Gagulin I. V., Gafarova A. V. High prevalence of anxiety and 15-year cardiovascular risk in Russia / Siberia inhabitants (who framework "MONICA-psychosocial"). *Russian Journal of Cardiology*, 2017, 22(1): 106–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-1-106-113>
6. Гафаров В. В., Гагулин И. В., Гафарова А. В., Панов Д. О., Крымов Э. А., Громова Е. А. Психосоциальные факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний: гендерные различия и 22-летняя динамика среди населения Сибири (программы ВОЗ «MONICA-психосоциальная», НАРПЕЕ). *Терапевтический архив*. 2020. Т. 92. № 1. С. 15–24. <https://doi.org/10.26442/00403660.2020.01.000249>
Gafarov V. V., Gagulin I. V., Gafarova A. V., Panov D. O., Krymov E. A., Gromova E. A. Psychosocial risk factors for cardiovascular disease: gender differences and 22-year dynamics among the population of Siberia (who MONICA-psychosocial program, NARPEE). *Terapevticheskii Arkhiv*, 2020, 92(1): 15–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.26442/00403660.2020.01.000249>
7. Дусказиева Ж. Г. Внутриличностный конфликт как фактор возникновения психосоматических расстройств. *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*. 2015. № 3. Режим доступа: http://medpsy.ru/climp/2015_3_9/article08.php (дата обращения: 28.01.2022).
Duskazieva Zh. G. Intrapersonal conflict as a factor in the occurrence of psychosomatic disorders. *Klinicheskaja i meditsinskaja psikhologija: issledovaniia, obuchenie, praktika*, 2015, (3). Available at: http://medpsy.ru/climp/2015_3_9/article08.php (accessed 28 Jan 2022). (In Russ.)
8. Винокуров Е. В., Собенников В. С., Рычкова Л. В. Взаимосвязь депрессии и сердечно-сосудистых заболеваний (обзор литературы). *Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal)*. 2017. Т. 2. № 5-1. С. 124–128. https://doi.org/10.12737/article_59e8bd26de45e8.00423846
Vinokurov E. V., Sobennikov V. S., Rychkova L. V. Relationship between depression and cardiovascular disease (review of literature). *Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal)*, 2017, 2(5-1): 124–128. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/article_59e8bd26de45e8.00423846
9. Кадыров Р. В., Эльзессер А. С., Бартковская Н. С. Психологические факторы инфаркта миокарда как поле для клинико-психологических исследований. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 2. С. 437–443. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-437-443>
Kadyrov R. V., Elzesser A. S., Bartkovskaia N. S. Psychological factors of myocardial infarction: prospects for clinical and psychological research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 437–443. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-437-443>

10. Кадыров Р. В., Эльзессер А. С., Бартковская Н. С. Тревожность пациента на разных этапах генеза инфаркта миокарда. *Психолог*. 2020. № 3. С. 75–86. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.3.32992>
Kadyrov R. V., Elzesser A. S., Bartkovskaia N. S. Patient's anxiety at the different stages of genesis of myocardial infarction. *Psychologist*, 2020, (3): 75–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.3.32992>
11. Черняева М. С., Петрова М. М., Савченко А. А., Шимохина Н. Ю., Каскаева Д. С., Пронина Е. А. Острый инфаркт миокарда и расстройства аффективного спектра. *Сибирское медицинское обозрение*. 2015. № 3. С. 5–14.
Chernyaeva M. S., Petrova M. M., Savchenko A. A., Shimokhina N. Yu., Kaskaeva D. S., Pronina E. A. Acute myocardial infarction and affective spectrum disorders. *Siberian Medical Review*, 2015, (3): 5–14. (In Russ.)
12. Bishop G. D. Personality and cardiovascular disease: overview. *Handbook of Psychocardiology*, eds. Alvarenga M. E., Byrne D. Singapore: Springer Science+Business Media Singapore, 2016, 631–643. https://doi.org/10.1007/978-981-287-206-7_28
13. Denollet J. Type D personality: a potential risk factor refined. *Journal of Psychosomatic Research*, 2000, 49(4): 255–266. [https://doi.org/10.1016/s0022-3999\(00\)00177-x](https://doi.org/10.1016/s0022-3999(00)00177-x)
14. Norton J., Pastore M., Ancelin M.-L., Hotopf M., Tylee A., Mann A., Palacios J. Time-dependent cognitive and somatic symptoms of depression as predictors of new cardiac-related events in at-risk patients: the UPBEAT-UK cohort. *Psychological Medicine*, 2021, 51(8): 1271–1278. <https://doi.org/10.1017/S0033291719004082>
15. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
Karpov A. V. Reflectiveness as a mental quality and the method to diagnose it. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2003, 24(5): 45–57. (In Russ.)
16. Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: СПбПУ Петра Великого, 2014. 120 с.
Kasyanik P. M., Romanova E. V. *Diagnosis of early maladaptive schemas*. St. Petersburg: SPbPU, 2014, 120. (In Russ.)
17. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. 102 с.
Yanitskiy M. V., Seryy A. V. *Diagnostics of the level of development of the value-semantic sphere of individual*. Novokuznetsk: MAEI APE IAS, 2010, 102. (In Russ.)
18. Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ). Новая медицинская технология. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 23 с.
Bizyuk A. P., Wasserman L. I., Iovlev B. V. *Application of the Integrative Anxiety Test (IAT)*. New medical technology. St. Petersburg: BPRI, 2005, 23. (In Russ.)
19. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
Boiko V. V. *The energy of emotions in communication: a look at yourself and others*. Moscow: Filin, 1996, 472. (In Russ.)
20. Kang S.-M., Shaver P. R. Individual differences in emotional complexity: their psychological implications. *Journal of Personality*, 2004, 72(4): 687–726. <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00277.x>
21. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями личности. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 38 с.
Wasserman L. I., Iovlev B. V., Isaeva E. R., Trifonova E. A., Shchelkova O. Yu., Novozhilova M. Y. *Methods for psychological diagnosis of ways of coping with stressful and problematic situations of the individual*. St. Petersburg: BPRI, 2009, 38. (In Russ.)
22. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2017. 480 с.
Sobchik L. N. *Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnosics*. St. Petersburg: Rech, 2017, 480. (In Russ.)
23. Горшков-Кантакузен В. А., Григорьев А. А. Распространенность личностного типа Д среди студентов высших учебных заведений. *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2017. № 4. С. 96–99.
Gorshkov-Cantacuzene V. A., Grigorev A. A. Prevalence of type D personality among undergraduate students. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2017, (4): 96–99. (In Russ.)
24. Кужелева Е. А., Борель К. Н., Гарганеева А. А. Низкая приверженность лечению после перенесенного инфаркта миокарда: причины и способы коррекции с учетом психоэмоционального состояния пациентов. *Рациональная фармакотерапия в кардиологии*. 2016. Т. 12. № 3. С. 291–295. <https://doi.org/10.20996/1819-6446-2016-12-3-291-295>
Kuzheleva E. A., Borel K. N., Garganeeva A. A. Low adherence to treatment after myocardial infarction: causes and ways of adjustment considering psycho-emotional state of patients. *Rational Pharmacotherapy in Cardiology*, 2016, 12(3): 291–295. (In Russ.) <https://doi.org/10.20996/1819-6446-2016-12-3-291-295>

original article

Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics

Azaliya A. Zakirova

Kazan State Medical University, Russia, Kazan

Mariia I. Andreeva

Kazan State Medical University, Russia, Kazan

<https://orcid.org/0000-0002-5760-0934>

lafruta@mail.ru

Received 19 Nov 2021. Accepted after peer review 28 Dec 2021. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The paper addresses a vital issue of forming idioms with nominations of human body. Human body-related words nominating body parts, physiological and mental processes are used to form numerous English idioms. In given paper these idioms are referred to as *human body-related*. The paper aims at revealing the specifics of lexical and semantic constituents of the idioms with reference to their contexts. We collected 200 human body-related English idioms from academic books and dictionaries. The research comprised four stages. The thematic classification based on the lexical structure of the idioms revealed prevalence of the idioms comprising words *head, eyes, heart, back, foot, and hand*. The similarities found in the meanings of all the idioms under study provided semantic classification into five groups, namely, *characteristics, action, state, causation, and ability*. Next we focused on contextual and semantic specifics of the idioms. In particular, the idioms, containing the word *head* were studied in the texts of the British National Corpus. The contexts provided the following additional meanings of the idioms: higher position, achievements, location, expenses, and inability to do something. The revealed collocations follow A^v+K type. The obtained results and developed algorithm may be applied to lexical and contextual studies of idioms and lexical groups.

Keywords: human body-related idiom, British National Corpus, semantics of idiom, lexical collocations of idiom, newspaper context, contextual semantics

Citation: Zakirova A. A., Andreeva M. I. Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 121–128. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-121-128>

оригинальная статья

Дополнительные смыслы в значениях идиом с компонентом *тело человека*: контекст, семантика

Закирова Азалия Азатовна

Казанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Казань

Андреева Мария Игоревна

Казанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Казань<https://orcid.org/0000-0002-5760-0934>

lafruta@mail.ru

Поступила в редакцию 19.11.2021. Принята после рецензирования 28.12.2021. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Рассматривается насущный вопрос формирования идиом с компонентом *тело человека*. Номинации тела человека, а именно части тела, чувства, физиологические и психические процессы, используются для образования многочисленных английских идиом. В данной статье эти идиомы называются идиомами с компонентом *тело человека*. Цель – выявить специфику лексико-семантических составляющих идиом, основываясь на контекстах. Мы изучили 200 английских идиом с компонентом *тело человека*, отобранных из академических источников и словарей. Исследование проводилось в четыре этапа. Тематическая классификация, основанная на лексической структуре идиом, выявила преобладание идиом, включающих слова *head* (голова), *eyes* (глаза), *heart* (сердце), *back* (спина), *foot* (нога) и *hand* (рука). Сходство, выявленное в значениях всех изучаемых идиом, позволило провести семантическую классификацию и выделить следующие пять групп: характеристики, действие, состояние, причинно-следственная связь, способность. На дальнейших этапах мы рассматривали контекстуальные и семантические особенности превалирующих групп *характеристики* и *состояние*. В частности, были изучены идиомы, содержащие слово *head*, на материале текстов Британского национального корпуса. В контекстах были выявлены следующие дополнительные смыслы идиом: более высокое положение, достижения, местоположение, расходы, неспособность измениться, что-то вспомнить, победить. Структурные типы словосочетаний с идиомами изучались на основе газет, загруженных в Google Ngram Viewer, и выявили преобладание

типа А^V+К. Полученные результаты и разработанный алгоритм могут быть в дальнейшем применены к лексическим и контекстуальным исследованиям различных идиом в частности и лексических групп в целом.

Ключевые слова: идиома с компонентом *тело человека*, Британский национальный корпус, семантика идиомы, лексические сочетания идиомы, газетный контекст, контекстуальная семантика

Цитирование: Zakirova A. A., Andreeva M. I. Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 121–128. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-121-128>

Introduction

Idioms have been studied in numerous research works within various domains of linguistics [1–4]. However, the exact definition of idioms lacks one unified and accepted standpoint among the researchers. P. Tabossi and F. Zardon claim that idioms are ‘strings of words whose semantic interpretation cannot be derived compositionally from the interpretation of their parts’ [5]. A relatively broad definition of an idiom is given by Sinclair, who argues that it is ‘a group of two or more words which are chosen together in order to produce a specific meaning or effect in speech or writing’¹. Thus, complex nature of idioms is determined by their ‘non-flexibility’, i.e. the idioms are set phrases and their lexical components are rarely changed, primarily for stylistic reasons. We follow theories of A. V. Kunin and define idioms as ‘stable combinations of lexemes with fully or partially reinterpreted meaning’ [7].

Context functions as an instrument to study and reveal specifics of idioms’ semantics [8–11]. However, contextual study of human body-related idioms may be viewed as a research niche [1; 2].

Within current anthropocentric linguistic paradigm the research is **relevant** as it focuses on the study of idioms comprising a human body-related (henceforth HBR) word, such as body parts, organs, and physiological processes. The research **novelty** comprises detailed study and multiple approaches, namely, lexicographic, semantic, contextual, taken to unveil the nature of the idioms under study [1; 2].

The research **aims** at revealing lexical and semantic specifics of the idioms with HBR word, and the features of their functioning in the general English-language discourse.

The aim presupposes the following **tasks**: 1) eliciting HBR idioms from dictionaries; 2) performing thematic classification of the idioms according to their lexical composition; 3) performing classification of the idioms by their meaning; 4) analyzing lexical and semantic compatibility of individual idioms; 5) analyzing and revealing additional meanings of the idioms based on their syntactic contexts registered in the texts of the British National Corpus; 6) analyzing collocations with the idioms in the newspapers uploaded into Google Ngram viewer tool; 7) comparing the semantics of the idioms.

There has been a significant increase of researchers’ interest in the anthropocentric notions, namely HBR metaphors and idioms [12–21]. Andreici et al. claim that one way of reflecting anthropocentrism by linguistic means is revealed in polysemantic set phrases, in particular, formed by the lexemes *head, blood, skin* that trigger certain associations in human mind [22].

The specifics of an idiom’s literal and figurative meanings correlation was emphasized by both Russian and foreign researchers [4; 10; 19–25]. The authors note that the lexical form and meaning of an idiom reflect the extralinguistic information provided by native speakers during the formation of the idiom [26; 27]. The correlation also presupposes that the literal and figurative meanings can also be considered in terms of ‘source domain’ and ‘target domain’, introduced by G. Lakoff and M. Johnson. The correlation of the source and target domains is based on their similarity [4].

Structural approach is generally accepted and applied in linguistics to study the semantics of words, and idioms in particular [3; 9]. Following I. A. Sternin, we distinguish nuclear, peripheral and potential semes in the structure of an idiom. A seme is defined as the ‘minimal component of the meaning’ [8]. The core seme of a word helps to distinguish its semantic fields. Peripheral semes indicate differences in the meaning of idioms [28].

The study of the context of an idiom unveils its potential semes. The use of the context to study an idiom was initiated by M. T. Tagiev [29] and was later developed by A. V. Kunin [6]. The term ‘syntactic context’ was introduced by N. N. Amosova to denote the context that rests on the syntactic construction, namely, ‘a semantically realizable word, regardless of the lexical meanings of the words included in this construction’ [25]. Given views emphasize the role of the context in the analysis of idioms’ semantics. Bulut claims that context is a clue to dealing with idioms [30].

The structural syntactic theories highlight crucial role of context in analyzing the semantics of idioms in a way allowing idioms’ meaning extension.

The context is also of primary importance for analysis of possible collocations with HBR idioms. We followed the theory introduced by V. D. Arakin [31] who distinguishes

¹ Cobuild C. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. HarperCollins, 1995.

between core word (Kernel, henceforth K) and adjunct (henceforth A). We use the following abbreviations for the parts of speech: n (noun), v (verb), a (adjective), d (adverb), pr (preposition), conj (conjunction).

The authors follow given theories of the structural approach to semantics, lexis and contextual linguistics and arrange the research work accordingly. The research comprised four stages, corresponding to the following research questions (henceforth RQ):

RQ1: What are the most common nominations of human body parts or physiological processes used to form HBR idioms?

RQ2: What are semantic groups of HBR idioms?

RQ3: What additional meanings are revealed in the contextual study of HBR idioms containing 'nucleus' lexeme?

RQ4: What are possible collocations with HBR idioms in newspaper texts?

Materials and methods

The research **material** is based on 200 HBR idioms elicited from three academic books of the Cambridge Publishing House, namely, Michael McCarthy, Felicity O'Dell *English Idioms in Use²*, *English Vocabulary in Use, Upper-Intermediate³*, *English Vocabulary in Use, Advanced⁴*.

As idiomatic expressions are often used in media texts, films or TV shows and form a part of the essential values of the culture, we resorted to written texts for detailed semantic and syntactic analysis of the HBR idioms. Thus, the authors compiled a set of short texts obtained from the British National Corpus. The texts were numbered and codified by the authors.

The British National Corpus (henceforth BNC) was compiled by Oxford University press in the 1980s – early 1990s, containing 100 million words of text from a wide range of genres (namely, spoken, fiction, magazines, newspapers, and academic discourse)⁵. All the example sentences and contexts were elicited from the British National Corpora.

We also resorted to Google NGram Viewer online tool for the collocations with HBR idioms. This tool is based on Google books and represents the frequency of words usage both graphically and contextually⁶. All the example sentences and contexts were elicited from the Google Books NGram Viewer.

The research rested on the following methods: lexicographic analysis, descriptive method, componential analysis, lexicographic method, distributive analysis.

Results and Discussion

At the preliminary stage 200 HBR idioms were elicited from three academic books (mentioned above).

At Stage 1 the idioms under study were classified thematically based on their lexical components (Fig. 1).

As Fig. 1 suggests, the prevailing number of idioms belong to the thematic group *head* (24)⁷. E.g. **to lose one's head, to knock that on the head, to keep one's head down, to have a head like a sieve, to be a big-head.**

Moreover, the most frequently used words in HBR idioms comprise the following: *eyes* (18), *heart* (17), *back* (15), *foot* (14), *hand* (11), *face* (9). E.g. **to turn a blind eye, to bare one's heart, to be on someone's back, to put one's foot down, to change hands, to keep a straight face.**

The least frequently used words nominating human body parts in idioms are *heel, toe, guts*, and *chest*. E.g. **to drag one's heels, to keep someone on toes, to have a gut feeling, to get it off one's chest.**

At Stage 2 the idioms were classified into five groups according to their meaning (Fig. 2). We can distinguish between five semantic groups. Semantic group *characteristics* (77) comprises idioms nominating personal features of character (e.g. **to be a pain in the neck, to have a heart of gold, to be sharp-tongued**), talents (e.g. **to have green fingers, to have a good head for figures**), features of objects (e.g. **first-hand, to be to hand, as long as your arm**), description of action (**to laugh / scream / shout one's head off, face to face, to slog / sweat / work one's guts out**).

Semantic group *action* (62) includes nominations of physical action (e.g. **to put finger on sth, to shrug one's shoulders, foot the bill, to keep a straight face**), mental action (e.g. **to pick someone's brain, to get one's head around, to make up one's mind**).

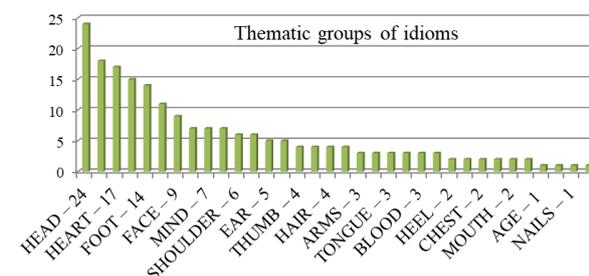

Fig. 1. Thematic classification of HBR idioms

Рис. 1. Тематическая классификация идиом с компонентом тело человека

² O'Dell F., McCarthy M. *English idioms in use advanced with answers*. Cambridge University Press, 2010.

³ McCarthy M., O'Dell F. *English vocabulary in use upper-intermediate & advanced*, 2011.

⁴ McCarthy M., O'Dell F. *English vocabulary in use: Advanced*. Ernst Klett Sprachen, 2002.

⁵ British National Corpus. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 15.11.2021).

⁶ Google Books NGram Viewer. Available at: <https://books.google.com/ngrams> (accessed 15.11.2021).

⁷ Hereinafter the number in brackets indicates the frequency of the idiom.

Semantic group *state* (29) comprises HBR idioms nominating emotional state (e.g. **one's heart sinks, to raise a few eyebrows**), physical state (e.g. **to feel it in one's bones, to shake in one's boots**), mental state (e.g. **to keep one's head above water, to bury your head in the sand**), psychological state (e.g. **to get one's fingers burnt, to be rushed off one's feet**).

Semantic group *causation* (22) contains idioms representing positive consequences of causation (e.g. **to put someone's mind at rest, to stand shoulder to shoulder with someone**) and negative consequences of causation (e.g. **to stab someone in the back, to get on everyone's nerves**).

Semantic group *ability* (7) comprises idioms nominating individual features (e.g. **to turn one's hand to any job, could do sth with one hand tied behind back**), inability (e.g. **couldn't believe one's eyes, couldn't keep one's eyes off**).

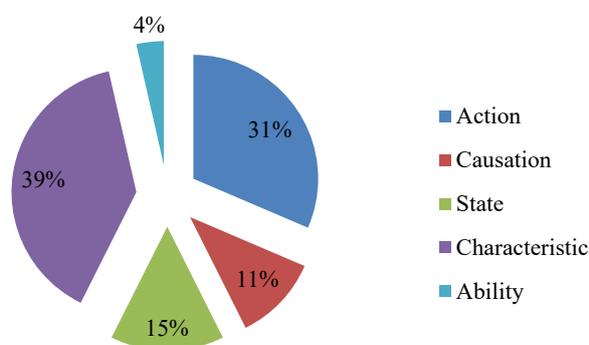

Fig. 2. Semantic groups of HBR idioms
 Рис. 2. Семантические группы идиом с компонентом тело человека

At Stage 3 we focused on the contextual specifics of HBR idioms, in particular those containing the word *head*. The given thematic group is chosen as it contains the largest number of the idioms studied (24). For the purposes of the research we resorted to the texts of the British National Corpus.

Contexts and additional meanings revealed for HBR idiom V + head and shoulders above someone

The idiom **V + head and shoulders above someone**, *to be much better than someone* is revealed in 27 contexts in the BNC. The idiom functions in prose, tabloids, and biography genres. Typically, the idiom is preceded by verbs (**stand** (6), **tower**, **put**, **be**). E.g., *Today, both he and Anthony Tohill stand head and shoulders above every other midfield pairing in the country.*

The idiom is followed by the nomination of a person (**her sisters**, ES8⁸), **competitors** (ES2), **rivals** (ES11), generic words, like **rest of ...** (ES1, 20–26), **others** (ES8, ES19). For example, ES19 *Of these twelve, the first eight are much the most abundant, with silicon and oxygen head and shoulders above the rest.*

The meaning of the idiom **head and shoulders above** is extended and explained in the contexts of the BNC. In particular, in ES8 the schooner is **head and shoulders above** others due to its decks, design, technical characteristics for circumnavigation and family cruising. For example, ES8 *Modern Schooner # GIFT HORSE is without a doubt the finest Ocean 60. Not only is she in excellent condition, but her lovely teak decks and customized interior put her head and shoulders above her sisters. The immense strength of the British built Ocean 60's construction is well known and the design has proven itself with circumnavigations, very successful charter operations and shorthanded family cruising.*

In ES11 the idiom **head and shoulders above** is used as character really stood higher than others on the steps of the cathedral so that's why it looked as his rivals bowed before him. For example, ES11 *He engineered it so that he was standing head and shoulders above his rivals when they filed past to shake his hand and offer their condolences.*

In ES13 the poet is better than someone because of greatness of his personality and poetry. For example, ES13 *Though short, he stands head and shoulders above most. He is one of those characters whose personality is somehow several sizes too large <... > And what poetry! It is larger than life, more real than truth, dramatic and daring, perceptive and flowing, and, significantly, full of paradox and ambiguity.*

Also in ES14 the sportsman is **head and shoulders above** other men as he won the competition and got a gold medal. For example, ES14 *Lightning Linford, the British athletics team captain, stands head and shoulders above silver medallist <... > bronze medal winner <... > the men he beat with amazing ease to capture the 100 metres gold medal.*

Obviously, ES20 exemplifies Japan as a country that is better than other countries as it spends much more money on computer hardware and software. For example, ES20 *<... > But, as in 1990, Japan stands head and shoulders above the rest in hardware investment intentions this year. For software the review shows a downward trend in the UK, Canada and Spain this year. Japan, once again, is on the up [31].* In ES25 silicon and oxygen are better than the rest of the chemical elements as they are the most prevalent among other elements in the Earth's crust. For example, ES25 *Of these twelve, the first eight are much the most abundant, with silicon and oxygen head and shoulders above the rest. Silicon and oxygen, in fact, are the fundamental constituents of almost all the rocks in the Earth's crust.*

Contexts and additional meanings revealed for HBR idiom V+ing head against a brick wall

The idiom **V+ing head against a brick wall**, *to feel frustrated because someone stops person from making progress in something*, is found in 14 contexts of the BNC. The idiom is used in prose, popular magazines, and news scripts.

⁸ All the sentences extracted from British National Corpus are registered in authors' corpus and marked with a code developed by the authors. The code comprises two letters ES, which stand for 'example sentence' and a number.

The idiom collocates with verbs (**bang** (8), **hit**, **knock**, **bash**), pronouns (**their**, **my**, **your** (8), **her**). E.g. ES8 *So don't waste energy **banging your head against a brick wall**.*

The idiom is followed by adverbial modifiers of time, namely, **at the moment** (ES2), **in the end** (ES3), verbs (**to attempt**, **to fight** (ES4)), preposition (**about** (ES1)). E.g., ES14 *I must admit that I got fed up with pursuing it and I think it's like **banging your head against a brick wall** in the end.*

The meaning of the idiom **V+ing head against a brick wall** is explained in the contexts of the BNC. In particular, in ES5 a woman is tired of convincing everyone that she's not a thief, but the protagonist doesn't believe her. For example, ES5 *I am not a thief. I don't handle stolen property, and damn you for suggesting I do! I'm tired of it! Tired of **bashing my head against a brick wall!***

In ES6 the idiom is used in ecological context as despite their efforts governments don't solve environmental issues in an appropriate way and at proper pace. For example, ES6 *Like most activists, Isaacs is fed up with the sloth-like pace with which governments are taking on environmental concerns. 'After a while you feel like you're **banging your head against a brick wall,**' he says.*

The idiom used in ES8 means if you know that you aren't going to win in some fight or struggle, it will be pointless to continue so do not waste your energy and try next time. For example, ES8 *So don't waste energy **banging your head against a brick wall**. Admit temporary defeat with good grace, retreat, reconsider and wait.*

In ES11 the ballet teacher found that working with children was like **banging her head against a brick wall** as they were stubborn and often continued to do things their own way. For example, ES11 *Although she was terribly fond of the children she found that working with them was like **banging her head against a brick wall**.*

In ES13 an old man says that he's **banging his head against a brick wall** as he hasn't managed to change his ex-wife's attitude towards him in any way. For example, ES13 *I can't believe she's doing this to me after 33 years of marriage <...> I've done everything to get her back. But I'm **banging my head against a brick wall**.*

Contexts and additional meanings revealed for HBR idiom **off the top of one's head**

The idiom **off the top of one's head**, *without thinking about it for very long, say something immediately, from memory*, manifests itself in 39 contexts of the BNC. The idiom is common in broadcast discussions, popular magazines and prose.

The idiom is used with verbs **lift** (15), **decide**, **say**, **come**, **do** (e.g. ES15 *In my imagination, I can lift **off the top of my head**, just like a lid* [31]); nouns **number**, **opinion** (24), **team**, **place** (e.g., ES24 *And that's purely expression of opinion **off the top of my head*** [31]); adverbs **totally**, **personally**, **purely** (18),

somewhat (e.g. ES18 *... and I mean that's purely **off the top of my head**, that...).*

The idiom is followed by pronouns (**I** (ES4, ES10-ES14), **what** (ES20, ES28-ES29), **which** (ES21)), conjunctions (**and** (ES1, ES30), **but** (ES2, ES6-ES8)). E.g. ES4 *So I, **off the top of my head** I said twenty pounds.*

The meaning of the idiom **off the top of one's head** is explained in the contexts of the BNC. In particular, in ES1 the idiom is objectified in the meaning of *do something quickly, without thinking for a long time*. For example, ES1 *... so it was a bit of a rush, and that's really one of my feelings about it – I sat down and wrote it **off the top of my head** and not an awful lot is very considered.*

Additional meaning *inability to tell something and thus inquiring* is revealed in ES6: *erm I mean I can't tell you **off the top of my head**, but I would like to know how many erm career advisory erm people actually help girls to direct their career.*

In ES7 the idiom is used in the meaning *inability to remember the exact number*. For example, ES7 *... tell me how many crimes have been committed at the Park and Rides? – Well I don't know the number **off the top of my head**, but I do know... – But you say that the number's gone down.*

In the following context the idiom is implemented in the meaning of *something that they can easily remember*. For example, ES9 *... which I can remember go something along the lines of rehearsal at four thirty, picnic tea <...> this is all **off the top of my head**, four sharp, picnic tea, concert, and go home.*

Contextual meaning *ability to imagine something quickly* is objectified in ES15: *In my imagination, I can lift **off the top of my head**, just like a lid. As I do so, a shaft of light comes from above, sparkling with diamonds just like those on the water.* The semantic structure of the idioms was extended by additional meanings revealed in the BNC contexts (Tab.).

At Stage 4 we studied the collocations and frequency with HBR idioms containing the word *head* (see Stage 3) in newspaper texts registered in Google Ngram Viewer (Fig. 3). We resorted to newspaper texts as the specifics of media discourse implies the use of figurative and vivid linguistic units, in particular idioms, aimed at attracting and engaging readers.

It should be noted that almost all the collocations revealed in BNC texts (see Stage 3) were also used in newspapers and were the prevailing ones. This research outlines top frequent collocations with HBR idioms containing the word *head* under study.

According to the structural theory of V. D. Arakin [31], the HBR idiom **head and shoulders above** is marked as kernel (K) and coded as $K^{n+conj+n+pr}$. Revealed collocations correspond to the formula $A^V+K^{n+conj+n+pr}$, where V is represented by the following verbs: **stand**⁹ (31), **be** (19), **set** (7), **put** (3), **sit** (2), **tower**, **remain**, **regard**, **get**, **rise**. E.g. *Microsoft is a product company, and for the past decade its Windows and Office products have **stood head and shoulders above** all others; He's now on his second Delta Marine motor-yacht, which he says is 'head and shoulders above any builder in composite construction'.*

⁹ Italics is used for verbs found collocating with kernel idiom both in BNC and Google Ngram Viewer newspaper texts.

Tab. Additional meanings of HBR idioms revealed in the contexts

Табл. Дополнительные смыслы идиом с компонентом тело человека, выявленные в контекстах

Idiom	to be head and shoulders above someone	to be banging head against a brick wall	off the top of one's head
Meaning	to be much better than someone	to feel frustrated because someone stops person from making progress in something	without thinking about it for very long, say something immediately, from memory
Core seme	characteristics	state	action
Differential semes	higher	negative	quick
	higher technical characteristics	frustration	–
	higher location	inability	–
	high money expenses	caused by inability to solve environmental issues	inability to remember easily
	high level of personality	caused by inability to win	inability to remember the number
	high sport achievements	caused by inability to change attitude	inability to imagine
	high distribution of chemical element	caused by children's behaviour	–

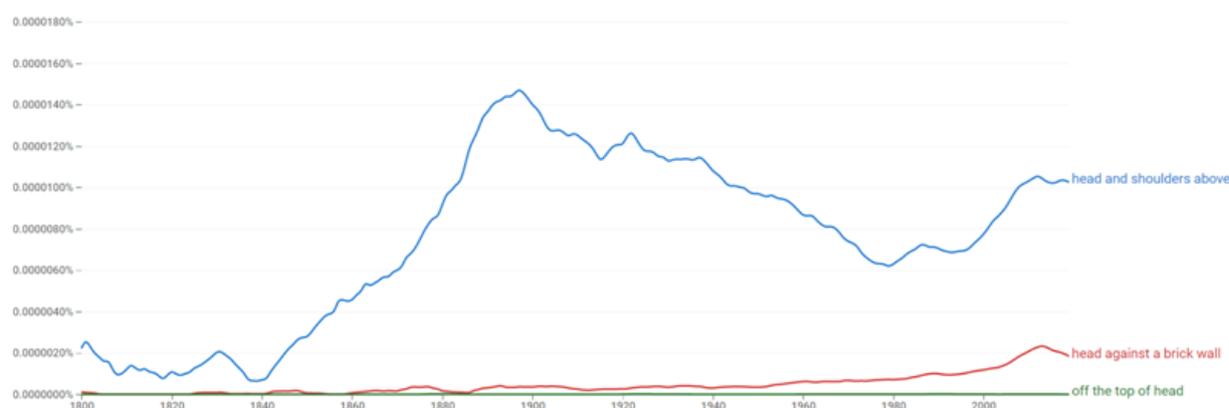

Fig. 3. HBR idioms frequency in Google Ngram viewer

Рис. 3. Частотность идиом с компонентом тело человека в текстах сервиса Google Ngram viewer

The verbal collocations with the HBR idiom **head against a brick wall** were coded as $A^V+K^{n+pr+n+n}$ and comprise the following verbs: **beat** (9), **bang** (6), **hit**, **bash**, **pound**, **ram**, **slam**, **butt**. E.g. *Now you spend half a day **beating** your **head against a brick wall** of busy signals, ranting at recorded messages, hanging around on hold; By 1996, though, **hardcore** was **banging** its **head against a brick wall** of schlocky ultraviolence and velocity.*

It should be noted that the vast majority of the verbs revealed share the meaning of *hitting*. However, the power and intensity of hitting differs.

Coded as $A^V+K^{pr+n+pr+n}$, the HBR idiom **off the top of head** collocates with verbs **know** (2), **think** (2), **write**, **list**, **craft**, **go**, **be**, **say**, **blow**. Contextual analysis showed that the syntactic function of the idiom is that of adverbial modifier. E.g. *He can list several such deficiencies **off the top of his head**; Each time, his verse was completely different, both times **off the top of his head**.*

Conclusion

Based on the obtained results the most common nominations of body parts used to form HBR idioms comprise *head*, *eyes*, *heart*, *back*, *foot*, *hand*, and *face*. The idioms belong to five semantic groups, namely, *action*, *state*, *causation*, *characteristic*, and *ability*.

The research showed that the vast majority of additional meanings of the HBR idiom **to be head and shoulders above someone** comprise a potential seme *higher*, namely, higher characteristics, expenses, achievements, location. The potential seme *inability* is added to two idioms **to be banging head against a brick wall** and **off the top of one's head**. According to BNC texts, the former idiom is used as a result of inability to solve problems, win and change one's behavior. The latter idiom nominates inability to remember and to imagine things.

Mostly, idioms are preceded by verbs both in BNC texts and Google N-Gram newspapers texts. HBR idioms **to be banging or hitting head against a brick wall** and **off the top of one's head** also collocate with pronouns and nouns / adverbs, respectively. The research findings outline top frequent collocations with three HBR idioms containing the word *head*.

The idioms under study are followed by different parts of speech. The idiom **to be head and shoulders above someone** is most often used with nouns and generic words; the idiom **to be banging head against a brick wall** with adverbial modifiers of time, verbs and prepositions; the idiom **off the top of one's head** with pronouns and conjunctions.

Further research perspective lies in the extension of the research material. The developed algorithm can be applied to other idioms, in particular to those with a colour-nominating word as a lexical component. Moreover, the data

obtained in the study may be narrowed only to the texts of specific sub-corpora of the BNC, such as fiction texts, magazines or newspapers.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

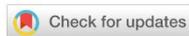
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

References / Литература

- Andreeva M. I., Solnyshkina M. I. Idiomatic meaning of idiom "halcyon days" in institutional discourse: a contextual analysis. *Journal of Language and Literature*, 2015, 6(1): 306–310. <https://doi.org/10.7813/jll.2015/6-1/56>
- Andreeva M. I., Makarova O. Y., Gorbunova D. V., Lukina M. V. Emotive metaphors in professional jargons. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019, 907: 335–342. https://doi.org/10.1007/978-3-030-11473-2_35
- Espinal M. T., Mateu J. On classes of idioms and their interpretation. *Journal of pragmatics*, 2010, 42(5): 1397–1411. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.09.016>
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242.
- Tabossi P., Zardon F. The activation of idiomatic meaning in spoken language comprehension. *Idioms: Processing, structure, and interpretation*, eds. Cacciari C., Tabossi P. N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1993, 145–162.
- Кунин А. В. О фразеологической номинации. *Фразеологическая семантика: германские и романские языки*, отв. ред. А. В. Кунин. М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1983. Вып. 211. С. 88–100.
- Kunin A. V. About the phraseological nomination. *Phraseological semantics: Germanic and Romance languages*, ed, Kunin A. V. Moscow: MSLU, 1983, iss. 211, 88–100. (In Russ.)
- De-yi H. U. On meanings through context determining and understanding word. *Journal of Huzhou Vocational and Technological College*, 2007, 1: 138–145.
- Стернин И. А., Саломатина М. А. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011, 150 с.
- Sternin I. A., Salomatina M. A. *The semantic analysis of a word in the context*. Voronezh: Istoki, 2011, 150. (In Russ.)
- Naciscione A. *Stylistic use of phraseological units in discourse*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010, 292. <https://doi.org/10.1017/z.159>
- Uchida S. Immediate contexts and reported speech. *UCL Working Papers in Linguistics*, 1997, 9(29): 147–159.
- Němcová M. *Comparative analysis of English and French body idioms*. LAP Lambert, Brno, 2013, 100.
- Fang J. Chinese translation of English human body idioms based on the functional equivalence theory. *Studies in Literature and Language*, 2013, 7(2): 52–58. <http://dx.doi.org/10.3968/n>
- Dhafer N. Conceptualization of metonymy denoting human body parts: (eye and hand) idioms in English and Yemeni. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2020, 3(11): 68–78. <https://doi.org/10.32996/ijllt.2020.3.11.6>
- Adelina C., Suprayogi S. Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body. *Linguistics and Literature Journal*, 2020, 1(1): 20–27. <https://doi.org/10.33365/lj.v1i1.235>
- Škara D. Body metaphors – reading the body in contemporary culture. *Collegium antropologicum*, 2004, 28(1): 183–189.
- Sakuragi T., Fuller J. W. Body-part metaphors: a cross-cultural survey of the perception of translatability among Americans and Japanese. *Journal of psycholinguistic research*, 2003, 32(4): 381–395. <https://doi.org/10.1023/a:1024858712238>
- Octay C. Some human body parts that demonstrate the negative disposition of individuals in English and Turkish idioms. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (5-3): 40–43.
- The lexicon of Proto Oceanic: the culture and environment of ancestral Oceanic society. Vol. 5: People: Body and mind*, eds. Ross M., Pawley A., Osmord M. Asia-Pacific Linguistics, 2016, 446.
- Baeva A. Metaphors from the names of parts of the human body (anthropomorphic metaphors). *Knowledge*, 2021, 48(4): 665–667.

20. Tjuka A. A cross-linguistic study of body-part metaphors and their cognitive basis. *Book of abstracts: 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea*, 21st – 24th Aug 2019. Leipzig University, 2019, 348–349.
21. Vu N. N. Conceptual metaphor about personality in English and Vietnamese idioms of body parts. *Tạp chí Khoa học*, 2016, 80(2): 5–11. [https://doi.org/10.54607/hcmue.js.0.2\(80\).350\(2016\)](https://doi.org/10.54607/hcmue.js.0.2(80).350(2016))
22. Andreici M. Ț. Body idioms in Russian and Serbian languages. *Buletinul Stiintific al Universitatii Politehnica din Timisoara, Seria Limbi Moderne*, 2016, 1(15): 15–22.
23. Hanks P. The syntagmatics of metaphor and idiom. *International Journal of Lexicography*, 2004, 17(3): 245–274. <https://doi.org/10.1093/IJL/17.3.245>
24. McGlone M. S. What is the explanatory value of a conceptual metaphor? *Language & Communication*, 2007, 27(2): 109–126. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2006.02.016>
25. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. 3-е изд. М.: URSS, 2013, 180 с.
Amosova N. N. *Fundamentals of English phraseology*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2013, 180. (In Russ.)
26. Dobrovolskij D., Piirainen E. Idioms: Motivation and etymology. *Yearbook of phraseology*, 2010, 1(1): 73–96. <https://doi.org/10.1515/9783110222623.1.73>
27. Dobrovolskij D., Piirainen E. Cultural knowledge and idioms. *International journal of English studies*, 2006, 6(1): 25–31.
28. Новиков Л. А. Сема. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/lingvist/1466407.html> (дата обращения: 15.11.2021).
Novikov L. A. *Sema*. Available at: <https://slovar.cc/rus/lingvist/1466407.html> (accessed 15 Nov 2021). (In Russ.)
29. Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку: Maarif, 1966. 251 с.
Tagiev M. T. *Verbal phraseology of modern Russian language*. Baku: Maarif, 1966, 251. (In Russ.)
30. Bulut T., Çelik-Yazıcı İ. Idiom processing in L2: Through rose-colored glasses. *The reading matrix*, 2004, 4(2): 105–116.
31. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физматлит, 2005. 232 с.
Arakin V. D. *Comparative typology of English and Russian*. Moscow: Fizmatlit, 2005, 232. (In Russ.)

оригинальная статья

Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе

Тихонова Ирина Борисовна

Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

<https://orcid.org/0000-0001-5045-8990>

tikhirina@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.10.2021. Принята после рецензирования 24.11.2021. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Переход на новую современную парадигму устойчивого развития и безопасного производства спровоцировал экспоненциальный рост числа научных работ по теме *Green technology*. В данной статье рассматривается лингвокогнитивный подход к метафорическому выражению *Green technology* с учетом моделирующего потенциала цветовой метафоры. Эмпирический материал исследования составляет выборка из 10 наиболее актуальных научных статей, удовлетворяющих поисковому запросу *Green technology* за период 2011–2020 гг. Авторы статей являются представителями разных стран, что подчеркивает международный характер метафорической номинации. Конвергентное применение традиционных лингвистических методов в сочетании с дискурсивно-когнитивным подходом, а также корпусным и контекстным анализом, дополненное статистическими и библиометрическими методами, позволяет выявить концептуальное ядро дискурса *Green technology*, организовать концептуальную область в виде фреймовой структуры. Когнитивный подход способствует выявлению несемантизированных элементов значения, таких как эмоциональные и сенсорные реакции, психологические ассоциации, позитивное отношение – существующие вокруг зеленого цвета значения, которые накладываются на профессиональный контекст и определяют вектор его интерпретации. Результаты исследования позволяют выявить метафорическую модель как лексическое проявление профессионального дискурса безопасного производства и глобального устойчивого развития.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, метафора цвета, когнитивное моделирование, фреймовый анализ, корпусный анализ, зеленые технологии, защита окружающей среды

Цитирование: Тихонова И. Б. Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 129–137. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-129-137>

original article

Green Technology: Color Metaphor in Professional Discourse

Irina B. Tikhonova

Omsk State Technical University, Russia, Omsk

<https://orcid.org/0000-0001-5045-8990>

tikhirina@rambler.ru

Received 20 Oct 2021. Accepted after peer review 24 Nov 2021. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The transition to the paradigm of sustainable development and safe production has provoked an exponential increase in the number of scientific papers on the topic of *green technology*. This article deals with the linguacognitive approach to the metaphor of green technology and the modeling potential of this color metaphor. The research was based on ten scientific articles on green technology published in 2011–2020 in different countries. The analysis involved traditional linguistic methods in combination with a discursive-cognitive approach, as well as a corpus and contextual analysis supplemented by statistical and bibliometric methods. The author identified the conceptual core of the *green technology* discourse and organized the conceptual domain into a framework structure. The cognitive approach facilitated the identification of non-semantic elements of meaning, e.g. emotional and sensory reactions, psychological associations, positive attitude, etc., i.e. the total aura of meanings around the color green which are superimposed on the professional context and determine the vector of its interpretation. The article introduces this metaphorical model as a lexical manifestation of professional discourse of sustainable production and development.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, color metaphor, cognitive modeling, frame analysis, corpus analysis, green technology, environment protection

Citation: Tikhonova I. B. Green Technology: Color Metaphor in Professional Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 129–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-129-137>

Введение

Профессиональный дискурс отвечает на изменение параметра актуальности доминирующих установок и тенденций в современной промышленной действительности путем трансформации терминосистемы – ядра профессионального дискурса. Сдвиг фокуса внимания в мировой промышленности в направлении более экологичного производства с применением новых технологий *Green technology* отражается экспоненциальным ростом научных исследований в этой области. Расширение и обогащение информационного пространства за счет возрастающего числа научных публикаций, посвященных применению зеленых технологий в мировой промышленности, приводит к значительной модификации лингвистического состава и структуры профессионального дискурса, включающего совокупность базовых концептов и ассоциативно-семантических связей между ними, и полностью меняет вербальный код, лежащий в основе соответствующей внеязыковой действительности.

В рамках данного когнитивно-дискурсивного исследования центральное внимание уделяется метафорической номинации *Green technology*, представляющей собой языковую манифестацию фрагмента профессиональной картины мира, в котором реализуется тенденция развития современного производства, задан курс на новую парадигму развития промышленности для достижения высокого качества жизни и конкурентоспособности¹.

Феномен метафоры рассматривается как языковое выражение когнитивных механизмов, закрепленных в языке в результате синтеза различных форм мышления рационального и образного на пути научной профессиональной познавательной деятельности и актуализированных в рамках научной профессиональной коммуникации.

Следует отметить, что интерес к явлению метафоры не ослабевает с древнейших времен. Начиная с Аристотеля, который впервые обратил внимание на это явление, ученые пытались разгадать загадку метафоры как средства украшения речи, повышения индекса образности в литературе и искусстве [1–3]. В настоящее время пристальное внимание исследователей устремлено на метафору в научной и профессиональной сфере, в частности изучается речевое воздействие, которое оказывает метафора в политике [4–7], психотерапевтическая и прагматическая функция в медицине для объяснения сложных профессиональных понятий и «трудных» тем [8–12], большой интерес вызывает роль метафоры в формировании научной картины мира [13–18].

В профессиональной коммуникации «важно подчеркнуть концептоорганизующую и структурирующую функцию ключевых метафор, их способность предопределять направленность истолкования, структурирования ключевых понятий, терминов научной парадигмы» [16, с. 18]. Наглядным доказательством такого представления о метафоре, а также о роли базовых метафорических моделей в языке

науки является исследование А. Е. Седова, который проследил эволюцию научного знания в работах российских генетиков на материале метафорических образов. «Сопоставляя наиболее значительные публикации о структурах и функциях различных генетических систем за более чем 20 лет, я обнаружил, что именно метафоры лежат в основе новых формулировок. Именно с помощью неожиданных и точных образов-словосочетаний выдающиеся генетики "конструировали" непривычные образы понятия» [17, с. 526].

Анализ предпосылок, которые предопределяют возможности представления некоторого научного феномена или профессиональной практики с помощью метафорических моделей, дает основание констатировать актуализацию в них особой информативной ёмкости, эвристичности и потенциальной креативности. Как показывают исследования лингвистов, чей гносеологический интерес направлен на область изучения метафоры в науке, «метафора в данном направлении рассматривается как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [19, с. 26].

Информативный и образный потенциал метафорических выражений эффективно используется в разных областях науки и профессиональной деятельности, позволяя не только называть или номинировать профессиональные научные понятия, но и посредством ярких запоминающихся образов объяснять сущность этих понятий или их ключевые характеристики, включать оценочные суждения. Подобные метафорические выражения: в генетике – хромосомный мост, эгоистичная ДНК, в геологии – кружевные шлаки, в информационных технологиях – электронное облако, в химии – молекулярное сито, в лингвистике – словообразовательное гнездо, в астрономии – белый карлик, красный гигант, планетарная туманность – обладают способностью актуализировать в сознании коммуниканта спектр ассоциаций из других областей знания, зачастую из конвенциональных концептуальных пространств, обладающих исчерпывающей объяснительной силой ввиду своей универсальности.

Особое коммуникативное воздействие оказывают на респондентов цветовые метафоры в научной и профессиональной сфере. Из психологии цвета известно, что зрительное восприятие или упоминание цвета создает перцептивное впечатление, которое оказывает не только психологическое воздействие, а именно может вызвать эмоции, вдохновить на реакцию, изменить настроение, но и обладает способностью спровоцировать физиологическую реакцию, повысить аппетит или даже артериальное давление. Цвет – универсальный стимул восприятия, который несет значение и может влиять на то, как мы чувствуем, думаем и действуем [20]. При упоминании цвета в сознании актуализируется комплекс эвристик, неразрывно связанных с соответствующим цветом.

¹ GREEN PAPER. Promoting a European framework for Corporate Social Responsibility. Commission of the European Communities. Brussels, 18.07.2001. P. 3.

Под эвристиками мы понимаем априорные представления о сущности объекта исследования [21]. Концептуальное пространство каждого цвета включает комплекс ассоциативных связей и коннотативную образность, оказывающих сильное психологическое воздействие, отсылающих нас к опыту чувственного восприятия мира, влекущих за собой шлейф экспрессивно-перцептивных преставлений о мире.

Современные исследования цветových метафор с учетом понимания многогранности исследуемого явления выстраиваются в разных направлениях. Несколько работ по метафоре цвета раскрывают сложности перевода метафорических наименований с одного языка на другой, что связано с культурологической обусловленностью [22–24]. Несмотря на концептуальный конвенциональный характер цветových метафор, трудности при переводе связаны с культурными традициями, встроенными в семантику метафорических выражений. Метафоры цвета являются культурно детерминированным явлением, и даже хорошее владение языком и наличие контекста не снимает трудность перевода при отсутствии культурологических знаний. Большой исследовательский интерес направлен на изучение психологического воздействия, которое оказывает цветовой компонент в составе метафоры на человека [25]. Автор пытается объяснить, почему сходные психологические ассоциации возникают у большого количества людей разных национальностей в качестве реакции на определенный оттенок цвета и как с помощью цвета можно повлиять на принятие решения. Большинство исследователей сходятся во мнении, что зеленые метафоры распространены во всем мире, передают концептуальное пространство экологии и используются для усиления воздействия экологичности и популяризации защиты окружающей среды [26].

Актуальность данного исследования обоснована несколькими параметрами. Во-первых, представляется актуальным выбор в качестве объекта исследования лингвокогнитивного пространства *Green technology* как одного из самых популярных направлений современной парадигмы производственной и профессиональной деятельности, связанной с заботой об окружающей среде, что подтверждается значительным ростом публикаций по этой теме. Во-вторых, актуальным представляется конвергентное применение традиционных методов лингвистики в сочетании с дискурсивно-когнитивным подходом, а также корпусным и контекстным анализом, дополненным статистическими и библиометрическими методами.

Эмпирическим материалом для исследования служит стратифицированная многоступенчатая вероятностная выборка из 10 научных статей, извлеченных из международной базы данных *Web of Science Core collection*, удовлетворяющих поисковому запросу *Green technology*.

Принимая во внимание актуальность данного вопроса, представляется необходимым: определить источники метафорического переноса метафорического выражения *Green technology*; установить роль метафорического термина *Green* как символа защиты окружающей среды; выявить базовое

концептуальное ядро и описать фреймовую организацию исследуемой концептуальной сферы; определить характер метафорической модели когнитивного пространства *Green technology* в аспекте моделирующих свойств; визуализировать лингвокогнитивную модель метафорического пространства *Green technology*.

Новизна исследования обусловлена обращением к вопросу формирования системы представлений профессионального характера с опорой на перцептивно-образные представления о цвете, созданием лингвокогнитивной метафорической модели концептуального пространства *Green technology* на уровне профессионального дискурса. В исследуемом нами когнитивном пространстве *Green technology* особое внимание уделяется параметру визуализации, или, точнее, визуальной кодификации.

Методы

Логика когнитивного подхода к изучению метафоры цветопередачи в пространстве профессиональной коммуникации предполагает применение специальных методов исследования, а именно когнитивного моделирования лингвистического пространства, функционирующего в рамках профессионального дискурса. Привлечение метода фреймового анализа позволяет построить систему элементов концептуального пространства, выявить базовые концепты и установить динамические связи с опорой на экстралингвистические знания. Метод корпусного анализа позволяет исследовать большой эмпирический материал. Кроме того, в ходе исследования применяются библиометрические и статистические методы.

Исследование включало несколько этапов. Из международной базы данных *Web of Science Core collection* выбраны 35677 научных статей, удовлетворяющих поисковому запросу по теме *Green technology*. Далее в силу неоднородности генеральной совокупности научных статей применены уточняющие фильтры с целью сократить генеральную совокупность. В частности, применен фильтр наличия колокатива *Green technology* в названии статьи, ограничивается временной период (2011–2020), т. к. именно в этот период отмечен систематический рост публикаций по исследуемой теме. Устанавливается фильтр, позволяющий включить в корпус только научные статьи из журналов и научных конференций, а также главы книг, входящих в ядро WOS. В результате применения уточняющих фильтров получена генеральная совокупность из 286 наиболее релевантных научных статей.

Статистическим методом вычислен объем выборки при помощи специальной формулы:

$$n = \frac{z^2 pqN}{\Delta^2 N + z^2 pq},$$

где n – объем выборки; N – размер генеральной совокупности; z – нормированное отклонение, определяемое исходя из выбранного уровня доверительности; p – найденная вариация для выборки; $q = (100 - p)$; Δ – допустимая ошибка (5 %).

С помощью калькулятора расчета размера выборки получено, что при размере генеральной совокупности из 286 статей на основании стандартного доверительного интервала 95 % требуемый достаточный размер выборки составляет 10 статей, причем доверительный интервал, который можно понимать как погрешность, составляет 6,07 %. Генеральная совокупность разделяется на страты, где стратами являются 10 разных стран, выбранных случайным образом. В каждой страте случайным образом выбирается одна статья, в результате формируется стратифицированная многоступенчатая вероятностная выборка из 10 наиболее релевантных научных статей по теме *Green technology*. Благодаря стратификации по странам полученная выборка носит интернациональный характер, и авторы научных статей являются представителями разных

национальностей, а следовательно носителями разных культурных кодов и языковых традиций. Таким образом, следует подчеркнуть, что исследованию подвергается профессиональный англоязычный дискурс не носителей английского языка, а представителей вторичной языковой личности, что обусловлено стремлением показать интернациональный характер механизма концептуализации и метафоризации колоратива с учетом его универсальной конвенциональности. Корпус научных статей по теме *Green technology* представлен в табл. 1.

Результаты

В терминологической метафоре за объяснение системы представлений профессионального характера с опорой на перцептивно-образные представления отвечает

Табл. 1. Корпус научных статей по теме *Green technology*

Tab. 1. Corpus of scientific articles on green technology

Год	Заголовок	Автор(ы)	Страна	Выходные данные
2020	Classifying green technologies for sustainable innovation and investment	Guo R., Lv S., Liao T., Xi F., Zhang J., Zuo X., Cao X., Feng Z., Zhang Y.	China	Resources, Conservation and Recycling. Vol. 153. https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.104580
2020	How do environmental technologies affect green growth? Evidence from BRICS economies	Danish, Ulucak R.	China Turkey	Science of The Total Environment. Vol. 712. https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.136504
2020	Knowledge, competences and competitive advantage of the green-technology companies in Poland	Marczewska M., Jaskanis A., Kostrzewski M.	Poland	Sustainability. Vol. 12. № 21. https://doi.org/10.3390/su12218826
2019	How to assess the potential of emerging green technologies? Towards a prospective environmental and techno-economic assessment framework	Thomassen G., Van Dael M., Van Passel S., You F.	Belgium	Green Chemistry. № 18. https://doi.org/10.1039/c9gc02223f
2019	Once you choose hope: early adoption of green technology	Bukchin S., Kerret D.	Israel	Environ Sci Pollut Res. Vol. 27. P. 3271–3280. https://doi.org/10.1007/s11356-019-07251-y
2016	Demystifying the challenges and barriers to manage, develop, and transfer clean and green technologies in Brazilian academic research groups: some empirical evidence	Jabbour C. J. C., Sousa Jabbour A. B. L.	Brazil	International Journal of Green Energy. Vol. 13. № 9. P. 907–910. https://doi.org/10.1080/15435075.2015.1109515
2016	Intra-firm diffusion of green energy technologies and the choice of policy instruments	Stucki T., Woerter M.	Switzerland	Journal of Cleaner Production. Vol. 131. P. 545–560. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.04.144
2015	Review on investment direction of green technology R&D in Korea	Lee S.-H., Park S., Kim T.	South Korea	Renewable and Sustainable Energy Reviews. Vol. 50. P. 186–193. https://doi.org/10.1016/j.rser.2015.04.158
2014	Towards greener and more sustainable batteries for electrical energy storage	Larcher D., Tarascon J.-M.	France	Nature Chemistry. Vol. 7. № 1. P. 19–29. https://doi.org/10.1038/nchem.2085
2011	Is the Swedish environmental technology sector 'green'?	Guziana B.	Sweden	Journal of Cleaner Production. Vol. 19. № 8. P. 827–835. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2010.09.007

первый компонент, слово *Green* – зеленый. Почему именно зеленый цвет стал ретранслятором профессионального знания? Традиционные методы лингвистики позволяют выявить историю и предпосылки появления этого термина, а когнитивный подход может объяснить глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования метафорической номинации.

Этимология термина

Согласно данным этимологического словаря, слово *Green* пришло в английский язык в форме *grene* от протогерманского **grōni-* в XII в. с первоначальным значением «цвет живых растений»². Также слово передавало значение, относящееся к растениям, «растущие, живые, сильнодействующие». Позднее, в XVII в. произошло расширение семантики этого слова за счет переносного значения для лиц «нежного возраста, юных, неопытных, незрелых в своих суждениях».

В начале 1970-х гг. семантическая структура слова *Green* дополнилась значением «защита окружающей среды». Это связано исторически с возникновением беспокойства по вопросу состояния окружающей среды во всем мире и осознанием необходимости обсуждения этой проблемы на политическом уровне, после чего вопросы экологической устойчивости вошли в политическую повестку дня большинства стран. Более того, в 1971 г. зеленый цвет стал официальным символом защиты окружающей среды, когда Ирвинг и Дороти Стоу основали первую всемирную экологическую организацию Greenpeace, сосредоточив свою деятельность на таких проблемах, как вырубка лесов, изменение климата, защита китов и антиядерная защита³.

На сегодняшний день прилагательное *Green* имеет следующие значения: 1) *having the colour of grass or the leaves of most plants and trees*, 2) *covered with grass or other plants*, 3) *a young person without experience*, 4) (Politics) *connected with the protection of the environment; supporting the protection of the environment as a political principle* (Ех.: *green energy, try to adopt a greener lifestyle, the Green Party*)⁴.

Так, метафорическое значение английского прилагательного *Green* стало символом для обозначения экологически осознанной политической позиции. Примечательно, что в словаре значение, связанное с защитой окружающей среды, помечено как политическое. Следовательно, термин *Green technology* относится к разряду политических метафор, у которых совершенно особые цели.

Корпусный и структурный анализ

Методом корпусного анализа с применением программного обеспечения Voyant tools, созданного для автоматизации лингвистического исследования, были получены следующие

данные: количество терминологических единиц, терминологические коллокации позволили сделать вывод о том, что *Green technology* является зонтичным термином, образующим концептуальное ядро исследуемого дискурса, и задает границы концептуальной области, в состав языковой репрезентации которой входят термины *green production, green company, green country*. Привлечение фреймового анализа позволяет выявить наличие стереотипных связей, дает возможность упорядочить ментальные структуры знаний, актуализированных в лексических единицах.

В корпусе из 10 научных статей по теме *Green technology* с помощью программы автоматизированного анализа текстов выделены двухкомпонентные терминологические сочетания с базовыми терминами, формирующими ключевые слоты фреймовой структуры. А именно: прилагательное *Green* принимает участие в формировании 6261 единицы контекста в виде двухкомпонентных терминологических сочетаний. Структурный анализ полученных коллокаций показал, что прилагательное *Green* сочетается преимущественно с существительными и составляет 64 % от числа всех терминосочетаний со словом *Green*, сочетания с прилагательными составляют 20 %, с глаголами – 16 %, минимальное число зафиксировано с наречиями и числительными – 2 % и 1 % соответственно (табл. 2).

Табл. 2. Структурный анализ двухкомпонентных терминологических сочетаний с прилагательным *Green*

Tab. 2. Structural analysis of two-component terminological collocations with the adjective green

Сочетание	%	Примеры (количество)
Green+Noun	64	green technologies (597), green innovation (513), green product (371), green development (350), green investment (346), green research (282), green growth (265), green energy (242), green companies (209), green bank (205), green market (199), green knowledge (152), green study (151), green countries (140), green production (134), green business (132)
Green+Adjective	20	green environmental (514), green new (175), green renewable (131), green sustainable (102), green clean (91), green global (65)
Green+Verb	16	provide, promote, improve, develop, create
Green+Adverb	2	positively, currently, finally
Green+Number	1	billions, trillions

² Green. *Online Etymology Dictionary*. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=green> (дата обращения: 19.06.2021).

³ Greenpeace International. Режим доступа: <https://www.greenpeace.org/international/> (дата обращения: 19.06.2021).

⁴ Green. *Oxford dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/green_1?q=green (дата обращения: 19.06.2021).

На основе показателя частоты совместной встречаемости, исходя из регулярного характера взаимного ожидания определяются ключевые колокации, которые становятся конвенциональным смысловым ядром исследуемого корпуса текстов. Корпусный характер данного исследования позволяет утверждать, что метафора *Green technology* носит не только интертекстуальный характер, т. к. служит средством объективизации знаний не в одном тексте, а в совокупности текстов, но имеет черты дискурсивного характера и занимает позицию парадигмальной модели [27], т. к. служит языковой манифестацией новой парадигмы безопасного производства и устойчивого развития.

Фреймовый анализ

Фреймовый анализ как инструмент лингвокогнитивного исследования позволяет выявить структурную организацию, а также совокупность ассоциативных связей, раскрывающих в полной мере анализируемую профессиональную сферу. Исследование, направленное на метафорическое выражение *Green technology*, привело к выявлению системы метафорических образов, формируемых на основе интегрирующего смыслового признака *защита окружающей среды*, нашедшего свое языковое выражение в цветовой метафоре *Green*.

Применение зеленых технологий внутри одной компании делает ее зеленой. Далее совокупность компаний, применяющих зеленые технологии, может окрасить промышленность и даже всю экономику в зеленый цвет. В результате производства с применением зеленых технологий появляются зеленые продукты, зеленые отели, зеленые рестораны, практикующие безотходное производство, зеленый маркетинг и зеленый банкинг.

Выстраивание фреймовой структуры позволяет систематизировать разрозненные, никак не связанные терминологические сочетания и создать целостную картину профессионального пространства зеленых технологий. Так выявление причинно-следственных, родовидовых связей, отношения части / целого, смежности и подобия раскрывают внутренний механизм организации фрейма и предопределяют направленность истолкования метафорической модели.

Причинно-следственные связи актуализируются в следующей цепочке: зеленые технологии (597) предполагают внедрение зеленых инноваций (513), в результате применения зеленых технологий возникают зеленые продукты (371), зеленая энергия (242), зеленое производство (134), все это приводит к зеленому развитию (350). Контекстуальное подтверждение: *This study divided green innovation into 'green product innovation' and 'green process innovation'. The authors found that the performance of both green product and green process innovation is positively correlated to environmental technology advantage⁵; Green technology is an effective method for encouraging green economic growth⁶.*

Когнитивное моделирование

Систематизированное лексико-семантическое описание является отражением концептуальной системы знаний и служит основой построения лингвокогнитивной модели образной интерпретации профессионально маркированного фрагмента действительности. Когнитивный подход дает возможность выявить не семантизированные элементы смысла, такие как эмоционально-чувственные реакции, психологические ассоциации, позитивное отношение – всю ауру смыслов, существующую вокруг слова, которая накладывается на профессиональный контекст и определяет вектор его истолкования. Применение названия одного предмета к другому и выявляет какую-либо важную черту второго. Так формируется устойчивая корреляция между зеленым цветом, действиями и практиками, направленными на защиту окружающей среды, которые нашли свое языковое выражение и прочно вошли в профессионально-ориентированное коммуникативное пространство.

Применение названия зеленого цвета к технологиям, безопасным для окружающей среды, реализует перенос цвета зеленой травы как символа природы на представление об экологической безопасности в профессиональном пространстве *Green technology*. Зеленая трава ассоциируется с весной, обновлением, молодостью, свежестью и переносится в профессиональную сферу в значении *новый* или *инновация* (рис. 1). Положительное отношение к зеленому цвету, а именно зеленый является одним из самых любимых цветов у представителей разных национальностей [25], в профессиональном дискурсе проявляется как положительное отношение к безопасным технологиям и подтверждается контекстуально. Выражение *to get the green light* символизирует зеленый сигнал светофора и означает разрешение на безопасное движение вперед по намеченному пути, в профессиональной коммуникации передает значение легкого и безопасного продвижения. И конечно, не стоит забывать об эстетике зеленого цвета.

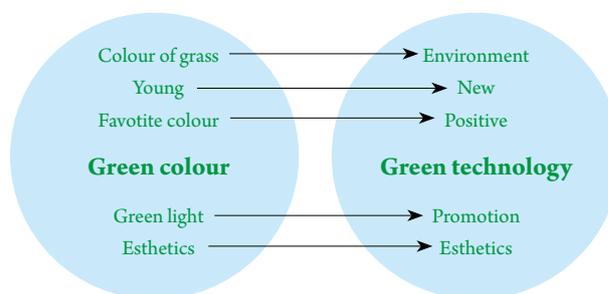

Рис. 1. Метафорический перенос исходного концептуального пространства зеленого цвета на целевое пространство *Green technology*

Fig. 1. Metaphorical mapping from source domain Color Green to target domain Green Technology

⁵ Guziana B. Is the Swedish environmental technology sector 'green'?

⁶ Danish, Ulucak R. How do environmental technologies affect green growth?

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242.
2. Charteris-Black J. *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. London: Palgrave Macmillan, 2004, 261. <https://doi.org/10.1057/9780230000612>
3. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. *Метафора в языке и тексте*, отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26–52.
Teliya V. N. Metaphor as a model of sense creation and its expressive-evaluative function. *Metaphor in language and text*, ed. Teliya V. N. Moscow: Nauka, 1988, 26–52. (In Russ.)
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
Chudinov A. P. *Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000)*. Ekaterinburg: UrSPU, 2001, 238. (In Russ.)
5. Будаев Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте. *Аналитика культурологии*. 2007. № 3. С. 28–32.
Budaev E. V. Political metaphor in the linguaculturological aspect. *Analitika kulturologii*, 2007, (3): 28–32. (In Russ.)
6. Brugman B. C., Burgers C., Vis B. Metaphorical framing in political discourse through words vs. concepts: a meta-analysis. *Language and Cognition*, 2019, 11(1): 41–65. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.5>
7. Musolff A. Political metaphor in world Englishes. *World Englishes*, 2020, 39(4): 667–680. <https://doi.org/10.1111/weng.12498>
8. Зубкова О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 3. С. 41–48.
Zubkova O. S. Medical metaphor-term as a mental representation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2010, (3): 41–48. (In Russ.)
9. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изда-во Перм. ун-та, 2002. 160 с.
Mishlanova S. L. *Metaphor in medical discourse*. Perm: PSU, 2002. 160 p. (In Russ.)
10. Раздорская О. В., Цыбина Ю. Ю. Метафора в медицинском профессиональном общении. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 3. С. 341–344. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0803-0085>
Razdorskaya O. V., Tsybina Yu. Yu. Metaphor in medical professional communication. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, 8(3): 341–344. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0803-0085>
11. Magaña D., Matlock T. "Esta batalla la tenía que ganar": La metáfora, modalidad y el género en narrativas de cáncer. *Revista signos*, 2021, 54(105): 191–213. <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-09342021000100191>
12. Potts A., Semino E. Cancer as a metaphor. *Metaphor and symbol*, 2019, 34(2): 81–95. <https://doi.org/10.1080/10926488.2019.1611723>
13. Алексеева Л. М. Специфика научной метафоризации. *Филологический вестник*. 1997. Т. 82. № 1/2. С. 132–141.
Alekseeva L. M. Specificity of scientific metaphorization. *Filologicheskii vestnik*, 1997, 82(1/2): 132–141. (In Russ.)
14. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 43 с.
Mishankina N. A. *Linguocognitive modeling of scientific discourse*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2010, 43. (In Russ.)
15. Морозова И. С., Смольянина Е. А. Особенности метафоризации в научном тексте (на материале научной статьи М. Блэка "Metaphor" на английском языке). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 2. С. 33–44. <https://doi.org/10.17223/19986645/34/4>
Morozova I. S., Smolyanina E. A. Specificity of metaphorization in scientific text (on the data of the English scientific article "Metaphor" by M. Black). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2015, (2): 33–44. (In Russ.)
16. Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2007. № 1. С. 18–29.
Rezanova Z. I. Metaphor in a linguistic text: types of functioning. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2007, (1): 18–29. (In Russ.)
17. Седов А. Е. Метафоры в генетике. *Вестник российской академии наук*. 2000. Т. 70. № 6. С. 526–534.
Sedov A. E. Metaphors in genetics. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2000, 70(6): 526–534. (In Russ.)

18. Тихонова И. Б. Когнитивный потенциал метафоры в профессиональном дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 2. С. 549–557. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-549-557>
Tikhonova I. B. Cognitive potential of metaphor in professional discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 549–557. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-549-557>
19. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2010. № 1. С. 26–43.
Rezanova Z. I. Metaphorical segment of Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2010, (1): 26–43. (In Russ.)
20. Elliot A. J., Maier M. A. Color psychology: effects of perceiving color on psychological functioning in humans. *Annual review of psychology*, 2014, 65: 95–120. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115035>
21. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. 5-е изд. М.: УРСС, 2017. 367 с.
Baranov A. N. *Introduction to applied linguistics*. 5th ed. Moscow: URSS, 2017, 360. (In Russ.)
22. He G. A comparative study of color metaphors in English and Chinese. *Theory and Practice in Language Studies*, 2011, 1(12): 1804–1808. <https://doi.org/10.4304/tpls.1.12.1804-1808>
23. Kalda A., Uusküla M. The role of context in translating colour metaphors: an experiment on English into Estonian translation. *Open Linguistics*, 2019, 5(1): 690–705. <https://doi.org/10.1515/opli-2019-0038>
24. Amouzadeh M., Tavangar M., Sorahi M. A. A cognitive study of colour terms in Persian and English. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, 32: 238–245. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.01.035>
25. Löffler D. *Color, metaphor and culture – empirical foundations for user interface design*. University of Wuerzburg, 2017, 299.
26. Li L., Ye M. Greenspeak: a corpus-based comparative study on the word Green and environmentalism. *Linguistics and the human sciences*, 2017, 13(3): 221–240. <https://doi.org/10.1558/lhs.19202>
27. Мишанкина Н. А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели. *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 297. С. 7–11.
Mishankina N. A. Mental space of the scientific text: the metaphorical models. *Tomsk State University Journal*, 2007, (297): 7–11. (In Russ.)
28. Ганжара О. А. Визуальная семиотизация как способ структурирования социально-культурной реальности (на материале кинотекста). *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2006. № 45. С. 84–93.
Ganzhara O. A. Visual semiotisation as a method of social-cultural reality structuring (basing on cinema-texts). *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (45): 84–93. (In Russ.)
29. Захарова А. А., Шкляр А. В. Визуальные модели. *Проблемы информатики*. 2011. № 4. С. 41–47.
Zakharova A. A., Shklyar A. V. Visual models. *Problems of Informatics*, 2011, (4): 41–47. (In Russ.)

оригинальная статья

О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка

Токмашев Денис Михайлович

Томский государственный педагогический университет, Россия, г. Томск

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57189899811>

<https://publons.com/researcher/4499370/denis-tokmashev/>

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-3941-043X>

kogutei@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2022. Принята после рецензирования 18.03.2022. Принята в печать 18.03.2022.

Аннотация: Рассмотрены согласные фонемы /k:/~/k/ и /t:/~/t/ телеутского языка в интервокальном положении, противопоставленные по долготе и краткости в предыдущих исследованиях телеутского консонантизма. Приведен краткий обзор работ, посвященных становлению и развитию тюркского консонантизма и проблеме долгих согласных в древних и современных тюркских языках. Поставлен вопрос о релевантности оппозиции *краткий – долгий* для телеутских смычных согласных в интервокальном положении, и выдвинуто предположение об их позиционно и морфонологически обусловленной долготе. Выделено два не взаимоисключающих типа долготы согласных в тюркских языках – качественный у интервокальных глухих за счет придыхательного компонента и количественный у интервокальных геминированных за счет удлиненного интервала смычки. Проведен сопоставительный анализ сонограмм телеутских словоформ, полученных от разных дикторов и иллюстрирующих долготу согласных звуков [k] и [t] в интервокальной позиции, выполненный с помощью программы Praat. Предлагается противопоставлять телеутские взрывные интервокальные согласные по наличию работы голосовых связок; оппозиция по долготе представляется менее значимым дифференцирующим признаком для консонантной системы телеутского языка. Озвончение интервокальных смычных также подтверждается данными сонограмм.

Ключевые слова: тюркские языки, телеутский язык, консонантизм, фонология, морфонология, типология, акустическая фонетика

Цитирование: Токмашев Д. М. О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 138–152. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-138-152>

original article

Status of Intervocalic [k:] and [t:] in the Phonological System of the Teleut Language

Denis M. Tokmashev

Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk

<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57189899811>

<https://publons.com/researcher/4499370/denis-tokmashev/>

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-3941-043X>

kogutei@yandex.ru

Received 24 Jan 2022. Accepted after peer review 18 Mar 2022. Accepted for publication 18 Mar 2022.

Abstract: This article deals with the consonant phonemes /k:/~/k/ and /t:/~/t/ of the Teleut language in the intervocalic position. These sounds were contrasted as long and short ones in the previous studies. The paper offers a brief review of works on the formation and development of the Turkic consonantism and the problem of long consonants in the ancient and modern Turkic languages. The author focuses on the relevance of the *short – long* opposition for the Teleut stop consonants in the intervocalic position and makes an assumption that their length depends on their position and morphonology. The Turkic languages have two non-mutually exclusive types of consonant length: the qualitative length of voiceless consonants caused by aspiration and the quantitative length of the geminates caused by the extended closure. The research involved a *Praat*

comparative analysis of sonograms of lexical stimuli that illustrated the length of [k] and [t] in intervocalic positions. The preliminary conclusion is that Teleut stops [k] and [t] are contrasted according to their voicing, while the length opposition seems to be a less significant discriminating feature. The sonogram also proved their voicing.

Keywords: Turkic languages, Teleut language, consonantism, phonology, morphonology, typology, acoustic phonetics

Citation: Tokmashev D. M. Status of Intervocalic [k:] and [t:] in the Phonological System of the Teleut Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 139–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-138-152>

Введение

Телеуты являются потомками центральноазиатских кочевых племен *теле*, в XVII в. переселившихся из предгорий Алтая и верховьев р. Обь и ее левых притоков Алей и Чарыш в среднее и нижнее Притомье и частично – на территорию современной Республики Алтай (Шебалинский р-н). Наиболее крупная субэтническая группа телеутов – бачатские телеуты (самоназвание – *телецет, пай-ат*, устар. *тадар кижичи*) – в настоящее время проживает в населенных пунктах Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат, а также в г. Новокузнецк. Соответственно, в современном научно-публицистическом дискурсе термином *телеутский язык* обозначается идиом, распространенный у телеутов Кемеровской области. В советской тюркологии он назывался *языком бачатских телеутов*, наряду с ним выделяли также *телеутский диалект алтайского языка*, распространенный в Алтайском крае и республике Алтай (Горно-Алтайской АО), на котором говорили телеуты Шебалинского района республики Алтай и степные (заринские и чумышские) телеуты Алтайского края; предположительно, эти этнографические группы телеутов были в значительной мере ассимилированы русскими и южными алтайцами. На сегодняшний день термины *телеутский язык* и *язык бачатских телеутов* можно считать синонимичными.

Объектом данной статьи является консонантизм языка телеутов – коренного тюркского народа Сибири. **Предмет** – согласные фонемы /k/ и /t/ телеутского языка в интервокальном положении, впервые выделенные и описанные К. В. Меркурьевым как долгие в традициях новосибирской экспериментально-фонетической школы по изучению языков коренных народов Сибири. **Гипотезой** нашего исследования является предположение о противопоставлении телеутских интервокальных смычных /k/ и /t/ по *участию голоса* как главному конституирующему признаку в отличие от тезиса об их *квантитативном* противопоставлении. В работе использованы сравнительно-исторический, типологический и экспериментальный методы.

Геминированные согласные

Язык бачатских телеутов относится к группе кыпчакских языков (иначе – к центрально-восточной группе, если допускать единство горно-алтайских языков с субстратом киргизского языка). Во всех идиомах этой подгруппы

отмечены случаи удвоения шумных согласных на границе основы и служебной морфемы, а также лексически связанные геминаты [1]; точная фонологическая природа обоих типов удвоенных не ясна.

Историческое развитие телеутского консонантизма должно было протекать в соответствии с общими принципами эволюции кыпчакских согласных от пракрыпчакского состояния до образования четырех групп современных кыпчакских языков (см. [1, с. 216–217]). Для пракрыпчакского состояния реконструируются 22 согласных фонемы, из которых 20 однозначно имеют фонологический статус, а пары гуттуралов *q – k* и *y – g* будут считаться 4 разными фонемами только в рамках традиционного понимания тюркской фонологии, но не с позиций структуралистской фонологии и последующих школ, а *j* не будет иметь независимого фонологического статуса никогда – это анлаутный аллофон /j/ (табл. 1) [1, с. 283].

Табл. 1. Пракыпчакский консонантизм

Tab. 1. Proto-Kipchak consonantism

Согласные		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Увулярные
Смычные	глухие	p	t	k	(q)
	звонкие	b	d	g	(ɣ)
Щелевые	глухие	–	–	s, š	–
	звонкие	(w)	z	j	(h)
Аффрикаты	глухие	–	č	–	–
	звонкие	–	ž (ž)	–	–
Сонанты	боковые	–	–	l	–
	плавные	m	n	–	ŋ
	дрожящие	–	–	r	–

Таким образом, в предковом состоянии шумные согласные противопоставлены по участию голоса, но встречаются и удвоенные глухие. Прежде всего, удвоенные глухие обнаруживаются на морфемных швах при стечении одинаковых реализаций разных морфем – конечной

морфемы основы и начальной морфемы аффикса. Морфемы мы рассматриваем как глубинные единицы сегментного состава означающего морфем, на фонологическом уровне представления дающие единый набор фонологических реализаций, дополнительно распределенных по сегментно-обусловленным позициям¹. Например, тел. *от* 'огонь' ~ *оттық* 'огниво', *қурт* 'червь' ~ *қурт-ту* 'червивый', *ат* 'лошадь' ~ *аттың жалы* 'грива лошади', *уулчақ* 'мальчик' ~ *уулчаққа* 'мальчику', *көп* 'много' ~ *көп пе* 'много ли?' и т. д., где морфемы граничащих морфем дают одинаковые реализации, что приводит к удвоению соответствующих смычных.

Подобные ситуации требуют четких правил, позволяющих провести границу между геминированными согласными (для которых фонематично количество) и удвоенными (которые фонологически являются последовательностью из двух одинаковых фонем). Такое методологически важное разграничение приводят П. Ладефогад и Й. Мэддисон. Геминированные взрывные (собственно долгие) отличаются от негеминированных (кратких) лишь длительностью смычки (от 1,5 до 3 раз), а вторые имеют двухфазную артикуляцию с эпентетическим гласным призвучком, т. е. им присуща структура [CṼC], а не [C:]. Геминированные аффрикаты также отличаются долгой смычкой и одним фрикативным сегментом, а у удвоенных всегда отмечается пара смычек и пара фрикативных сегментов. Ср.: "Unlike a sequence, geminates (of any kind, not only stops) may not be separated by an epenthetic vowel or other interruption, neither will one half of them undergo a phonological process by itself" [2, p. 92] (В отличие от звукосочетаний, геминаты (все, а не только взрывные) не могут разделяться эпентетическим гласным или иным вставным элементом, и никакой из компонентов геминат не может подвергаться обособленному фонологическому процессу²).

В языках с фонологизацией геминат, т. е. в которых геминаты противопоставлены одинарным согласным, их количественные характеристики сохраняются даже при ускорении темпа речи, что доказывается, например, на мальтийском материале Х. Миттерером: "it has been suggested that despite variation in absolute duration, the two categories remain distinct; that is, even in fast speech, geminates seldom take on durations that would be typical of singletons at slow speech rates" [3] (установлено, что несмотря на разброс в абсолютной длительности, две категории сохраняют обособленность; т. е. даже в быстром темпе речи геминаты не совпадают по длительности с одинарными согласными, произнесенными в медленном темпе).

Аналогичные выводы приводят, например, Ю. Хирата и Дж. Уайтон для японского: "in spite of overlap in absolute closure duration between single and geminate voiceless stops, there is a relationally invariant measure that divides the two

phonemic categories across rates and speakers" [4] (несмотря на совпадение абсолютной долготы смычки у одинарных и геминированных глухих взрывных, существует относительный инвариант, который разделяет две фонематические категории по темпу речи и носителям). Или Э. Пикетт и др. – для итальянского: "there are stable acoustic properties corresponding to phonetic features in that even though one type of temporal information, closure duration, is greatly affected by changes in speaking rate, a higher-order relational measure remains constant" [5, p. 135] (существуют стабильные акустические свойства, соответствующие фонетическим характеристикам, в том смысле, что длительность смычки хотя и зависит от изменения темпа речи, относительный признак более высокого порядка остается постоянным).

Однофокусность рассматривается как характеристика геминат и у Дж. Кларка и К. Йеллопа: "Lengthened consonants are often treated as the uninterrupted succession of two identical short consonants, ... in which case they may be called GEMINATES" [6, p. 90] (Удлиненные согласные часто рассматриваются как единая последовательность двух идентичных кратких согласных, ... в этом случае их можно характеризовать как геминаты).

У предложенного определения есть один важный недостаток. Для кластеров из двух смычных разного места образования в подавляющем большинстве языков характерна реализация типа [ṼC] – без взрыва у первого согласного. Единственным указанием на наличие первого смычного как такового служит поведение формант предшествующей гласной. Но если мы сталкиваемся с кластером из двух одинаковых согласных, то при отсутствии взрыва первого из них больше ориентироваться не на что – сдвиг формант отсутствует. Та же проблема сохраняется, если мы перейдем к анализу кластеров *смычный + гомоорганная аффриката*.

Авторы, которые обращали свое внимание на интересующую нас проблематику в тюркских языках вообще и в тюрко-монгольской контактной зоне в частности, не стремились дать какие-либо формальные определения геминированности в противовес удвоенности. Для каждой работы характерно апеллирование к традиционному пониманию геминат, в котором отсутствует существенное разграничение между длительной монофонематической согласной и кластером из двух идентичных согласных. Так, рассматривая долгие согласные в тюркских и монгольских языках, Н. Н. Убушаев выдвигает тезис о связи консонантных долгот с интервокальным положением согласного: «Геминаты появляются только в интервокальном положении, ибо инпозиция для согласного – это слабая позиция, и чтобы сохраниться, чтобы не утратить свои основные качества, согласный должен геминироваться» [7, с. 113]. Такое определение вызывает возражения с позиции фонетической типологии – среди языков, проводящих фонематический контраст

¹ Определение морфемы по А. В. Дыбо.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

по длительности согласного, довольно частотны такие, в которых правилами фонотактики удвоенные согласные позволены в анлауте (из алтайских к таким относятся литературный японский, южно-рюкюйские и фонационно-архаичные диалекты корейского). Гипотеза Н. Н. Убушаева признает фонематичность долгих согласных в отдельных тюркских языках, что затемняет ситуацию – следует ли признавать в таких языках кластеры на границе морфем просто морфонологически долгими согласными?

Дж. М. Хангишиев разрабатывал несколько альтернативных гипотез о происхождении геминации в тюркских языках. Среди причин удвоения согласных он называет эмфазу (усиление экспрессивности за счет геминации), конвергентное влияние иносистемных языков (например, северокавказских), внутрисистемные процессы, связанные с интервокальным положением, этимологической долготой гласных в слогах с геминатами, редукцией узких гласных второго слога и т. д. [8, с. 102–103]. Эти предположения, во-первых, не объясняют языковую структуру идиомов Южной Сибири, далеких от Северного Кавказа, а во-вторых, не дают четкого ответа на тот же самый вопрос – что исследователю следует считать контрастом по количеству в системе шумных согласных, а что надо отнести к разряду кластеров из идентичных сущностей – и, соответственно, как детально разрабатывать фонотактические правила описываемого идиома.

Как кажется, долгота согласных в тюркских языках до сих пор системно не описана ни для одного ареала с привлечением максимально возможного числа языков и диалектов – все авторы, писавшие о случаях геминации в тюркских идиомах, просто приводят изолированные примеры из языков разной генетической принадлежности и из разных лингвогеографических групп. Не описана геминация и с помощью методов сравнительно-исторической фонетики, с одной стороны, и экспериментальной – с другой. Этому препятствует как многообразие тюркских языков и диалектов с сильно выраженной контактной и субстратной гетерогенностью, так и уже указанная неоднозначность самого термина *долгий согласный*, в том числе и его фонематического статуса.

Если опираться на мнение классиков, то надо признать, что геминация – редкое явление в тюркских языках, и из современных языков регулярно встречается лишь в чувашском при формообразовании. Как отмечает Н. К. Дмитриев, «двойные согласные не характерны для фонетики тюркских языков. В противоположность языкам финской группы, корень тюркского слова характеризуется отсутствием геминации. Зато двойные согласные часто встречаются на стыке корня слов и аффикса» [9, с. 261]. А. М. Щербак также отмечает, что тюркские геминаты встречаются на морфемных стыках, либо внутри корня в интервокале, и выделяет два типа геминации.

Первый тип представлен геминатами, возникающими на морфемных швах либо при словоизменении. Как отмечалось выше, геминация согласных при аффиксации регулярно встречается в чувашском, когда основы типа *TVTɜT* с морфонологическим редуцированным [э] при присоединении суффикса на гласный получают вид *TVTɜT-V* [10, с. 65]: чув. *сұтă* ‘свет’ ~ *сұтт-и* ‘свет-GEN’ ~ *сұтт-а* ‘свет-DAT/ACC’³. Этот тип геминации не образует минимальной пары по долготе, поскольку геминированный *тт* является скорее шумным глухим, чем долгим, а не геминированный – шумным полувзвонким.

Второй тип геминации (по А. М. Щербаку – собственно геминация) – удвоение сильных шумных в интервокальной позиции, при отсутствии которого «происходит ослабление сильных согласных и частичное озвончение», а геминация, в свою очередь, обеспечивает «качественную устойчивость согласных в интервокальном положении, и является, таким образом, одной из форм выражения интенсивности» [11, с. 104].

Отдельные случаи представляют собой дискурсивно-обусловленные и лексически связанные геминаты. Под дискурсивно-обусловленной геминацией мы понимаем эмфатическое нефонологическое удлинение согласных, а под лексически связанной – потенциально этимологически долгие согласные в инлауте в ряде тюркских основ [10, с. 63]. К ним относятся, в первую очередь, числительные и термины родства, ср. тел. *эки* ‘два’⁴, *жетти* ‘семь’ – орфографически *т* в этих словах не удваивается, однако восстанавливаемые праформы этих числительных исторически имеют как одиночный, так и геминированный согласный. В частности, геминация согласного в числительном 2 встречается в ограниченном ареале тюркских языков (в карлукских, якутском и чувашском, хакасских диалектах) и считается проявлением более древнего состояния⁵, ср. шор. *четти* ‘семь’ с геминированным согласным и *ийги* ‘два’ с йотированием перед смычкой, что может указывать на этимологический придыхательный глухой [k’] в основе, который вызвал *j*-призвук в результате утраты придыхания и озвончился под воздействием йотового рефлекса придыхательности.

А. М. Щербак рассматривал геминаты как «интервокальное выражение силы» и встраивал геминацию в цепочку характеристик несонантов как одну из корреляций [11, с. 24]:

	Несонанты	
1) глухие	звонкие	
2) сильные	слабые	
3) придыхательные	непридыхательные	
а) обычные придыхательные		
б) преаспирированные		
4) геминаты	одиночные	

³ Пример и комментарии по чувашскому материалу А. В. Савельева.

⁴ К. В. Меркурьев также рассматривает [k:] в этой словоформе как долгую фонему.

⁵ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: АН СССР, 1974. С. 338.

Важным для исследуемой проблемы представляется замечание А. М. Щербака о том, что «глухость, сила, придыхательность и удвоение или длительность являются обычно сопутствующими признаками и фонетически не только совместимы, но и с некоторой необходимостью взаимообуславливают друг друга» [11, с. 24]. Соответственно, геминатам может быть присуща не только количественная долгота, но и напряженность, аспирированность, и, наоборот – как долгие согласные можно рассматривать не только геминированные, но также и напряженные, придыхательные, что будет рассмотрено ниже применительно к телеутскому материалу. Стоит отметить, что дихотомия *долгота смычки vs. аспирация* является, по-видимому, типологически универсальной в языках мира, допускающих геминацию смычных, например, в кипрском греческом: "While some studies deem closure duration (CD) to be the main cue to CyGr plosive gemination (as is the case with most other languages), others argue for the primacy of aspiration as a correlate of CyGr plosive gemination" [12, p. 33] (Если в одних исследованиях основным признаком геминации смычных в кипрском греческом (как и в большинстве других языков) является длительность смычки, то в других в таковом качестве рассматривается аспирация). Г. Г. Фисакова отмечает, что в бататско-телеутском языке геминированные согласные возникают на границах конечного согласного корня и начального – аффикса (собственно геминаты). Отдельно она отмечает ряд слов, в которых «глухие согласные произносятся долго как удвоенные согласные, поэтому озвончению они не подвергаются, напр. *ekı* '2', *añca* 'старший брат', *qoñca* 'баран', *ñeti*⁶ '7' и др.» [13, с. 166]. Числительные 2 и 7 в ряде тюркских языков, действительно, могут иметь геминированный согласный в интервокале (см. выше), однако не вполне понятно, что автор подразумевает под «долгим» произнесением интервокальной аффрикаты /č/; в телеутском языке она не озвончается ни в какой позиции, возможно, по этой причине Г. Г. Фисакова трактует ее глухость как долготу.

Для телеутского языка, по-видимому, речь можно вести о двух типах геминат:

1) количественно долгие согласные – собственно однофокусные геминаты с удлинённой фазой смычки или шума, возникающие на стыках морфем и противопоставленные кратким, ср. тел. *қапты* 'схватил' ~ *айтты* 'сказал', *сёйттёр*

'кости' ~ *өрттёр* 'пожары', *парза* 'если пойдёт' ~ *пасса* 'если наступит' и т. д.;

2) геминаты-квазифонемы, которые возникают в интервокале и образуют квазифонематическую пару по длительности: тел. *татту* 'ржавый' и *тату* 'сладкий' – в таких парах, где противопоставляются отыменная аффиксальная деривата с $*-LX(G)$ (тел. *татту* < $*ta:t \sim *to:t$ 'ржавчина' + $*-LX(G) = татту$) и отглагольная – с $*-U(g)$ (тел. *тату* < глагольно-именная омоформа $*da:t$ '(сладкий) вкус...' ~ $*da:t$ 'пробовать; иметь (сладкий) вкус...' + $-U(g) = тату$)⁷ долгота смычки взрывного [t], действительно, имеет фонематический статус, хотя структурно второй тип не отличается от первого, т. е. геминация *тт* в *татту* обусловлена стечением одинаковых реализаций морфем на морфемном шве. Геминация первого типа не коррелирует с фонематической долготой согласных. Геминация второго типа приводит к смыслоразличительной оппозиции *краткий* – *долгий*, но рассматривать геминированный согласный как фонему затруднительно, т. к. все подобные случаи восходят к морфонологическим процессам на границах морфем, поэтому можно считать эти звуки реализацией долгих квазифонем.

Постулаты о контрасте по длительности в системе шумных согласных телеутского языка

Во второй половине XX в. фонетика телеутского языка исследовалась Г. Г. Фисаковой, К. В. Меркурьевым и Н. В. Гаврилыным. Г. Г. Фисакова отмечала, что «состав [телеутских] гласных и согласных совпадает количественно со звуками алтайского языка», а согласных⁸ насчитывается 23: **к, г, н, т, д, с, з, ж, ш, л, н, р, дь⁹, ч, б, п, м, й, в, ф, х, ц, щ** [14, с. 71]. Практически идентичный консонантный инвентарь приводится в телеутско-русском словаре Л. Т. Рюминой-Сыркашевой и Н. А. Кучигашевой, согласно которому в телеутском языке 24 согласных звука: **б, в, г, д, ж, з, й, к, қ, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ**¹⁰. Такое количество объясняется неразличением звуков и фонем, включением в этот ряд аллофонических пар (как по глухости / звонкости, так и по месту артикуляции), а также русских согласных в заимствованных словах; при этом графемой <г> в обоих случаях обозначены как смычный [g], так и спондантизованный [ɣ], а для глухой пары [k] ~ [q] в слове графемы различаются.

⁶ Символом *h* в цитируемых источниках передается палатальный [t]; в нашей транскрипции звуковых сегментов мы обозначаем данный звук как [t'] ввиду технической невозможности отразить его на рисунках как [tj]; в МФА *h* используется для фарингального [h].

⁷ Об альтернативной этимологии тел. *тату* 'сладкий' как производного на $*-LX(G)$ от именной основы $*da:t$ '(сладкий) вкус' см. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. С. 162–164; в этом случае ожидалось бы удвоение конечного слога $t > татту$ и контаминация с *татту* 'ржавый'. В пользу *-ыг-* производности *тату* как будто говорит этимологическая долгота основы $*da:t$, при которой ожидается озвончение конечного *t* перед начальным гласным аффикса $> таду$, ср. тел. *қату* 'твёрдый' < $*kat-ug$ (глухой после краткого). С другой стороны, не исключено образование *тату* от основы с павшей долготой (т. е. с кратким гласным). Вопрос о производности тел. *қату* 'твёрдый' и *тату* 'сладкий' на *-ыг* или *-ыг* не имеет, по-видимому, удовлетворительного решения.

⁸ Без уточнения – звуков или фонем.

⁹ Звук, обозначаемый графемой <ж>; в телеутском имеет 2 аллофона – среднеязычный палатальный [ç] и среднеязычный фрикативный [j].

¹⁰ Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеутско-русский словарь. Кемерово: Кн. изд-во, 1995. С. 6.

«Грамматика алтайского языка» 1869 г. первой приводит описание фонетической системы бачатского телеутского, при этом описание выполнено в соответствии со всеми теоретическими новациями конца XIX в., благодаря чему ее данные остаются актуальными до сих пор. Среди прочего, Грамматика четко разграничивает фонетико-фонологические явления и графическую репрезентацию алтайских диалектов, описывается распределение по ряду окружающих гласных (толстых и тонких в терминологии Грамматики) не только для [q] – [k] и [ʏ] – [g], но и [l]: *нал* ‘мед’, но *пель* ‘поясница’.

Долгие согласные не выделяются в самостоятельные сущности, но упоминаются при описании правил сегментной реализации согласных, на фоне более поздних изданий материал выглядит несколько нетривиально: «[Ч]тобы жесткий звук могъ стоять между гласными звуками, онъ удваивается: *пааттыр* богатырь...»¹¹, впрочем, остается не ясным до конца, касается ли это фонетической реализации словоформ, или перед нами орфографическое правило¹².

В более поздней статье, основанной на результатах К. В. Меркурьева, который экспериментально выделил 16 согласных фонем в языке бачатских телеутов, в том числе 4 долгих – 3 смычных /p:/, /t:/, /k:/ и 1 аффрикату /hç/ (рис. 1), Г. Г. Фисакова уточняет свой консонантный инвентарь телеутского языка и «устанавливает фонетические закономерности и особенности телеутского консонан-

тизма» [13, с. 160]. Примечательно, что в этой работе Г. Г. Фисакова не проводит фонематического различения кратких и долгих согласных; во всяком случае, она характеризует только соответствующие краткие /p/, /t/ и /k/, поэтому в ее обзоре – лишь 13 согласных фонем. Очевидно, что главным фонематическим критерием у Г. Г. Фисаковой, в отличие от К. В. Меркурьева, выступает не позиционное распределение, а смысловоразличительная роль фонемы в минимальной паре, а релевантным признаком – не долгота и краткость, а звонкость и глухость: «Следует отметить, что в языке бачатских телеутов [t] и [d] в некоторых формах слов могут противопоставляться как фонемы, напр. *körtür* ‘оказывается, он видел’ – *kördür* ‘заставил смотреть’, *altʰ* ‘шесть’ – *aldʰ* ‘он взял’» [13, с. 161].

К. В. Меркурьев, напротив, считает глухие варианты [t] в *körtür* и *altʰ* манифестацией долгой /t:/, а звонкие [d] в *kördür* и *aldʰ* – оттенками краткой /t/. Он также обращает внимание на смысловоразличительную роль звонкого [d] и глухого [t] в одинаковых фонетических условиях: «в одинаковых позиционно-комбинаторных условиях внутри словоформ встречаются звуки *t* и *d*: *qadan* ‘коли’ – *qatan* ‘надевая платье одно на другое’, ... *əndo* ‘делай правой рукой’ – *ənto* ‘стони’; эти звуки согласно второму правилу Н. С. Трубецкого следует считать проявлением двух разных фонем» [15, с. 53], которые он обозначает сначала как [t]₁ и [t]₂, а впоследствии – как [t] и [t:].

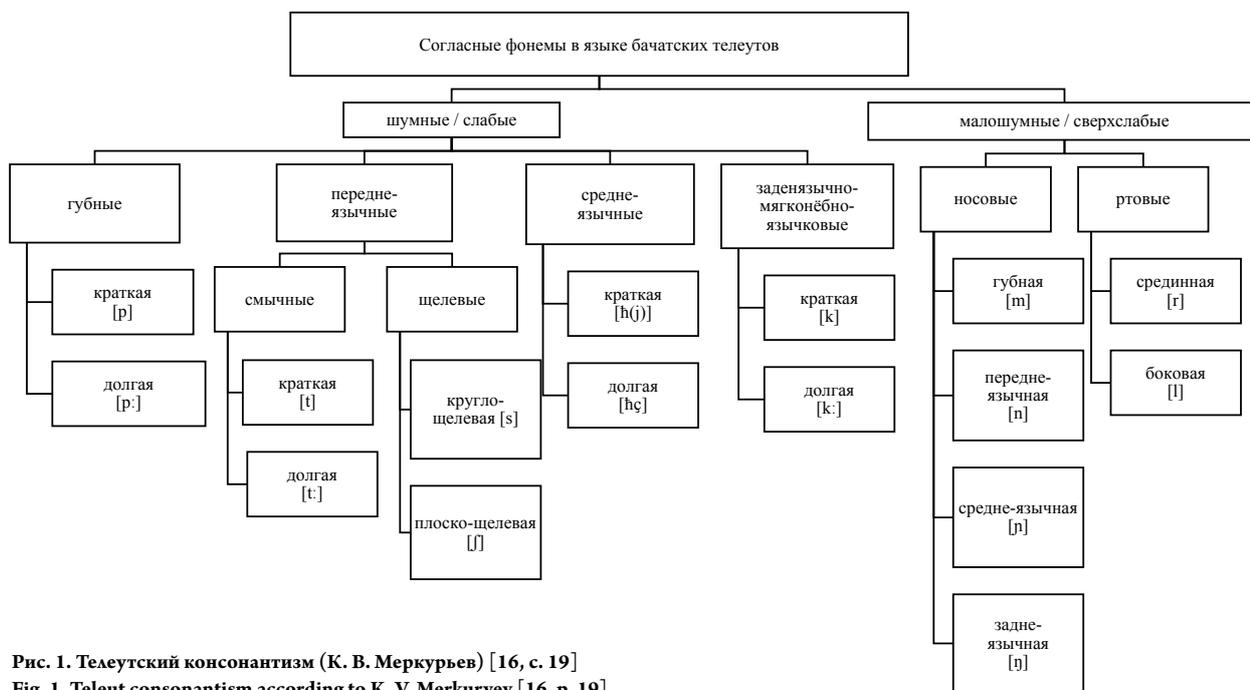

Рис. 1. Телеутский консонантизм (К. В. Меркурьев) [16, с. 19]
 Fig. 1. Teleut consonantism according to K. V. Merkurjev [16, p. 19]

¹¹ Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской духовной миссии. Казань: Типография Казанского университета, 1869. С. 5; жесткими согласными в Грамматике называются глухие.

¹² В современной телеутской графике буква <т> в этом слове не удваивается: *паатыр*.

Для гуттуральных [k] и [q] К. В. Меркурьев вначале выделял у каждой фонемы по две разновидности – [k]₁~[k]₂ и [q]₁~[q]₂, которые он позже объединил в оппозицию [k] и [k:] (рис. 1). Для разграничения заднеязычных [k]₁~[k]₂ К. В. Меркурьев пользовался третьим правилом Н. С. Трубецкого о разнофонемной атрибуции звуков, встречающихся в одной и той же распределительной позиции в квазиминимальных парах, а именно после сонантов: «постпозитивный -k в комбинации из двух согласных с r, l, m, j или η, используя в тех же позициях, что и оттенки g, y предыдущей фонемы, участву[e]т в формировании конкретных оболочек словоформ и поэтому представляет собой особую фонему: *tylky* 'лисица', но *ylgy* 'выкройка'; *erke* 'неженка', но *yrgy* 'дремота', *toŋkii* 'вечный', но *ŋŋgür* 'звонкий' [15, с. 61]. Аналогичным образом противопоставлена у автора и пара язычковых [q]₁~[q]₂: «*paqa* 'лягушка', *maqa* 'мне'; *salqan* 'ветер', *rolqan* 'было' [15, с. 63].

Дистрибутивный анализ фонем /k:/¹³ и /t:/ по К. В. Меркурьеву имеет следующий вид:

Фонема [k:] – согласный ртовый шумный слабый заднеязычно-язычковый долгий, встречается в неразложимых односложных и двусложных основах только в двух случаях: 1) в инлаутной интервокальной позиции (-Vk:V-); 2) в инлаутной постконсонантной позиции после согласных фонем [l], [r], [m], [n], [ŋ] (-VC₃k:V-). Основное отличие [k:] от [k] в одинаковых позиционных условиях, согласно К. В. Меркурьеву, в том, что у оттенков [k:] глухая медиаль (т. е. смычка) в два-три раза превышает таковую у оттенков [k] [17, с. 52–53].

Фонема [t:] – согласный ртовый шумный слабый переднеязычный смычный долгий, встречается в неразложимых односложных и двусложных основах только в трех случаях: 1) в инлаутной интервокальной позиции -Vt:V-; 2) в инлаутной постконсонантной позиции после согласных фонем [l], [r], [m], [n], [ŋ] -VC₃t:V-; 3) в ауслатной постконсонантной позиции после согласных [l], [r], [j] -VC₃t:. Отличие [t:] от [t] в первых двух позициях заключается в почти двукратном превышении длительности оттенков [t:] по сравнению с оттенками [t]. В третьей позиции [t] не встречается и не противопоставляется [t:], однако в ауслате закрытого слога после гласного -Vt оттенки фонемы [t] на одну треть короче оттенков фонемы [t:] в похожей ауслатной постконсонантной позиции -VC₃t: [18, с. 78–79].

В числе последних работ по телеутскому консонантизму необходимо отметить статью И. Я. Селютиной [19], основанную на инструментальных данных, полученных методом магниторезонансной томографии, и характеризующую артикуляторные настройки переднеязычных фонем, в том числе [t] и [t:]. Уточняя и в целом соглашаясь с данными,

полученными К. В. Меркурьевым о наличии фонологической оппозиции по квантитету (длительности смычки), исследователь пишет о некоторых изменениях артикуляторно-акустической базы телеутского языка. В частности, артикуляции [t] становятся более дорсальными (по участию языка) и облигаторно дентально-альвеолярными (по месту окклюзии) по сравнению с данными 1970-х гг. [19, с. 205]. В работе приведены следующие артикуляторные характеристики звуков: [t] – сильнодорсальный дентально-альвеолярный умереннонапряженный; [t:] – сверхсильнодорсальный дентально-переднетвердонебный сильнонапряженный слабофарингализованный [19, с. 202]. В целом исследования К. В. Меркурьева методологически соответствуют положениям новосибирской экспериментально-фонетической школы о наличии в алтайских диалектах, а также в шорском и сагайском диалекте хакасского контраста смычных глухих по квантитету и отсутствию такового по степени мускульной напряженности, см. например выводы И. Я. Селютиной о кумандинском консонантизме [20, с. 47–48] или Н. С. Уртегешева – о шорском [21, с. 38].

Результаты

Приведем сопоставительный анализ фонемных реализаций словоформ в программе Praat¹⁴, использованных К. В. Меркурьевым в качестве квазиминимальных пар для [k:]~[k] и [t:]~[t] в интервокальной позиции, записанных нами от нескольких информантов. Для определения границ фонов использовалась стандартная методика акустического анализа сонограмм (включая данные о формантах, интенсивности и частоте), представленная, например, в [6, р. 255–264; 22, р. 139–159; 23]. Фонетическая сегментация согласных традиционно затруднена: "The acoustic structure of consonants is usually more complicated than that of vowels. In many cases, a consonant can be said to be a particular way of beginning or ending a vowel, and during the consonant articulation itself there is no distinguishing feature" [24, р. 179], «при сегментации сигнала возможны случаи, когда выбор границы связан со значительной степенью условности» [25, с. 158]; в большей степени это касается сонантов, чем шумных, поскольку их акустические характеристики (особенно у неназальных сонантов в комплексах -VC₃- и -C₃V-) приближают их к гласным.

Рассмотрим [k:] и [k] в позиции (VCV). На рис. 2 и 3 представлены сонограммы словоформ с долгой [k:] в интервокальной позиции в комбинации с гласными переднего ряда. Реализация [k:] начинается непосредственно после затухания гармонических колебаний предшествующего гласного и уменьшения вокалической напряженности сигнала. Взрыв и вызванное им кратковременное усиление напряженности фиксируются в последней трети [k:]-участка сонограммы.

¹³ Во всех работах К. В. Меркурьева единицы фонологического уровня записываются в квадратных скобках, а фонетического – без каких-либо скобок; в предлагаемой статье фонемы приводятся в косых скобках, а (алло)фоны – в квадратных; при цитировании источников сохранен авторский принцип обозначения фонем в квадратных скобках.

¹⁴ Praat: doing phonetics by computer. Version 6.0.49, Boersma P., Weenink D. Режим доступа: <http://praat.org> (да обращения: 02.03.2019).

Части [k:]-участка слева и справа от смычки можно считать экскурсией (беззвучной в случае с глухим взрывным) и рекурсией (взрывным отступом) звука соответственно. Наличие ярко выраженного пост-эксплозивного шума на сонограмме свидетельствует о придыхательном оттенке [k:] в позиции -Vk:V- в мягкорядной словоформе. Твердорядная реализация [k:] в позиции -Vk:V- представлена на рис. 4, для которой также характерна аспирация. Абсолютная длительность реализаций [k:] в этой позиции колеблется от 160 до 185 Мсек.

Рассмотрим варианты с краткой [k] в интервокале. На рис. 5–7 приведены квазиминимальные пары с краткой [k] в аналогичной позиции, представленной в виде звонких аллофонов – взрывного [g] в словоформе с гласными переднего ряда (рис. 5) и спирализованного [ɣ] – с гласными заднего (рис. 6–7). Взрывной компонент аллофона [g] на рис. 5 отличается от такового у [k] на рис. 2–4 меньшей долготой и придыхательностью. Абсолютная длительность указанных реализаций [k] имеет разброс от 78 до 94 Мсек.

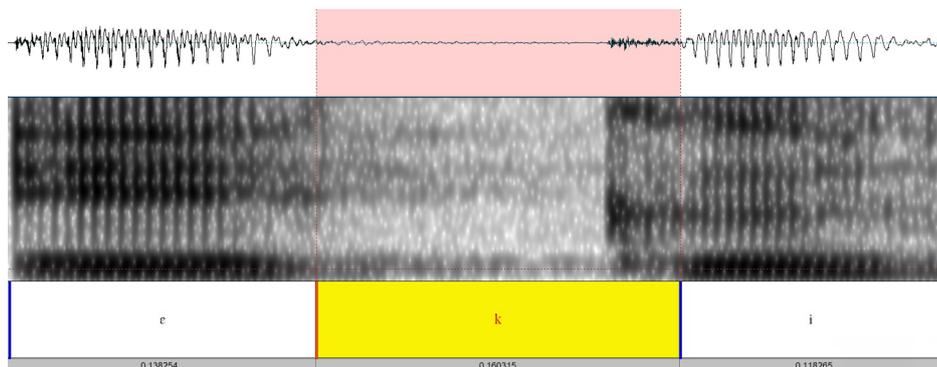

Рис. 2. Сонограмма словоформы 'эки' 'два', длительность [k:] ≈ 160 Мсек, мягкорядная (-Vk:V-)
Fig. 2. Sonogram of the word 'эки' 'two', [k:] length is ≈ 160 ms, front row (-Vk:V-)

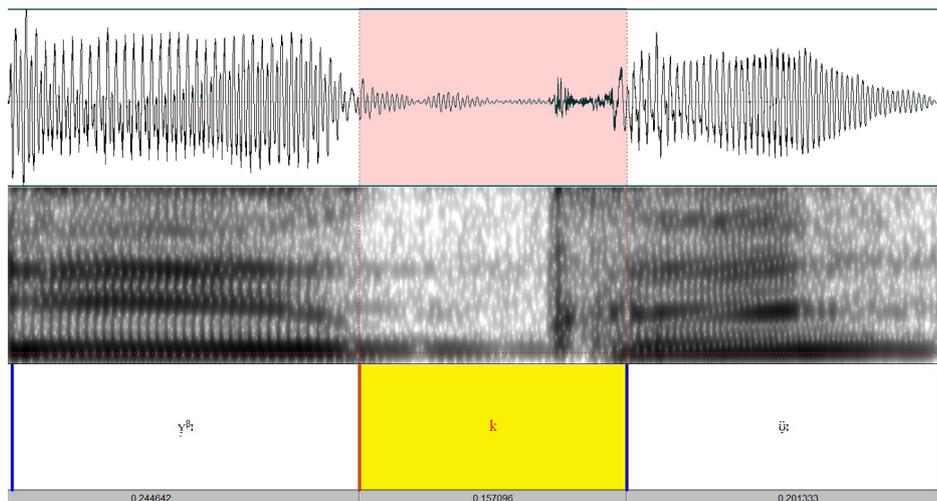

Рис. 3. Сонограмма словоформы 'үкү' 'филин', длительность [k:] ≈ 157 Мсек, мягкорядная (-Vk:V-)
Fig. 3. Sonogram of the word 'үкү' 'owl': [k:] length ≈ 157 ms, front row (-Vk:V-)

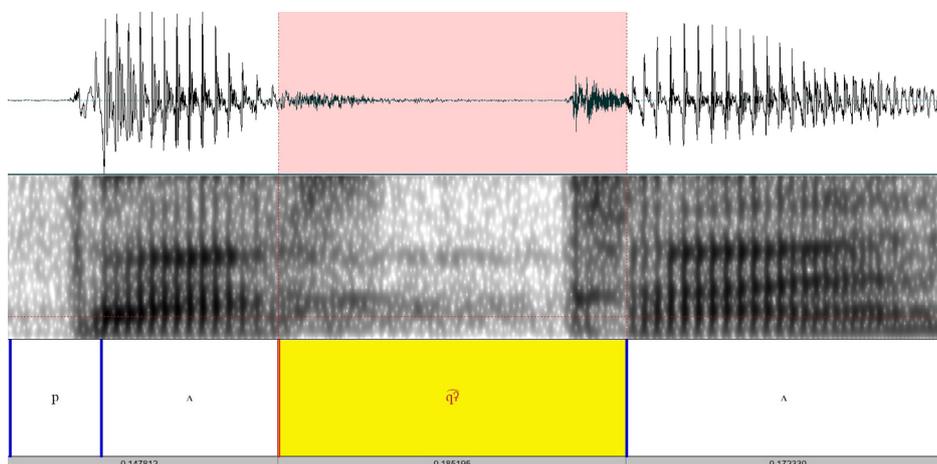

Рис. 4. Сонограмма словоформы 'нака' 'лягушка', длительность [k:] ≈ 185 Мсек, твердорядная (-Vk:V-)
Fig. 4. Sonogram of the word 'нака' 'frog': [k:] length ≈ 185 ms, back row (-Vk:V-)

Рассмотрим пары взрывных [t:] и [t] в позиции (VCV). На рис. 8 и 9 представлены характеристики интервокального глухого придыхательного [t] в мягком ряду, а на рис. 10 и 11 – в твердом. Длительность [t] в обеих распределительных позициях сопоставима и колеблется от 116 до 164 Мсек, за исключением рис. 8, где [t] демонстрирует длительность ок. 245 Мсек; это, предположительно, связано со «старой» долготой [t] в лексически связанной геминате числительного 7. Разброс в значениях длительности [t] в реализациях на рис. 9–11 мог быть как случайным, так и морфонологически обусловленным, поскольку [t] во всех трех словоформ-стимулах находится в разном окружении и восходит к разным историческим процессам: на рис. 9 – внутри аффикса *-AtAn*, на рис. 10 – на границе конечнослогового согласного [t] в основе **kat* и начального согласного аффикса притягива *-LX(G)* (**kat-tyg > kat-tu > kat-u*), что приводит

к геминации [tt], впоследствии сократившегося до [t], либо начального гласного именного аффикса *-X(G)* (**kat-yg > kat-u*) – в этом случае глухость [t] трудно мотивировать сокращением геминаты; тезис А. М. Щербака о глухости как об «интервокальном проявлении силы» также не объясняет ее природы.

Глухой придыхательный [t] в стимуле примера рис. 11 – сократившаяся позиционная гемината: **da:t* ‘(сладкий) вкус’ + *-LX(G)* = **da:t-tyg > da:t-tu: > tat-u*, в этом стимуле отчетливо прослеживаются несколько морфонологических процессов – оглушение анлаутного *d*, сокращение исторической долготы корневого гласного, сокращение геминаты *tt* до *t* и падение гуттурального конечного *g*, приводящего к долготе *u:*, которая впоследствии также сократилась. На следы былой геминаты указывает и отсутствие позиционного удлинения широкого корневого *a* перед узким *u* аффикса.

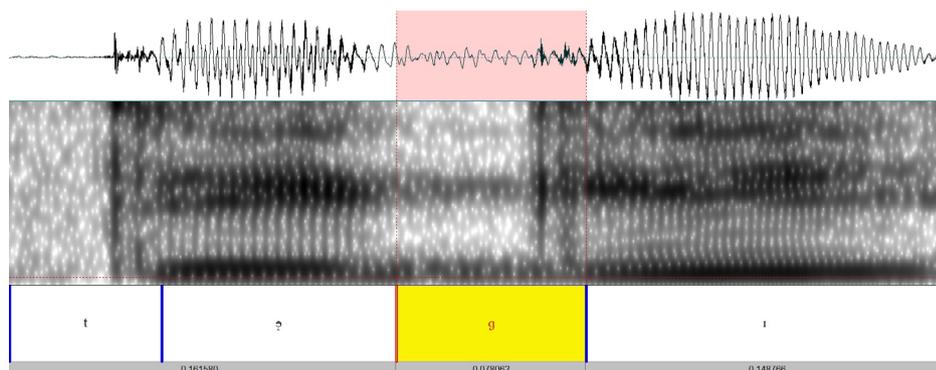

Рис. 5. Сонограмма словоформы *тиги* ‘тот’, длительность [k] ≈ 78 Мсек, мягкорядная (-Vkv-)
Fig. 5. Sonogram of the word *tigi* ‘that’: [k] length ≈ 78 ms, front row (-Vkv-)

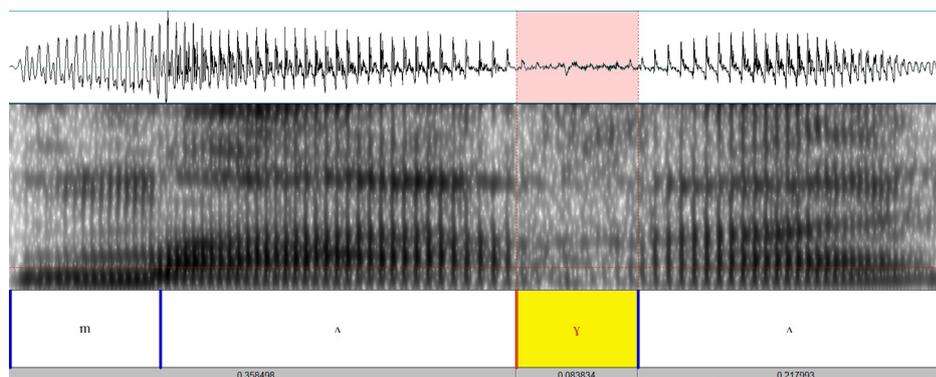

Рис. 6. Сонограмма словоформы *мага* ‘мне’, длительность [k] ≈ 83 Мсек, твердорядная (-Vkv-)
Fig. 6. Sonogram of the word *maga* ‘to me’: [k] length ≈ 83 ms, back row (-Vkv-)

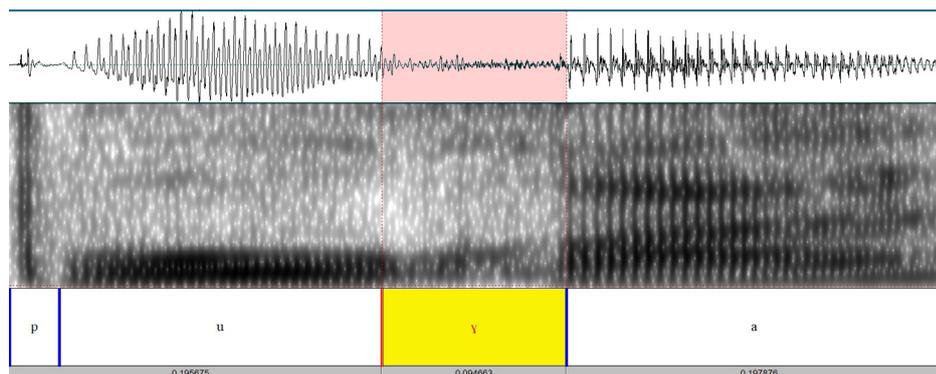

Рис. 7. Сонограмма словоформы *нуга* ‘бык’, длительность [k] ≈ 94 Мсек, твердорядная (-Vkv-)
Fig. 7. Sonogram of the word *nuga* ‘ox’: [k] length ≈ 94 ms, back row (-Vkv-)

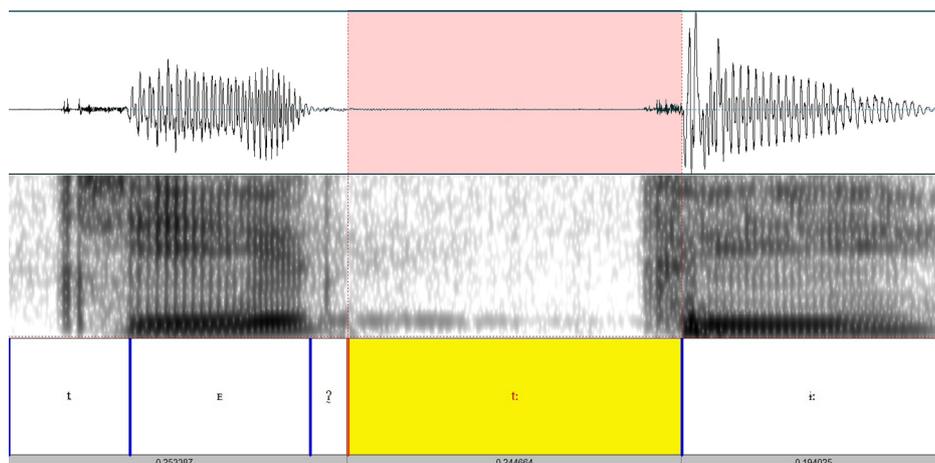

Рис. 8. Сонограмма слово-формы *jetu* 'семь', длительность [t:] ≈ 244 Мсек, мягкорядная -Vt:V-
 Fig. 8. Sonogram of the word *jetu* 'seven': [t:] length ≈ 244 ms, front row -Vt:V-

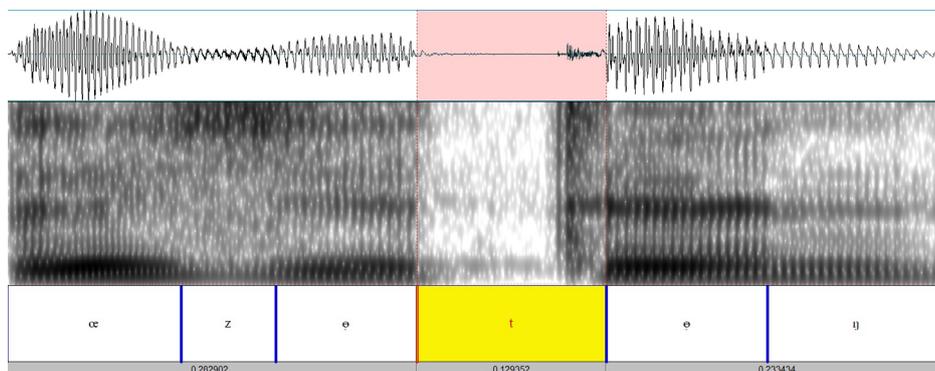

Рис. 9. Сонограмма слово-формы *öztön* 'рос', длительность [t:] ≈ 129 Мсек, мягкорядная -Vt:V-
 Fig. 9. Sonogram of the word *öztön* 'grew': [t:] length ≈ 129 ms, front row -Vt:V-

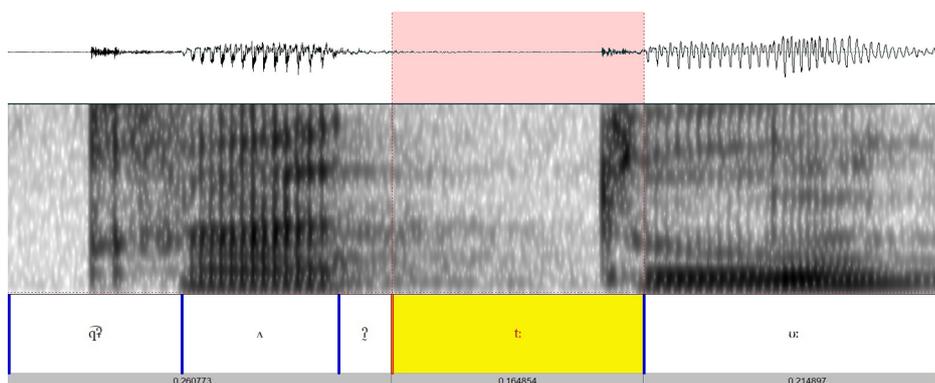

Рис. 10. Сонограмма слово-формы *katu* 'твёрдый', длительность [t:] ≈ 164 Мсек, твердорядная -Vt:V-
 Fig. 10. Sonogram of the word *katu* 'solid': [t:] length ≈ 164 ms, back row -Vt:V-

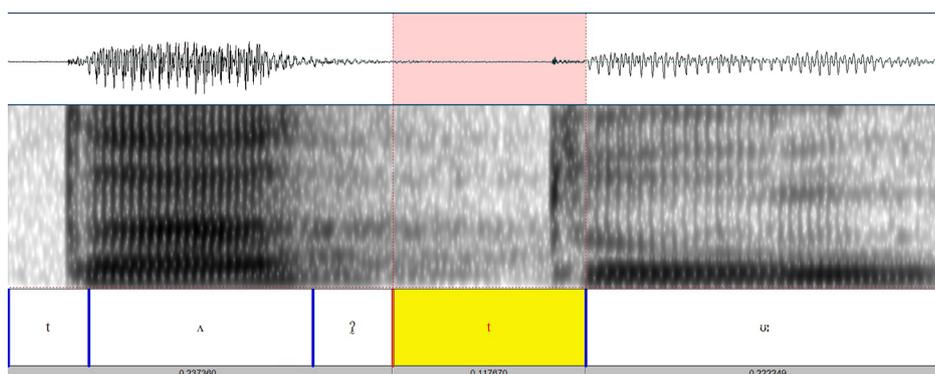

Рис. 11. Сонограмма слово-формы *matu* 'сладкий', длительность [t:] ≈ 117 Мсек, твердорядная -Vt:V-
 Fig. 11. Sonogram of the word *matu* 'sweet': [t:] length ≈ 117 ms, back row -Vt:V-

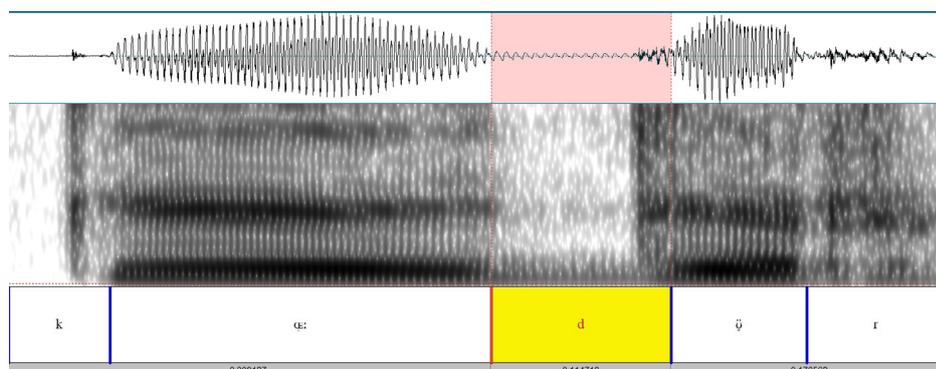

Рис. 12. Сонограмма словоформы *кѡдѡр* 'подними', длительность [t] ≈ 114 Мсек, мягкорядная -VtV-
Fig. 12. Sonogram of the word *кѡдѡр* 'lift up': [t] length ≈ 114 ms, front row -VtV-

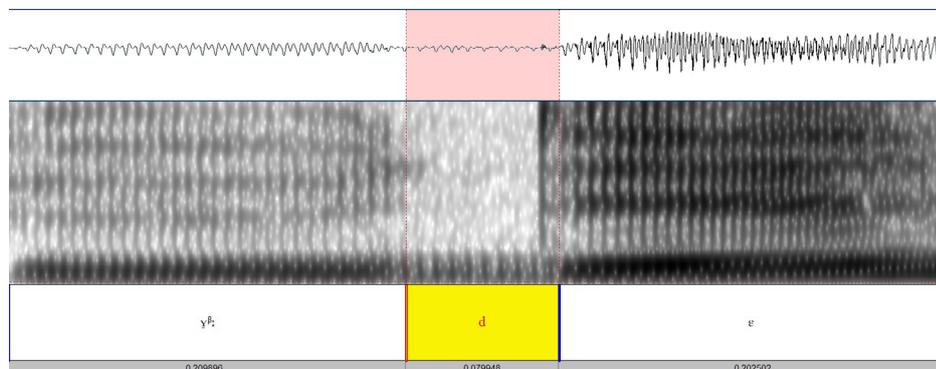

Рис. 13. Сонограмма словоформы *ѡйде* 'в доме', длительность [t] ≈ 79 Мсек, мягкорядная -VtV-
Fig. 13. Sonogram of the word *ѡйде* 'in the house': [t] length ≈ 79 ms, front row -VtV-

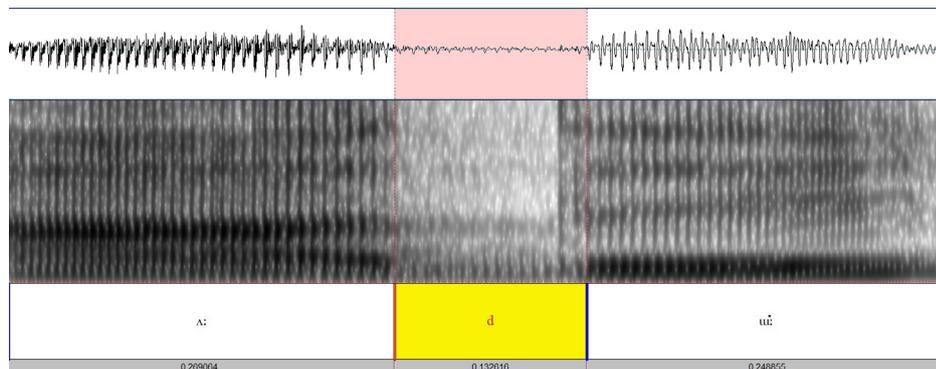

Рис. 14. Сонограмма словоформы *ады* 'его имя', длительность [t] ≈ 132 Мсек, твердорядная -VtV-
Fig. 14. Sonogram of the word *ады* 'his name': [t] length ≈ 132 ms, back row -VtV-

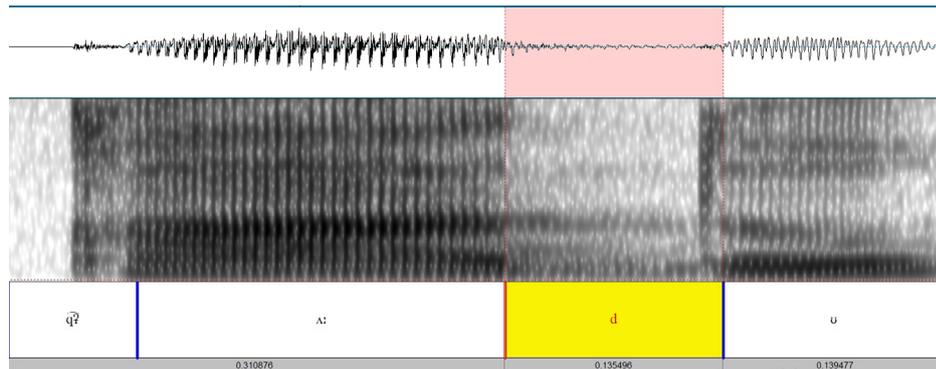

Рис. 15. Сонограмма словоформы *каду* 'гвоздь', длительность [t] ≈ 135 Мсек, твердорядная -VtV-
Fig. 15. Sonogram of the word *каду* 'nail': [t] length ≈ 135 ms, back row -VtV-

Рис. 12–15 демонстрируют реализации интервокального звонкого непридыхательного [t] в сочетании с гласными переднего и заднего рядов с длительностью от 79 до 135 Мсек. Несколько необычно выглядит фонеция [t] на рис. 13, где четко видна аспирация. Возможно, это следы исходной глухости основы *kōti- ‘подниматься’ + афф. каузатива¹⁵, там же отмечено, что «озвончение интервокального -т- – раннее явление в истории тюркской фонетики, хотя в каких случаях оно возможно – пока не выяснено»¹⁶.

Кроме того, озвончение интервокальных глухих в карлукских и кыпчакских языках может зависеть от первичной долготы / краткости предшествующего гласного; после первично долгих регулярно озвончаются гуттуральные и губные, изредка – зубные, после первично кратких все типы согласных чаще всего остаются глухими, ср. тел. қаду ‘гвоздь’ < *kāta-g (звонкий после долгого; не исключен монголизм *kada), тел. қату ‘твёрдый’ < *kat-yg (глухой после краткого). В телеутском и литературном алтайском

после краткого зубной при этом стабильно озвончается (очевидно, из-за влияния гласных): тел. көдүр- ‘поднимать’ < *göt-ir-, қодор- ‘вырывать’ < *kotar-, қадар- ‘пасти’ < *katar-, тел. көдөн ‘задница, ягодицы’ < *göten и т. д. Данный взгляд, впрочем, не является общепринятым, поскольку на озвончение / неозвончение интервокального зубного *-t- и гуттурального *-k- в кыпчакских языках могла влиять придыхательность / непридыхательность праалтайских *t~*t’ и *k~*k’ соответственно [10, с. 118–144].

Абсолютная и относительная длительность телеутских интервокальных [k] и [t] в различных морфонологических позициях представлена в табл. 2. Относительная длительность рассчитывается в % по отношению к средней длительности реализации фонемы в словоформе, средняя длительность вычисляется относительно количества фонем и общей длительности фонеции словоформы.

Интервокальные реализации фонем, обозначенных у К. В. Меркурьева как долгие, действительно, в среднем длиннее реализаций соответствующих кратких

Табл. 2. Длительность интервокальных реализаций [k] и [t] в телеутском языке

Tab. 2. Length of intervocalic [k] and [t] in the Teleut language

Стимул	Абсолютная длительность, Мсек	Средняя длительность (СД), Мсек	Относительная длительность, % к СД	Придыхательность
[k:] – мягкорядная позиция				
эки [ek̄i] ‘два’	160	137	≈116	слабая
йкү [ȳk̄u] ‘филин’	157	181	≈87	умеренная
[k:] – твердорядная позиция				
нақа [nɑq̄ɑ] ‘лягушка’	185	123	≈150	значительная
[k] – мягкорядная позиция				
тиги [t̄ɛgi] ‘тог’	78	87	≈89	слабая
[k] – твердорядная позиция				
маға [mɑɣ̄ɑ] ‘мне’	83	160	≈51	отсутствует
пуга [pɯɣ̄ɑ] ‘бык’	94	119	≈79	отсутствует
[t:] – мягкорядная позиция				
јети [t̄ɛʔt̄i:] ‘семь’	244	171	≈143	слабая
өзөтөн [œzœʔœn] ‘рос’	129	107	≈120	умеренная
[t:] – твердорядная позиция				
қату [q̄ʔɑʔt̄u:] ‘твёрдый’	129	107	≈120	слабая
тату [t̄ɑʔt̄u:] ‘сладкий’	117	142	≈82	слабая
[t] – мягкорядная позиция				
көдүр [kœ:d̄ȳr] ‘подними’	114	119	≈95	слабая
ййде [ȳȳd̄e] ‘в доме’	79	162	≈49	отсутствует
[t] – твердорядная позиция				
ады [ɑ:d̄ūt̄] ‘его имя’	132	215	≈61	отсутствует
қаду [q̄ʔɑ:d̄ū] ‘гвоздь’	135	145	≈93	отсутствует

¹⁵ Этимологический словарь тюркских языков... С. 87.

¹⁶ Там же.

по параметру относительной длительности, хотя, как уже было отмечено, для более корректного сопоставления долгих и кратких смычных /k/ и /t/ необходимо подбирать пары стимулов с учетом данных исторической фонетики и морфонологии, не опираясь лишь на синхронные фонематические распределения, например, отделять монголизмы от исконно тюркских основ и учитывать историческую долготу предшествующей смычному гласной, которая могла повлиять на глухость / звонкость интервокальных /k/ и /t/ и – в конечном итоге – на их долготу. Также потенциальным дистриктивным признаком может служить придыхательность¹⁷ (от слабой до значительной), которую, согласно табл. 2, демонстрируют все долгие варианты фонем, а среди кратких этот признак отмечен лишь у фонемы [t] в мягком ряду. К. В. Меркурьев на основе дентопалатографических данных приходит к выводу о равной степени мускульной напряженности долгих и кратких оттенков [k] и [t] [17, с. 53; 18, с. 80] и, соответственно, нефонологичности придыхательности как дистриктивного признака; главным признаком он считает долготу.

Тем не менее в нашем материале придыхательность в виде шумных участков сонограмм отчетливо прослеживается у стимулов с [k:] и [t:], орфографически отраженных как <к> и <т>, и практически не характерна для стимулов с [k] и [t] с графемами <г> и <д> соответственно. Это дает возможность противопоставить пары шумных [k:]~[k] и [t:]~[t] не только по долготе – краткости, но и по участию голоса (поскольку звонких придыхательных в телеутском языке нет, любой придыхательный звук рассматривается как глухой, ср. тезис А. М. Щербака выше о взаимообусловленности глухости, долготы и придыхательности) и постулировать наличие в телеутском языке оппозиции смычных /k/~/g/ и /t/~/d/.

Заключение

Мы рассмотрели ряд примеров интервокальных реализаций фонем /k/ и /t/ в телеутском языке. Анализ сонограмм показывает наличие придыхательных компонентов у реализаций глухих вариантов фонем и ее отсутствие – у реализаций звонких вариантов. Долгота как дистриктивный признак вариантов фонем /k/ и /t/ отчасти достигается за счет придыхания у реализаций их глухих оттенков, поэтому *глухость – звонкость*, на наш взгляд, также может

рассматриваться в качестве дистриктивного фонологически значимого признака, т. е. звонкость выступает как привативный признак, а долгота – как градуальный. Соответственно, в консонантном инвентаре телеутского языка для смычных гуттуральных и зубных в интервокальном положении можно выделять пары *глухой – звонкий* как альтернативу дихотомии *долгий – краткий*; наличие и отсутствие голоса подтверждается данными сонограмм: все звонкие реализации (кроме рис. 7) демонстрируют работу голосовых связок, а все глухие – ее отсутствие.

Для верификации гипотезы требуется анализ большего количества стимулов, подобранных по более четким критериям с исключением монголизмов, случаев несократившихся рефлексов старых геминированных, а также анализ другой возможной распределительной позиции – после сонантов, в которой отмечена фонологически релевантная оппозиция *глухой – звонкий* (например, тел. алты 'шесть' ~ алды 'зверь', эмтик 'ломаный' ~ қамда- 'шаманить', арқа 'спина' ~ қарға 'ворона' и т. д.). Это составляет предмет отдельного исследования.

Список условных обозначений

- V – гласный
- C – согласный
- C₃ – малошумный / сонорный согласный
- * – праформа

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01139 «Экспериментальное исследование фонетических систем исчезающих тюркских языков Сибири й-группы ультразвуковыми методами».

Funding: This work is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-28-01139 "Ultrasound research of phonological systems of endangered Siberian y-group Turkic languages".

Литература / References

1. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции, отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
Comparative grammar of Turkic languages. Regional reconstructions, ed. Tenishev E. R. Moscow: Nauka, 2002, 767. (In Russ.)
2. Ladefoged P., Maddieson I. *The sounds of the world's languages*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996, 430.
3. Mitterer H. The singleton-geminate distinction can be rate dependent: Evidence from Maltese. *Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology*, 2018, 9(1). <https://doi.org/10.5334/labphon.66>

¹⁷ Термин *придыхательность* используется в данной работе условно, придыхательность фонологична для тувинских и тофских смычных; в диалектах алтайского языка она, очевидно, носит оттенокочный характер.

4. Hirata Yu., Whiton J. Effects of speaking rate on the single / geminate stop distinction in Japanese. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 2005, 118(3). <https://doi.org/10.1121/1.2000807>
5. Pickett E., Blumstein S., Burton M. Effects of speaking rate on the singleton / geminate consonant contrast in Italian. *Phonetica*, 1999, 56(3-4): 135–157. <https://doi.org/10.1159/000028448>
6. Clark J., Yallop C. *An introduction to phonetics and phonology*. Oxford: Blackwell Publishers, 1990, 400.
7. Убушаев Н. Н. Долгие согласные в тюрко-монгольских языках. *Монголоведение*. 2003. № 2. С. 109–114.
Ubushaev N. N. Long consonants in the Turkic and Mongolic languages. *Mongolian Studies (Elista)*, 2003, (2): 109–114. (In Russ.)
8. Хангишиев Дж. М. Геминаты в диалектах кумыкского языка. *Вопросы диалектологии тюркских языков*, ред. Н. Х. Максютова. Уфа: БФ АН СССР, 1985. С. 100–103.
Khangishiev Dzh. M. Geminate in Qumyq dialects. *Issues of dialectology of the Turkic languages*, ed. Maksjutova N. Kh. Ufa: BB AS USSR, 1986, 100–103. (In Russ.)
9. Дмитриев Н. К. Двойные согласные в тюркских языках. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика*, ред. Н. К. Дмитриев. М.: АН СССР, 1955. С. 261–264.
Dmitriev N. K. Double consonants in the Turkic languages. *Research on comparative grammar of the Turkic languages. Pt. 1. Phonetics*, ed. Dmitriev N. K. Moscow: AS USSR, 1955, 261–264. (In Russ.)
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка, ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
Comparative grammar of Turkic languages. Proto-Turkic basic language. Worldview of the Proto-Turks based on linguistic data, eds. Tenishev E. R., Dybo A. V. Moscow: Nauka, 2006, 912. (In Russ.)
11. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 203 с.
Shcherbak A. M. *Comparative phonetics of the Turkic languages*. Leningrad: Nauka, 1970, 203. (In Russ.)
12. Armostis S. The perception of plosive gemination in Cypriot Greek. *On-line Proceedings of the 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory*, Chios, 11–14 Jun 2009, 33–53.
13. Фисакова Г. Г. Согласные фонемы бачатско-телеутского языка. *Языки народов Сибири*, ред. Е. И. Убрятова. Кемерово: КемГУ, 1978. С. 160–169.
Fisakova G. G. Consonants phonemes of the Bachat-Teleut language. *Languages of the peoples of Siberia*, ed. Ubriatova E. I. Kemerovo: KemSU, 1978, 160–169. (In Russ.)
14. Фисакова Г. Г. Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов. *Вопросы тюркской филологии*, ред. В. С. Бибилова. Кемерово: КемГПИ, 1973. С. 69–75.
Fisakova G. G. Some phonetic, grammatical, and lexical peculiarities of the dialect of the Bachat Teleuts. *Questions of Turkic philology*, ed. Bibikova V. S. Kemerovo: KemSPI, 1973, 69–75. (In Russ.)
15. Меркурьев К. В. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. *Вопросы языка и литературы народов Сибири*, ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: СО АН СССР, 1974. С. 49–64.
Merkuryev K. V. Inventory of consonant phonemes and their distribution in the language of the Bachat Teleuts. *Questions of the language and literature of the peoples of Siberia*, ed. Ubriatova E. I. Novosibirsk: SB AS USSR, 1974, 49–64. (In Russ.)
16. Меркурьев К. В. Бачатско-телеутский консонантизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.
Merkuryev K. V. *Bachat-Teleut consonantism*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1975, 20. (In Russ.)
17. Меркурьев К. В. О фонемах [k] и [k:] в языке бачатских телеутов. *Язык бачатских телеутов*, ред. Е. И. Убрятова. Кемерово: КемГУ, 1976. С. 48–71.
Merkuryev K. V. On the phonemes [k] and [k:] in the language of the Bachat Teleuts. *Language of the Bachat Teleuts*, ed. Ubriatova E. I. Kemerovo: KemSU, 1976, 48–71. (In Russ.)
18. Меркурьев К. В. Переднеязычные фонемы [t] и [t:] в языке бачатских телеутов. *Язык бачатских телеутов*, ред. Е. И. Убрятова. Кемерово: КемГУ, 1976. С. 72–80.
Merkuryev K. V. Coronal phonemes [t] and [t:] in the language of the Bachat Teleuts. *Language of the Bachat Teleuts*, ed. Ubriatova E. I. Kemerovo: KemSU, 1976, 72–80. (In Russ.)
19. Селютина И. Я. Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных в языке телеутов (по данным МРТ). *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 4. С. 197–209. <https://doi.org/10.17223/18137083/69/17>
Selyutina I. Ya. Articulatory characteristics of coronal obstruents in the Teleut language (according to MRI data). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2019, (4): 197–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/69/17>
20. Селютина И. Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000. 88 с.
Selyutina I. Ya. *Phonetics of the Qumandy language as a historical and linguistic source (experimental phonetic research)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Yakutsk, 2000, 88. (In Russ.)

21. Уртегешев Н. С. Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 45 с.
Urteshev N. S. *Phonetic and phonological system of the Shor language in the South Siberian Turkic context*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2021, 45. (In Russ.)
22. Ladefoged P. *Phonetic data analysis: an introduction to fieldwork and instrumental techniques*. Oxford: Blackwell Publishers, 2003, 196.
23. Machač P., Skarnitzl R. *Principles of phonetic segmentation*. Praha: Epoque Publishing House, 2009, 146.
24. Ladefoged P. *A course in phonetics*. 4th ed. UCLA: Heinle&Heinle, 2001, 290.
25. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика*. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
Kodzassov S. V., Krivnova O. F. *General phonetics*. Moscow: RSUH, 2001, 592. (In Russ.)

Уведомление о ретрагировании статей из журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Кемеровского государственного университета» постановила от 07.04.2022 ретрагировать следующие статьи:

- 1. Ахпашева И. Б. Использование информационных и коммуникационных технологий в жизненном самоопределении молодых людей с инвалидностью по зрению. Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 169–172.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Ахпашева И. Б. Использование информационных и коммуникационных технологий в жизненном самоопределении молодых людей с инвалидностью по зрению. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2012. № 3. С. 19–28.
Тематика: психологические науки.
- 2. Поддуняев О. А., Морнов К. А. Актуальные проблемы нейропедагогики. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-1. С. 126–129.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Поддуняев О. А., Морнов К. А. Основы нейропедагогики. *Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015. Т. 1. С. 186–191.
Тематика: психологические науки.
- 3. Полетаева А. В., Серый А. В., Хакимова Н. Р. Смысловые характеристики психологических механизмов переживания травматического события работниками угледобывающего предприятия. Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 149–155.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Полетаева А. В. Смысловые характеристики психологических механизмов переживания травматического события. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2007. № 1. С. 1–15; Полетаева А. В. Смысловые характеристики психологических механизмов переживания травматического события. *Сибирский психологический журнал*. 2007. № 25. С. 197–203.
Тематика: психологические науки.
- 4. Попова Д. Г. Законное представительство несовершеннолетних (межотраслевой аспект). Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4-1 (56). С. 297-302.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Попова Д. Г. Законное представительство несовершеннолетних (межотраслевой аспект). *Юридический мир*. 2013. № 7. С. 14–18.
Тематика: юридические науки.
- 5. Филиппов В. А. Проблема разграничения текста и реальности в контексте культуры XX века. Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 175–178.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Филиппов В. А. Культура как средоточие смыслов XX века. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 1. С. 45–49; Филиппов В. А. Текст и реальность как грани культуры XX века. *Аналитика культурологии*. 2012. № 22. С. 110–114.
Тематика: философские науки.
- 6. Филиппов В. А. Творческое мышление в системе координат смыслообразования картины мира. Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 257–260.**
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Филиппов В. А. Мистификация и поэтическое мышление как способы смыслообразования в картине мира. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 2 (46). С. 12–17.
Тематика: философские науки.

Подписано к печати 21.03.2022.

Дата выхода в свет 08.04.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 18,13. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.